

Письма о Грузии

Л. С. Исарлова

Издание 3. Чичинадзе

Тифлисъ, 1899.

Типографія М. Шарадзе и К°, Николаевская ул., д. № 21.

Лука Степановичъ Исарловъ (1814—1893).

Исарловы происходятъ изъ древней дворянской фамили Хурсидзе; эта фамилія упоминается въ грузинскихъ памятникахъ X— XI вѣка.

Лука Степановичъ Исарловъ родился въ 1814 г. 23-го ноября; образованіе получилъ въ бывшемъ Тифлисскомъ Благородномъ Училищѣ (нынѣ Тифлисская классическая гимназія); курсъ ученія онъ кончилъ въ 1833 году и тогда же былъ опредѣленъ въ томъ же учебномъ заведеніи на должность учителя. Въ 1838 г., по его же желанію, онъ былъ переведенъ на должность смотрителя кутаисскаго городского училища. Въ 1843 г. опредѣленъ чиновникомъ въ Грузино-Имеретинское губернское правленіе въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Въ 1845 г. онъ былъ опредѣленъ на должность помощника тифлисскаго уѣзднаго начальника. Въ 1848 году былъ зачисленъ въ комиссію для разбора дѣлъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, за что онъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго ассесора и получилъ Анну 3 степени. Въ 1849 г. назначенъ былъ судьей въ Тифлисскомъ уѣздномъ судѣ. Въ 1851 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Въ 1854 г. онъ былъ назначенъ чиновникомъ для

II

разбора дѣлъ Орбеліановскихъ имѣній и въ этомъ же году былъ опредѣленъ на должность Горійскаго уѣзднаго начальника; въ Этомъ же году онъ получилъ благодарность отъ главноначальствующаго отрядомъ за исправное доставленіе обывательскихъ аробъ и оказаніе содѣйствій воинскимъ чинамъ. Въ 1856 г. онъ состоялъ на службѣ при Тифлисскомъ губернскомъ

правленіи въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Въ 1857 г. онъ былъ переведенъ на службу въ Кутаисское губернское правленіе; въ этомъ же году онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, организованной для разбора спора, возникшаго между Амаглебскими и Багдадскими крестьянами. Въ 1858 г. былъ назначенъ ревизоромъ архива Ахалцихскаго уѣзднаго управленія. Въ 1859 г. состоялъ членомъ комиссіи, которой слѣдовало привести въ извѣстность убытки крестьянъ Кутаисской губерніи, понесенные имъ во время военныхъ дѣйствій; въ этомъ же году онъ былъ переведенъ на службу въ Тифлисскую Судебную Палату. Въ 1862 г. онъ былъ переведенъ на службу въ Кутаисскую губернію. Въ 1863 г. онъ былъ назначенъ въ комисею по освобожденнію крестьянъ отъ Крѣпостной зависимости. Въ 1866 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ Кутайскаго губернскаго правленія. Въ 1869 г. онъ оставилъ службу по болѣзни. Въ 1882 г. онъ былъ назначенъ цензоромъ грузинскаго языка, при Главномъ Управленіи Кавказскаго Цензурнаго Комитета. Въ 1889 г. онъ оставилъ эту должность съ полученіемъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Скончался въ 1893 году 11-го сентября.

Литературную дѣятельность свою онъ началъ съ

III

1840 года; былъ сотрудникомъ сначала бывшаго грузинскаго журнала „Цискари“; затѣмъ онъ писалъ и по-русски въ столичныхъ и мѣстныхъ газетахъ, историческія и этнографическія статьи о Грузіи. Въ посмертныхъ запискахъ его осталось много рукописей, изъ коихъ нѣкоторая часть печатается въ настоящемъ изданіи.

О г л а в л е н і е.

	Стр.
Християновія древности въ турецкой Грузіи	1
Взятіе Эрзерума русскими	14
Оеодосія	45
Изъ путевыхъ записокъ	55
Изъ воспоминаній	65
Въ вагонъ по желѣзной дорогѣ	70
Краткій очеркъ о ходѣ народнаго просвѣщенія	74
По пути на Ахталы	87
Воспоминанія старожила	103
Изъ прошлаго (разказы старожила)	119
„Узури“, вопросъ изъ мѣстнаго обычнаго права	127
Губернаторъ грузино-имеретинской губерніи ге- нераль Сотниковъ	132
Изъ жизни главноуправлявшихъ въ Грузіи	137
Вопросъ о нашей границѣ съ Турціею со оторо- ны Гуріи	140
Эпизоды изъ жизни бывшихъ главноуправляю- щихъ Грузіею	157
Взятіе Ахалциха русскими	220
Турецкая Грузія	241
Краткій историческі очеркъ Грузіи съ 1801 по 1831 годъ	297
Евреи въ Грузіи и Имеретіи	324
Крѣпостное состояніе въ Имеретіи и Гуріи	333
Грузіискіе католики, или католики въ Грїзїи и Имеретіи	337
Записка о возстановленіи Православія	377
Еще о мешехахъ, тувалахъ и тогормахъ	385
Замѣтки объ Абхазіи	388
Сванетія	401

Христіанскія древности в турецкой Грузіи.

Собственно Грузія или Амери (საქართველო) еще въ глубокой древности была раздѣлена на Верхнюю, Среднюю и Нижнюю. Пространство, заключающее въ себѣ всѣ земли верховьевъ Куры въ Ардаганѣ Карскаго пашалыка, съ востока до впаденія рѣки Чорохи, на западѣ до Трапизонда и Арзрумскихъ горъ, составляло территорію Верхней Грузіи или Земо-Картли (ზემო ქართლი). У грековъ и у римлянъ она была извѣстна подѣ названіемъ Мосхи или Месхіи. Она упоминается у Геродота и Страбона и у другихъ писателей древности. Еще до римлянъ, у Ксенофонта, въ описаніи знаменитаго отступленія десяти тысячъ грековъ встрѣчается имя страны Мосховъ, чрезъ которую онъ проходилъ съ греческимъ войскомъ, направляясь къ сѣверу изъ Малой Азіи. Грузины называли ее въ старину по мѣстному названію Самцхе (სამცხე) и Месхети, Месхи; а позднѣе, во время раздѣленія царства, Самцхе—Саатабаго. У арабовъ-же она была извѣстна подѣ именемъ Самджисъ—это искаженное Самцхе. Названіе Мосховъ встрѣчается и въ Библии, у Іезекіи X—XXVII, 13. Названіе это историки первыхъ вѣковъ христанства придавали грузинамъ или жителямъ Месхіи. По географическому описанію грузинскаго историка, царевича Вахушта, границы

— 2 —

Месхи или Месхети: съ востока и сѣвера Карсъ, Боржомское ущелье, Лихетскія горы, съ запада Аджарскія горы, Черное море, а съ юга Арзрумскія горы или Картлисъ-кели ქართველთა ყელო; по-грузински—грузинскія ворота, проходъ, ущелье. Оно у турокъ и теперь называется подѣ этимъ именемъ: гурджи богазъ—по-турецки означаетъ грузинскій проходъ. Гур-

джи значить грузинъ, богазь—горло, а по-грузински кели также означаетъ горло უღლი. Какъ Вахушти, такъ и другіе различнымъ образомъ объясняли названіе Самцхе и Месхи, производя его то отъ Мцхетоса, то отъ библейскаго Мосоха, внука Ноева (Быт. IX. 2), но все разрѣшается просто грузинскими словами სამი ციხე сами цихе—три замка, три крѣпости; въ сокращенномъ видѣ სამციხე Самцхе. подъ именемъ котораго и называлась вся эта мѣстность. Нынѣшній Ахалцыхъ, ახალი ციხე—новая крѣпость, построенный грузинскою царицею Тамарою, и давшій названіе всей Ахалцыхской области, назывался прежде по случаю мѣстопробыванія тамъ въ укрѣпленіи центральной власти— Самцхе отъ упомянутыхъ словъ სამი ციხე сами цихе, т. е. три крѣпости. остатки которыхъ и теперь видны на трехъ горныхъ скалистыхъ пикахъ стараго города Ахалцыха, надъ рѣкою Поцховкою, соединяясь между собою съ нынѣшнею крѣпостью, начиная съ Ивлиты— маленькаго предмѣстія прежняго города временъ турецкаго владычества.

Месхи—Месхети происходитъ отъ искаженнаго слова Самцхе, Самцхети. Подобныя искаженія въ устахъ народа съ древнѣйшихъ временъ—не новость. На высотахъ Сагурамо, недалеко отъ Тифлиса, близъ Зедадзенскаго монастыря есть равнина, которая назы-

— 3 —

вается и теперь შეკელი, შეკელა (Шекела). Это сокращенное соединеніе двухъ грузинскихъ словъ შემკული ველი (шемкули вели), т. е. цвѣтущая долина. Дигомъ, деревня подъ Тифлисомъ, это сокращенныя слова დიდი მღვდმი (Диди Мгвиме), большое ущелье, большая пустыня. Въ Борчалѣ, въ Тифлискомъ уѣздѣ, деревня называется хахладжаръ. Это сокращенное и искаженное—хахуліасъ джвари (ხახულიას ჯვარი)—хахуліа

крестъ, и такъ далѣе.

До мусульманскаго владычества Самцхе управляли наслѣдственные владѣтели, поставленные грузинскими царями. Эти владѣтели носили по-арабски титуль Атабекъ, что означаетъ буквально—отець-князь, отець-бояринъ. Это названіе или титуль въ послѣдствіи давали турецкіе султаны своимъ дядькамъ подь именемъ ляля-паша. При грузинскомъ царѣ Александрѣ, послѣ несчастнаго раздѣла—Грузіи, она ослабѣла и вмѣстѣ съ нею ослабѣли и Имеретія, и Самцхе, и потому всѣ эти царства начали испытывать нападенія и нашествія со стороны персіянъ и турокъ, которые оспаривали другъ у друга владычество надъ всею Грузіею. Религіозная война между ними довершала несчастіе грузинскаго царства. Теятромъ ожесточенныхъ кровопролитныхъ войнъ между персами и турками сдѣлалось Самцхе, которое, по имени владѣтелей Атабековъ, называлось уже въ тѣ времена Саатабеко. Атабекъ Кваркваре и братъ его Манучаръ обратились къ покровительству турокъ, которые овладѣли всею областью Ахалцыха, т. е. Саатабеко, оставивъ Манучара правителемъ страны подь именемъ уже паша; но при сынѣ Манучара, также Манучарѣ, прекратилась линія Атабековъ. Турки въ

— 4 —

1525 г. обратили всю страну въ пашалыкъ, назначивъ туда первымъ пашею уже турка Гассанъ-пашу, который по имени монастыря Сапара и называлъ себя также Сафаръ-пашею. Потомки его управляли страню наслѣдственно до 1716 года, когда умеръ послѣдній изъ нихъ, Асланъ-паша; владычество турокъ продолжалось до 1828 года; тогда нынѣшній Ахалцыхскій уѣздъ, т. е. часть древней Верхней Грузіи или Самцхе, завоеванный отъ Турціи во время войны съ нею

въ 1828 и 1829 годахъ, оставленъ за нами по Адрианопольскому миру 2 сентября 1829 года. Этотъ уѣздъ составляетъ только часть прежняго пашалыка, который находимъ подъ управленіемъ паши па правахъ сераскира (генераль-губернатора). Во время турецкаго владычества пашалыкъ заключалъ въ себѣ 24 санджаха или округа, изъ коихъ только девять находятся въ нынѣшнемъ нашемъ уѣздѣ, именно: Абастуманъ, Кобліанъ, Ацхуръ, Аспаджа, Хертвиси, Ахалкалаки, Ніава, Чабарети, Чачарети, а за тѣмъ санджахи: Ма-чახели, Шавшети, Артвини, Ливана, Арданучи, Артаани (откуда беретъ начало Кура), Олти, Панаги, Голла, Чилдири, Сатлела, Поцхови, Аджара Большая, Аджара Малая и Нормани остались въ Турціи понынѣ. Пашалыкъ этотъ составлялъ нѣкогда цвѣтущее населеніе древней Верхней Грузіи, принявшей христанство еще во время апостола Андрея Первозваннаго. Въ ту эпоху, когда турки завладѣли этою страной и обратили ее въ пашалыкъ, жители ея исповѣдывали христанство и господствующею религіею было православіе. Населеніе долго боролось съ мусульманствомъ защищая и отстаивая, какъ страну свою, такъ и христанскую заповѣдь своихъ отцевъ, Религиозность жи-

— 5 —

телей подтверждается множествомъ церквей и монастырей, сохранившихся до сихъ поръ какъ въ турецкой Грузіи, такъ и въ нашемъ уѣздѣ, изъ коихъ нѣкоторые остались въ цѣлости и свидѣтельствуютъ о набожности населенія. Политика мусульманскихъ завоевателей въ завоеванныхъ ими странахъ и къ покоренному ими народу состояла всегда въ томъ, что, утвердившись въ странѣ, они огнемъ и мечемъ обращали жителей въ исламизмъ. Это самое турки повторили и въ Саатабеко. Но, не взирая на жестокія гоне-

нія, тамошніе грузины-христіане до позднѣйшихъ времени боролись съ турками. Хотя многіе изъ нихъ уступили насилію, но по сію пору сохранили языкъ, обычаи и домашній бытъ грузинскіе. Говорять, что турки насильственно обратили въ магометанскую религію жителей горныхъ деревень въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ: Хизабавра, Сарокотеліо и проч., изгнали оттоль или перебили всѣхъ тамошнихъ священниковъ, а самыя церкви обратили въ мечети, наставъ туда муллоу, которые усердно совершали тамъ мусульманскія молитвы. Это было еще во время перваго мусульманскаго паши Гассанъ-паши. Жители долго оплакивали это несчастіе; но наконецъ нѣкоторые посмѣлѣе изъ нихъ явились въ Ахалцыхъ къ пашѣ, въ качествѣ депутатовъ или посланныхъ отъ жителей; это баліозъ, по турецки—посланный, который по правиламъ ученія Корана пользуется неприкосновенностью и покровительствомъ и въ мусульманскихъ странахъ, пока эти баліозы въ этомъ званіи. Паша сидѣлъ въ крѣпости Ахалцыхской. Его окружали ученые ефендіи, кази, муллы, аги, беки. Посланные представились къ нему съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, поднесли подарки по

— 6 —

обычаю страны и затѣмъ объяснили причину ихъ присылки жителями къ пашѣ. „Жители наши поручили намъ спросить; для того, чтобы вывести ихъ изъ сомнѣнія—сказали они,— велить-ли Богъ и священная книга насильно заставлятъ молиться; или это предоставлено добровольному желанію человѣка прославлятъ Бога Создателя отъ чистаго сердца?“— Начались переговоры между пашею и окружавшими его учеными ефендіями, казіями и муллами на счетъ точнаго смысла ученія священной книги— Корана. Паша ждалъ ихъ отвѣта. Наконецъ послѣ глубокихъ размышленій и со-

ображеній они отвѣтили: «Ля иль алла ва Маамадъ ресуль алла!“ („Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его!“) Само собою разумѣется, что Богу пріятны добровольныя молитвы безъ понужденія, отъ чистаго: своего сердца!“ ..„Въ такомъ случаѣ всѣ жители нашихъ деревень желаютъ молиться по прежней своей религіи, которую исповѣдывали мы и наши отцы и дѣды“,— сказали посланные.— По возвращеніи ихъ домой въ деревни, все происходившее у паши, сдѣлалось извѣстнымъ у жителей. Они прогнали муллоу и открыли церкви для Богослуженія христіанскаго. Не смотря на жестокости преслѣдованія турокъ, жители тѣхъ деревень съ мечомъ въ рукахъ поддерживали своихъ священниковъ и неприкосновенность церквей. Они до сихъ поръ исповѣдываютъ христіанство.

Во всей почти турецкой Грузіи по сіе время исламизмъ не могъ вытѣснить отъ тамошнихъ жителей грузинъ-магометанъ глубоко вкоренившихся въ родинѣ христіанскихъ, преданій старины и благоговѣйнаго уваженія къ древнимъ церквамъ и монастырямъ. Это переходитъ изъ рода въ родъ, не смотря на то,

— 7 —

что они исповѣдуютъ мусульманскую религію. Есть деревни, какъ въ нашей части пашалыка, такъ и турецкой, куда не проникъ еще языкъ турецкій, и жители тамъ, какъ, на примѣръ, въ деревнѣ Зегани, понынѣ говорятъ и пишутъ по-грузински. Въ турецкихъ санджахахъ: Шавшети, Мачахели, Артанучи, Артвини, Цаначи, Аджара и другихъ домашній бытъ, языкъ и обычаи совершенно грузинскіе. Переписка Аджарскихъ санджахъ-бековъ Химшіашвили—(родственниковъ грузинскихъ князей Химшіевыхъ), производилась по-грузински, по незнанію ими турецкихъ письменъ.

Во многихъ мѣстахъ Ахалцыхскаго уѣзда, равно

и въ турецкомъ пашалыкѣ сохранились церкви и монастыри, къ которымъ коренные жители—грузины, но по религіи мусульмане, питаютъ по сію пору благоговѣяніе почти религіозное. Въ селеніи Свири, Ахалцыхскаго уѣзда, около 50 дымовъ мусульманской религіи, но говорятъ по-грузински и въ день Вознесенія всѣ они отправляются въ старую, сохранившуюся тамъ, церковь, приносятъ жертвоприношенія по грузинскому обычаю баранами и ставятъ свѣчки. Это такъ вкоренилось у нихъ, что, по ихъ убѣжденію, за неисполненіе этого обычая Богъ пошлетъ къ нимъ скотскій падежъ. Они на поминкахъ и на свадьбахъ употребляли вино открыто, не смотря на запрещеніе Корана, но иногда по временамъ пріѣзжіе изъ Турціи муллы, проповѣдуя тайкомъ ислаимзмъ, воспрещали имъ употребленіе вина, какъ нарушеніе святости мусульманской религіи. Послѣ подъема изъ селенія Хертвиси на значительную высоту открывается обширная равнина къ Ахалкалакамъ до Тріалетскихъ горъ, на которой расположено очень много христіанскихъ деревень. На высотѣ

— 8 —

надъ Хертвисами въ селеніи Кварши существуетъ и теперь сохранившаяся въ цѣлости церковь, надъ дверями которой на камнѣ высѣчены грузинская буквы:

ჴ უ ზ ვ ზ ზ ე
 უ თ ჩ რ ღ თ ე

Въ селеніи Толоши, около Хертвиса, жители всѣ православные; тамъ есть старая церковь во имя Св. Оеодора, а въ пустошахъ Мрахвали и Олода сохранились до сихъ поръ церкви въ цѣлости.—2 января 1857 года старшина селенія Колда, Луарсабъ Мишиладзе, жаловался Кутаисскому губернатору, что арзрумскій переселенецъ и Сулейманъ-Ага-Бекъ завладѣли ихъ садами въ пустоши Піа, гдѣ были еще во

времена турецкаго владычества двѣ церкви, хорошо сохранившіяся, Св. Георгія и св. Θεодора, въ которыхъ они, какъ православные грузины, молились и праздновали ежегодно дни этихъ святыхъ угодниковъ и что арзрумскій переселенецъ и Сулейманъ-Бекъ не позволяютъ больше тамъ молиться, сломали мѣстами стѣны обѣихъ церквей, выломали двери, приказали куртинамъ поставить тамъ на зиму барановъ и наполнить ихъ саманомъ. Въ селеніи Двири, въ томъ-же уѣздѣ, въ старую церковь приводятъ со всѣхъ почти концовъ уѣзда родильницъ, у коихъ грудь начинаетъ болѣть или пропадаетъ молоко. Хотя онѣ магометанки, но вѣра ихъ такъ сильна, что, по ихъ убѣжденіямъ, онѣ получаютъ исцѣленіе. Онѣ, равно и мужья ихъ, ставятъ тамъ свѣчи и молятся по прежнему христіанскому преданію—разумѣется, наружными знаками.—Въ селеніи Сакунети, между Ацхурами и Ахалцыхомъ, жители всѣ мусульмане, но говорятъ по-грузински и чрезвычайно почитаютъ находящуюся тамъ церковь

св. Богородицы, которая сохранилась тамъ почти въ цѣлости съ готическимъ куполомъ. Внутри этой церкви, по какимъ-то явленіямъ, дѣйствительно видно въ полночь освѣщеніе неизвѣстно отъ чего; жители приписываютъ это явленіе святости и чудотворству церкви.— Питая къ ней глубокое благоговѣніе, они, а равно и другіе съ окрестныхъ деревень, всѣхъ своихъ больныхъ привозятъ туда въ церковь и молятся, вполне надѣясь на скорую помощь.

Большія церкви сохранились почти въ цѣлости, Зарзма, Чула, Анти-кала или Окросъ цихе (ᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ—золотой замокъ) находятся среди лѣсовъ—по близости восточнаго склона Аджарскихъ горъ въ Кобліанскомъ участкѣ, монастыри Сапара около самага Ахал-

цыха и Вардзія въ Ахалкалакскомъ участкѣ. Хонись монастыри, т. е. Хонскій монастырь, находится въ Турціи, на высотахъ юго-западнаго склона Аджарскихъ горъ, недалеко отъ юго-восточныхъ границъ Озургетскаго уѣзда, въ виду Кобулети и Батума. Къ этому монастырю всѣ мѣстные жители,—лазы, по языку грузины или гурійцы, а по религіи мусульмане, питають до сихъ поръ глубокое уваженіе. Они такъ боятся необходимости клясться тѣмъ монастыремъ и тамошнею церковью, что, если требуютъ отъ нихъ правды и истины—никогда не солгутъ. Въ противномъ случаѣ, клятва надъ Кораномъ не исторгаетъ отъ нихъ истины. Тамъ, около ста лѣтъ тому назадъ была архіерейская каеэдра и епископъ, который назывался Ханели (ხანელი).

Ко временамъ Баграта III и Баграта IV, которые строили въ Месхи или Самцхе, какъ въ своей вотчинѣ, церкви и крѣпости, относится постройка цер-

— 10 —

кви Эарзма, въ которой правитель или Эриставъ тогдашней Кальмахской области, подъ именемъ Сула, оставилъ на грузинскомъ языкѣ надпись о войнѣ царя Баграта IV противъ своего отложившагося другаго Эристава.

Сапарскій монастырь съ церковью Сапарской Божіей Матери лежитъ въ шести верстахъ на востокъ отъ Ахалцыха, на высотѣ, откуда церковь видна издали, напоминая, что тамъ обитель святой Дѣвы, покровительницы Самцхе, Саатабего. Сапари, (საფარი — сокращенное слово грузинское), საფარველი—Сапарвели საფარველი ღმრთის მშობელი Сапарвельская Богородица: значить покровительница-защитница. Церковь эта, судя по преданію, построена Атабекомъ Манучаромъ по плану Гелатской церкви около Кутаиса. Онъ возвелъ

ее вмѣсто разрушенной турками старой церкви, развалины которой видны и теперь. Въ Ацхурахъ была одна изъ лучшихъ церквей, которую турки разрушили въ послѣдствіи, чтобы легче было начать дѣло обращенія мѣстнаго населенія въ ислаимзмъ. Чудотворный образъ Ацхурской Божіей Матери (აწყვერის ღვთის მშობელი) извѣстенъ былъ всей Грузіи, Имеретіи, Абхазіи, Туда стекались христіане со всего почти Кавказа на богомолье. Но, по проискамъ персіянъ и турокъ, образъ этотъ былъ похищенъ отсюда и затѣмъ возвращенъ на мѣсто Атабекомъ Манучаромъ. Послѣ того вновь его похитили; но Атабекъ Кваркваре возвратилъ его: черезъ содѣйствіе имеретинскаго царя Георгія. Все это благоговѣйное уваженіе къ Ацхурской Богородицѣ не спасло святой иконы. Когда турки, послѣ смерти послѣдняго Манучара, Саатабега обратили въ пашалыкъ и назначили турка пашею, икона исчезла и за-

тѣмъ началось разрушеніе самой церкви, привлекавшей множество богомольцевъ. По свидѣтельству церковной исторіи, апостоль Андрей Первозванный и спутникъ его, апостоль Симонъ Кананитъ, проповѣдывали слово Божіе въ Самцхе, т. е. въ Верхней Грузіи, гдѣ тогдашніе грузины были обращены въ христіанство еще за три столѣтія прежде принятія православія въ самой внутренней Грузіи, при царѣ Мирианѣ, въ Мцхетѣ. Старый Ацхурскій храмъ, разрушенный непріателемъ Въ послѣдствіи, о которомъ сказано выше, обращенъ былъ въ церковь во времена апостола Андрея, и тотъ чудотворный образъ Божіей Матери, бывшій столько вѣковъ предметомъ религіознаго благоговѣнія и усердной заботливости всѣхъ христіанъ на Кавказѣ до позднѣйшихъ временъ, былъ оставленъ тамъ самимъ апостоломъ Андреемъ Ацхур-

скимъ христіанамъ предъ отъѣздомъ своимъ къ сѣверу въ Мингрелію и далѣе для дальнѣйшей проповѣди слова Божія, вмѣстѣ съ тѣмъ-же спутникомъ, апостоломъ Симономъ, который умеръ на дорогѣ и похороненъ въ Мингреліи. Въ послѣдствіи икону Ацхурской Богородицы, такъ благоговѣнно скрываемую христіанами во времена мусульманскаго преслѣдованія въ Саатабаго и Грузіи, доставили наконецъ въ Гелатскій монастырь около Кутаиса, гдѣ она хранится теперь. Приближаясь къ восточному склону Аджарскихъ горъ, есть пустоши деревень Малый-Занавъ, въ смежности съ пустошью Чула. Тамъ въ лѣсу сохранилась въ цѣлости великолѣпная церковь ჳუღობს სუღობო, Чульская церковь съ грузинскими надписями.

Сапара и Вардзія извѣстны во всей Грузіи. Вардзинкій монастырь возобновленъ по распоряженію.

— 12 —

бывшато Намѣстника Кавказскаго, покойнаго свѣтлѣйшаго князя Воронцова, и включаетъ въ себѣ, по преданіямъ, гробницу царицы Тамары. Въ Вардзію ежегодно 15 августа пріѣзжаютъ, какъ жители нашего уѣзда, такъ и изъ за-границы Турціи, т. е. изъ прежняго Ахалцыхскаго пашалыка и празднуютъ день Успенія Божіей Матери, также какъ на высотахъ селенія Норіо, около Тифлиса, въ древнемъ монастырѣ св. Антонія Марткобскаго, близъ селенія Марткоби.

Въ Турціи, въ селеніи Карись-джвари, კარის-ჯვარი, (по-грузински придворный крестъ), гдѣ жители говорятъ и по-турецки, и по-грузински, есть церковь съ грузинскими надписями, куда стекаются изъ другихъ деревень и даже изъ Константинополя богомольцы на поклоненіе святынѣ съ разными жертвоприношеніями по грузинскому обычаю. Есть у нихъ преданіе, что какой-то святой нарисовалъ три образа

Спасителя, изъ койхъ одинъ находится въ той церкви. Деревня Мамацминда (по-грузински отецъ святой) населена грузинами и въ ней говорятъ по-турецки. На полчаса ѣзды отъ большаго селенія Артвины въ Турціи, на равнинѣ, усѣянной развалинами есть сохранившаяся церковь, которую сами турки называютъ Хатиляръ, т. е. по-грузински, много образовъ; хати—образъ, икона. Жители тамъ говорятъ по-грузински.

Предъ разрывомъ съ Турціею во время послѣдней войны заграничные муллы въ качествѣ торговцевъ приѣзжали въ Ахалцыхскій уѣздъ и, разъѣзжая по деревнямъ, проповѣдывали тайкомъ мусульманамъ твердость въ исламизмѣ и вражду противъ Россіи, воспрещали говорить по-грузински и по-русски, а

— 13 —

объясняться непременно по-турецки. Между тѣмъ наши жители, даже во времена турецкаго владычества и послѣ того, при нашемъ правительствѣ, не очень старались казаться турками. Они большею частію говорили и говорятъ по-грузински, стараясь учиться говорить по-русски и принимать обычаи русскіе.

Грузія, передавъ, къ своему счастью, судьбу свою Россіи, составляетъ уже нераздѣльную часть Великой Имперіи. Исторія Грузіи, родной русскимъ по вѣрѣ, сливалась почти съ русскою съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Духовное родство ея съ Грузіею начинается уже съ первыхъ вѣковъ христанства. Апостоль Андрей Первозванный въ одно время просвѣтилъ святою истиною Слова Божія какъ древнюю Верхнюю Грузію, такъ и тогдашнюю Кіевскую Русь. По словамъ русскихъ лѣтописей, Великій Князь Изяславъ Метиславовичъ былъ женатъ на Княжнѣ Абхазской, т. е. Абхазской. Судя по времени этого бра-

ка—1154 года, она была сестра царя Георгія III, отца царицы Тамары. Тогда цари грузинскіе имѣли мѣстопробываніе и въ Абхазіи по родству и сношеніямъ съ Константинополемъ, назывались царями абхазовъ, (по-русски Абазія) имеровъ и грузинъ. Сама царица Тамара, царствованіе которой составляетъ самую цвѣтущую эпоху Грузіи, была женою сына Андрея Боголюбскаго, братъ котораго, Великій Князь Всеволодъ II княжилъ тогда въ Россіи.

Турки, завоевавъ Верхнюю Грузію, образовали изъ нея Ахалцыхскій пашалыкъ, водрузивъ тамъ знамя луны вмѣсто священнаго креста. Хотя часть этого пашалыка возвращена Россіи по Адрианопольскому миру, но Турція близъ нашихъ границъ продолжаетъ

— 14 —

владѣть значительною частью Верхней Грузіи съ ея древними христіанскими памятниками. Она составляетъ теперь часть Трапизондскаго пашалыка, которымъ управляетъ сераскиръ (генераль губернаторъ). Этотъ пашалыкъ дѣлится на нѣсколько уѣздовъ или каймакановъ. Изъ нихъ Лазистанскій уѣздъ, гдѣ говорятъ по-грузински, заключаетъ въ себѣ 11 округовъ, а именно: Батумъ, Чуруксу, Верхнюю Аджарію, Нижнюю Аджарію, Мачахели, Ливана, Гюніе, Хони, Архунъ, Атина, Хамашни; Гюмишханскій уѣздъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько округовъ прежней Грузіи на того-востокъ отъ Лазистана. Остальныя части ея прежнихъ санджаховъ находятся въ Карскомъ и Арзрумскомъ пашалыкахъ.

Въ этихъ странахъ характеръ общаго натурального движенія народной жизни все-таки обозначается стремленіемъ къ сохраненію языка и обычаевъ предковъ, оставаясь на перепутьи между христіанствомъ и исламизмомъ.

Взятіе Эрзерума русскими.

Эпизодъ изъ турецкой компаніи 1829 года.

Разгромивъ Карсъ, Ардаганъ, Ахалкалаки, Херт-вись и Ахалцыхъ съ быстротою орлинаго полета, какъ выразались въ 1828 году сами турки, главнокомандующій генераль-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій не упускалъ изъ виду кавказской линіи и Дагестана. Онъ сдѣлалъ о нихъ надлежащія распоряже-

— 15 —

нія среди военныхъ дѣйствій въ Турціи. Согласно съ тѣми наставленіями и руководствомъ, которыя были даны фельдмаршаломъ, генераль Емануель покорилъ Кубань и Карачи и разбилъ самое сильное племя натухайцевъ; генераль Краббе покорилъ Табасаранъ; Аварскій ханъ, самый значительный владѣтель въ Дагестанѣ, присягнулъ на подданство Россіи, а генераль Раевскій покорилъ джаро-белоканскихъ лезгинъ, которые съ покореніемъ Ахалцыха лишились уже пристанища, этого разбойничьяго вертепа во времена пашей, и не смѣли уже больше беспокоить Кахетію безпрерывными нападеніями.

Несматря на блистательныя побѣды, одержанныя русскими войсками, турецкая компанія не была, еще кончена и фельдмаршалъ готовился къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ противъ Турціи, составивъ исполинскій планъ, требовавшій, по своей невѣроятности и трудности, большихъ силъ, которыхъ, однако,

у Паскевича не было.

Съ наступленіемъ весны 1829 г. Паскевичъ сосредоточилъ войска около покореннаго въ предыдущемъ году города Карса, предположилъ перейти выскокія Согоанлугскія горы, взять Эрзерумъ—столицу Анатолиі, итти въ Трапезундъ и Самсунъ, завладѣть дорогою, ведущею изъ Константинополя въ Багдадъ и Діарбекиръ, прервать сообщеніе между ними и угрожать самому Константинополю.

Кавказскія войска, не получавшія подкрѣпленій съ начала еще персидской компаніи 1826—1827 гг., были истощены потерями во время этой компаніи и турецкой войны 1828 года, и въ особенности при взятіи Ахалцыха. Они были ослаблены еще болѣе гарни-

— 16 —

зонами, которые пришлось отдѣлять отъ нихъ и ставить въ завоеванныя въ прежнія компаніи крѣпости.

Но военный геній фельдмаршала Паскевича и въ трудностяхъ военныхъ операцій находилъ возможность къ ихъ исполненію.

Отрядъ генерала Панкратьева, изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, возвратившійся изъ Персіи, послѣ окончательной уплаты ею контрибуціи, увеличилъ боевыя силы фельдмаршала, такъ что онѣ дошли до 16,330 чел. пѣхоты и кавалеріи; но эта армія все-таки казалась недостаточною для предпринимаемой компаніи, Она требовала подкрѣпленія новыми силами; двадцать тысячъ рекрутъ ожидалось изъ Россіи, но ихъ пока не было, и по тогдашнимъ затруднительнымъ дорогамъ и отдаленности разстояніи невозможно было ждать ихъ прибытія раньше іюля, когда, по соображеніямъ фельдмаршала, онѣ думалъ кончить больше половины военныхъ дѣйствій. Къ тому-же, рекруты въ южномъ климатѣ въ іюль, во время жаровъ и лихорадокъ, еще

не обученные и не привыкшіе къ дѣламъ, могли скорѣе затруднить движеніе арміи, нежели оказать пользу.

Но фельдмаршала не останавливали такія препятствія. Дальновидность и гениальная изобрѣтательность его въ затруднительныхъ обстоятельствахъ внушила ему счастливую мысль привлечь къ себѣ воинственное горское племя курдовъ, живущихъ на границѣ Персіи и Турціи, и увеличить ими свою кавалерію и, сверхъ того, образовать конную милицію изъ мусульманъ нашихъ закавказскихъ мусульманскихъ провинцій, наравнѣ съ грузинскими дружинами, которыя находились въ арміи.

— 17 —

Успѣхъ этого плана, казавшагося сначала въ глазахъ нѣкоторыхъ генераловъ, окружавшихъ графа, Паскевича, неисполнимымъ или чрезвычайно затруднительнымъ, превзошелъ даже ожиданія. Слава русскаго главнокомандующаго Паскевича (сардаря),— слава, которая наполняла собою весь Кавказъ, всю Персію и Турцію до отдаленныхъ ихъ предѣловъ,— рисовала въ воображеніи восточныхъ народовъ воплощеніе великихъ завоевателей Востока: Искандера (Александра Македонскаго), Хосроя, Нушрвана и Тимура; они считали Паскевича, сардаря, выше тѣхъ завоевателей представляя его грознымъ и страшнымъ, которому, по сказаніямъ персіанъ, въ только-что оконченную персидскую кампанію св. Георгій прислалъ свою лошадь и отъ одного взгляда могучихъ глазъ котораго тухли фитили у пушекъ. При первомъ же извѣстіи, что такой великій сардаръ, какъ Паскевичъ, удостоиваетъ нашихъ закавказскихъ мусульманъ счастья стать въ ряды нашихъ войскъ, они наперерывъ стремились въ милицію, такъ-что въ короткое время образовалось нѣ-

сколько конныхъ мусульманскихъ полковъ, которые отправились въ дѣйствующую армію, гордясь тѣмъ, что они будутъ сражаться вмѣстѣ съ русскими подъ начальствомъ величайшаго сардаря русскаго. Этотъ примѣръ воодушевилъ также курдовъ, которые, получивъ разрѣшеніе отъ персидскаго правительства вступить въ русскую службу, образовали собою отдѣльную курдскую кавалерію подъ начальствомъ Сулейманъ-аги и Гусейнъ-аги. Имѣя большое на все курдское племя вліяніе, они удержали остальныхъ кочевавшихъ въ Мушскомъ, Баязетскомъ и Карсскомъ пашалыкахъ

— 18 —

курдовъ въ безучастномъ покоѣ во все время турецкой кампаніи.

Между тѣмъ, мушскій паша дѣлалъ распоряженія о сформированіи двѣнадцати тысячъ всадниковъ изъ курдовъ, которыхъ онъ, по приказанію султана, долженъ былъ послать къ эрзерумскому сераскирю. Но ловкая политика графа Паскевича и тутъ сумѣла восторжествовать надъ этимъ затруднительнымъ для нашей арміи положеніемъ. По предложенію фельдмаршала, находившіеся въ Тифлисѣ плѣнниками карсскій и баязетскій паши взялись охотно вести объ этомъ переговоры съ мушскимъ пашею, съ которыми они были въ дружескихъ отношеніяхъ. Этотъ, послѣ долгихъ колебаній и недоумѣній, склонился на сторону двухъ пашей, обѣщавшихъ ему большія милости отъ главнокомандующаго и увѣрившихъ его предпочесть личныя выгоды всѣмъ требованіямъ сераскиря. Мушскій паша, дѣйствительно, формально обязался оставаться въ бездѣйствіи, не посылать сераскирю никакой помощи, да, сверхъ того, послѣ взятія русскими Эрзерума, выставить имъ особый отрядъ конницы въ помощь *).

Обращеніе Паскевича съ мусульманами вообще до такой степени привязало ихъ къ нему, что четыре

---

*) Кингирилинцы, это особое курдистанское племя въ Нахичеванскомъ уѣздѣ недавно присоединенной тогда отъ Персіи Армянской области, не хотѣли отставать отъ другихъ закавказскихъ жителей. Они составили собою особую конную милицію подѣ начальствомъ своего аги и храбро дѣйствовали вездѣ вмѣстѣ съ нашими войсками

— 19 —

полка изъ нихъ оказали чудеса храбрости во всѣхъ послѣдовавшихъ сраженіяхъ противъ своихъ-же единовѣрцевъ. Эти-же мусульманскіе полки изъ кавказскихъ и закавказскихъ жителей впослѣдствіи находились въ Варшавѣ при фельдмаршалѣ, когда онъ былъ намѣстникомъ царства Польскаго, и составляли его конвой, а въ лагерѣ подѣ Калишемъ, въ присутствіи покойнаго Императора Николая Павловича, удивили всѣхъ бывшихъ тамъ европейцевъ мужествомъ, быстрою и ловкостью своихъ движеній, такъ-что тогдашнія европейскія газеты сообщали подробности о неизвѣстныхъ до того времени людяхъ съ Кавказа, верноподданныхъ Россіи, которые по одному лишь приказанію Государя, готовы были тотчасъ броситься въ огонь и воду противъ непріятели.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ главнокомандующему, приготовленія турокъ къ войнѣ принимали болѣе и болѣе грозные размѣры: шестьдесятъ тысячъ человекъ было уже собрано въ окрестностяхъ Эрзерума. Изъ нихъ двадцать тысячъ отправлены были въ Кариманъ, для присоединенія къ находящимся тамъ войскамъ Кучукъ-паши, которыя должны были итти на Ахалцихъ, завоеванный уже русскими въ 1828 году. Главная-же турецкая армія подѣ начальствомъ

Гахки-паши Сивасскаго собиралась въ Гассанъ-калеси для того, чтобы перейти Саганлугскія горы, отдѣляющія Карсскай пашалыкъ отъ Эрзерумской долины, взять отъ русскихъ назадъ Карсъ и чрезъ Гумры (Александрополь) вторгнуться въ наши предѣлы. Сераскирь Салехъ-паша заранѣе торжествовалъ успѣхи своего замысла и заранѣе посылалъ объявить жителямъ, что онъ идетъ избавить ихъ отъ невѣрныхъ, и

— 20 —

предлагалъ не покидать деревень при приближеніи его войска.

Поручивъ управленіе Грузіею и вообще Закавказскимъ краемъ бывшему тогда тифлисскому военному губернатору генералу Стрекалову, а охраненіе Дагестана и персидскихъ границъ—генералу князю Эристову, фельдмаршалъ, оставивъ Тифлисъ 19-го мая, пріѣхалъ въ свою главную квартиру неподалеку отъ завоеваннаго въ 1828 году Ахалкалаки и тотчасъ сдѣлалъ надлежащія распоряженія. Въ это время укрѣпленный лагерь кавказскаго корпуса былъ расположенъ на прежнемъ лагерномъ мѣстѣ, въ ожиданіи приказанія. 10-го іюня, въ 5 часовъ вечера, громкое и радостное „ура“ раздалось по всему лагерю и возвѣстило прибытіе главнокомандующаго. Обѣзжая линіи, фельдмаршалъ останавливался предъ каждымъ полкомъ, здоровался съ офицерами и солдатами, изъ коихъ многихъ зналъ лично по прежнимъ ихъ подвигамъ, и повдравлялъ съ походомъ. Радостное „ура“ и оживленныя мужествомъ лица всего войска были отвѣтомъ главнокомандующему. Турецкая армія сераскиря эрзерумскаго Селлахъ-паши изъ пятидесяти тысячъ челоѣкъ была расположена въ Гасанъ-Калеси, а передовыя его войска находились въ укрѣпленномъ лагерѣ на южномъ склонѣ Саганлугскихъ горъ, по направленію къ

Карсу; каія-же сераскиря (каія—помощникъ), имѣя пятнадцать тысячъ войска при двадцати орудяхъ, составлявшихъ лѣвое крыло турецкой арміи, расположился въ шестидесяти верстахъ отъ Ардагана и поджидая подкрпленія отряда Дузчи-оглы, маневрировалъ между отрядами генерала Муравьева (впослѣдствіи намѣстника кавказскаго, главнокомандующаго

— 21 —

кавказскою арміею и покорителя Карса въ восточно-крымскую войну) и генерала Панкратьева и дѣлалъ движеніе къ истокамъ Куры между Карсомъ и Ардаганомъ, предполагая пробраться въ Гумры (Александрополь), въ наши предѣлы. Главнокомандующій, угадавъ съ перваго же разу цѣль движенія непріятеля, выслалъ тотчасъ противъ него отрядъ, застрѣльщики котораго прогнали турецкихъ застрѣльщиковъ. Вслѣдствіе этого завязалось дѣло; турецкая кавалерія массою напала на нашихъ застрѣльщиковъ, которые, не выдержавъ натиска турокъ и не имѣя возможности тронуться далѣе, находились въ опасности: но быстрое появленіе одного казачьяго полка, который напалъ на турокъ и смѣшалъ ихъ, совершенно выручило нашихъ застрельщиковъ; подоспѣвшіе два баталіона бросились въ штыки на непріятеля, такъ что онъ началъ подаваться назадъ. Пользуясь этимъ, мусульманскій нашъ полкъ бросился въ атаку, поражая турокъ на всѣхъ пунктахъ, и такимъ образомъ отступление турецкаго авангарда превратилось въ бѣгство; самъ каія, бросивъ пушки, бѣжалъ. За нимъ бѣжали и остальные турецкія войска, которыя были расположены тамъ-же на высотахъ. Весь турецкій лагерь, пять знаменъ, пушки, мортиры, большое количество боевыхъ и жизненныхъ припасовъ и множество верблюдовъ и лошадей досталось въ руки нашихъ войскъ.

Чтобъ отрѣзать дальнѣйшее отступленіе каіи по неровной мѣстности, Главнокомандующій послалъ генерала Сергѣева; этотъ какъ-разъ во-время пришелъ на дорогу и, перехвативъ ее, принудилъ каію съ бѣжавшимъ изъ Ардагана войскомъ искать спасенія въ горахъ, куда онъ кинулся отъ преслѣдованія, причемъ

— 22 —

маленькій отрядъ кавалеріи Сергѣева около Цирцкаба отбилъ у турокъ значительный транспортъ провіанта и военныхъ снарядовъ.

Опрокинувъ авангардъ турецкой арміи, фельдмаршалъ сосредоточилъ наши войска въ Котаплахъ и такимъ образомъ совершенно разстроилъ планъ турецкаго главнокомандующаго (сераскиря) Селехъ-паши напасть на Карсъ. Потерпѣвъ неудачу, онъ думалъ заманить графа Паскевича въ ущелья Саганлугскихъ горъ и тамъ уничтожить войска наши, и въ этихъ видахъ сераскирь Селехъ-паша двинулся съ тридцати тысячнымъ корпусомъ въ Гассанъ-Калеси, чтобы занять Цевинскую дорогу, а Гахки-пашу съ сильнымъ отрядомъ послалъ на Меджигерскую дорогу; а этотъ то паша, дѣйствительно, пользовавшійся въ турецкой арміи славою искуснаго тактика и знатока военного дѣла, расположилъ войска свои лагеремъ на крѣпкой: позиціи на возвышенной равнинѣ вдоль ущелій Милли-Дюза, который командовалъ всѣми окрестностями въ десяти верстахъ отъ Меджигерской крѣпости. Эта позиція была очень крѣпка. Фельдмаршалъ три дня сряду въ 8 часа пополудни самъ подымался на самый верхъ высокой горы, которая отдѣляла наше войско отъ турокъ двумя глубокими оврагами и съ которой виденъ былъ ихъ лагерь на разстояніи 4-хъ верстъ по прямой линіи. Турки, замѣтивъ неожиданное появленіе съ той стороны русскихъ, на вершинѣ, почти

недоступной, перепугались, высыпали изъ палатокъ и устроились въ боевой порядокъ; лучшіе изъ нихъ наѣзники прискакали даже на гору, разѣзжая и стрѣляя противъ фельдмаршала. Онъ, наконецъ, убѣдился, что съ той стороны нельзя было думать атако-

— 23 —

вать пашу, но затруднительность перейти черезъ горы и атаковать пашу болѣе и болѣе воспаменяла графа, Паскевича; надо было атаковать пашу съ тыла и для этого приходилось въ однѣ сутки перейти горы въ 50 верстѣ безъ отдыха, напасть и разбить пашу непремѣнно; въ противномъ случаѣ главнокомандующій поставилъ бы себя между двумя сильными арміями турокъ и укрѣпленными лагерями Гахки-паши и сераскиря, котораго ждалъ уже паша изъ Эрзерума.

Узвнавъ, что Цевинская дорога не была пока занята сераскиремъ, который уже выступилъ изъ Эрзерума, спѣшилъ соединиться съ пашею и не имѣлъ возможности, въ виду непріятели, перейти такъ скоро горы съ той стороны, гдѣ предполагалъ прежде, графъ Паскевичъ, чтобы воспрепятствовать соединенію сераскиря съ Гахки-пашею, составилъ вдругъ геніальный планъ и, скрывая свое истинное намѣреніе, приказалъ кавалерійскимъ отрядамъ безпокойть непріятельскій лагерь. Казаки два дня сряду безпрестанно нападали врасплохъ на разныхъ пунктахъ на турецкіе пикеты и прогоняли турокъ даже до самаго ихъ лагеря, наводя на нихъ страхъ внезапными появленіями, Гахки-паша убѣдился, что онъ долженъ ожидать скорого, внезапнаго нападенія русскихъ на его укрѣпленный лагерь, и потому быстро сосредоточилъ тамъ всѣ свои силы, оставивъ безъ вниманія Цевинскую дорогу, которую онъ долженъ былъ охранять, въ ожиданіи сераскиря изъ Эрзерума. Поиски, произведенные

ночью на той дорогѣ, удостовѣрили фельдмаршала, что на ней нѣтъ ни одного турка. Поэтому, чтобы исполнить свое намѣреніе, которое онъ маскировалъ, графъ Паскевичъ приказалъ атаковать ночью непріятельскій лагерь. Занявъ такимъ образомъ вниманіе Гахки-паши, фельдмаршалъ еще съ вечера отправилъ по горной дорогѣ, по опушкѣ лѣса, авангардъ, который перещелъ черезъ главную высоту ночью; войска наши пошли вслѣдъ за авангардомъ, и армія въ восемь часовъ утра уже расположилась на высокихъ Саган-лугскихъ горахъ. Затѣмъ она пошла колоннами на правый флангъ Гахки-паши, по лощинѣ пересохшаго русла рѣки Инджи-су, который отстоялъ отъ его лагеря всего на восемь верстъ, отдѣляясь отъ него скалами и оврагами, представлявшими собою, по понятіямъ турокъ, чрезвычайное затрудненіе нашему войску и даже невозможность туда проникнуть. Главнокомандующій приказалъ казакамъ занять близлежашія высоты; ихъ появленіе убѣдило Гахки-пашу, что онъ долженъ готовиться къ бою и принять нападеніе русскихъ. Турки думали, однако, что казаки могли быть тѣ-же, которые наканунѣ открыли ночное нападеніе на другомъ пунктѣ, и не вѣрили, что ихъ лагерь обойденъ русскими. Масса турокъ напала на наши аванпосты, но была отбита и отступила назадъ въ лагерь. Самъ Гахки-паша былъ въ числѣ ихъ, чтобы лично убѣдиться въ присутствіи русской арміи съ той стороны, откуда не думали ее видѣть.

— 24 —

тельскій лагерь. Занявъ такимъ образомъ вниманіе Гахки-паши, фельдмаршалъ еще съ вечера отправилъ по горной дорогѣ, по опушкѣ лѣса, авангардъ, который перещелъ черезъ главную высоту ночью; войска наши пошли вслѣдъ за авангардомъ, и армія въ восемь часовъ утра уже расположилась на высокихъ Саган-лугскихъ горахъ. Затѣмъ она пошла колоннами на правый флангъ Гахки-паши, по лощинѣ пересохшаго русла рѣки Инджи-су, который отстоялъ отъ его лагеря всего на восемь верстъ, отдѣляясь отъ него скалами и оврагами, представлявшими собою, по понятіямъ турокъ, чрезвычайное затрудненіе нашему войску и даже невозможность туда проникнуть. Главнокомандующій приказалъ казакамъ занять близлежашія высоты; ихъ появленіе убѣдило Гахки-пашу, что онъ долженъ готовиться къ бою и принять нападеніе русскихъ. Турки думали, однако, что казаки могли быть тѣ-же, которые наканунѣ открыли ночное нападеніе на другомъ пунктѣ, и не вѣрили, что ихъ лагерь обойденъ русскими. Масса турокъ напала на наши аванпосты, но была отбита и отступила назадъ въ лагерь. Самъ Гахки-паша былъ въ числѣ ихъ, чтобы лично убѣдиться въ присутствіи русской арміи съ той стороны, откуда не думали ее видѣть.

Овладевъ кряпкою позиціею, командующею мѣдживгерскою дорогою, графъ Паскевичъ дѣлалъ приготовленія къ нападенію на Гахки-пашу, который, ожидая этого нападенія, самъ укрѣплялъ свой лагерь. Костры, которые зажигали наши войска по ночамъ,

освѣщали самый непріятельскій лагерь, и поражали турокъ небывалымъ у нихъ зрѣлищемъ, поддерживая въ нихъ убѣжденіе въ присутствіи всей русской арміи.

— 25 —

Между тѣмъ главнокомандующій, поддерживая въ Гахки-пашѣ эту увѣренность и замѣтивъ, что турки стояли на этомъ-же мѣстѣ лагеремъ и приготовлялись къ защитѣ, очень обрадовался, искусно обошелъ ихъ лагерь и быстро пошелъ на самага сераскира Селахъ-пашу, который шелъ на помощь изъ Эрзерума къ Гахки-пашѣ, стремительно напалъ и разбилъ Селахъ-пашу подъ Каинлы и, разсѣявъ совершенно его войска, повернулъ назадъ по девинской дорогѣ и занялъ цевинскую крѣпость; немедленно затѣмъ всѣ свои силы обратилъ уже на Гахки-пашу, который все ждалъ нападенія русскихъ, не зная о несчастномъ пораженіи самага сераскира.

Быстрое и дѣйствительное нападеніе на турецкій лагерь открыло, наконецъ, туркамъ печальную для нихъ истину, что они не могли уже ждать никакой помощи, но за то они дрались отчаянно: самъ Гахки-паша бросался то въ одну, то въ другую сторону сражавшіяхся турокъ, но это не спасло ихъ: миллидюзскій лагерь былъ уничтоженъ русскими храбрцами, самага Гахки пашу взяли въ плѣнъ со всѣми оставшимися турками. Всѣ орудія и запасы достались побѣдителямъ. Когда полковникъ Верзилинъ, взявшій пашу въ плѣнъ, предложилъ ему отдать саблю, паша отказался, сказавъ, что онъ, какъ главнокомандующій войсками, отдастъ ее только русскому сардарю. Когда его предетавили фельдмаршалу, Гахки-паша, отдавая свою саблю лично ему, сказалъ: „Сардаръ! Судьба непостоянна— за нѣсколько часовъ я командовалъ войсками, а теперь я твой плѣнникъ, и ты вла-

стенъ дѣлать со мною, что хочешь. Но имя твое окружено громкою славою, у насъ чрезвычайно ува-

— 26 —

жаютъ твои выскія достоинства, потому что, говорятъ, ты умѣешь побѣждать и прощать побѣжденныхъ. Поручаю себя и свою судьбу, сардаръ, твоему великодушію и милости вашего великаго Падишаха!“

Фельдмаршалъ взялъ за руки этого старца-пашу, обласкалъ, и увѣрилъ въ благоволеніи къ нему его и милости Государя Императора и все время оказывалъ ему большое уваженіе. Старикъ Гахки-паша,, обрадованный ласковымъ обращенемъ графа Паскевича, ожилъ отъ поравившаго его несчастія и рассказывалъ впослѣдствіи, что „сераскиръ обманулъ меня, обѣщавъ соединиться со мною двумя днями раньше, но если-бы онъ исполнилъ обѣщаніе и не медлилъ, то ни сераскиръ, ни турецкая армія и ни самъ я не потерпѣли бы такого пораженія“. Паша спокойно курилъ табакъ въ палаткѣ съ обычною важностью; но это спокойствіе не соотвѣтствовало той мрачности его лица и вздохамъ, которые иногда вырывались изъ его груди и которые выражали нѣмое страданіе растерзаннаго самолюбія, въ особенности его, Гахки-паша, который славился въ Турціи своими военными познаніями и достоинствами и который, поэтому, какъ надежда и оплотъ сераскира и жителей Эрзерума противъ русскихъ, поставленъ былъ у Саганлухскихъ горъ, на самой крѣпкой позиціи. Онъ никакъ не могъ простить себѣ, что обманулъ передвиженіями русскихъ войскъ и былъ, наконецъ, разбитъ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе смѣлыхъ, но глубоко обдуманыхъ соображеній графа Паскевича, русскія войска въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безъ выстрѣла перешли черезъ Саганлухскія горы и въ два

дня, 19-го и 20-го іюня 1829 года, сдѣлали семьде-

— 27 —

сятъ верстѣ, совершенно разбили двѣ турецкія арміи, овладѣли двумя укрѣпленными лагерями, взяли въ плѣнъ турецкаго главнокомандующаго и двухъ пашей, захватили двадцать восемь пушекъ, двадцать знаменъ, три тысячи плѣнныхъ, всѣ запасы турокъ, какъ боевые, такъ и жизненные, множество палатокъ и багажа разнаго рода, и все это совершилось русскими войсками кавказскаго корпуса съ быстротою молніи, съ потерей только ста человекъ.

Приказавъ занять Миллидюзскій лѣсъ, гдѣ былъ раньше лагерь турокъ, и меджигерскую дорогу, а тяжести отправить по цивинской дорогѣ, главнокомандующій велѣлъ укрѣпиться на Исти-су, въ томъ самомъ мѣстѣ, которое занимали наши войска наканунѣ, и вѣстѣ съ тѣмъ послалъ отрядъ противъ крѣпости Гассанъ-Калесси, гдѣ разбитый предъ тѣмъ сераскиръ, собравъ кое-какъ разсѣянное свое войско и присоединивъ его къ резервамъ, составилъ около десяти тысячъ человекъ; но при одномъ появленіи русскихъ сераскиръ бросилъ крѣпость и поспѣшилъ бѣжать дальше со своими войсками, такъ что посланные за нимъ въ погоню два полка казаковъ, преслѣдуя его по дорогѣ, настигли турокъ ва двадцать пять верстѣ, отбили у нихъ двѣ тысячи головъ скота и пятьсотъ христіанскихъ семействъ, которыхъ турки гнали съ собою насильно.

Крѣпость Гассанъ-Калесси одна изъ самыхъ древнихъ въ Арменіи, построенная еще римлянами, которая со времени завоеванія Арменіи турками никѣмъ не была покорена, досталась русскимъ безъ выстрѣла со всѣми боевыми припасами, значительнымъ количествомъ провіанта и тридцатью пушками. По-

строенная на скалистой горѣ, она командуеть всею долиною и служитъ ключемъ сообщенія Эрзерума съ Карсомъ и Баязетомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайною защитою для самаго Эрзерума съ восточной стороны.

Извѣстіе о занятіи Гассанъ-Калесси русскими, послѣднее и тревожное прибытіе бѣжавшихъ изъ войска сераскира и появленіе казаковъ въ виду Эрзерума произвели тамъ общее смятеніе и междоусобіе.

Одни изъ числа тамошнихъ жителей, испугавшись, не соглашались ни на какое сопротивленіе, совершенно, по ихъ словамъ, бесполезное; другіе, напротивъ, болѣе горячіе, хотѣли защищать свой городъ и свою религію до послѣдней крайности. Графъ Паскевичъ, узнавъ объ этихъ волненіяхъ жителей, послалъ къ нимъ въ городъ вечеромъ находившихся у насъ въ плѣну эрзерумскихъ-же жителей Мамышь-агу и Бакирь-агу, передать своимъ согражданамъ, чтобы они отвратили отъ Эрзерума гибель и разрушеніе, которыхъ жертвою стали Ахалцихъ. Эти посланники узнали отъ родныхъ и друзей своихъ, что простой народъ возбужденный сераскиромъ Селехъ-пашою, не соглашался покориться и грозилъ шумными криками биться, а потому, желая спасти городъ, пошли къ Бегляръ-беку Агаяпъ-агъ, губернатору города, уговорить его не увлекаться безуміемъ крикуновъ, Онъ горячо увѣрялъ, что одна покорность можетъ спасти городъ отъ разрушенія, созвалъ всѣхъ почетныхъ горожанъ, которымъ Мамышь-ага прочель принесенную имъ съ собою прокламацію русскаго сардаря, восхваляя храбрость русскаго войска и высокія достоинства ихъ сардаря Паскевича и ручаясь голо-

вою, что всѣ тѣ милости, которыя были означены въ прокламаціи, будутъ исполнены. Слова Мамышь-аги, возвратившагося изъ плѣна отъ русскихъ цѣлымъ, невредимымъ, произвели на всѣхъ тамъ находившихся желаемое дѣйствіе; они, въ надеждѣ отворотить страшную опасность, которая угрожала имъ и ихъ городу, единодушно согласились сдать городъ на капитуляцію. Но, для предупрежденія народнаго волненія, которое готовилось по проискамъ сераскира, и для успокоенія умовъ, рѣшено было распустить слухъ, что самъ сераскирь хочетъ оставить городъ и что онъ выведетъ оттуда войска подальше, какъ это онъ сдѣлалъ въ Гассанъ-Калесси.

Въ этомъ помогли Бегляръ-беку Агаянъ-агѣ сами Мамышь-ага и Бакиръ-ага. Они ночью-же вмѣстѣ съ близкими имъ людьми вышли изъ города, сняли палатки, которыя были раскинуты, по приказанію сераскира, въ виду города для того, чтобы городскіе жители думали о присутствіи большого числа войска для ихъ защиты. Это разоблаченіе возымѣло свое дѣйствіе. Какъ только разсвѣло, жители увидѣли, что палатокъ больше нѣтъ, и согласились съ тѣми слухами, которые уже ходили по городу, будто сераскирь удалилъ войска. Поэтому общее волненіе распространилось по Эрзеруму. Ополченцы изъ городскихъ жителей, находившіеся на городскихъ валахъ, бросили свои посты. Простой народъ волновался и собирался кучками на площади, грозя истребить всѣхъ знатныхъ жителей; но въ это время почетнѣйшіе изъ нихъ и болѣе популярныя, которые и по лѣтамъ своимъ внушали къ себѣ уваженіе, пошли уговаривать толпу, раздали ей прокламаціи русскаго сар-

даря графа Паскевича, объясняя ей содержание каждому из толлы и говоря, что одна добровольная сдача города может спасти их от разорения и истребления. Толпа успокоилась надеждою на милость и снисхождение русского сардаря и она массою, с крикомъ и шумомъ, бросилась къ сераскариату, къ дому сераскира, и отчаянно требовала сдать — городъ, чтобы спасти народъ, женъ, дѣтей и ихъ достояніе. Не зная, что палатки уже сняты и невѣрность слуха о многочисленности войска около города уже обнаружена, сераскирь Селехъ-паша уговаривалъ толпу успокоиться то ласками, то угрозами. Но народъ все громче кричалъ, требуя сдачи города ради его спасенія. Видя, что все его увѣщанія совершенно бесполезны, сераскирь сказалъ, наконецъ, — толпѣ: „Вы хотите для себя и для вашего города несчастія, дѣлайте, что хотите; но знайте, что я и наши паши оставимъ городъ, чтобы не быть свидѣтелями такого безчестія и бѣдствія!“ — „Нѣтъ, душа моя (джанумъ), сераскирь!“ закричала толпа, „мы васъ не выпустимъ изъ города; вы всѣ должны быть съ нами и вмѣстѣ съ нами просить русскаго сардаря пощадить насъ и нашъ городъ!“....

Сераскирь въ отчаяніи вошелъ къ себѣ во внутрь сераскариата. Раздраженный народъ приставилъ къ дверямъ его караулъ, волнуясь неопредѣленными ожиданиями.

Обо всемъ этомъ Мамышь-ага извѣстилъ съ нарочнымъ главнокомандующато графа Паскевича слѣдующимъ письмомъ: „Всѣ почетные жители Эрзерума и муллы и эфенди приняли съ радостію твое предложеніе, всѣ благословляютъ твое имя и готовы сдать

городъ и покориться; но сераскирь и его приближенные люди возмущаютъ простой народъ, который вѣрить въ ненарушимость твоего обѣщанія и, опасаясь твоего гнѣва, не нарушаютъ пока спокойствія“.

Фльдмаршалъ получилъ это письмо 25-го іюня, въ день рожденія Гесударя Императора, когда былъ парадъ и графъ Паскевичъ и его войска съ умиленіемъ молились о здравіи Императора и съ колѣнопреклоненіемъ приносили искреннюю благодарность Всевышнему за побѣды, одержанныя надъ непріателемъ. У главнокомандующаго былъ обѣдъ и, въ виду пиршества и грома музыки, солдаты послѣ обѣда, отдохнувъ, захотѣли повеселиться и принялись-было за пѣсни, но вдругъ послѣдовалъ приказъ готовиться въ походъ, и слово „впередь!“ какъ электричество пронеслось по лагерю; въ пять часовъ вечера войска пошли впередъ по эрзерумской дорогѣ, взявъ съ собою только на четыре дня провіанта и оставивъ всѣ обозы до послѣдней телѣжки подъ стѣнами крѣпости, и въ 11 часовъ вечера остановились на бивакахъ, не доходя пятнадцати верстъ до Эрзерума, подъ Наби-чаемъ. Этимъ быстрымъ движеніемъ графъ Паскевичъ рассчитывалъ, навѣрное, или вызвать и осуществить скорѣйшую рѣшимость жителей сдать городъ, или же произвести между жителями волнение, которое ускорило бы эту сдачу.

На другой день, 96-го числа іюня, когда, въ семь часовъ утра, войска готовились уже двинуться впередъ, пріѣхалъ изъ Эрзерума тотъ-же Мамышь-ага въ качествѣ уже депутата отъ города вмѣстѣ съ Капыджи-баши съ порученіемъ отъ сераскиря. Они подали фельдмаршалу письмо, въ которомъ было напи-

сано слѣдующее: „Милостивѣйшій и могущественнѣйшій сардаръ! Мы уразумѣли вполне изъ твоей прокламаціи, что ты по чувству твоего высокаго великодушія и человѣколюбія не хочешь подвергнуть наши семейства и наши дома бѣдствіямъ разоренія и разрушенія. Поэтому, принимая съ благодарностью твои предложенія, мы покорнѣйше просимъ прислать къ намъ довѣреннаго человѣка, который вмѣстѣ съ сераскиромъ, дефтердаремъ, нашими улемами, эфендіями и почетными жителями постановилъ-бы условія сдачи согласно твоей прокламаціи“. Нашъ Капыджи-баши и Мамышь-ага уполномочены нами засвидѣтельствовать наши желанія и покорнѣйшую нашу просьбу и получить отъ тебя приказанія“.

Подтверждая все то, что было написано въ этомъ письмѣ, Капыджи-баши сказалъ графу Паскевичу, что „всѣ въ Эрзерумѣ, и сераскиръ и народъ, думаютъ, что ты и твое войско находитесь пока еще въ Гассанъ-Калесси. Если же народъ увидитъ тебя у воротъ города, то нельзя будетъ удержать буйную чернь, которая, подъ вліяніемъ крикуновъ-фанатиковъ, можетъ выйти изъ повиновенія и рѣшиться на какія-либо несчастія, которыхъ теперь нельзя предвидѣть... Да и окрестности города совершенно голыя и безводныя!...“ Капыджи-баши полагалъ, что этимъ объясненіемъ могъ какъ-нибудь согласить главнокомандующаго пріостановить дальнѣйшее движеніе русскаго войска, въ ожиданіи, яко-бы, окончанія переговоровъ изъ Эрзерума съ сераскиромъ. вмѣсто отвѣта, фельд-маршалъ приказалъ бить сборъ и въ 8 часовъ утра войска съ музыкою, барабаннымъ боемъ и пѣснями двинулись впередъ. „Одно это движеніе можетъ до-

вести сераскира до скорѣйшей сдачи города, — увѣ-
ряль Мамышь-ага секретно главнокомандующаго, —
сераскирь поджидаетъ подкрѣпленій, которыя ведутъ
къ нему, и потому откладываетъ сдачу города. Я не
могу сказать тебѣ это при Капыджи-баши, но ты,
какъ умнѣйшій, всевѣдущій и проникательный сар-
дарь, самъ хорошо и скоро поняль хитрости Капыджи-
баши и сераскира“.

У Наби-чая, гдѣ стояло войско на бивакахъ,
оканчивается равнина крѣпости Гассанъ - Калесси,
окаймленная цѣпью голыхъ известковыхъ горъ, чрезъ
которыя ведетъ тѣсное ущелье въ Эрзерумскую долину.

Утро было великолѣпное; тихая и ясная погода
соотвѣтствовала веселому расположенію духа солдатъ,
которые шли, будто, въ гости, не ожидая уже ника-
кихъ кровопролитій. Войска наши перешли это тѣс-
ное ущелье безпрепятственно и расположились на эр-
зерумской равнинѣ въ пяти верстахъ отъ города, про-
тивъ Топъ-дага, самага возвышеннаго пункта изъ всей
окрестности, который былъ укѣпленъ турками.

Вдругъ нѣсколько лихихъ турецкихъ наѣздниковъ,
прискакавшихъ изъ Эрзерума, начали разѣзжать
взадъ и впередъ и стрѣлять по цѣпи нашихъ казаковъ.
Главнокомандующій приказаль, ни однимъ выстрѣломъ
не отвѣчать имъ; но эти наѣздники, дѣлаясь смѣлѣе,
стрѣляли болѣе и болѣе и дерзко приближались къ
казакамъ, которые отступили. Затѣмъ егеря выслали
стрѣлковъ, и резервы; наѣздники, перепугавшись, по-
дались назадъ и, наконецъ, поскакали и скрылись за
возвышеніе,

Для переговоровъ о капитуляціи и сдачѣ города
фельдмаршалъ послаль къ сераскиру генераль-маіора,

князя Бековича-Черкасского и тѣхъ-же турецкихъ депутатовъ, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ, пятнадцати казаковъ и пяти всадниковъ изъ черкесъ. Несмотря на мирный видъ этихъ посланныхъ, они не могли, вопреки принятымъ обычаямъ, пробраться въ городъ, подвергаясь сильному батарейному огню. Вооруженные люди стояли по наружнымъ укрѣпленіямъ города; народъ молча толпился по улицамъ, гдѣ проходили парламентары, и съ удивленіемъ и ужасомъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на людей того грознаго русскаго войска, которое разгромило турецкіе города и крѣпости Карсъ, Ахалкалаки, Ахалцихъ и войско Гахки-паши. У Бековича-Черкасского въ Эрзерумѣ былъ пріятель, тамошній почетный житель Самедъ-ага; онъ отправился къ нему, прежде свиданія съ сераскиромъ, узнать о намѣреніи жителей. У Самедъ-аги немедленно собрались эрзерумскіе кадїи, эффенди, агалары, саликары и другіе почетные жители видѣтъ баліоза (посланнаго) отъ русскаго сардаря. Кн. Бековичъ-Черкасскій, разговаривая съ нимъ по-турецки, объяснилъ имъ, что графъ Паскевичъ, какъ великодушный и милостивый сардаръ, желаетъ имъ много добра, что онъ, по его приказанію, сообщитъ завтра его письмо послѣ свиданія съ сераскиромъ. Всѣ тамъ находившіеся объявили, что ничего не будутъ предпринимать до слѣдующаго дня.

Утромъ двадцать седьмого улицы Эрзерума наполнились вооруженными людьми. Безпокойство выражалось на лицахъ и опасеніе объ участи своей тревожило всѣхъ.

Сераскиръ Селехъ-паша принялъ посланнаго отъ русскаго сардаря съ обычными почестями; при этомъ

находились чины его свиты и главнаго его штаба: Ахмедъ-паша, Османъ-паша и Хобешъ-паша. Оставшись на единѣ съ княземъ Бековичемъ, сераскирь прочиталъ письмо главнокомандующаго графа Паскевича и съ ужасомъ узналъ, что онъ со всѣмъ турецкимъ войскомъ, со всѣми пашами долженъ признать себя военноплѣннымъ; слезы отчаянія полились изъ глазъ старика-серакира при мысли о невольѣ, и онъ просилъ князя ходатайствовать у графа Паскевича изба-вить его на старости отъ такого униженія: но, видя, что князь Бековичъ не могъ обѣщать ему ничего, Селехъ-паша притворился, что покоряется судьбѣ и соглашается исполнить предложенныя условія, а между тѣмъ, съ той-же минуты рѣшился тайно возму-тить народъ, во что-бы то ни стало, и въ этихъ сму-тахъ какъ-нибудь спасти себя.

Не сомнѣваясь въ искренности мнимаго согласія сераскира, кн. Бековичъ-Черкасскій поспѣшилъ въ домъ Самедъ-аги, гдѣ были собраны почетные граж-дане, кади, эфендіи и агалары, объяснилъ подробно содержаніе вчерашняго письма или условія капитуля-ціи, какъ-то: личная безопасность всѣхъ, неприкосно-венность имущества, свободное богослуженіе и сохра-неніе порядка; крѣпость же, знамена, орудія, арсеналы и прочее имущество турецкаго правительства должны были въ то-же утро сдать русскому войску, а сераскирь и другіе паши, равно какъ и всѣ военные люди, признаны военно-пленными; городскіе же жи-тели объявлялись свободными, но должны были сдать свое оружіе, которое, однако, могли получить обратно по заключеній мира; депутація отъ города должна

была представить главнокомандующему городские ключи.

Собрание приняло эти условия с радостью, прося, согласно желанію сераскира, отложить сдачу города до четырехъ часовъ пополудни. Князь Бековичъ послалъ обо всемъ этомъ донести фельдмаршалу, который, полагая, что 27-го іюля народъ уже покорился добровольно, приказалъ второй колоннѣ генерала Панкратьева съ ея артиллерією приготовиться къ парадному вступленію въ столицу Анатолиі—Эрзерумъ. Всѣ офицеры, соллаты и татарскія милиціи приодѣлись, какъ можно лучше, чтобы понравиться главнокомандующему, и съ нетерпѣніемъ ждали приказанія тронуться съ мѣста; но вдругъ къ 10 ч. утра явился къ фельдмаршалу посланный отъ сераскира городской старшина съ просьбою отложить вступленіе русскихъ войскъ въ городъ также до четырехъ часовъ помолудни. Графъ Паскевичъ былъ очень недоволенъ этою просьбою, но, однако - же, объявилъ старшинѣ сказать сераскиру, что онъ отсрочиваетъ только до 3-хъ часовъ.

Между тѣмъ, происки сераскира вскорѣ обнаружилась. Царствовавшее до того времени спокойствіе вдругъ нарушено было народнымъ волненіемъ, крикомъ, шумомъ, призывомъ къ оружію и страшными угрозами противъ гяуровъ. Толпы вооруженныхъ людей бѣгали по улицамъ и площадямъ, какъ бѣшеные, возбуждая народъ во имя пророка и ислама защищать городъ и свои семейства. Посреди этого волненія и шума, буйная толпа бросилась къ дому Самедъ-аги, гдѣ жилъ кн. Бековичъ-Черкасскій, требуя его выдачи для растерзанія, хотя положеніе его становилось очень опаснымъ, но онъ не смутился и хладнокровно

принялъ къ себѣ и далъ убѣжище и другимъ почетнымъ жителямъ города, которые больше всѣхъ хлопотали о скорѣйшей сдачѣ города и которые поэтому испугались разсвирѣпѣвшей толпы изувѣровъ. Но мужественное хладнокровіе князя Бековича успокоило ихъ и нѣсколько одушевило черезчуръ перепугавшихся городскихъ жителей. Буйная чернь осаждала, домъ, грозя выломать двери и стрѣлять въ окна. Но уважаемый всѣми Самедъ-ага, какъ человѣкъ, вѣрный обычаю святости гостепріимства, явился со многими своими родственниками и друзьями к толпѣ и объявилъ, что онъ противъ нея употребить силу, если кто-либо осмѣлится оскорбить гостя, и требовалъ, чтобы эти безумцы образумились, иначе они навлекутъ на себя гнѣвъ грознаго русскаго сардаря, который велитъ истребить всѣхъ и не оставить въ городѣ камня на камнѣ. Эти слова и страхъ накликавъ на себя страшный гнѣвъ возымѣли свое дѣйствіе, и шумная толпа, опасаясь грозныхъ послѣдствій, успокоилась и оставила домъ кн. Черкаскаго.

Между тѣмъ какъ все это происходило въ городѣ, о чемъ пока не знали въ главной квартирѣ, вдругъ, въ 9 часовъ утра, съ укрѣпленной горы Топъ-Дага, о которой сказано выше, начали стрѣлять по нашимъ передовымъ пикетамъ и фуражирамъ; послѣ полудня выстрѣлы стали учащаться и ядра безпрерывно летѣли, такъ-что нѣсколько изъ этихъ ядеръ упало предъ колонной егерей, одѣтыхъ въ парадную форму. Фельдмаршалъ разсердился, сѣлъ на коня и приказалъ войскамъ слѣдовать за нимъ въ боевомъ порядкѣ. Вдругъ, по какому-то мановенію, все зашумѣло вокругъ главнокомандующаго: барабаны, музыка, сту-

котня колесъ 40 орудій съ зарядными ящиками, которыя быстро катили по камнямъ къ Топъ-Дагу, — весь этотъ страшный шумъ, вмѣстѣ съ визгомъ непріятельскихъ ядеръ, составлялъ какой-то ураганъ послѣ тихаго дня и мирныхъ ожиданій. Турки, видя, что солдаты карабкались шибко по крутому и каменистому скату Топъ-Дага и лѣзли къ батареямъ какъ волки, перепугались, бросили свои пушки, и бѣжали; а колонна заняла ихъ мѣста такъ быстро, что наши артиллеристы тутъ-же поставили, зарядили и навели 16 легкихъ и 8 батарейныхъ орудій, оставленныхъ турками ожидая съ нетерпѣніемъ приказанія начать пальбу. Турки всетаки начали стрѣлять изъ наружныхъ батарей, когда войска показались наверху Топъ-Дага, но ядра, летали чрезъ ихъ головы и лопались предъ ними. Русскіе, однако, не отвѣчали. „Не прикажете-ли стрѣлять, ваше сіятельство? батареи готовы“ — спросилъ начальникъ артиллеріи главнокомандующаго. „Нѣтъ, погодите“, отвѣчалъ графъ Паскевичъ, я далъ слово сераскиру ждать до трехъ часовъ и сдержу его“!

До срока, т. е. до 3-хъ часовъ, оставалось всего 6 минутъ, а между тѣмъ изъ города не было никакого извѣстія. Какъ только настало 3 часа, то три батареи наши тремя мѣтками залпами опрокинули непріятельскія орудія и, заставивъ ихъ замолчать, напомнили сераскиру, что русскій главнокомандующій, сохраняя свято данное слово, ждетъ исполненія условій о сдачѣ города. Фельдмаршалъ приказалъ войскамъ становиться въ боевой порядокъ прямо противъ городского вала. При видѣ грознаго русскаго войска ужасъ овладѣлъ эзерумскою чернью; вмѣсто прежняго буйства, всѣ оцѣпенѣли и растерялись; испуганные жи-

тели не знали, что дѣлать. Кн. Бековичъ-Черкасскій, пользуясь этимъ состояніемъ жителей, снова напомнилъ имъ условія добровольной сдачи, объявивъ жителямъ, что сардаръ милостивъ, не взыщетъ съ нихъ за разпоряженія тѣхъ, по проискамъ коихъ они дѣйствовали и не слушались добраго совѣта. Народъ, помня рассказы о страшной участи Ахалцыха и сказанія о разрушительномъ шествіи восточныхъ завоевателей и находясь подъ вліяніемъ страха этихъ сказаній, ожилъ отъ утѣшительныхъ словъ кн. Бековича. Эти слова, подтвержденныя состоявшими при немъ офицерами, народъ принялъ съ восторгомъ и тотчасъ бросилъ оружіе; всѣ почти успокоились, уповая на милость и великодушіе русскаго сардаря; только нѣкоторые изувѣры да триста арнаутовъ, не получившіе жалованья, засѣли въ цитадели, отказываясь выйти оттуда, пока не заплатятъ жалованья. Внязь Бековичъ уговорилъ сераскиря не подвергать себя по пустому замѣчанію и вынудилъ его удовлетворить ихъ.

Послѣ этого уже показались депутаціи города, направлявшіяся въ русскій лагерь. Графъ Паскевичъ приказалъ прекратить огонь изъ батарей. Бегляръ-бекъ (губернаторъ) Эрзерума поднесъ главнокомандующему ключи отъ города, капитуляція была подписана и участь Эрзерума решена. Фельдмаршалъ повторилъ приказаніе генералу Панкратьеву вступить въ городъ съ его колонной въ парадной формѣ. Надо было видѣть, — писалъ очевидецъ, — съ какимъ нетерпѣливымъ удовольствіемъ солдаты наши спѣшили спуститься съ Топъ-Дага по каменистой крутизнѣ на дорогу; такъ-какъ Топъ-Дагъ не имѣлъ съ этой стороны тропинки, то колонна не сошла съ горы, а скорѣе

скатилась внизъ въ двѣ минуты, и даже артиллерія по слѣдамъ солдатъ спустилась очень скоро, пожертвовавъ второпяхъ однимъ заряднымъ ящикомъ; но зато вся колонна съ артиллеріею быстро поправилась, выстроилась предъ восточными (карскими) воротами города и съ барабаннымъ боемъ, музыкою и пѣсенниками вступила въ Эрзерумъ, продолжая слѣдовать по поворотамъ улицъ къ восточной стѣнѣ крѣпости. Турки заперлись въ домахъ своихъ и боялись взглянуть на русскихъ, зато армяне всѣ высыпали изъ своихъ домовъ; мужчины тѣснились по улицамъ и, снявъ свои чалмы, съ благоговѣніемъ смотрѣли на русскихъ, а дѣти и женщины стояли на плоскихъ крышахъ своихъ домовъ и, становясь на колѣни и подымая руки къ небу, крестились, кланялись, плакали отъ радости. Многіе изъ тѣхъ мужчинъ и женщинъ подбѣгали къ офицерамъ и солдатамъ и прикасались къ ихъ платью; живѣйшее чувство радости выражало лица всѣхъ ихъ при видѣ русскихъ.

У тавризовскихъ воротъ по крѣпостной стѣнѣ колонна наша встрѣтила между зубцами смѣлыхъ делибаши (въ родѣ нынѣшнихъ баши-бузуковъ) и арнаутовъ, которые сидѣли неподвижно съ ружьями и трубками. Когда колонна дошла до желѣзныхъ крѣпостныхъ воротъ, она остановилась, потому что арнауты, перемѣнивъ намѣреніе свое сдать цитадель, заперли ворота и кричали, что они не сдадутся живыми во имя ислама и будутъ защищаться до послѣдней капли крови.

Этотъ неожиданный случай остановилъ генерала Панкратьева; онъ послалъ доложить объ этомъ главнокомандующему, который тогда оставался еще на

высотахъ Топъ-Дага. Фельдмаршалъ приказалъ взять цитадель штурмомъ немедленно, и арнауты, испугавшись, въ виду грозныхъ приготовленій, отворили ворота и попрятались, и ужъ тогда 42-й егерскій полкъ занялъ цитадель.

Въ половинѣ седьмого часа вечера русское знамя развѣвалось на высокой сѣверо-западной башнѣ крѣпости, и всѣ выходы и заставы города были уже заняты отрядами русскихъ войскъ. За симъ генералъ Панкратьевъ пошелъ къ сераскирю Селехъ-пашѣ и объявилъ ему, что какъ онъ, такъ и Ахмедъ-паша, Хабешъ-паша и Османъ-паша, согласно капитуляціи, считаются его плѣнниками. Сераскирю оказывали всевозможное уваженіе, но, несмотря на это, старый паша, привыкшій самовластно повелѣвать въ Эрзерумѣ, не могъ покориться судьбѣ и бевропотно перенести несчастье. Оно давило его совершенно всею своею тяжестью, и вздохи иногда облегчали его горе. Общая радость всего городскаго населенія простиралась до того, что всѣ жители веселились, не вѣря глазамъ, что грозный сардаръ русскій и русскіе воины, покорители столькихъ земель и городовъ, могли быть такими великодушными и милостивыми въ отношеніи къ Эрзеруму. Они съ удивленіемъ окружали офицеровъ и солдатъ, которыхъ прежде такъ боялись и которые, сохраняя строгую дисциплину и исполняя приказаніе начальства, не только не трогали ничего, но и отказывались отъ всего, что жители отъ души предлагали имъ безденежно. Жители, какъ турки, такъ и христіане, дивились такому, по ихъ понятіямъ, небывалому со стороны завоевателей страны безкорыстію и благословляли ихъ. Всѣ они любовались

любопытнымъ для нихъ, невиданнымъ зрелищемъ: русское знамя развѣвалось на высокой сѣверо-западной башнѣ цитадели; играла музыка; ихъ поражали пѣсенники, когда они пѣли русскія пѣсни, которыя своею игривостью и шумными и стройными напѣвами и crescendo вовсе не похожи на азіатскій протяжный и заунывный напѣвъ. Эрзерумцы съ благоговѣйнымъ молчаніемъ смотрѣли на русскихъ часовыхъ, которые гордо и съ достоинствомъ расхаживали на своихъ постахъ съ чистыми ружьями, на зеркальныхъ стволахъ которыхъ отражались лучи солнца, склонявшася уже къ закату. Фельдмаршалъ стоялъ на вершинѣ Топъ-Дага, окруженный свитою, штабомъ, полками и артиллеріей,—которые были расположены по обѣ стороны горы и внизу на дорогѣ противъ восточныхъ воротъ, — и молча, не сводя глазъ, смотрѣлъ на Эрзерумъ, который разстилался у его ногъ, занимая обширное пространство. Онъ былъ очень доволенъ, что покореніе такого крѣпкаго и многолюднаго города не стоило русскимъ ни капли крови, но все еще беспокоился, ожидая какого-либо коварства враждебныхъ къ намъ мусульманъ. Онъ успокоился лишь тогда, когда вслѣдъ за тѣмъ получилъ онъ отъ генерала Панкратьева донесеніе, что были приняты всѣ мѣры предосторожности для безопасности и что малѣйшее покушеніе со стороны турокъ было-бы тщетно.

Такъ совершилось незабвенное въ лѣтописяхъ покореніе Эрзерума, столицы Малой Азіи, центра Анатолиі, гдѣ первый разъ послѣ покоренія ея турками появились христанскія войска. Только четырнадцать дней достаточно было для русской арміи и для знаменитаго ея полководца, чтобы сдѣлать пере-

ходъ въ полтора ста верстъ изъ-подъ Карса, отъ Котопла, разбить и уничтожить двѣ турецкія арміи, перейти по ущельямъ и высотамъ черезъ хребетъ высокихъ Саганлугскихъ горъ и завоевать безъ капли крови укрѣпленный и безъ того крѣпкій и многолюдный городъ въ самомъ центрѣ Азіатской Турціи. Покореніе Эрзерума тѣмъ еще замѣчательнѣе, что оно совершилось какъ-разъ наканунѣ для знаменитой и незабвенной въ исторіи битвы подъ Полтавою.

Трофеями русскихъ войскъ въ Эрзерумѣ было сто пятьдесятъ пушекъ, значительный, снабженный военными припасами арсеналь, шесть знаменъ, большой запасъ провіанту, жезлъ сераскира и бунчуки его и всѣхъ его пашей, которые находились военноплѣнными.

Покоривъ столицу Малой Азіи, главнокомандующій немедленно позаботился учредить тамъ управленіе, сообразное съ мѣстными обстоятельствами, и потому назначилъ генерала Панкратьева военнымъ губернаторомъ Эрзерума, а въ видѣ помощника къ нему— состоявшаго при фельдмаршалѣ князя Николая Осиповича Палавандова (впослѣдствіи грузинскаго губернатора при главноуправлявшемъ баронѣ Розенѣ и члена совѣта при намѣстникѣ кавказскомъ князѣ Воронцовѣ), учредилъ правительственный совѣтъ, членами котораго были назначены почетнѣйшіе городскіе жители, какъ изъ христіанъ, такъ и изъ магометанъ, подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости, кн. Бековича-Черкаскаго. Совѣтъ этотъ занялся распространеніемъ между жителями прокламаціи главнокомандующаго, призывавшей ихъ успокоиться и мирно продолжать свои занятія по-прежнему, вслѣд-

ствіе чего водворилось въ городѣ совершенное спокойствіе; промышленность и торговля пошли своимъ порядкомъ, оживляясь болѣе и болѣе, по случаю пребыванія тамъ русскаго войска, съ которымъ жители старались уже сблизиться. Правительственный совѣтъ, въ видахъ благосостоянія населенія, уничтожилъ тяготѣвшій надъ одними только христіанами налогъ, извѣстный подъ названіемъ хараджъ, и обложилъ равномерно, умѣренною податью какъ христіанъ, такъ и магометанъ, выплатилъ многимъ долги, сдѣланные сераскиромъ или турецкимъ правительствомъ по подрядамъ и поставкамъ, и, чтобы установить добрыя отношенія и облегчить между войсками и мѣстными жителями торговыя сдѣлки, опредѣлилъ относительную цѣнность монеть русскихъ и турецкихъ. Судопроизводство было оставлено въ прежнемъ видѣ, но съ соблюденіемъ строгого порядка и справедливости. Всѣ эти распоряженія вызвали у жителей Эрзерума полное и безусловное довѣріе къ побѣдителямъ; жители деревень носили оружіе съ полнымъ спокойствіемъ, чего они прежде не могли дѣлать, и благословляли русскихъ. Сами беки и агалары всѣхъ окрестныхъ деревень Эрзерумскаго пашалыка стекались къ фельдмаршалу, изъявляя ему покорность и преданность и прося утвержденій въ своихъ должностяхъ санджахъ-бековъ. Благосклонное обращеніе такого знаменитаго сардаря, графа Паскевича, съ жителями очаровало ихъ и, пріобрѣвъ ему искреннюю ихъ преданность и благодарность, способствовало доброму расположенію населенія, какъ христанскаго, такъ и магометанскаго, къ русскимъ.

Сераскиру и его пашамъ было досадно такое

благополучное положеніе жителей и, несмотря на нахожденіе ихъ въ плѣну и на то уваженіе, которое оказывали имъ самъ главнокомандующій и его свита, сераскирь началъ тайно интриговать, стараясь возбудить смуту. За это всѣхъ ихъ—сераскиря, пашей и ихъ семейства—арестовали и отправили въ Тифлисъ.

Дальнѣйшее побѣдоносное движеніе нашихъ войскъ во внутрь Анатолиі не мѣшало Эрзеруму наслаждаться полнымъ спокойствіемъ и благоденствіемъ. Установленный тамъ фельдмаршаломъ порядокъ продолжался до заключенія адрианопольскаго мира 2-го сентября 1829 года, по которому Эрзерумъ возвращенъ былъ Турціи. Русскіе, сдавъ городъ турецкимъ властямъ, удалились изъ Эрзерума, унося съ собою благодарность и благословеніе жителей всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій.

(„Кавказъ“ 1890 г.
№№ 236, 237, 238).

Θеодосія.

Съ недавняго времени жители Кавказскаго края и въ особенности Тифлиса стали отправляться на лѣто въ Θеодосію, какъ для кумыснаго лѣченія, такъ и для морскаго купанія. По этому, въ виду того, что Θеодосія въ сосѣдствѣ съ Кавказомъ, я полагаю не лишнимъ описать нѣкоторыя ея стороны и то впечатлѣніе, которое она на меня произвела. Маленькій пароходъ „Голубчикъ“ снялся въ Поті и къ утру слѣдующаго дня пришелъ въ Сухумъ. Здѣсь мы пересѣ-

ли на большой уже пароходъ, который и доставилъ.

— 46 —

насъ въ Оеодосію, останавливаясь по дорогѣ въ Туапсѣ, Новороссійскѣ и Керчи. Обнаженные высоты и берега, которые вы видите на право, на пути, начиная отъ Новороссійска, не представляютъ глазамъ ничего утѣшительнаго послѣ живописныхъ сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря. Приходъ парохода—это праздникъ, который оживляетъ городъ. На пристани множество народа: одни ожидаютъ родныхъ, другіе знакомыхъ, а иные, т. е. большею частію факторы и хозяева домовъ собственныхъ или наемныхъ, бросаются тотчасъ къ пассажирамъ, предлагая свои услуги и готовые квартиры. Наконецъ, мы уже въ Оеодосли.

Съ перваго взгляда, закавказскаго жителя поражаетъ множество маленькихъ церквей съ готическими куполами въ родѣ тѣхъ, которыя такъ часто встрѣчаются по деревнямъ Тифлисской губерніи. Оказалось что это не церкви, а вѣтрянныя мельницы. Оеодосія — это обширная лѣчебница, куда стекаются съ разныхъ концовъ Россіи, въ надеждѣ получить облегченіе отъ грудныхъ болѣзней, отъ ревматизма, невралгій, слабости организма и зрѣнія и отъ золотухи. Болѣе счастливые возвращаются домой здоровыми; но другіе получаютъ тутъ вѣчный покой. По этому-то на здѣшнихъ кладбищахъ видишь надгробныя памятники, воздвигнутые людямъ разныхъ странъ. Городъ расположенъ полукругомъ, амфитеатромъ, на наклонной плоскости, омываемой моремъ. Онъ окруженъ обнаженными невысокими горами, на высотахъ коихъ разведены маленькіе сады, принадлежащіе городскимъ жителямъ. Эти сады похожи скорѣе на кустарники, потому что тамъ нѣтъ большихъ деревьевъ, которыя

давали-бы болѣе веселый видъ обнаженнымъ высотамъ; общій видъ города съ перваго взгляда скорѣе печальный и не представляетъ глазамъ ничего утѣшительнаго, живописнаго. Оеодосія скорѣе похожа на восточный городъ со многими кривыми улицами, которыя зведуть къ тѣмъ-же высотамъ, ея окружающимъ, подымаясь туда постепенно.

Здѣсь гостинницъ нѣсколько; самая лучшая изъ нихъ „Петербургская“, среди города, на веселомъ мѣстѣ, на базарѣ. Затѣмъ — „Оеодосія“, въ домѣ Мирзоева, сейчасъ у вѣзда въ городъ, на площади, не далеко отъ пристани, съ многими окнами съ фасада. Далѣе по улицѣ — „Европа“, съ большимъ дворомъ. Изъ гостинницы пріѣзжіе немедленно разѣзжаются по городу отыскивать квартиры. На лѣтній сезонъ онѣ очень дороги. Онѣ отдаются съ мебелью, посудой и даже съ кухней. Это зависитъ отъ договора съ хозяиномъ. Тѣ, которымъ предписано купаться въ морѣ, начинаютъ немедленно аккуратно принимать морскія ванны въ купальняхъ. Ихъ содержатъ караимы, т. е. тѣже еврей-сектаторы, по ихъ словамъ, ничего общаго съ жидами неимѣюще. Очень часто эти купальни вмѣсто ожидаемой пользы причиняютъ купающимся новыя простудныя болѣзни, потому что купальни содержатся не чисто, небрежно, а главное въ нихъ дуетъ сквозной вѣтеръ со всѣхъ сторонъ, въ особенности съ сѣвера и юга, тѣмъ болѣе что изодранная рогожка, которая виситъ для задержанія, повидимому, вѣтра, ничего не защищаетъ; не смотря на неоднократныя заявленія и требованія посѣтителей, караимы-содержатели никакого вниманія не обращаютъ, а, напротивъ, отвѣчаютъ на нихъ надмен-

нымъ молчаніемъ; желательно было-бы, чтобы на это обращено было вниманіе со стороны полиціи и санитарнаго комитета и заставили-бы содержателей купаленъ имѣть тамъ непорванные рогожки, которыя защищали-бы отъ вѣтровъ. Купаленъ въ Θεодосіи много; одно изъ нихъ напротивъ клуба, съ такъ называемыми особенными номерами, поражало своимъ объявленіемъ. Тамъ у входа, въ одно время, объявленіе гласило, въ видахъ предваренія: „Извѣщаемъ гг. посѣтителей, что здѣсь лсетницы очень скользки, море глубоко и можетъ случиться несчастіе, т. е. можно утонуть“. Это было что-то въ родѣ Inferno Данта. Въ другихъ купальняхъ несравненно проще, и онѣ не нуждаются ни въ какихъ предвареніяхъ. Любопытно видѣть, какъ по утрамъ и вечерамъ мужчины и женщины изъ разныхъ улицъ, по разнымъ направленіямъ, идутъ къ набережной, держа въ рукахъ простыни, и торопятся въ купальни. Тамъ начинаются временныя знакомства, рассказываютъ новости, замѣчанія по разнымъ вопросамъ, о послѣдствіяхъ морского купанья, сплетни, безъ которыхъ не обходятся люди, гдѣ бы они не находились. Здѣсь ежедневно дуютъ вѣтры, сѣверные или южные. Сѣверные вѣтры, которые дуютъ съ моря, освѣжаютъ воздухъ, но, не взирая на то, морская вода очень тепла, потому что прохладные вѣтры гонятъ впередъ къ берегамъ верхніе слои моря, разогрѣтые отъ знойныхъ лѣтнихъ дней; напротивъ, при южныхъ теплыхъ вѣтрахъ море у южныхъ береговъ сравнительно свѣжѣе, такъ какъ отдаляя отъ побережья теплые слои воды, оставляетъ для купанья свѣжую воду. Это, говорятъ, здоровѣе; но надо быть осторожнымъ, чтобы не простудиться отъ сквоз-

наго вѣтра, котораго не задерживаютъ порванные ро-
гожки. Слабогрудные пьютъ кумысъ, большею частію
фиктивный. Говорятъ, что надо пить его въ маѣ,
когда лошади на подножномъ корму, но между тѣмъ
очень часто въ маѣ холодно и нѣтъ подножнаго кор-
ма.— Воздухъ въ Θεодосіи сухой, иногда по цѣлымъ
мѣсяцамъ нѣтъ дождя. Хотя близость моря и морска-
го испаренія увлажниваютъ немного воздухъ по вече-
рамъ, но наврядъ ли онъ приноситъ пользу слабогруд-
нымъ. Самое главное неудобство въ Θεодосіи—это не-
достатокъ воды, который оплакиваютъ всѣ почти мѣст-
ные жители, а каково пріѣзжимъ, которые большею
частію пьютъ колодезную, соленую воду. Говорятъ,
что и этой воды во многихъ мѣстахъ недостаточно.
Каково положеніе тѣхъ, которые пріѣзжаютъ сюда
изъ Грузіи и Имеретіи, гдѣ изобиліе рѣчной и клю-
чевой воды считается обыкновеннымъ даромъ приро-
ды, о которомъ въ Θεодосіи приходится вспоминать
съ сожалѣніемъ. Странно, что никто не обращаетъ
вниманія на то, чтобы воды было-бы достаточно; ка-
залось бы, что можно было имѣть ее въ изобиліи въ
виду возвышенностей, которыя окружаютъ городъ.
Стоитъ развести маленькій лѣсъ на этихъ возвышен-
ностяхъ, т. е. насадить скоро растущія деревья— ака-
ціи, тополь и проч. и вода покажется вскорѣ. Разу-
мѣется, что обнаженные высоты не дадутъ никакой
воды, напротивъ способствуютъ къ испаренію влаги,
если бы она была тамъ. Говорятъ же, что во время
генуезцевъ въ Θεодосіи было сто сорокъ фонтановъ
хорошей, прѣсной воды— куда же она дѣвалась? Стои-
ло бы, кажется, хорошенько подумать объ этомъ мѣст-
ному городскому управленію, въ виду ежегоднаго прі-

ѣзда туда иногородныхъ для лѣченія. Они, пожалуй, предпочтутъ ѣхать въ Ялту, Севастополь, Эвпаторію, чѣмъ томиться жаждою въ Θεодосіи.

Единственное мѣсто для прогулокъ и увеселеній — это набережная, бульваръ, городской садъ съ ротондою и клубъ. Набережная, окружающая море полукругомъ, самая печальная. Съ перваго же взгляда вы замѣчаете отсутствіе надзора. Мѣстами вонь отъ гнилой рыбы и нечистотъ наполняетъ воздухъ. Казалось бы, что набережная должна обращать на себя ближайшее вниманіе власть имѣющихъ и тогда она составляла бы собою лучшее украшеніе города и превосходное мѣсто для гулянья, въ особенности для тѣхъ, которымъ прописанъ морской воздухъ. Видъ домовъ на набережной по всей линіи до бульвара — какъ будто послѣ пожара. Единственное исключеніе составляютъ великолѣпный домъ кн. Кочубея, гдѣ помѣщается клубъ, и дома г. Аmanoки, г. Крима и гостинница — „Θеодосія“. — Городской садъ съ ротондою гдѣ-то на восточной сторонѣ города, не далеко отъ карантина, очень малъ и не представляетъ собою мѣста для общественнаго гулянья: ни аллея, гдѣ можно было бы подышать свѣжимъ Ввоздухомъ, ни тѣни подъ деревьями... Тамъ для гулянья — есть бульваръ, который находится между домомъ кн. Кочубея, т. е. между клубомъ и остатками старой генуезской крѣпости, набережною и улицею. Бульваръ обсаженъ какими то мизерными кустами, раздѣленъ на двѣ дорожки въ длину и вовсе не имѣетъ тѣни; кажется, лучше было-бы довольно большую поляну вокругъ той старой генуезской крѣпости соединить съ бульваромъ, который служить продолженіемъ поляны, разбить на

аллеи, насадить акаціи и тополи, которые растут скоро, не требуя большого ухода и которые дают тѣнь и, такимъ образомъ, создать большой городской садъ. Этотъ садъ, въ соединеніи съ бульваромъ, при набережной около большихъ улицъ, представлялъ-бы отличное обширное мѣсто для гулянья въ особенности по вечерамъ. Старая крѣпостная башня и развалины крѣпости, освѣщенные площадками, были бы очень живописны и казались-бы съ моря чѣмъ-то фантастическимъ; нынѣшній-же городской садъ совершенно закрытъ и ни откуда не виденъ, какъ-бы его не освѣщали.

Въ Θεодосіи двѣ только торговыхъ площади: одна, такъ называемая, верхняя, недалеко отъ бульвара, а другая— нижняя, на первой-же улицѣ отъ пристани: туда въ родѣ ярмарки стекаются жители для продажи по четвергамъ и воскресеньямъ. Въ эти базарные дни и видите только нѣкоторую оживленность, шумъ, движеніе;—но въ нынѣшнее лѣто всѣ продукты отличались чрезвычайно — дороговизною, (говорили, что и прежде не было дешевле) отъ этого и отъ дороговизны квартиръ жизнь въ Θεодосіи очень дорога.

Мѣстное населеніе составляютъ: русскіе, греки, италіанцы, армяне, татары, караимы (сектаторы еврейскіе), евреи, нѣмцы-колонисты, цыгане, потому здѣсь есть слободки: Русская, Татарская, Еврейская, Цыганская. Отставные чины военные и гражданскіе, италіанцы, нѣмцы, армяне живутъ отдѣльными группами. Здѣсь всѣ говорятъ по-русски, такъ что русскій языкъ въ Θεодосіи можно считать преобладающимъ мѣстнымъ, по этому нечего беспокоиться

господамъ редакторамъ извѣстной газеты, совершенно напрасно тревожащимся объ окраинахъ. Въ Оеодосіи много замѣчательныхъ домовъ, изъ коихъ два дома гг. Антундуси, знаменитаго Айвазовскаго, князя Кочубея, Потемкина, Бекаріуса, Мазировыхъ, Разумовскаго, Эргарда, Ламси самыя лучшія. Изъ памятниковъ обращаютъ на себя вниманіе развалины генуезской крѣпости около бульвара, на берегу моря. Но лучшимъ памятникомъ, украшающимъ, Оеодосію, по моему, — тотъ двухъ-этажный съ мезониномъ домъ, гдѣ теперь помѣщается сѣздъ мировыхъ судей и за сѣдаетъ временное отдѣленіе окружнаго суда: тамъ принимали императрицу Екатерину Великую жители Оеодосіи, которыхъ представлялъ императрицѣ великолѣпный князь Тавриды—Потемкинъ, послѣ присоединенія Крыма къ Имперіи. У турукъ Оеодосія называлась Кафа, но наше правительство возвратило городу прежнее названіе: Оеодосія. Почти среди города возвышается бѣленькій, длинный одноэтажный домъ, съ колоннами у фронтона. Онъ виденъ издали съ моря, когда пароходъ приближается къ Оеодосіи. Въ этомъ домѣ есть придѣлъ на имя св. апостоловъ Петра и Павла, который устроенъ въ память кавказскаго героя генерала Котляревскаго, въ немъ отправляютъ богослуженіе разъ въ годъ, 29-го іюня въ день Петра и Павла. Позади-же помѣщается музей древностей, учрежденный въ 1811 году бывшимъ тогда оеодосійскимъ градоначальникомъ Броневскимъ. У дверей музея два мраморныхъ - льва, остатки венеціанскаго или генуезскаго владычества: судя по указателю, который вамъ вручаетъ сторожъ, тамъ собраны памятники старины: греческіе, греко-византійскіе,

генуезскіе, венеціанскіе, армянскіе, монголо-татарскіе, еврейскіе и египетскіе. Есть даже большой винный кувшинъ, почти новый. Въ такихъ кувшинахъ и теперь сберегаютъ вино на Кавказѣ: въ Абхазіи, Мингрели, Гуріи, Кахетіи и во всей Грузіи.

Въ Θεодосіи васъ поражаютъ безпрерывныя аллегри и сборы подъ разными предлогами: то для клуба, то для музыкантовъ, то для женской гимназіи, то для ротонды или бульвара, то для бѣдныхъ и проч. Все это на счетъ пріѣзжихъ, изъ коихъ многіе не знаютъ ни клуба, ни музыкантовъ.— Вы удивляетесь, что разодѣтыя дамы и дѣвицы, декольте, стоятъ у урны въ ротондѣ и раздають билеты; но никто не заботится, чтобы улицы были чисты и поливали-бы—если не бульваръ, то по крайней мѣрѣ набережную. Для этого можно было бы пожертвовать сборы отъ одной аллегри и выписать изъ Одессы ручныя пожарныя трубы. Это освѣжало-бы воздухъ во время жаровъ, которые такъ нестерпимы въ Θεодосіи, да, сверхъ того, эти трубы служили-бы съ пользою во время пожара, который, отъ неимѣнія въ городѣ пожарныхъ трубъ, можетъ причинить много вреда, какъ это случилось въ августѣ 1873 года, во время пожара около дома Алтунджи, близъ площади.

Теперь обращаюсь къ догадкамъ историческимъ, на сколько онѣ въ связи съ древнею исторіею Кавказа. По словамъ Аріана, въ Θεодосіи поселились въ 500 году до Р. Х. выходцы греки, изъ Милета, а туземные жители, которые населяли эту страну, прежде еще, до прихода грековъ, назывались кимерганами, т. е. кимры, по грузински кимера.—По тѣмъ грузинскимъ древнимъ сказажямъ, вся страна, кото-

рая была населена народами грузинскаго племени въ географическомъ отношеніи была раздѣлена на двѣ половины: на востокъ отъ горъ Сурамскихъ грузины назывались амери; а на западъ до сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря имери, нынѣшняя Имеретія или Кутаисская губернія. По грузински имъ эри—народъ по ту сторону, подразумѣвая высоты Сурамскихъ горъ, которыя отдѣляли одинъ народъ отъ другого, т. е. одно грузинское племя отъ другаго грузинскаго племени. По грузински амъ, эд—этотъ, эри—эбо народъ; имъ, од — тотъ, эри — народъ — т. е. имери. Подобное раздѣленіе мы встрѣчаемъ и теперь у Гималая и было оно также у римлянъ: Fransalpis u Cisalpis. Изъ этого вышла Иверія древнихъ грековъ, т. е. ибскаженное Имерія, какъ и теперь называется.—У грузинъ и имеретинъ страна Абхазія или აფხაზეთი простиралась до Керченскаго пролива и входила въ составъ Имери или Имеретіи. А какъ за проливомъ, въ Крыму жили Кимры, то, разобравъ слова Кимъ - эри или грузинское слово Кагма-эри и сокращенное Катмери описанное у греческихъ историковъ въ искаженномъ видѣ Кимери, выходитъ, что оно составлено изъ грузинскихъ словъ кагма-эри, т. е. на томъ берегу народъ. Такимъ образомъ выходитъ, что грузинское племя населяло всю западную половину Закавказскаго края и подраздѣлялось на мѣстности. Амэри— Грузія, Имэри—Имеретія, Кагмери т. е. Кимери.—Это подтверждается и сходствомъ мѣстностей, которыя описаны у древнихъ грековъ: они называютъ каменнымъ городомъ нынѣшній Кутаисъ,—это Кимеріонъ иверійскій; а другой Кимеріонъ—это кимерійскій, у Босфора кимерійскаго; развалины послѣдняго

Кимеріона находятся между Θεодосією и Керчью.— Θεодосія называлась въ старину Кафа. По грузински капфа значить вырубка, вырубить лѣсъ, очистить мѣстность отъ лѣсу. Въ Абхазіи и Имеретіи вырубали и теперь вырубаютъ лѣсъ для посѣвовъ и для поселенія. По этому названіе Кафа не имѣеть-ли началомъ грузинскаго слова капфа? Могутъ возразить, что кафа по татарски бранное слово—названіе, данное Θεодосіи турками послѣ завоеванія ея ими отъ генуезцевъ, но по-турецки, по-татарски или по-арабски бранное слово не кафа, а, напротивъ, кофа—собака или кефиръ — невѣрный. — Турки при завоеваніи Крыма завладѣли тѣмъ и другими городами; но не назвали-же ни одного изъ нихъ подобнымъ браннымъ словомъ.— Это предположеніе вызоветъ возраженіе. Тѣмъ лучше для критическаго изслѣдованія старины.

(Тифл. Вѣстн. № 96. 1874 г.).

Изъ путевыхъ записокъ.

Такъ называемый Кавказскій пароходъ изъ Одессы остановился въ Сухумѣ въ понедѣльникъ. Всѣ пассажиры начали смотрѣть на югъ, въ сторону Поти, въ ожиданіи „Голубчика“, который обыкновенно приходилъ въ Сухумъ въ одно время съ большимъ рейсовымъ пароходомъ. Но на этотъ разъ ожиданія наши были напрасны. Пошли толки о неисправности, небрежности и невниманіи къ пассажирамъ со стороны „Общества пароходства и торговли“; но ничто не помогало. Пришлось ждать да ждать „Голубчика“, который вмѣсто утра пришелъ къ вечеру. По этому цѣ-

лый день почти простояли мы въ Сухумѣ. Сухумъ — по грузински ცხუმო — мѣсто жаркое. Послѣ завоеванія Константинополя и Византіи, турки завладѣли затѣмъ и сѣверо-восточными берегами Чернаго моря и Абхазіею. Они, по неимѣнію въ татарской азбукѣ буквы ц—з, начали называть ცხუმო—Схомъ, Схумъ, превращенное въ послѣдствіи въ Сухумъ. Сухумъ по турецки вода—песокъ. Но какъ-бы его ни называли, Сухумъ пользуется печальною извѣстностью лихорадочнаго мѣста; мнѣ рассказывали, что какой-то докторъ въ самомъ названіи Сухума находилъ объясненіе такъ называемой сухумской лихорадки, говоря въ шутку, что слово Сухумъ—русское и что оно означаетъ сухой умъ, т. е. мѣсто, которое сушитъ умъ лихорадочной. Напротивъ, сколько извѣстно, восточныя высоты Сухума къ Келасурамъ еще въ древности были населеннымъ торговымъ мѣстомъ. Это былъ пунктъ для склада товаровъ, которые шли изъ Индіи и Персіи въ Европу и изъ Европы въ Азію по единственной тогда транзитной дорогѣ по Мингреліи чрезъ Закавказскій край. Дорога эта вела къ Келасурамъ и Сухуму, къ тогдашней Діоскуріи, въ которой считалось около 80 т. населенія, извѣстнаго въ древности своимъ богатствомъ. Жители торговали золотомъ, которое они добывали въ горныхъ ущельяхъ и рѣкахъ, Туда-то, въ Діоскурію, въ 65 г. до Р. Х. приходилъ Помпей, преслѣдуя разбитаго имъ на Евфратѣ понтійскаго царя Митридата.—Покоривъ на пути Иверію, Помпей осматривалъ въ Діоскуріи римскій флотъ, который крейсеровалъ на Черномъ морѣ, противъ того же Митридата, для уничтоженія сношеній его съ Босфоромъ, способствуя Помпею въ завоеваніи пон-

тійскаго царства. Вся мѣстность сухумскихъ высотъ, по теченію рѣчки Карантинки (рѣка Беслетка) до Келасуръ, представляетъ обширное поле для археологическихкихъ изысканій. Тамъ въ лѣсахъ очень часто встрѣчаются остатки каменныхъ строеній, поросшихъ деревьями, свидѣтельствующихъ о большой населенности когда-то того мѣста. Курюкдарскій и Башъ-кадикларскій герой послѣдней войны съ турками, покойный генераль, князь Василій Осиповичъ Бебутовъ рассказывалъ, что въ бытность его полковымъ командиромъ въ двадцатыхъ годахъ, полкъ его былъ расположенъ въ Мингреліи и Абхазіи и поэтому онъ очень часто бывалъ какъ у тогдашнихъ владѣтелей Мингреліи и Абхазіи, кн. Дадіани и кн. Шервашидзе, такъ и у тамошнихъ князей, и что онъ слышалъ отъ стариковъ, что въ народѣ существовало преданіе, по которому по теченію рѣчки Карантинки въ Сухумѣ, на высотахъ и далѣе къ Келасурамъ былъ когда-то большой городъ, который занималъ всѣ окрестности и ущелье, что жители были такъ богаты, что у нихъ стаканы, тарелки, подносы и проч. были всѣ золотые. Въ какой мѣрѣ это достовѣрно—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, преданіе это свидѣтельствуеъ о богатствѣ края и о томъ золотѣ, о которомъ упоминають древніе, описывая восточные берега Чернаго моря вообще.

Говоря о Сухумѣ, невольно останавливаешь вниманіе на Пицундѣ съ его знаменитымъ храмомъ, недавно возобновленнымъ изъ развалинъ. Пицунда отстоитъ отъ Сухума къ западу на 30 верстъ и расположена на берегу моря, на живописной равнинѣ, покрытой лѣсомъ. Глаза всѣхъ почти пассажировъ об-

ращаются въ ту сторону, когда пароходъ проходитъ мимо и когда изъ чащи лѣса выглядываетъ пицундскій храмъ во всемъ своемъ древнемъ архитектурномъ, величїи. Онъ построенъ въ VI столѣтїи въ одно время почти съ кутаисскимъ храмомъ, развалины котораго на горѣ въ Кутаисѣ поражаютъ и теперь своею грандіозностью. Поддерживая сношенїя съ Византією, цари грузинскїе короновались въ Пицундахъ въ цвѣтушіе года состоянїя царства. Они по этому титуловались тогда: —царь абхазовъ, имеровъ, грузинъ и всей Грузїи. მეფე აფხაზთა, იმერთა, ქართველთა და სრულად საქართველოსა, Послѣ взятїя Константинополя турками въ 1458 году и паденїя Византіи, турки, за воевавъ берега Чернаго моря, разорили этотъ древнїй храмъ. Абхазцы-христїане спасли оттуда только чудотворный образъ Богоматери, который хранится и теперь въ Гелатской церкви, недалеко отъ Кутаиса, и который до сихъ поръ называется Пицундскою Богородицею, привлекая очень много богомольцевъ. Названїе собственно Пицунда происходитъ отъ грузинскихъ словъ: пичви цминда — ფიჭვი წმინდა, т. е. святая сосна—по мѣсту, гдѣ, во время язычества, стояло большое сосновое дерево, которому тогда поклонялись, и по имени котораго назывался главный жрецъ пичви цминдели ფიჭვი წმინდელი, а въ сокращенномъ видѣ пичвиндели. Названїе это перешло къ тому архипастырю, который находился тамъ вмѣсто главнаго жреца во времена уже христїанства. въ эпоху грузинскаго царства, точно также какъ епископъ Мингрелїи, находящїйся въ Мартвильской церкви, называется и теперь чхондидели, въ сокращенномъ видѣ чхойндели, по имени большаго дуба, чхони диди, которому по-

клоняясь мингрельцы во времена язычества. Этот то священный дубъ и давалъ названіе главному жрецу, который и именовался чхондидели, Этотъ то дубъ засталъ, по словамъ преданія, еще апостоль Андрей Первозванный, когда онъ въ бытность свою въ Мингрелии, возвѣщая небесную истину слова Божія, сокрушилъ языческій священный дубъ и обратилъ многихъ мингрельцевъ въ христіанство. Можетъ быть, будетъ любопытно знать названія грузинскихъ и имеретинскихъ іерарховъ, которые назывались точно также, какъ Пицундскій. Мингрельскій епископъ: Гелатскій и никорцминдскій въ Имеретіи назывались; генатели, никорцминдели: тифлисскій— тбилели, марткобскій—руствели, кахетинскій—бодбели, гурійскій—джуматели, шемокмедели, т. е. по названію мѣстностей, гдѣ архіереи имѣли свое мѣстопробываніе.— „Голубчикъ“ снялся вечеромъ, и утромъ рано мы приѣхали въ Поті. Тотчасъ поспѣшили къ станціи желѣзной дороги. Погода была великолѣпная. Восхитительное прохладное утро разливало аромать отъ цвѣтовъ и растеній по живописной мѣстности, покрытой лѣсомъ, по которой идетъ линія желѣзной дороги. Въ 9 часамъ поѣздъ пришелъ въ Ново-Сенаки.—Это новый импровизированный городъ: мѣстопробываніе мирового судьи, уѣзднаго начальника.—Тамъ нѣсколько духановъ, неизбѣжныхъ во всеѣхъ пунктахъ, гдѣ образуется маленькое населеніе. Этотъ новый городъ, главнымъ образомъ, отличается тѣмъ, что тамъ вовсе нѣтъ хорошей воды; прескверный климать и неизбѣжная лихорадка; тамъ пьютъ колодезную воду, которая зимою немного сносна, но солена, а лѣтомъ наполняется мириадами различныхъ сортовъ инфузорій. Если-

считали необходимымъ основать новые Сенаки, т. е. новый городъ, вмѣсто недалеко находящагося прежняго Сенаки, то было-бы рациональнѣе раскинуть новый городъ немного подальше на востокъ при здоровой рѣкѣ Техури, которая протекаетъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ него по здоровой, сравнительно, мѣстности, пересѣкая ту-же желѣзную дорогу. Рѣка Техура не давала-бы, по крайней мѣрѣ, чувствовать тотъ недостатокъ воды, необходимой и для станцій желѣзной дороги, который ощущаютъ и тамъ.— Не взирая на то, что новый Сенакъ, или новый городъ грозилъ, если не совсѣмъ уничтожить значеніе прежняго Сенаки, то низвести его, по крайней мѣрѣ, на степень ничтожной деревушки— собственно прежнее Сенаки, по своему центральному положенію, продолжаетъ по прежнему оставаться торговымъ пунктомъ, привлекая къ себѣ торговцевъ и промышленниковъ на ежегодную ярмарку, куда стекаются жители, мужчины и женщины, со всѣхъ концовъ Имеретіи, Мингреліи, Абхазіи и Гуріи со своими мѣстными произведеніями, скотомъ и другими продуктами. Это невольно переноситъ васъ ко временамъ аргонавтовъ, которые приходили сюда изъ далекой тогда Греціи для торговли.

Торговые пункты во всей Мингреліи, Имеретіи и Гуріи называются калаки, т. е. базарь—ярмарочное мѣсто. Такимъ-же образомъ Сенаки называютъ калаки, т. е. базарь, ярмарка въ Сенакахъ. Въ смѣжности, почти при рѣкѣ-же Техурѣ есть мѣсто древняго торговаго пункта, которое и теперь называется накалакеви, что означаетъ по грузински и по мингрельски мѣсто бывшаго калаки, т. е. бывшаго база-

ра, бывшато ярмарочнаго мѣста. Тамъ и теперъ встрѣчаются остатки разныхъ каменныхъ строеній, отыраютъ каменные плиты, бассейны, свидѣтельствующіе о цвѣтущемъ состояніи когда-то бывшаго здѣсь населенія. Этотъ торговый пунктъ, который тогда назывался калаки и который разоренъ и разрушенъ впоследствии въ теченіи вѣковъ отъ непрерывныхъ нашествій, сохранилъ по сіе время за собою названіе накалакеви, т. е, мѣсто бывшаго калаки. Тамъ есть минеральныя воды, которыя чрезвычайно помогаютъ отъ ревматизма и застарѣлыхъ нервныхъ болѣзней и которыя поэтому привлекаютъ къ себѣ очень много больныхъ изъ мѣстныхъ жителей. Сюда именно, въ это прежнее калаки, или Эа древнихъ грековъ, пріѣзжали они въ древности, производя мѣновую торговлю и вывозя оттуда мѣстныя произведенія. Туда они проходили чрезъ устье Фазиса или нынѣшняго Ріона и затѣмъ поднимались далѣе по р. Техурѣ. Эта-же торговля была причиною нашествія ихъ подъ именемъ аргонавтовъ, которые, забравъ изъ калаки все, что попало, похитили и увезли съ собою мингрелку Геллу и затѣмъ описали свои подвиги, по обычаю тогдашнихъ грековъ или той эпохи, въ поэтическихъ формахъ. Подобныя похищенія мингрелокъ, гуріекъ и имеретинокъ повторялись и въ позднѣйшія времена для сералей султановъ и пашей. Описывая страну, откуда увозили много золота, греки или аргонавты называли ее Колхидою. Это не болѣе какъ Калакида отъ слова калаки, ქალაქი, ярмарка, базаръ, куда греки пріѣзжали торговать. Названіе калаки превратилось у нихъ въ „Калакида“—впоследствии „Колхида“. Поэтому-то никакихъ колховъ, какъ полагаютъ многіе, и никако-

то мѣстнаго названія Колхиды никогда не существовало. По крайней мѣрѣ, это слово что-нибудь-же означало бы, или по - мингрельски, или по-грузински, точно также какъ всѣ вообще названія мѣстностей, которыя можно объяснить словами языка мѣстнаго населенія—грузинскаго или мингрельскаго. Цхенисцкали Ніррус, Кутаисъ, Сарапана или Шоропана, Квирилы, Двирула, Чкаринела древнихъ временъ Страбона называются и теперь тѣми-же названіями и они по грузински — означаютъ: Цхенисцкали — лошадиная рѣка (вода), Кутатисъ — нынѣшній Кутаисъ, состоящій изъ грузинскихъ словъ ква мтаиси, т. е. скала гора; Квирилы—крикливая, Дзирула—глубокая, тянется ко дну; Чкаринела—шибко-тихо; а Шорапана шори-пони, т. е. дальній бродъ, который существуетъ и теперь черезъ р. Квирилу, у подошвы горы, гдѣ была крѣпость Шорапанская, развалины которой видны и теперь, и въ которой находился гарнизонъ римскій. Въ отличіе отъ Шори пони существуетъ и теперь бродъ чрезъ Квирилу-же, когда она выходитъ уже изъ ущелья, недалеко отъ станціи желѣзной дороги: этотъ бродъ называется и теперь зеста-пони, т. е. верхій бродъ. Если вы спросите перваго встрѣчнаго имеретина, онъ тотчасъ укажетъ это мѣсто зеста-пони. Сохранилось до сихъ поръ въ Мингреліи названіе, о которомъ, если спросите перваго встрѣчнаго мингрельца, онъ укажетъ, гдѣ бамбоасъ-хиди, т. е. мостъ Бамбоя на Цхенисцкали, хотя слово Бамбоя—не туземное. Вѣроятно съ перваго раза вы не можете подозрѣвать, что дѣло идетъ о Помпеѣ и что это мостъ Помпея, превратившагося въ устахъ народа въ Бамбоя. Это остатки моста, построеннаго Помпеемъ въ Мингреліи, когда

онъ преслѣдовалъ несчастнаго понтійскаго царя Митридата. Но ничемъ положительно нельзя объяснить названіе Колхиды, если не мѣстнымъ-же словомъ ка-лаки. Таковую-же странность представляетъ собою и названіе: Иверіи, Иберіи. Это просто Имерія, Имеріи, нынѣшняя Имеретія, которая называлась также и во времена аргонавтовъ и извѣстна подъ этимъ названіемъ до сихъ поръ. Греки назвали Имери, Имерию по своему— Иверіею, превративъ букву м въ в; а у римскихъ писателей, которые переняли у грековъ названіе страны, ивъ в сдѣлалось б и вышло Иберія, такъ какъ греческое в превращается по-латынѣ въ б, какъ-то: Авраамъ, по-гречески—по-латыни произносится Абраамъ, Авель—Абель и проч. Такимъ образомъ повторяется до сихъ поръ названіе Иверія—Иберія. Сами грузинскіе историки—Вахтангъ, Вахуштъ сбивались въ названіи Иверіи; подражая грекамъ и римлянамъ, они производили это названіе отъ различныхъ грузинскихъ совершенно не подходящихъ корней, а между тѣмъ это просто-напросто Имерія, Имери, Имерети, которое составлено изъ Ддвухъ грузинскихъ словъ Им-ери— тотъ народъ; а Имерети, т. е. Имеретія по грузински значитъ: страна того народа.— Еще въ глубокой древности вся западная половина Закавказскаго края была населена народомъ грузинскаго племени, который далъ странѣ разныя названія, смотря по географическому положенію мѣстности и по отличительному ея характеру. Грузія—по грузински картли состоитъ изъ двухъ грузинскихъ словъ: карт-вели, сокращенное— картли, т. е. страна вѣтровъ, долина вѣтровъ и она дѣлилась по мѣстностямъ на земо-картли, т. е. верхнюю Грузію, которая занимала прост-

ранство къ юго-западу отъ Ацхура— всю нынѣшнюю турецкую Грузію до Трапезонда; шида-картли, или среднюю, либо внутреннюю Грузію отъ Ацхуръ и Боржома до Ліахвы и кхвемо-картли, т. е. нижняя Грузія — нынѣшняя Грузія. Затѣмъ Лихетскія горы средней Грузіи или Сурамскій хребетъ отдѣлили одну половину грузинскаго народа отъ другой; такъ что грузины, оставшіеся въ нынѣшней Грузіи по сію сторону Лихетинскихъ горъ, назвали грузинское племя, населившее всю страну къ западу и сѣверо-западу къ Черному морю Им-эри, т. е. тотъ народъ— Имерети. Такимъ образомъ, еще въ глубокой древности вся Грузія была раздѣлена на два народа одного и того же племени, Им-эри, т. е. тотъ народъ, по ту сторону Сурамскихъ горъ къ Черному морю и Ам-эри, т. е. — этотъ народъ по сію сторону. Далѣе народъ грузинскаго племени проникъ въ Крымъ и поселился тамъ за проливомъ и поэтому грузинское племя Ам-эри, какъ господствовавшее тогда, назвало крымскихъ грузинъ— გაღმა ერი, გაღმერი (кагмери, т. е. народъ на томъ берегу— народъ того берега. Кагма по грузински значитъ— на томъ берегу, за тѣмъ берегомъ; эри— народъ. И теперь даже встрѣчаются въ Грузіи и Имеретіи кагма-мхари, т. е. страна на томъ берегу или за тѣмъ берегомъ живущіе; отъ этого недалеко до происхожденія кимровъ, населявшихъ Крымъ и жившихъ по обоимъ сторонамъ Босфора Кимерійскаго, т. е. нынѣшняго Керченскаго пролива. Объ этомъ объясню подробнѣе послѣ.— Теперь перейду къ названію Албаніи, которое встрѣчается у Страбона и у римскихъ писателей. Албанію, Албанское царство они помѣщаютъ въ нынѣшней Кахетіи. Алвани, Алванское

поло въ Кахетіи, которое описано Страбономъ, до сихъ поръ сохранило за собою все то, что описываетъ Страбонъ, именно: обширность, стеченіе множества различныхъ племенъ, говорившихъ тогда и говорящихъ и теперь на разныхъ явыкахъ и нарѣчіяхъ, значительную торговлю и обширное скотоводство. Такимъ образомъ, грузинское слово Алвани превратилось у Страбона въ Албанію, Албани, и съ того времени древніе и нынѣшніе писатели помѣщаютъ ее то въ Нухинскомъ уѣздѣ, то въ Дербентскомъ, или смѣшиваютъ ее съ Иверією, Иберією между тѣмъ какъ это объясняется просто мѣстнымъ названіемъ Алвани, извѣстнымъ и до настоящаго времени.

Все это пришлось рассказывать пассажирамъ въ вагонѣ изъ Поті. Они любопытствовали имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о странѣ, по которой мы ѣхали вмѣстѣ и которую они видѣли въ первый разъ.

(„Тифл. Вѣстн.“ № 6. 1875 г.).

Изъ воспоминаній.

Во всѣхъ почти газетахъ извѣшали и извѣщаютъ объ утѣшительномъ явленіи, именно: о законодательныхъ мѣрахъ, предложенныхъ комиссіей для улучшенія сельскаго хозяйства въ Россіи. Для сего предположено учредить какъ можно больше спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, ввести ихъ въ систему народнаго просвѣщенія и тѣмъ способствовать къ успѣшному распространенію сельско-хозяйственнаго образованія и приготовленію прак-

тиковъ для сельскаго хозяйства. Недавно открыто уже въ Иркутскѣ техническое шестиклассное училище. Закавказскій край, обладающій неимовѣрными естественными богатствами, страдаетъ однако отсутствіемъ людей, способныхъ къ ихъ обработыванію.—Имеретія, Мингрелія, Гурія, Абхазія, Самурзаканія, Кахетія, Джаро-Белаканъ, Алазанская долина, Ленкорань, Нуха и другія зеленѣютъ круглый годъ. Техническое и земледѣльческое училища могли-бы способствовать къ оживленію Закавказской промышленности и развитію въ краѣ сельскаго хозяйства, заводской и фабричной дѣятельности. Все это указываетъ на необходимость учрежденія здѣсь спеціальныхъ училищъ, которыя распространяли бы здѣсь сельско-хозяйственное образование и приготовляли-бы сельскихъ хозяевъ изъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые, живя въ своихъ имѣніяхъ, ничего почти не знаютъ объ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ, обогащающихъ страну.—Достигнуть этого результата можно было-бы здѣсь гораздо легче, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ ни того богатства природы, ни такой растительности, какъ здѣсь.

Отсутствіе подобныхъ учебныхъ заведеній вызвало, однажды, изъ воспоминаній моего пріятеля два случая временъ прежней его службы, и онъ разсказалъ намъ слѣдующее:

„Это было въ Гуріи, т. е. въ нынѣшнемъ Озургетскомъ уѣздѣ. Живописная мѣстность между Аджарскими и Саджавахскими горами и Чернымъ моремъ, зеленѣющія круглый годъ поля, ущелья и гористая мѣстность, покрытая лѣсомъ, и чрезвычайная растительность даютъ очаровательный видъ всему про-

тяженю уѣзда, который кажется какимъ то сплошнымъ садомъ. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ для обозрѣнія уѣзда, на замѣчанія мои объ естественномъ богатствѣ страны, маститый старецъ, князь Давидъ Мачутадзе, отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „Послѣ преобразования гражданскаго управленія Закавказскаго края 1841 года сенаторъ баронъ Ганъ, обозрѣвая Грузино-Имеретинскую губернію для личнаго удостоверенія въ какой мѣрѣ это преобразование приносило пользу краю, заѣхалъ и къ намъ, въ Гурію. Я и другіе князья и дворяне провожали его по уѣзду. По дорогѣ изъ Николаевска въ Озургеты, не далеко отъ рѣки Натанеби онъ все смотрѣлъ на туовыя, каштановыя и орѣховыя деревья и виноградныя лозы, которыя во множествѣ росли по обѣимъ сторонамъ дороги“.

„Сенаторъ Ганъ вдругъ остановился и, указавъ на эти деревья, сказалъ намъ, гурійцамъ:“ „Вы, гг., очень богаты, кругомъ у васъ все золото!“ „Я, какъ старшій между гурійскими князьями, рѣшилъ отвѣтить сенатору, что мы до сихъ поръ не замѣчали этого и что мы не знаемъ, какимъ образомъ изъ тѣхъ лѣсныхъ деревьевъ можно извлечь богатство, либо золото!“— „Этотъ отвѣтъ удивилъ барона Гана, и онъ ничего на это не сказалъ.—Мнѣ остается повторить и вамъ тоже самое, что сказалъ я тогда сенатору, продолжалъ князь Мачутадзе, вы знаете, что у насъ нѣтъ учебнаго заведенія, гдѣ бы учились наши дѣти, какъ надо обращаться съ этими деревьями и произведеніями природы, которыя всѣ привыкли называть богатствомъ или, какъ сенаторъ, превращать въ золото. Потому то всѣ наши земли и лѣса въ томъ-же

состоящи, въ которомъ находились еще во времена прежнихъ владѣтелей“. — Надо замѣтить, что тогда въ Озургетахъ не было никакого училища.

Другой случай былъ позднѣе, въ шестидесятыхъ годахъ, продолжалъ мой пріятель, — это было въ Кутаисѣ, весною, послѣ обѣда, который давалъ г. Ак... въ честь г. N, гдѣ находились въ числѣ гостей и представители учебной части. Рѣчь зашла объ успѣхахъ ученія въ гимназіи и уѣздныхъ училищахъ. Обратившись къ старшему изъ педагоговъ, одинъ изъ гостей I. сказалъ: „выведите меня изъ недоумѣнія; съ нѣкотораго времени здѣшніе жители очень часто спрашиваютъ меня для чего и на какой конецъ учатся ихъ дѣти въ гимназіи или въ уѣздныхъ училищахъ? Единственный отвѣтъ, конечно, чтобы получить образованіе, и поступить на службу!“ „Оно-то такъ, говорятъ они, но не принимаютъ-же на службу?...“ Молодые люди оканчиваютъ курсъ гимназіи и, будучи не въ состояніи ѣхать въ университетъ, обращаются съ просьбами въ разныя вѣдомства для поступленія на службу; но, по неимѣнію вакансій, они остаются безъ службы съ одними только своими аттестатами, но безъ средствъ къ жизни образованнаго человѣка. Возвращаются домой, въ деревню; но тамъ положительно не знаютъ, какъ обращаться съ тѣми естественными богатствами, о которыхъ замѣчалъ и сенаторъ баронъ Ганъ. Молодой человекъ, который провелъ самые лучшіе годы своей жизни въ стѣнахъ гимназіи, чтобы кончить курсъ ея ученія, получаетъ энциклопедическое общее образованіе, но ничего положительнаго не знаетъ о сельскомъ хозяйствѣ, которое, при его значительныхъ земляхъ, давало-бы ему доста-

точные средства къ жизни въ домашнемъ быту. Онъ дѣлается уже совершенно бесполезнымъ для семейства своего, большею частію недостаточнаго, и отчасти его бременемъ. У молодаго человѣка испаряются все свѣдѣнія, изученіе которыхъ сулило ему радужную, не сбывшуюся, однако, надежду, и онъ разочарованный и не привыкшій заниматься сельскимъ хозяйствомъ, хотя тѣмъ-же допотопнымъ способомъ, которымъ, занимался его отецъ, предается праздности; пренебрегая жизнью въ деревнѣ, дѣлается жертвою всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя раждаетъ праздность. Изъ огромнаго числа учениковъ едва трое или четверо отправляются въ университеты или въ другія высшія учебныя заведенія, а остальные, по бѣдности своей, остаются здѣсь-же, не имѣя возможности ѣхать и поступать туда-же и такимъ образомъ дѣлаются недовольными, что они понапрасно потеряли время, называя его бесполезнымъ для своего домашняго быта. Тутъ надо искать причину, по которой очень не многіе доходятъ до седьмаго и восьмаго классовъ и что большинство оставляетъ учебное заведеніе. Эти молодые люди, при кажущемся естественномъ богатствѣ своихъ имѣній, остаются бѣдняками. Между тѣмъ какъ непрерывно читаемъ и слышимъ о богатствѣ страны и о богатой ея производительности, за которой большая часть изъ тѣхъ землевладѣльцевъ, не взирая на восьмилѣтнія ихъ занятія, не знаетъ какъ взяться!!!

Очень многіе занялись-бы улучшенемъ своего сельскаго хозяйства и, вмѣсто допотопныхъ способовъ, употребили-бы улучшенный и усовершенствованный способъ для производительности почвы и, обогащаясь,

обогатили-бы край, развивая и распространяя до-
вольство. Знаніе сельско-хозяйственныхъ наукъ было-
бы чрезвычайно полезно для дѣтей по своимъ резуль-
татамъ и въ гигиеническомъ отношеніи; а послѣдствія
сельско-хозяйственнаго образованія, не только въ Ку-
таисской губерніи, но и во всемъ Закавказскомъ краѣ,
были-бы благотворны и благодѣтельны и занимали-бы
много рукъ, которыя остаются праздными“.

Разговоръ на этомъ и кончился, сказалъ нако-
нецъ мой пріятель; столы были готовы и по предло-
женію хозяина гости занялись картами.

(Тифл. Вѣстн. № 114. 1874 г.).

Въ вагонѣ, по желѣзной дорогѣ.

(По пути съ турецкой границы)

Поѣздъ тронулся изъ Поти въ назначенное вре-
мя. Утро было чрезвычайно туманное, что, несмотря
на живописные окрестности дороги, располагало болѣе
къ скукѣ, чѣмъ къ нѣгѣ или любознательности. Два
пассажира, одѣтые по гурійски, сидѣли отдѣльно и,
казалось, продолжали начатый на покинутой станціи
разговоръ.

— „Я асконскій житель“, сказалъ одинъ, на
видъ по-старше. „Вѣроятно ты знаешь, что Аскона
расположена почти у подошвы Аджарскихъ горъ, въ
Гуріи. Аджарцы очень часто нападаютъ на табуны
лошадей нашихъ пограничныхъ жителей во время лѣт-
нихъ кочевокъ на горахъ; но за то и мы тоже не

остаемся у нихъ въ долгу. Наши храбрѣе, и потому при каждой стычкѣ побѣда остается на нашей сторонѣ; за всѣмъ тѣмъ и аджарцы, и кобулетцы, и всѣ почти чанетцы и лазы поддерживаютъ дружественныя сношенія съ нами, будучи убѣждены, что они рано или поздно будутъ принадлежать Россіи, какъ мы гурійцы, и что кордонная линія не будетъ болѣе отдѣлять ихъ отъ насъ!!“

„Да“, отвѣчалъ другой, „я изъ Шавшета. Хотя имя мое мусульманское, Усейнъ, зо фамилія моя христіанская, гурійская; я однофамилецъ вашимъ Гварджаладзевымъ; но, знаешь-ли что, хотя мы принадлежимъ Турціи, а все-таки всѣ у насъ желаютъ быть въ дружбѣ съ вами, гурійцами, и ахалцихцами. Я помню одного муллу, —Хаджи-Омаръ его звали, онъ училъ насъ въ дѣтствѣ молитвамъ изъ корана. Онъ былъ очень ученый человѣкъ, много читалъ, истинный мусульманинъ. Онъ всегда говаривалъ намъ послѣ молитвы. „Энайте дѣти, что на свѣтѣ четыре дроги и что всѣ эти дороги ведутъ въ Стамбуль,—средоточіе счастья!“ . Теперь мы видимъ, что Хаджи-Омаръ ѣлъ грязь и что, напротивъ, всѣ наши дороги изъ Аджары, Шавшета, Артвина, Арданучи, Либана, Чакви, Чанети, всѣ ведутъ къ вамъ, въ Россію. Мы ваши братья, и наши земли составляли часть Грузіи; если вы, гурійцы и грузины, принадлежите Россіи и наслаждаетесь благосостояніемъ и спокойствіемъ, то отчего мы, ваши же братья, должны быть лишены этого счастья? Мы всѣ по-крайней-мѣрѣ думаемъ, что Россія заступится за насъ когда-нибудь и возьметъ насъ себѣ до Ркинись-пало (რკინისხედი), т. е- до крайнихъ предѣловъ прежней Грузіи; мы все-таки надѣемся, что и мы

также будемъ наслаждаться счастьемъ и благосостояніемъ, какъ и вы. Но до того же времени по-неволю должны мы терпѣть отъ турокъ такія-же притѣсненія, какія терпѣли жители за Адрано (Адрианополь) и которыя вызвали тамъ возстаніе!“

Гуріецъ слушалъ внимательно и послѣ нѣкотораго молчанія гордо сказалъ.

— „За нихъ, говорятъ, заступилась Россія, у васъ въ Лазистанѣ вѣроятно слышали, что нашъ Императоръ приказалъ просто вашему хонткару (т. е, султану), чтобы онъ освободилъ всѣхъ жителей-христіанъ отъ разныхъ притѣсненій и взысканій, которыми ихъ обременяли паши и ихъ служители“.

— „Объ этомъ и у насъ говорятъ“, отвѣчалъ Усейнъ. „Недавно султанъ нашъ заболѣлъ такъ, что онъ думалъ, что его отравили. Въ это время шейхъ-уль исламъ и нѣсколько женъ султана, которыя имѣютъ большое на него вліяніе въ сералѣ, убѣждали его не принимать предложеній гяуровъ, противныхъ Корану, и бывшій верховный визиръ Гусейнъ Авни-паша склонялъ даже объявить войну, какъ подабаеть повелителю правовѣрныхъ, и проучить франгистанскихъ государей. Султанъ попалъ подъ вліяніе женъ и шейхъ-уль-йслама и не принималъ больше къ себѣ верховнаго визиря Махмуда-пашу, который, по повелѣнію падишаха, сдѣлалъ уступки желаніямъ тѣхъ государей. Вдругъ, знаешь, Датико (имя гурійца), султанъ объявилъ, что объ этомъ дѣлѣ христіанъ и слышать онъ и самага паши видѣтъ не желаетъ. Визиръ, знаешь, изъ гурійцевъ, изъ Гобозаури, (Озургетскаго уѣзда). Онъ мальчикомъ еще былъ проданъ въ Турцію и теперь тамъ верховнымъ визиремъ. Онъ и теперь

говорить по-грузински и помнить своих родных. Въ душѣ визирь остался такимъ же, я думаю, гурійцемъ, какъ и мы, т. е. преданнымъ родной странѣ, и потому онъ все таки старается помогать христіанамъ. Когда Махмудъ-паша объявилъ, что онъ не можетъ больше оставаться верховнымъ визиремъ, если повелитель его султанъ отъ него отрекается и что это производитъ дурное впечатлѣніе въ Россіи, то враги Махмуда доложили объ этомъ султану, думая, что онъ прогонитъ пашу, но—не тутъ-то было, представъ себѣ, Датико, нашъ султанъ испугался, немедленно потребовалъ Махмуда-пашу и приказалъ подать представленный на его утвержденіе “ираде“, приложилъ свою печать и приказалъ объявить объ этомъ всѣмъ въ Константинополь, чтобы успокоить христіанъ и русскаго эльчи (посланника)!“.

— „Само собою разумѣется, что Махмудъ паша лучше знаетъ могущество Россіи чѣмъ всѣ серальскія женщины султана и стамбульскіе муллы“, сказалъ гуріецъ. „Они знаютъ меньше даже нашего десятскаго и эсаула. Мнѣ помнится даже, что отецъ Махмуда-паши былъ эсауломъ при какомъ-то гурійскомъ уѣз-начальникѣ послѣ того, какъ у него украли сына и продали въ Кобулеты; онъ все искалъ его по пограничнымъ деревнямъ, а теперь этотъ мальчикъ уже верховный визирь! Вотъ братъ, что значитъ молодець-гуріецъ! Если намъ прикажутъ, то, извини братъ Усейнь, всѣ гурійцы полетимъ въ Турцію и камня на камень не оставимъ! Паустъ вашъ паша посовѣтуесть хонткару сидѣть смирно и не обижать христіанъ, а то плохо ему будетъ“.

— „Бѣда будетъ намъ“, отвѣчалъ Усейнъ задумчиво, „Мы сами это внаемъ, но что-же намъ дѣлать. Ахметъ-паша Химшіашвили, правитель Большой и Малой Аджаріи, часто говорилъ своему сыну Шерифъ-Беку. „Знай, Шерифъ, что рано или поздно, а русскіе заберутъ нашъ край также, какъ забрали они Ахалцихъ и другія земли. Веди дружбу съ русскими и пограничными жителями. Нашъ климатъ (судьба, счастья) будетъ зависѣть отъ Россіи; знай, что наша, дорога будетъ туда, а не въ Стамбуль“. Хотя Ахметъ-паша говорилъ объ этомъ Шерифу секретно, но мы и въ Шавшетахъ знаемъ это“...

Между тѣмъ стемнѣло; поѣздъ приближался къ Карели и разговоръ между собесѣдниками прекратился. Одинъ изъ нихъ уже уснулъ, а другой дремалъ.

(„Кавказъ“ № 55. 1876 г.).

Краткій очеркъ

о ходѣ народнаго просвѣщенія въ Грузіи.

Объ устройствѣ учебной части и о народномъ просвѣщеніи вообще въ Грузіи при грузинскихъ царяхъ ничего пока неизвѣстно; но если о степени образованности народа можно судить по его литературнымъ памятникамъ, то въ Грузіи были свой писатели, произведенія коихъ читаемъ мы и теперь. Эта литература или просвѣщеніе въ Грузіи началась и поддерживалась христіанствомъ. Находя приютъ въ монастыряхъ, остатки литературныхъ произведеній грузинскихъ писателей: Петридзе, Шота Руставели, Мо-

се Хонели, Саргисъ-Тмогвели, Абдуль Мессія Шавтели, Чахрухадзе, царя Вахтанга, царя Теймураза, Бесика существовали въ рукописяхъ и ходили по рукамъ какъ библиографическія рѣдкости. Да и отъ непре-
рывныхъ внутреннихъ потрясеніи и отъ опустошитель-
ныхъ частыхъ нападешній аравитянь, монголовъ, турк-
меновъ, персовъ, турокъ, лезгинъ, просвѣщеніе въ
Грузіи не имѣло и не могло имѣть большихъ успѣховъ.
Всѣ завоеватели, проходившіе по этой странѣ до при-
соединенія ея къ Россіи, ознаменовали свое пребыва-
ніе разрушительными слѣдами и покрывали страну
грудами развалинъ. Христіанство, единственное до-
стояніе, уцѣлѣвшее въ Грузіи и Имеретіи отъ мечей
мусульманскихъ, не могло уже выдерживать борьбы
и ига мусульманъ и начало даже колебаться въ пред-
смертныхъ судорогахъ, такъ что въ концѣ прошлаго
столѣтія исламизмъ началъ уже угрожать его суще-
ствованію въ этой странѣ. Но, наконецъ, утомленныя,
обезсиленные этими потрясеніями Грузія и Имеретія
обрѣли успокоеніе и счастье подъ скипетромъ Россіи,
возродившись для новаго быта, для новой счастливой
жизни.

Съ того благословеннаго времени — 1801 года,
какъ Грузія вошла въ составъ Россійской Имперіи и,
осѣненная могучими крылами русскаго орла, страна
эта начала пользоваться тѣми-же благодѣтельными За-
конами, которыми управляется эта исполинская Импе-
рія и которые упрочили благоденствіе и благосостоя-
ніе обитателей Грузіи, правительство немедленно об-
ратило свое вниманіе на образованіе здѣсь юношества.

Начало этому общественному образованію въ Гру-
зії положено было въ 1802 году учрежденіемъ въ

Тифлисъ двухъ-класснаго училища первымъ правителемъ Грузіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ковалинскимъ.

Въ 1804 году, по проекту бывшаго тогда главноуправляющаго Грузіею генерала князя Циціанова, оно получило названіе — Тифлисскао благороднаго училища, которое предназначено было для образованія дѣтей грузинскаго благороднаго сословія. На содержаніе этого училища отпускалось 10 т. руб. сер. изъ суммы, выручаемой за податной шелкъ, который поступалъ тогда въ дань отъ жителей Джаро-Бѣлаканской области. Предметы преподаванія въ благородномъ училищѣ были слѣдующіе: законъ Божій, русскій и грузинскій языки и ариѳметика.

Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было отправлять по 8 человекъ воспитанниковъ для окончательнаго образованія въ Московскій университетскій пансіонъ. Но эта благодѣтельная мѣра правительства не могла встрѣтить сочувствія со стороны родителей, которые, не желая разставаться съ своими дѣтьми и не понимая того счастья, которое ждало сихъ послѣднихъ отъ окончательнаго ихъ образованія, не соглашались отправить ихъ въ Москву. Между тѣмъ, ограниченный съ одной стороны кругъ дѣйствій благороднаго училища, этого единственнаго здѣсь учебнаго заведенія, и недостаточность вышеописанныхъ предметовъ, которые тогда тамъ преподавались, а съ другой стороны возроставшее тогда сближеніе Россіи съ Грузіею, распространившіяся торговыя сношенія ея и возникшая тогда въ краѣ промышленность указали на необходимость дальнѣйшаго расширенія преподаванія въ благородномъ училищѣ. Поэтому, по распоряженію

бывшаго главноуправляющаго въ Грузіи графа Гудовича, въ 1807 году введено было въ немъ гимназическое ученіе, примѣняясь къ курсу гимназій по уставу вообще учебныхъ заведеній въ Россіи 1804 года, съ раздѣленіемъ благороднаго училища на 4 класса, съ латинскимъ и нѣмецкимъ языками.

Продолжительные перерывы ученія въ этомъ, только что возникшемъ, учебномъ заведеніи по случаю свирѣпствовавшей чумной заразы, недостатокъ учителей, отдаленность отъ главнаго учебнаго начальства, недостатокъ ближайшаго надзора, довели было Тифлисское благородное училище до разстройства, но, къ счастью, назначеніе генерала Алексѣя Петровича Ермолова главноуправляющимъ въ Грузіи спасло это училище отъ совершеннаго упадка. Онъ возстановилъ и оживилъ полуразрушившееся учебное заведеніе. Для большей благонадежности въ успѣхахъ преподаванія, онъ въ 1818 году поручилъ исправлявшему тогда должность грузинскаго гражданскаго губернатора генералъ-маіору Ховену непосредственный ближайшій надзоръ надъ благороднымъ училищемъ. Этотъ дѣятельный, ревностный и просвѣщенный генералъ оправдалъ назначеніе Ермолова. Генералъ Ховенъ почти каждый день посѣщаль училище и много содѣйствовалъ образованію юношества, вникнувъ въ мѣстныя обстоятельства края и потребности его жителей. Онъ исходатайствовалъ позволеніе замѣнить малополезное въ Азіи и въ восточномъ городѣ, каковъ былъ Тифлисъ, преподаваніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ татарскимъ явыкомъ и прибавить военныя науки: ситуацію и молевую фортификацію, также геодезію, гражданскую архитектуру и танцваніе, во уваженіе того,

что здѣшнее юношество предназначалось тогда для военной службы въ этомъ краѣ. Разрѣшеніе на это послѣдовало въ 1819 году, и съ того времени благородное училище заключало въ себѣ шесть классовъ, въ коихъ обучали, подѣ главнымъ наблюдениемъ и надворомъ гражданскаго губернатора генерала Ховена: закону Божію и священной исторіи, языкамъ грузинскому и татарскому, російской и грузинской словесности, всеобщей, російской и грузинской географіи, ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи, плоской тригонометріи, ситуаци, полевой фортификаціи, геодезіи, гражданской архитектурѣ, черченію, рисованію и танцованію.

Въ 1829 году, по порученію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ первый разъ былъ командированъ для осмотра Тифлискаго благороднаго училища старшій письмоводитель попечителя Казанскаго университета, титулярный совѣтникъ Розановъ; но преждевременная смерть его не позволила ему войти въ положеніе училища; по этому въ 1823 году присланъ былъ въ Тифлисъ въ качествѣ визитатора директоръ училищъ Кавказской области, оставленный вполнѣдствіи и директоромъ Тифлискаго благороднаго училища, надворный совѣтникъ Манасейнъ. Между тѣмъ, это училище изъ вѣдомства Казанскаго учебнаго округа, въ которомъ оно до того времени находилось по учебной части, причислено было въ 1825 году къ Харьковскому университету, но вліяніе какъ того, такъ и другого на Тифлисское благородное училище, по отдаленности края и мѣстнымъ обстоятельствамъ, всегда было незначительно, и потому главноуправляющій въ Грузіи всегда оставался главнымъ началь-

никомъ и покровителемъ этого учебнаго заведенія. Увлеченный искреннимъ желаніемъ оказать пользу отечеству и Кавказскому краю, визитаторъ и затѣмъ директоръ Манасейнъ энергически занялся дѣломъ успѣшнаго преподаванія въ благородномъ училищѣ и вмѣстѣ съ отчетомъ о состояніи его представилъ главныя основанія о новомъ устройствѣ этого училища и училищъ вообще въ Тифлисѣ и на Кавказѣ, сообразно съ мястными обстоятельствами и условіями страны, касательно степени потребности образованія тогда здѣсь юношества. Г. министръ народнаго просвѣщенія, одобривъ предположеніе г. Манасейна, поручилъ ему составить подробные проекты и уставъ о новомъ образованіи училищъ Кавказской области и Грузіи, вслѣдствіе чего г. Манасейнъ представилъ эти проекты высшему учебному начальству на разсмотрѣніе въ іюнѣ 1826 года. Но вскорѣ послѣ этого произошла перемѣна въ главномъ управленіи и на мѣсто генерала Ермолова главноуправляющимъ въ Грузіи былъ назначенъ генералъ Паскевичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, князь Варшавскій, графъ Эриванскій. Поэтому проекты г. Манасейна объ устройствѣ здѣсь учебной части присланы были на заключеніе новаго главноуправляющаго. Не смотря на военныя дѣйствія по случаю открывшейся тогда персидской и турецкой кампаніи, генералъ Паскевичъ обратилъ ближайшее вниманіе на благородное училище и вообще на учебную часть въ этой странѣ, такъ что въ одно время съ громомъ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ персидскими и турецкими войсками, фельдмаршалъ принималъ живѣйшее участіе въ совѣщаніяхъ съ назначеннымъ тогда новымъ директоромъ благороднаго училища г. Груберомъ (впо-

слѣдствіи попечителемъ Бѣлостокскаго учебнаго округа), человѣкомъ очень образованнымъ, котораго графъ Эриванскій очень уважалъ и которому были переданы всѣ предположенія г. Манасейна и генерала Ермолова. по устройству учебной части съ замѣчаниями, сдѣланными въ министерствѣ для всесторонняго обсужденія ихъ и составленія проектовъ положенія о народномъ просвѣщеніи въ краѣ, сообразно съ мѣстными условіями страны, въ виду присоединенія къ Россіи тогда, отъ Персіи и Турціи Армянской и Ахалцыхской областей (нынѣ Эриванская губернія и Ахалцыхскій уѣздъ). Новый директоръ Груберъ замѣтилъ, что Тифлисское благородное училище, при существовавшемъ до того времени внутреннемъ устройствѣ этого заведенія, въ которомъ не было ни систематической точности въ постепенности и распредѣленіи предметовъ преподаванія, ни необходимой строгости въ испытаніяхъ, не вознаграждало достаточно успѣхами своими заботы и пожертвованія правительства. Оно не могло идти къ совершенству наравнѣ съ прочими учебными заведеніями Имперіи, а тѣмъ менѣе удовлетворять всѣмъ потребностямъ народнаго просвѣщенія края; ибо, ограничиваясь только образованіемъ грузинскаго дворянскаго юношества, оно не распространяло просвѣщенія между прочими сословіями Закавказскихъ обитателей, которые, при возраставшемъ всеобщемъ благосостояніи края, начинали уже чувствовать потребность въ приличномъ образованіи. Составленный такимъ образомъ директоромъ Груберомъ проектъ преобразования здѣсь учебной части, примѣненный къ мѣстнымъ обстоятельствамъ края, съ объяснительными записками, были одобрены фельдмаршаломъ графомъ Паскевичемъ Эри-

ванскимъ и представлены г. министру народнаго просвѣщенія. Однимъ изъ мѣстныхъ обстоятельствъ, на которое было обращено главное вниманіе какъ бывшихъ главноуправляющихъ, такъ и графа Паскевича и бывшаго при немъ тогда Тифлискаго военнаго губернатора, управляющаго гражданскою частію, генераль-адъютанта Сипягина, было особенное въ климатическомъ отношеніи положеніе страны по ея чрезвычайной растительности, и потому полагали весьма полезнымъ ввести въ учебныхъ заведеніяхъ здѣсь въ число предметовъ преподаванія и классы земледѣлія и сельскаго хозяйства. Но въ министерствѣ, въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній, составлено было особое положеніе о Закавказскихъ училищахъ, которое во 2 день августа 1829 года удостоилось Высочайшаго утвержденія; но во всѣхъ случаяхъ, неуказанныхъ въ томъ положеніи, училищное вѣдомство руководствовалось общимъ уставомъ учебныхъ заведеній 6 декабря 1828 году.

Главныя основанія положенія о Закавказскихъ училищахъ были слѣдующія:

Во всемъ Закавказскомъ краѣ учреждались гимназія и 20 уѣздныхъ училищъ въ уѣздахъ и присоединенныхъ къ Россіи областяхъ—Армянской и Ахалцихской. Всѣ эти учебныя заведенія подчинялись директору Тифлисской гимназіи, который именовался директоромъ Закавказскихъ училищъ и который со всѣми подвѣдомственными ему учебными заведеніями состоялъ подъ начальствомъ главноуправляющаго въ Грузіи и министра народнаго просвѣщенія.

Главнѣйшая цѣль учрежденія гимназіи была—доставленіе средствъ къ приличному воспитанію дѣтей

грузинскихъ дворянъ, князей и служившихъ въ этомъ краѣ русскихъ чиновниковъ. Впрочемъ, преподаваемымъ въ гимназіи ученіемъ могли пользоваться и дѣти всякаго свободнаго состоянія, получившія уже первоначальное образованіе въ какомъ-либо низшемъ учебномъ заведеніи или дома.

Для управленія Тифлисскою гимназіею назначены были: директоръ и инспекторъ, а для преподаванія учебныхъ предметовъ законоучитель изъ духовныхъ и одиннадцать учителей наукъ и искусствъ. Главнуправляющему Грузіею предоставлено было по своему усмотрѣнію назначить изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ кого-либо почетнымъ попечителемъ гимназіи, который чрезъ министра народнаго просвѣщенія удостоивался Высочайшаго утвержденія.

Курсъ ученія въ Тифлисской гимназіи раздѣлень былъ на 7 классовъ, въ которыхъ преподавались: 1) законъ Божій, 2) русская грамматика, словесность и логика, 3) географія и статистика, 4) исторія всеобщая и российская, 5) физика, 6) математика, 7) начала российскаго правовѣдѣнія и судопроизводства, 8) языки: грузинскій, татарскій, французскій и нѣмецкій, 9) чистописаніе, черченіе и рисованіе.

Первый класъ, въ видѣ изъятія изъ общаго устава учебныхъ заведеній 6 декабря 1828 года, назначень былъ для первоначальнаго обученія чтенію и письму по-русски и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики собственно дѣтей грузинскаго благороднаго сословія по системѣ Ланкастерской, или по методѣ взаимнаго обученія, отмѣненной впослѣдствіи. Эта система заключала въ себѣ нѣкотораго рода гимнастику, такъ какъ дѣти писали или читали въ слухъ по коман-

дѣ старшаго изъ нихъ, становясь въ кружокъ около досокъ въ классѣ и подходя къ тѣмъ доскамъ также по командѣ нѣсколькими группами. Ученіе въ гимназіи продолжалось во весь годъ, за исключенемъ лѣтней вакаціи съ 1 іюля по 1 сентября, по прошествіи которой производились годовичные экзамены.

При гимназіи учрежденъ былъ благородный пансіонъ для сорока человекъ казенныхъ воспитанниковъ, въ числѣ коихъ тридцать назначены были для дѣтей грузинскихъ дворянъ, большою шю бѣдныхъ, а, десять для дѣтей русскихъ чиновниковъ, служившихъ въ Грузіи и въ Закавказскомъ краѣ; но туда принимались и дѣти другихъ дворянъ и чиновниковъ на свой счетъ за ежегодную плату. Воспитанники пансіона обучались въ гимназіи вмѣстѣ съ прочими учениками, но внѣ классовъ находились подъ надзоромъ начальства пансіона. Для этого при пансіонѣ находились комнатные надзиратели, извѣстные тогда но своей строгой нравственности и знавшіе одинъ изъ двухъ европейскихъ языковъ, преподаваемыхъ въ гимназіи. Главный надзоръ за пансіономъ порученъ былъ почетному попечителю гимназіи, а непосредственное завѣдываніе и хозяйство ввѣрено было инспектору, подъ надзоромъ директора.

Открытіе уѣздныхъ училищъ имѣло цѣлю распространеніе необходимыхъ научныхъ свѣдѣній между дѣтьми мѣстнаго населенія изъ свободнаго состоянія, а главное, изученіе ими русскаго языка. Такое-же уѣздное училище открыто было и при гимназіи въ Тифлисѣ, и въ 19 уѣздахъ и провинціяхъ Закавказскаго края; каждое изъ тѣхъ училищъ состояло изъ двухъ классовъ съ двумя учителями, изъ коихъ одинъ

исполняли должность штатнаго смотрителя, да сверхъ-того состоялъ при училищѣ и законоучитель изъ духовныхъ лицъ того вѣроисповѣданія, которому принадлежало большинство учениковъ. Для лучшаго-же надзора и содѣйствія по благосостоянію училищъ назначены были при каждомъ изъ нихъ почетный смотритель.

По окончаніи курса уѣздныхъ училищъ, ученики ихъ могли по ихъ желанію продолжать ученіе въ Тифлисской гимназій.

Возроставшее тогда благосостояніе края, тѣсное-сближеніе туземнаго населенія съ требованіями правительства и потребность изученія русскаго языка, больше, чѣмъ предлагалъ курсъ уѣздныхъ училищъ, обратили на себя вниманіе преемника фельдмаршала, назначеннаго на его мѣсто главноуправляющимъ, генерала барона Розена, который, во время обозрѣній имъ Закавказскихъ провинцій, убѣдился, что двух-классное уѣздное училище недостаточно распространяло народное просвѣщеніе въ провинціяхъ, и потому, вслѣдствіе представленія его, послѣдовало Высочайше утвержденное 25 мая 1885 года новое положеніе о Закавказскихъ училищахъ, которое въ главввхх основныхъ чертахъ не отступало отъ положенія 1829 года; но объемъ уѣздныхъ училищъ былъ болѣе расширенъ, сообразно съ потребностями страны. Двух-классныя уѣздныя училища, которыя соотвѣтствовали почти приходскимъ или первому классу уѣздныхъ училищъ въ Россіи, преобразованы въ трехкласенныя училища, въ которыхъ предметы преподаванія были обширнѣе противъ прежняго, именно: законъ Божій, руссый языкъ, грамматика, краткая всеобщая и рус-

ская исторія, географія, первыя правила геометріи, чистописаніе, грузинскій и армянскій языки (въ уѣздныхъ училищахъ Грузіи и Имеретіи, нынѣшнихъ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ), а татарскій и армянскій языки въ уѣздныхъ училищахъ остальныхъ провинцій края (нынѣшнихъ Елисаветпольской, Эриванской, Бакинской и Дербентской губерніяхъ).

По окончаніи курса ученія въ этихъ уѣздныхъ училищахъ ученики поступали въ четвертый классъ Тифлисской гимназіи.

Независимо отъ поступленія учениковъ въ благородный пансіонъ Тифлисской гимназіи на казенный счетъ, здѣшнее главное начальство ежегодно отправляло по десяти человекъ малолѣтнихъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ изъ учениковъ гимназій и уѣздныхъ училищъ въ С.-Петербургъ, въ кадетскіе корпуса (что нынѣ военныя гимназіи), откуда выходили офицерами въ гвардію, артиллерію, въ инженеры, въ армію, поступая большею частью въ полки и части войскъ, расположенныхъ на Кавказѣ и за Кавказомъ.

Таковы были благодѣтельные мры, предпринятые тогда правительствомъ для успѣшнаго умственного и нравственного образованія юношества въ Закавказскомъ краѣ. Въ сихъ видахъ и на основаніи тѣхъ же законоположеній дѣйствовало учебное начальство и при преемникѣ барона Розена, генералъ Головинъ, до назначенія послѣ него главноуправляющимъ генерала Нейдгардта, при которомъ управленіе учебной частію за Кавказомъ поручено было уже члену Совѣта Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ на правахъ попечителя учебнаго округа, такъ что директоръ Закавказскихъ училищъ по дѣламъ народнаго

просвѣщенія не входилъ уже къ главноуправлявшему съ представленіями непосредственно, а уже чрезъ члена Совѣта, управлявшаго учебною частію.

Туземное населеніе очень скоро поняло, что вся эта отеческая заботливость правительства объ образованіи дѣтей и о распространеніи въ странѣ просвѣщенія вели къ ихъ счастію и благосостоянію, и потому всѣ сословія съ чувствомъ глубокой преданности стремились отдавать дѣтей своихъ въ учебныя заведенія, благославляя Всемилостивейшаго Государя Императора За неисчислимыя Милости, дарованныя для народнаго просвѣщенія Закавказскихъ жителей, для блага коихъ учреждены были всѣ тѣ учебныя заведенія, изъ коихъ многіе оправдали себя полезною дѣятельностію и усердіемъ на поприщѣ службы.

Съ увольненіемъ генерала Нейдгардта произошло преобразование главнаго Кавказскаго начальства и вмѣсто главноуправлявшаго Грузіею назначенъ былъ Намѣстникъ Кавказскій. При первомъ Намѣстникѣ, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, учрежденъ былъ 18 декабря 1848 года Кавказскій учебный округъ, съ открытіемъ котораго наступила новая эра, для учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ. Ставропольская гимназія со всѣми подвѣдомственными ей училищами изъ Харьковскаго учебнаго округа причислена, къ Кавказскому, и вскорѣ послѣдовали преобразованія учебной части: учреждены здѣсь разныя учебныя заведенія, равно и гимназіи въ губернскихъ городахъ, вмѣсто существовавшихъ прежде тамъ уѣздныхъ училищъ, вслѣдствіе чего Кавказъ пошелъ быстрыми шагами по пути народнаго просвѣщенія.

(„Кавказъ“ № 41. 1876 г.).

По пути на Ахталы.

Это было 25 лѣтъ назадъ. Въ бытность мною на службѣ въ Тифлисскомъ уѣздѣ по волѣ бывшаго Намѣстника Кавказскаго, князя Михаила Семеновича Воронцова, получилъ я 10 апрѣля 1850 года приказаніе сопровождать его свѣтлость въ Борчалинскій участокъ, гдѣ князь желалъ осмотрѣть развалины древняго Ахталъскаго монастыря. Я сдѣлалъ немедленно нужныя для этой поѣздки распоряженія, и князь на другой день выѣхалъ изъ Тифлиса по направленію въ Борчалю. Въ экипажѣ у него сидѣли директоръ канцеляріи Намѣстника Сафоновъ, докторъ Соколовъ и Платонъ Юселіани. Я сопровождалъ ихъ верхомъ. Князь еще у подъѣзда, когда садился въ экипажъ, обратилъ ко мнѣ и просилъ, чтобы я объяснилъ ему историческое значеніе тѣхъ мѣстностей, по которымъ лежала, дорога. Погода была великолѣпная, чистое небо и апрѣльское утро, не уступавшее майскому, благоуханному воздуху, наполненному благоуханіемъ весенней растительности, располагали къ пріятному состоянію духа, и свѣтлѣйшій князь былъ очень доволенъ. Обозрѣвая окрестности, мы приближались къ селенію Саганлуху, раскинутому въ садахъ у оконечности горнаго хребта, который тянется почти стѣною по Курѣ отъ южнаго конца Тифлиса. Изъ Саганлуха, дорога

— 88 —

поворачиваетъ къ западу, оставляя Куру уже за собою и глазамъ открывается обширная равнина, въ концѣ которой возвышаются горныя высоты, подъ названіемъ Ягуджа, служащія великолѣпнымъ зимнимъ пастбищнымъ мѣстомъ для окрестныхъ татаръ.

„Вотъ это Ягуджа?, спросилъ князь Михайиль

Семеновичъ, обратившись къ Платону Иоселіани; мнѣ помнится, что въ бытность мною въ 1804 году здѣсь, бывшій сардаръ грузинскихъ царей, кн. Орбеліани, что-то рассказывалъ про эту Яглуджу и про царя Ираклія!“

„Вѣроятно, ваша свѣтлость, о томъ“ „отвѣчалъ Иоселіани: какъ разъ донесли парю Ираклію, что всѣ татары съ Яглуджи ушли въ Турцію со всѣми семействами, багажемъ и скотомъ и какъ тогдашнія власти просили разрѣшенія послать за ними людей въ догонку и вернуть ихъ назадъ. На это царь Ираклій предложилъ вопросъ: „ужели и самую гору Яглуджу татары взяли съ собою, или-же она осталась на мѣстѣ?“ „Само собою разумѣется, что гора Яглуджа осталась тамъ-же на мѣстѣ!“ отвѣчали царю. „Такъ не безпокойтесь, сказалъ онъ, татары сами придутъ назадъ, такъ какъ они не найдутъ такихъ пастбищъ въ Турціи!“ Такъ дѣйствительно и случилось. Татары вернулись изъ Турціи и населяютъ до-сихъ-поръ мѣстность, начиная съ татарскаго Саганлуха, Демурчасальскія деревни при Курѣ, Сарванъ, Коша, Гемра, Геуръ-архъ!“

„Такъ рассказывалъ, Сколько помнится, и князь Орбеліани“, сказалъ князь Воронцовъ.

Саганлухъ, деревня въ двѣнадцати верстахъ на востокъ отъ Тифлиса, на правомъ берегу Куры, раз-

дѣляется на двѣ половины: на грузинскую, населенную грузинами и армянами, и на татарскую, населенную татарами. Она въ древности называлась по-грузински *გურგუთო*, куркути, глухое ухо, и позднѣе затѣмъ, по Вахушту *გზის კარი*, гзис-кари, по грузински— „застава“, а буквальный переводъ „ворота дороги“. Въ послѣдствіи, во времена мусульманскаго владыче-

ства, деревня эта получила название Саганлуха, какъ называется и теперь и означаетъ по-татарски Саганлухъ, . огородъ, мѣсто лука.

Далѣе отъ Саганлуха расположены три деревни, которыя называются одинаковыми названіями Телети, отъ сокращеннаго грузинскаго слова მთელითი Мтелети, „здоровое мѣсто“. Изъ нихъ первая по дорогѣ Телети Мирзоева მირზოევის თელითი; другая по-дальше, по дорогѣ-же, Хатись-Телети, ხატის თელითი, т. е. Телети св. иконы или церковная, а третья по-ближе къ деревнѣ Кумиси მუმბრან თელითი, т. е. Телети кн. Мухранскихъ. Въ Хатись-Телети, въ ущельи, между каменными высотами, пріютилась древняя церковь св. Георгія, принадлежащая теперь армянамъ. Она видна съ дороги, напоминая путешественникамъ, что, не взирая на прежня нападенія на Грузію татаръ, остатки коихъ населяютъ близкія отъ той церкви деревни, христіанство охраняло страну и твердость ея религіи отъ магометанскаго насилія. Еще грузинскій географъ и историкъ, упомянутый выше, Вахуштъ, называетъ принадлежащую тогда грузинамъ телетскую икону св. Георгія—чудотворною. Она и теперь привлекаетъ множество богомольцевъ, безъ различія вѣроисповѣданія, въ особенности по субботамъ. Женщины посѣщаютъ ее усердно, пѣшкомъ, босыкомъ, изъ Тифлиса чрезъ

хребетъ, идя отъ крцанисскихъ садовъ. По увѣренію ихъ, искренняя молитва предъ образомъ спасаетъ отъ мучительныхъ болей при родахъ; бездѣтнымъ даетъ надежду имѣть дѣтей, а невѣстамъ помогаетъ отыскать поскорѣе жениховъ.

На высотѣ хребта, у Мирзоевскаго-Телети, отдляющато его отъ Тифлиса, глазамъ представляется пикъ, покрытый тѣнистыми деревьями, который на-

зывается შავ-ნაბადა, Шав-Набада, по-грузински черная бурка. По описанію путешественника Шардена, посѣтившаго Грузію въ 1653 году, онъ видѣлъ въ Шав-Набадѣ царскій домъ, въ которомъ жилъ грузинскій царь Ростомъ, введенный на грузинскій престолъ персидскимъ шахомъ Сефи, войска котораго охраняли того царя въ Грузіи отъ враждебнаго къ нему народа и отъ преслѣдованія законнаго царя, находившагося тогда въ Карталиніи (Горійскій уѣздъ). Отъ стоянки тамъ на пикъ персидскаго войска то мѣсто получило названіе Сефи-Абада, въ устахъ народа превращеннаго позднѣе въ Шави-Набада. На этомъ-то пикѣ расположился персидскій шахъ Ата-Магометъ-ханъ въ 1795 году, когда онъ собирался напасть на Тифлисъ. Оттуда далъ онъ приказаніе персидскому войску къ отступленію отъ Тифлиса, послѣ перваго пораженія персіанъ грузинскимъ царемъ Иракліемъ что произошло за нынѣшними банными воротами, на крцанисскихъ и ортачальскихъ равнинахъ. Хотя, отложившійся отъ царя Ираклія, Ганджинскій ханъ (Елисаветпольскій) увѣрялъ шаха въ безсиліи грузинъ и малочисленности грузинскаго войска, но, опасаясь военной хитрости царя Ираклія, шахъ Ага-Магометъ-ханъ не рѣшался двинуть войска свои къ Тифлису, напра-

— 91 —

вить ихъ обратно въ Персію. Но Ганджинскій ханъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, указалъ шаху въ подзорную трубу на дигомское поле, по которому тифлисскіе жители уходили поспѣшно въ беспорядкѣ, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто на арбахъ, спасаясь бѣгствомъ изъ Тифлиса. Послѣ уже шахъ воротилъ войска свои къ Тифлису, раззорилъ и опустошилъ его огнемъ и мечемъ и забралъ множество жителей въ плѣнъ.

Недавно въ Шавъ-Набадѣ, помѣщикъ Мирзоевъ

построилъ церковь на развалинахъ старой. Видъ съ этой высоты восхительный, въ особенности весною. Вся почти панорама Кавказа представляется глазамъ въ самыхъ фантастическихъ формахъ. Снѣжныя высоты Кавказскихъ исполиновъ и предгорія, скрываема въ отдаленной синевѣ Карталиніи, и вся обширная мѣстность, начиная съ Кахетіи, пересѣкаемая цѣпью горъ по разнымъ направленіямъ, придаютъ особенную живописность мѣстности. Князь пожелалъ захватить туда на возвратномъ пути; но это какъ-то не состоялось.

Мы проѣхали деревни, принадлежащія князьямъ Орбеліани: Кумиси и Кода, гдѣ тогда находилась почтовая станція; около станціи все деревенское населеніе представлялось князю въ праздничномъ видѣ, со старшиною во главѣ. Этотъ старшина замѣчательнъ тѣмъ, что былъ чрезвычайно толстъ, съ краснымъ лицомъ и большою головою, будучи самъ низкаго роста. Князь, улыбнувшись, поклонился имъ, и они, обрадованные такимъ вниманіемъ, громко благословляли его, желая ему здоровья на многія лѣта.

Далѣе, недалеко отъ деревни князей Баратовыхъ — Марабда, встрѣтили князя Михаила Семеновича,

Борчалинскіе агалары, верхами. При приближеніи экипажа, они всѣ спѣшились и выстроились въ рядъ. Князь приказалъ остановиться, вышелъ изъ экипажа, и когда подошелъ къ нимъ, то я представлялъ его свѣтлости cadaго изъ агаларовъ; онъ очень благосклонно ихъ принялъ, въ особенности Ахметъ-Султана Демурчальскаго, Даштемура, Араплинскаго Махмедъ-Агу, Сарванскаго Ибрагимъ-Халиль-Агу, Капанакчинскаго Мустафа-Агу и слѣдующаго далѣе, всѣ эти агалары, составили многочисленный и блистательный конвой,

щеголяя лошадыми, сбруею и пышною одеждою. Всѣ они восхищались вниманіемъ князя, когда онъ съ улыбкою, то къ одному, то къ другому обращалъ глаза, когда они гарцовали на лошадахъ своихъ въ виду экипажа свѣтлѣйшаго. Марабдинскія поля не видѣли такого для себя праздника послѣ тѣхъ плачевныхъ дней, когда въ 1620 году персидскій государь Шахъ-Аббасъ, разоривъ Грузію, остановился тамъ для отдыха, и когда послѣ того, принявши исламъ, выше-сказанный Ростомъ далъ дневку персидскому войску, съ которымъ онъ шелъ противъ Карталинскато царя.

Вся та обширная населенная равнина производительной мѣстности во времена прежнихъ нашествіи монголовъ, туркменъ, турокъ и персіянъ была совершенно опустошена и вызвана къ жизни только при русскомъ правительствѣ, когда послѣ водворенія здѣсь спокойствія и тишины, скитавшеса въ разныхъ горныхъ ущеліяхъ жители возвратились въ прежнія ихъ деревни и поселились вновь тамъ около развалинъ прежнихъ своихъ церквей, ими, возобновленныхъ,

Недалеко оттуда, чрезъ рѣку Алгети, которая служитъ границей населенія грузинскаго племени, на

правомъ ея берегу, за переправою, на высотѣ, командующей обширною равниною, расположена деревня Марнеули, населенная грузинами, на развалинахъ прежней деревни, гдѣ имѣли иногда мѣстопребываніе грузинскіе цари, для охраненія этого конечнаго пункта ихъ царства отъ нападений тогдашнихъ завоевателей. Эта высота называлась въ старину по-грузински ლომთა ზობა — ломта, гора, львиная гора, гора лъвовъ, въ память той борьбы, которую выдерживали здѣсь христіансае богатыри, сражаясь съ мусульманами и азіатскими варварами.

Зато ровная мѣстность у подошвы этой высоты, покрытая древними развалинами церквей и домовъ, называется ჯოჯოხეთი, Джоджохета— ад по-грузински, въ память страшной рѣзни и опустошенія, нѣмыми свидѣтелями которыхъ остались эти развалины.

За рѣкою Алгети, къ юго-востоку начинается уже населеніе монгольскаго и туркменскаго племени. Первая изъ деревень, населенныхъ потомками воиновъ Чингиза и Тамерлана—Сарванъ, жители которой туркменскаго племени, а далѣе къ Красному мосту, жители деревень Муганло, Геур-архъ, Лачбадикъ, Чалобли, Капанакчи—уже потомки манголовъ. Несмотря на такую отдаленную давность, названіе деревни Муганло, т. е. Монголовъ сохранилось до сихъ поръ, и этихъ названій деревень Муганло— пять-шесть, жители коихъ по характеру и типу совершенно отличаются отъ другихъ сосѣднихъ татаръ деревень: Сарванъ, Рапли, Кущи, Садахло и проч., такъ что жители другихъ деревень, тѣ-же татары, отличая себя какъ-то отъ первыхъ, смотрятъ на нихъ, какъ на людей дикихъ, простыхъ,

— 94 —

на людей низшаго сорта, называютъ ихъ въ насмѣшку таракама, т. е. туркменами. Затѣмъ начинаютъ жители османскаго происхожденія, какъ остатка, владычества турокъ, въ горныхъ татарскихъ деревняхъ Ягуplo, Агбало, Имиръ-Ассанъ, Куляръ, Фахраме, Ормошень и другихъ; послѣ сего встрѣчается періодъ владычества персіанъ въ населенныхъ деревняхъ Демурчасальскихъ, на правомъ берегу Куры—Такли и Караджали— на лѣвомъ берегу, а на правомъ берегу рѣки Храма—Сарачли, другое Капанакчи, и проч. По этимъ народностямъ можно судить о тѣхъ мусульманскихъ завоеваніяхъ, жертвою которыхъ бывала христіанская Грузія.

Переправившись чрезъ рѣку Храмы въ бродъ, мы къ вечеру пріѣхали въ деревню князей Меликовыхъ, Садахло, гдѣ хозяиномъ—княземъ Мелековымъ, устроены были войлочные татарскія алачухи (или кибитки) съ большимъ комфортомъ, для пріема князя Михаила, Семёновича. Въ 6 часовъ подали обѣдъ; князь былъ въ веселомъ расположеніи духа и все кругомъ его одушевлялось радостію. Деревня населена татарами, и они оставались еще дома, въ деревнѣ, несмотря на то, что они и вообще все татарское населеніе и другихъ деревень Борчалинскихъ съ наступленіемъ жаровъ, съ конца апрѣля, оставляютъ дома свой и отправляются со всѣмъ семействомъ, скотомъ и имуществомъ на горы, на кочевку, почти до конца сентябри.

Садахло расположено на живописной мѣстности при рѣкѣ Дебедѣ, впадающей въ Храмы. Мѣстные жители и пріѣхавшіе изъ окрестныхъ деревень долго, въ почтительномъ разстояніи, смотрѣли на князя съ большимъ благоговѣніемъ, дорожа счастливымъ случа-

—95—

емъ видѣть въ своей деревнѣ сардаря и ярума, падишаха, какъ татары его называли.

На другой день князь и всѣ мы отправились верхами по горной дорогѣ, лежавшей по берегу рѣки Дебеды. Подымаясь постепенно, встрѣчали мы по дорогѣ опустошенныя деревни съ остатками садовъ и нѣсколько уцѣлѣвшихъ крестьянскихъ домовъ, но безъ хозяевъ. Приближаясь къ деревнѣ Чочкани, расположенной на живописной мѣстности, на полпути почти до Ахтальскаго монастыря отъ Садахло, князь; Намѣстникъ былъ пріятно пораженъ сборищемъ жителей этого селенія изъ армянъ, которые стояли около дороги съ хоругвями, въ праздничныхъ платьяхъ; священникъ во главѣ ихъ, съ крестомъ въ рукахъ,

въ полномъ облаченіи, началъ пѣть духовные гимны. Князь и всѣ мы сошли съ лошадей, пѣніе было прекращено. Князь подошелъ къ кресту; жители поднесли хлѣбъ-соль и вмѣстѣ съ тѣмъ зарѣзали нѣсколько барановъ по дорогѣ, въ знакъ глубочайшаго уваженія и преданости, по восточному обычаю (курбанъ — жертвоприношеніе). Князь сказалъ нѣсколько словъ со священникомъ и старшиною деревни чрезъ князя Меликова, который провожалъ насъ, и мы отправились далѣе. По мѣрѣ приближенія къ монастырю, мы замѣчали свѣжіе еще слѣды опустошенія, которое потерпѣла эта страна отъ вторженія лезгинъ въ 1784 году, подъ предводительствомъ владѣтеля Аваріи— Омаръ хана. Здѣсь были серебрянныя и золотыя руды, которыя обрабатывали издревле греки еще при грузинскихъ царяхъ. При царѣ Иракліѣ, въ прошломъ XVIII столѣтіи, добывали здѣсь до 100 фунтовъ золота ежегодно. По церковнымъ преданіямъ Грузинъ,

— 96 —

онъ пожертвовалъ въ Мцхетскій соборъ изъ ахталскихъ рудъ золотыя вещи для алтаря, съ надписью на нихъ, что царь Ираклій поднесъ эти дары въ знакъ особеннаго смиренія и сердечной молитвы, дабы благословеніе Божіе приумножило золото въ царствѣ грузинекомъ открытіемъ новыхъ золотыхъ рудъ. Наконецъ, мы пріѣхали на мѣсто, гдѣ въ V вѣкѣ царь Вахангъ I устроилъ монастырь и назвалъ его Агаракки, учредивъ тамъ епископство Агаракское—отъ грузинскаго слова агараки აგარაკი, ровная поляна. въ послѣдствіи превратившееся въ татарское слово Ах-тала, ах-тала, бѣлая поляна. Епископъ тамошній въ старину назывался აგარაკელი агаракели, въ послѣдствіи-же ახტალელი, ахталели. Такія превращенія грузинскихъ названій мѣстностей въ татарскія и те-

перь встрѣчаются во множествѣ въ Грузіи.

Церковь Божіей Матери въ Ахталахъ, безъ купола, сохранилась въ цѣлости, и она можетъ служить величественнымъ памятникомъ церковной архитектуры. Князь Михаилъ Семеновичъ восхищался замѣчательнымъ архитектурнымъ искусствомъ этой церкви и рассмотрѣлъ ее во всѣхъ подробностяхъ. Ровная мѣстность на горной возвышенности, какъ будто нарочно созданной природою для того, чтобы она служила мѣстомъ богослуженія среди окружающихъ ея горъ и ущелій, покрытыхъ лѣсомъ, гдѣ еще видны остатки множества церквей, составляетъ собою, какъ будто, центръ, куда должны были стремиться всѣ духовныя помышленія окрестныхъ жителей, которые густо когда-то населяли страну. По распоряженію князя Намѣстника, церковь Ахтальской Божіей Матери не разъ возобновлялась, и онъ былъ очень доволенъ,

— 97 —

что работавшіе тамъ греки не щадили трудовъ и усердія въ пользу богоугоднаго дѣла и завѣтнаго для нихъ священнаго мѣста. Мастеровые и вообще всѣ греки, занимавшіеся на мѣдныхъ рудникахъ, недалеко отъ Ахталы, питали большое благоговѣніе къ Ахтальской церкви, пріѣзжая сюда на богомоліе въ годъ два, раза: на Рождество и Успеніе Пресвятой Богородицы. Между рудопромышленниками-греками оказалось еще нѣсколько человѣкъ старожиловъ, дряхлыхъ стариковъ, помнившихъ опустошительное нашествіе лезгинъ и Омаръ-хана Аварскаго въ 1784 году, когда грабители истребили всѣхъ христіанъ, искавшихъ спасенія въ церкви. Князь Намѣстникъ вспоминалъ рассказы объ этомъ нашествіи, слѣды котораго были еще свѣжи тогда, вспоминалъ, какъ онъ сорокъ лѣтъ назадъ, еще молодымъ офицеромъ, посѣщалъ эти мѣста, въ 1804

году, во времена главноуправляющаго въ Грузіи князя Циціанова, при которомъ онъ состоялъ адъютантомъ и при которомъ управлялъ здѣсь горною частью графъ Мусинъ-Пушкинъ. При этомъ Намѣстникъ сравнивалъ нѣкоторыя мѣстности и остатки церквей съ армянскими—Ахпатскою и Санайнскою монастырскими церквами, находящимися недалеко отъ Ахталы, которыя князь видѣлъ тоже въ былое время.

Общій характеръ Ахталъской церкви напоминаетъ Мцхетскую и Гелатскую; но эти послѣднія гораздо меньше Ахталъской. Величественный видъ, изящество архитектурной отдѣлки, смѣлыя высокія арки, чудныя скульптурныя изображенія на стѣнахъ и на сводахъ, въ разныхъ узорчатыхъ формахъ вмѣстѣ съ живописною мѣстностію, приводили въ восхищеніе князя Михаила Семеновича. Внутри церкви хорошо сохрани-

— 98 —

лось огромное изображеніе Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, которое обратило на себя особенное вниманіе какъ чистотою отдѣлки, такъ и свѣжестію красокъ, несмотря на раззоренія, которыя церковь терпѣла въ теченіи вѣковъ.

Грузинскій царь Давидъ-Возобновитель и царица Тамара исправляли нѣкоторыя поврежденія, оказавшіяся въ церкви послѣ раззореній непріятельскихъ. Тамъ въ углу до-сихъ-поръ хорошо сохранился на стѣнѣ образъ св. Екатерины, съ надписью грузинскими церковными буквами; ликъ мученицы позднѣйшія поколѣнія принимали за лицо царицы Тамары.

Существуютъ легендарныя преданія, по которымъ греческій императоръ Ираклій выстроилъ церковь, по обѣщанію, за спасеніе Константинополя отъ скифовъ и персіанъ, которые въ одно время осаждали его. Когда-же онъ, императоръ, находился въ Ахталѣ для

сбора войска, Тамерланъ, будто-бы, съ противоположной горы выстрѣлилъ въ окно Ахталъской церкви, и ядро попало будто въ образъ Богородицы. Но это положительно невѣрно, потому что во время Тамерлана не было огнестрѣльныхъ орудій. Во время нашествія Омаръ-Хана Аварскаго, о которомъ сказано выше, часть Ахталъскихъ жителей скрылась въ потаенныхъ ризницахъ, которыхъ, несмотря на розыски, не могли открыть. Но, къ несчастію, крикъ и плачь грудного ребенка выдалъ ихъ, и спрятавшіяся были истреблены лезгинами. Между погибшими, говорятъ, были женихъ и невѣста, влюбленные другъ въ друга, родители коихъ никакъ не давали имъ позволенія обвѣнчаться, такъ какъ отецъ жениха нѣкогда враждовалъ противъ семейства дѣвушки. Никакія просьбы сына и

посредничества родственниковъ и знакомыхъ не могли уломать старика согласиться на счастье своего сына, который томился безнадежною страстью къ дѣвушкѣ и который между тѣмъ не смѣлъ противиться волѣ отца. Во время-же общей опасности, при нашествіи лезгинъ, суровый отецъ далъ дозволенье своему сыну обвѣнчаться послѣ минованія этой опасности и тревожнаго состоянія края, и молодой человѣкъ, ожившій и обрадованный, полетѣлъ къ невѣстѣ и торопилъ семейство ея отца скрыться вмѣстѣ въ тѣхъ церковныхъ ризницахъ, казавшихся на видъ самымъ безопаснымъ убѣжищемъ отъ лезгинъ; но когда эти хищники открыли ихъ, и молодую дѣвушку хотѣли взять въ плѣнъ, то ее никакъ не могли оторвать отъ своего жениха и такимъ образомъ обоихъ, вмѣстѣ съ другими, закололи.

Изъ послѣднихъ греческихъ епископовъ Ахталъскихъ извѣстны: Игнатій, котораго турки повѣсили

въ Ахалцихъ за тайную переписку съ русскими во время главноуправляющаго въ Грузіи графа Гудовича, — послѣдній предпринималъ походъ въ Ахалцихъ изъ Тифлиса, и Варлаамъ, который былъ въ послѣдствіи экзархомъ Грузіи.

Распростившись съ помѣщикомъ княземъ Меликовымъ, свѣтлѣйшій выѣхалъ оттуда и вечеромъ пріѣхалъ въ деревню Полковникло, къ князю Дмитрію и женѣ его Маріѣ Ивановнѣ Орбеліани.

Дорога отъ Садахло до Полковникло идетъ частію по лѣвому берегу Дебеды, а далѣе, по правому берегу р. Храма, затѣмъ переходитъ черезъ р. Мошавери, при которой уже расположена деревня Полковникло. Всѣ эти рѣки изобилуютъ рыбою. Рыбная ловля въ

— 100 —

рѣкѣ Храмѣ вимою чрезвычайно развита, такъ что каждую зиму ловятъ рыбу во множествѣ и въ сапеткахъ привозятъ въ Тифлисъ на продажу.

Назваше Полковникло дано деревнѣ по чину полковника, который имѣлъ отецъ княгини Маріи Ивановны, кн. Иванъ Орбеліани; но мѣстное названіе деревни было прежде грузинское ხიდის-საბალო „хидискури, устой моста“, а по-татарски навывалась агбалло. Подъ симъ послѣднимъ названіемъ она извѣстна была и по камеральнымъ описаніямъ временъ открытія здѣсь правительства всероссійскаго. Князь Михаилъ Семеновичъ по дорогѣ любовался очаровательными видами окрестностей, и къ шести часамъ вечера пріѣхалъ туда къ обѣду. Обѣдъ былъ оживленъ разсказами князя. „Всѣ эти очаровательные виды, которые я видѣлъ сегодня, сказалъ князь Михаилъ Семеновичъ хозяйкѣ, я кое-какъ помнилъ, потому что я ихъ видѣлъ первый разъ сорокъ лѣтъ назадъ. Это меня чрезвычайно освѣжило, и я никогда ихъ не за-

буду. Я посовѣтую женѣ моей, княгинѣ Елисаветѣ. Ксаверьевнѣ, посѣтить эти мѣста, я увѣренъ, что и ей они понравятся. Какъ однако время летитъ “...

На слѣдующее утро князь и сопровождавшіе его, распростившись съ радушными хозяевами, выѣхали изъ Полковникло въ Тифлисъ. Князь Воронцовъ обратилъ особенное вниманіе на старинный Храмскій или Калагирскій мостъ, который, по его приказантію, возобновлялся изъ развалинъ. Къ этому мосту ведетъ по горѣ, изъ татарской деревни Кизиладжло, древняя широкая римская дорога, нынѣ заброшенная, которая вымощена камнями и мѣстами уже поросла кустами; ее называютъ старою Калагирскою дорогою. Са-

мая деревня Калагиръ была когда-то городомъ и разрушена вмѣстѣ съ каменнымъ мостомъ, на рѣкѣ Храмѣ, при которомъ она находилась; все мѣсто кругомъ усѣяно множествомъ развалинъ временъ Тамерлана.

Въ Арухло я представилъ князю тамошняго помѣщика Али-агу и пять его взрослыхъ сыновей. Али-ага былъ высокаго роста, плечистъ, но уже старъ. Онъ былъ замѣчательнымъ разбойникомъ во времена бывшаго главноуправляющаго в Грузіи, генерала Ермолова. Тогда, въ 1818 году, послѣ одного разбойничьяго наѣзда въ верхней Карталиніи около Сурама, лезгини и ахалцихскіе турки взяли нѣсколько чело-вѣкъ грузинъ въ плѣнъ, и въ томъ числѣ княгиню Маію П... Генераль Ермоловъ призвалъ Али-агу и, объщаясь простить всѣ его разбои, приказалъ освободить княгиню изъ гарема Ахалцихскаго паши. Али-ага отправился въ Ахалцихъ, принадлежавшій тогда Турціи—считавшійся вертепомъ разбойниковъ, укралъ изъ гарема плѣнную княгиню Маію и доставилъ ее къ генералу Ермолову въ Тифлисъ. Прощенный Али-

ага, въ послѣдствіи, во время персидской и турецкой компаніи 1826—1828 г., хорошо служилъ и отличался храбростію и партизанскими нападеніями на персидскіе и турецкіе обозы и маленькіе отряды, такъ что онъ, съ своею партіею Борчалинскихъ татаръ, не давалъ имъ покою, нападая на нихъ невзначай и угоняя ихъ лошадей и скоть.

Когда обо всемъ этомъ я доложилъ князю, онъ, улыбнувшись, сказалъ Али-агъ, что ему очень пріятно его видѣть. Али-ага, въ знакъ глубочайшаго уваженія, поцѣловалъ сюртукъ князя и сказалъ: „сардаръ! я по лѣтамъ своймъ лишень счастья служить Государю

— 102 —

Императору; на зато представляю всѣхъ моихъ сыновей вамъ, для службы. Прикажите имъ служить; они, надѣюсь, положить свой головы на вѣрной службѣ Государю!“ Князь выслушалъ говорившаго съ улыбкой...

Переправившись въ бродъ чрезъ р. Храмъ, на тифлисскую дорогу, князь обратилъ вниманіе на-такъ. называемый Бѣлый замокъ, одиноко стояшій на равнинѣ, недалеко отъ Калагиръ, на берегу р. Храма, съ четырьмя оборонительными башнями. Замѣчательно, что Калагиръ и высоты его совершенно командуютъ всею этою мѣстностію, гдѣ находится замокъ, Постройку замка приписываютъ царицѣ Дареджанъ, супругѣ грузинскаго царя Ираклія; осматривая эту крѣпость въ подробности, князь удивлялся напрасному сизифову труду и бесполезности самаго сооруженія замка, по совершенному отсутствію стратегическихъ соображеній при избраніи такого дурного мѣста для крепости.

Далѣе дорога идетъ по ровной мѣстности, огибающей высоты деревни Калагира, Кизиладжло и

Марнеули, на каковыхъ высотахъ и встрѣчаются остатки римской дороги, о которой сказано выше. Приближаясь къ рѣкѣ Алгеткѣ, на обратномъ пути въ Тифлисъ, князь замѣтилъ множество тѣхъ-же развалинъ по равнинѣ у подошвы высотъ Марнеули, о которыхъ говорено выше. Это были: Марнеули и высота Марнеульская, называвшаяся прежде горою львовъ, ლომთა გორა (ломта - гора львиная гора); эти развалины— остатки деревни, которая въ старину называлась ეკლესია, эклесіа, по-грузински церковь, теперь называется адомъ—ჯოჯობეთა, дждожохета, Князь

— 103 —

замѣтилъ странность превращеній этихъ названій и сказалъ, что, вѣроятно, должны быть какія-нибудь историческія причины, которыя сохранили эти названія въ устахъ народа. Затѣмъ я объяснилъ, что тамъ, въ старину, даже и въ началѣ прошлаго столѣтія, во времена грузинскаго царя Вахтанга VI, грузины добывали селитру; но что, когда турки завладѣли Грузіею, то грузины перестали заниматься этою добычею. „Объ этомъ надо позаботиться, сказалъ князь директору своей канцеляріи Сафонову, „кто будетъ хорошимъ источникомъ для новой отрасли промышленности“. „Слушаюсъ“, отвѣчалъ Сафоновъ.

Переpravившись черезъ рѣку Алгетку, мы пріѣхали на Кодинскую почтовую станцію ровно въ половинѣ одинадцатаго часа утра.

Къ 12 часамъ князь Михайль Семеновичъ пріѣхалъ уже въ Тифлисъ.

(Кавк. 1874 г. №№ 123, 124).

Воспоминанія старожила.

Штабъ-квартира Мингрельскаго полка находилась на Бѣломъ-Ключѣ, т. е., по мѣстному названію, на Агбулагѣ, что означаетъ одно и то-же (агъ—бѣлый, булагъ—ключъ), гдѣ теперь расположенъ Грузинскій Гренадерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полкъ. Въ то время на всѣ почти земли подъ штабъ-квартиру были предъявлены споры со стороны помѣщиковъ князей Баратовыхъ, княгини Мананы Орбеліани,

— 104 —

урожденной княжны Баратовой—Абашевой и дворянъ Аршовыхъ и Сагиновыхъ, и объ этомъ производилось дѣло. Командиръ полка, покойный уже, генеральъ Казачковскій доказывалъ, что всѣ тѣ земли были заняты силою оружія. Не взирая на то, и жители окрестныхъ деревень приносили жалобы на неопредѣленность границъ бѣлоключинскихъ земель, вслѣдствіе чего нижніе чины и бѣлоключинскіе поселяне, по словамъ жителей, переходили на ихъ земли и тѣмъ возбуждали непрерывныя жалобы, въ особенности, со стороны дагетъ-хачинскихъ жителей.

По приказанію бывшаго тогда Намѣстника Кавказскаго (покойнаго уже) свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова, возложено было на меня привести чрезъ надлежащее мѣстное изслѣдованіе въ извѣстность всѣ участки земель, занимаемыхъ штабъ-квартирою полка, съ подробнымъ описаніемъ свѣдѣній, съ котораго времени каждый участокъ земли занималъ полкъ и у кого во владѣніи до того времени эти участки находились, и кто на каждый изъ нихъ и на какомъ основаніи простиралъ свое право. Для

снятія на планъ всѣхъ бѣлоключинскихъ земель межевымъ порядкомъ командированы: офицеръ корпуса топографовъ съ депутатами со стороны главнаго штаба и Мингрельскаго полка. Въ числѣ вызванныхъ мною по сему дѣлу помѣщиковъ былъ и кн. Георгій (Гогія) Баратовъ, человекъ лѣтъ за 60, чрезвычайно веселый и очень бодрый. Онъ предъявлялъ права на земли отъ оврага къ въѣзду изъ Тифлиса въ штаб-квартиру и далѣе до оврага, отдѣлявшаго участокъ, принадлежавшій княгинѣ Мананѣ Орбеліани. Съ ранняго утра до поздняго вечера занимались

— 105 —

дѣломъ, затѣмъ я распускалъ жителей по квартирамъ до другаго ранняго утра, т. е. до дальнѣйшаго производства изслѣдованія; офицеръ корпуса топографовъ, который занималъ одну со мною квартиру на Бѣломъ Ключѣ, вечеромъ при свѣчахъ прекращалъ свои работы по съемкѣ спорныхъ земель на планъ. Мы оставались одни съ переводчикомъ, но запасъ нашего разговора, послѣ дневныхъ занятій, очень скоро истощался. На выручку являлся кн. Баратовъ, который внушалъ невольное къ себѣ уваженіе, какъ по лѣтамъ своимъ, такъ и по откровенному и веселому характеру своему. Владѣя громадною памятью, онъ рассказывалъ намъ множество анекдотовъ временъ бывшихъ главноуправлявшихъ въ Грузіи, при которыхъ со временъ кн. Циціанова онъ находился въ походахъ. „Я помню грузинскаго царя Ираклія и прислуживалъ послѣднему царю Георгію!“ сказалъ онъ; „Я былъ въ числѣ первыхъ, которые пошли на встречу, когда первый полкъ русскій пришелъ къ намъ въ Тифлисъ, съ первымъ главноуправлявшимъ генераломъ Кноррингомъ, въ 1800 году. Вы не можете себѣ представить, какой былъ это праздникъ для всѣхъ насъ,

грузинъ, и въ особенности для Тифлиса. Намъ казалось, что мы ожили, что мы совсѣмъ переродились къ лучшему. Радость и удовольствіе были написаны на лицѣ каждаго изъ насъ. Болѣе сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а мнѣ кажется, что это было недавно!“

Мы слушали со вниманіемъ, каждое его слово возбуждало въ насъ живѣйшее любопытство и мы просили его рассказать намъ какіе-либо эпизоды изъ того времени, свидѣтелемъ которыхъ былъ онъ.

— 106 —

„Я вамъ расскажу, сказалъ онъ, то, что я слышалъ отъ моего отца, который оставилъ даже замѣтки и то, что происходило при мнѣ въ Грузіи въ послѣднее время грузинскаго царства. Я вамъ расскажу про страшнаго персидскаго шаха Ага-Магометъ-Хана, который, раззоривъ Тифлисъ въ 1795 году, собирался другой разъ вторгнуться въ Грузію для окончательнаго опустошенія ея, отъ чего избавила насъ Россія!“ ...

Мы готовы были слушать, и это чрезвычайно польстило самолюбію рассказчика.

„Вы, вѣроятно, знаете, сказалъ кн. Баратовъ, что въ Персіи въ прошломъ столѣтіи царствовалъ знаменитый шахъ Надиръ;—онъ былъ въ союзѣ съ Россією и потому очень благоволилъ грузинскому царю Ираклію.—Послѣ знаменитыхъ побѣдъ и завоеваній, того шаха Надира убили въ Персіи и послѣ него тамъ царствовалъ Керимъ-шахъ, бывший до того времени правителемъ Шираза и Курдистана. При немъ Персія наслаждалась спокойствіемъ и миромъ, но со смертію Керима въ 1778 году, она сдѣлалась театромъ кровопролитныхъ раздоровъ между искателями верховной власти. Среди этихъ внутреннихъ междуусобій, неизвѣстный до того времени содержавшійся при Ке-

римъ-шахъ, въ Ширазѣ, въ темницѣ аманатомъ, оскопленный Ага-Магометъ-Ханъ бѣжалъ изъ Шираза и нашель убѣжище у своего брата Муртаза-Кули-Хана, правителя Астрабадскаго и Мазандарнскаго; но этотъ бѣглець Ага-Магомедъ-Ханъ отплатилъ своему брату: самую черною неблагодарностью и коварствомъ, изгнавъ его изъ его-же областей. Послѣ сего, завладѣвъ и Испаганью и вскорѣ за тѣмъ всѣми персидскими областями, Ага-Магометъ-Ханъ провозгласилъ себя

— 107 —

шахомъ. Но бѣдный Муртазъ-Кули-Ханъ бѣжалъ въ Гилянъ отъ преслѣдованія своего брата и получилъ убѣжище на русскихъ судахъ, находившихся тогда въ заливѣ Зинзили и затѣмъ съ Высочайшаго соизволенія выѣхаль въ 1798 году со многими знатными персіанами въ Астрахань.—Насколько этотъ Муртазъ-Кули-Ханъ былъ преданъ Россіи, настолько же новый шахъ, Ага-Магометъ-Ханъ, отличался не расположеніемъ и недоброжелательствомъ къ ней. Оно усилилось въ немъ послѣ принятія Грузіи подъ покровительство и подданство Россіи по заключенному съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ трактату 1783 года. Оно таилось въ шахѣ подъ прикрытіемъ наружнаго вида расположенія къ Россіи, но наглый поступокъ персіанъ въ 1781 году съ командовавшимъ тогда, Каспійскою флотилею капитаномъ 2 ранга графомъ Войновичемъ, усилившійся деспотизмъ Ага-Магометъ-Хана въ Персіи и угрозы, посылаемыя имъ къ грузинскому царю Ираклію, не могли остаться уже тайною, и російское правительство обратило на дѣла Персіи ближайшее вниманіе.

„Еще Петръ Великій помышлялъ объ открытіи ближайшаго пути для торговли въ Индіи. Тамошніе товары шли чрезъ Хиву, Бухару и Оренбургскій край,

и потому наше правительство, находясь въ дружественныхъ тогда сношеніяхъ съ прибрежными владѣтелями Каспійскаго моря, отправило въ 1781 году изъ Астрахани эскадру, подъ начальствомъ упомянутаго графа Войновича, для занятія удобной прибрежной земли, которая могла-бы служить пунктомъ безопаснаго пристанища для торговли и для привлеченія товаровъ изъ разныхъ странъ восточныхъ и, преиму-

— 108 —

щественно, изъ Индіи. Графъ Войновичъ отправился въ Астрабадъ, заливъ котораго и самая мѣстность окрестностей города соотвѣтствовали всѣмъ условіямъ развитія торговли какъ по прекрасной гавани и здоровому климату, такъ и по плодородію и громадной производительности тамошнихъ мѣствъ. Астрабадскій ханъ охотно уступалъ графу Войновичу землю и испросилъ на то разрѣшеніе хана Ага-Магометъ-Хана, который не только изъявилъ на то согласіе, но и одобрилъ это предпріятіе, обѣщавъ даже помогать графу Войновичу рабочими и мастеровыми. Графъ дѣйствительно занялъ землю, выстроилъ тамъ нѣсколько строеній, обзаведеній и батарею для защиты отъ набѣговъ туркменъ и обнесъ всѣ эти обзаведенія оградой. Послѣ всего этого, по приказанію коварнаго Ага-Магометъ-Хана, Астрабадскій ханъ, который былъ друженъ съ графомъ Войновичемъ, измѣною завлекъ графа и другихъ съ нимъ офицеровъ въ гости и не прежде освободилъ ихъ, какъ по совершенномъ уничтоженіи всѣхъ возведенныхъ русскими строеній и пока не свезли орудій и всего имущества обратно на суда. Вынужденный исполнить строгое повелѣніе шаха, Астрабадскій ханъ, несмотря на то, оказывалъ графу Войновичу знаки уваженія и расположенія, такъ что графъ еще долго оставался въ Астрабад-

скомъ заливѣ совершенно спокойно.

„Сдѣлавшись изъ ничтожества обладателемъ всей Персіи; Ага-Магометъ-Ханъ не былъ увѣренъ въ твердости своей власти и потому, опасаясь оставаться на одномъ мѣстѣ долго, онъ объявилъ войску, что идетъ въ Гурджистанъ (въ Грузію) и обѣщаль предоставить ему все богатство Грузіи. Онъ двинулъ войска свои

— 109 —

изъ Азербейджана по тремъ направленіямъ. Одинъ отрядъ шелъ чрезъ Муганскую степь въ Ширванъ и Дагестанъ, другой отрядъ—на Эриванъ, а третій корпусъ, подъ личнымъ предводительствомъ самаго шаха, шелъ въ Карабахъ къ Шушѣ.

„Между тѣмъ грузинскій царь Ираклій употреблялъ всѣ средства для затрудненія слѣдованія Ага-Магометъ-Хана, для того чтобы успѣть въ скорости собрать войска. Карабахскій и Эриванскій ханы, давнишые союзники и пріятели царя Ираклія, послушались его внушеній противъ Ага-Магометъ-Хана, который по происхожденію своему стоялъ гораздо ниже знатныхъ по происхожденію хановъ Эриванскаго и Шушинскаго (Карабахскаго), и потому послѣдніе, не признавая его за хана, отложились совсѣмъ отъ Персіи, надѣясь на поддержку со стороны царя Ираклія. Ага-Магометъ-Ханъ долго осаждалъ Шушу и Эриванъ, но никакъ не могъ взять тамошнихъ крѣпостей. Царь Ираклій думалъ, что блокада ихъ если и не остановитъ дальнѣйшаго движенія персидскаго войска на Грузію, то значительно задержитъ его подъ стѣнами тѣхъ крѣпостей. Не взирая на то, Ага-Магометъ-Ханъ, оставивъ какъ въ Эривани такъ и подъ Шушою часть войска, двинулся съ огромными силами на Грузію, присоединивъ къ себѣ измѣнившаго царю Ираклію Ганджинскаго хана; онъ торопился для того, чтобы

предупредить прибытіе сюда русскихъ войскъ, которыхъ царь Ираклій ожидалъ изъ Кавказской линіи, отъ командовавшаго тамъ войсками генерала графа Гудовича (въ послѣдствіи главнокомандующаго въ Грузіи 1806—1809 гг.). Царь Ираклій очень поздно увѣдомилъ его объ опасности, которая грозила Грузіи,

— 110 —

и потому войска не могли поспѣть въ Тифлисъ по чрезвычайной тогда трудности дороги чрезъ Кавказскія горы. Несмотря на отчаянное сопротивление и чудеса храбрости со стороны грузинъ, персіяне, какъ саранча, напали на Грузію, ворвались въ Тифлисъ какъ тигры, ломали и жгли, что только попадало въ ихъ руки, ограбили церкви, растаскали и расхитили все имущество тифлисскихъ жителей, которыхъ хватили и безпощадно убивали. Наконецъ, насытившись всѣми мерзостями неистовства, персіяне, опасаясь, чтобы русскія войска не подоспѣли противъ нихъ, бросили поспѣшно раззоренный городъ и ушли, взявъ съ собою до 5,000 плѣнныхъ и обѣщавъ придти еще другой разъ въ скорости. Это было въ сентябрѣ 1795 года.

„Чтобы наказать персіянъ, по повелѣнію Императрицы Екатерины, русскія войска, подъ начальствомъ графа Валеріана Александровича Зубова, въ 1796 году вступили въ Дербентъ и Персію нѣсколькими отрядами. Главный корпусъ графа Зубова пошелъ въ Шемаху и занялъ мѣстности до Куры и Аракса, устроивъ въ Шемахѣ главную квартиру; другой отрядъ, подъ командою генерала Булгакова, дѣйствовалъ въ Дагестанѣ и, занявъ ханство Кубинское, пошелъ на Баку. Въ корпусѣ графа Зубова находились генералы, которые ознаменовали себя знаменитыми подвигами, увѣковѣчившими ихъ память въ ис-

торіи, именно: Булгаковъ, Бенигсенъ, Рахмановъ, кн. Багратіонъ, князь Циціановъ (въ послѣдствіи главнокомандующій въ Грузіи 1802—1806 гг.).

„Всѣ ханы или правители ханствъ, занятыхъ нашими войсками, хотя подчинялись Персіи, но ока-

зывали графу Zubову и генераламъ доброе расположение и приверженность къ Россіи. Въ это время персидскій шахъ, Ага-Магометъ Ханъ, былъ въ Мешедѣ, въ городѣ Хорасана, гдѣ онъ получилъ извѣстіе о вторженіи русскихъ войскъ въ тогдашнія пограничныя провинціи Персіи: Датестанъ, Ширванъ, Кубу и проч. Онъ закипѣлъ гнѣвомъ и немедленно выѣхалъ изъ Мешеда. Онъ собралъ многочисленное войско, которое, съ открытіемъ весны 1797 года, должно было выступить для наказанія, по его словамъ, дерзкихъ гяуровъ, осмѣлившихся занять земли правобѣрныхъ; но, несмотря на эти сборы и угрозы шаха, въ Персіи начали бояться войны съ Россією; самъ шахъ чувствовалъ себя въ большой опасности, если-бы эта война продолжалась. Но кончина Императрицы Екатерины избавила шаха Ага-Магометъ-Хана отъ этой опасности о разсѣяла тучи, угрожавшія какъ лично шаху, такъ и самой Персіи кровопролитными междоусобіями. Подполковникъ графъ Витгенштейнъ (въ послѣдствіи генераль-фельдмаршалъ) былъ присланъ изъ Петербурга курьеромъ къ графу Zubову съ указомъ, извѣстившимъ, Что по кончинѣ Императрицы взошелъ на Престоль Всероссійскій Императоръ Павелъ Петровичъ и затѣмъ въ началѣ 1797 года велѣно было войскамъ корпуса графа Zubова возвратиться въ Россію.—Войска выступили обратно, оставивъ завоеванныя, безъ особенныхъ потерь, цѣлыя провинціи, жители коихъ сохраняли все

то время преданность російскому правительству и Императрицѣ Екатеринѣ, и, произнося ея имя съ особеннымъ благоговѣніемъ, называли ее Куршиди кулла—вѣнчанное солнце.

— 112 —

„Выступление нашихъ войскъ встревожило не только всѣхъ правителей ханствъ, въ которыхъ наши войска находились, но и царя Ираклія и всѣхъ грузинъ.—Только что наши войска дошли до Терека, генераль Булгаковъ получилъ отъ преданныхъ Россіи Шамхала-Тарковского и Шахъ-Али-Хана Дербентскаго извѣстіе, что шахъ Ага-Магометъ Ханъ, узнавъ о выступленіи російскихъ войскъ обратно въ Россію, чрезвычайно обрадовался и вступилъ съ огромнымъ войскомъ въ Шемахинское (Ширванское) ханство и что онъ собирается опять вторгнуться въ Грузію.—На Араксѣ нѣсколько бѣглецовъ изъ Шуши явились къ шаху, объявивъ, что шушинскіе жители намѣрены были выдать ему своего владѣтеля Ибрагимъ-Хана Карабахскаго, преданнаго Россіи, но что онъ бѣжалъ въ Датестанъ. —Шахъ, вслѣдствіе этого извѣстія, оставивъ огромные обозы и всѣ тяжести за Араксомъ, поспѣшилъ въ Шушу; но Араксъ въ то время такъ разлился, что выступилъ изъ береговъ, такъ что переправа чрезъ него сдѣлалась чрезвычайно затруднительною и почти невозможною; несмотря на это, шахъ приказалъ войску переправиться вплавъ, такъ какъ по малому количеству рѣчныхъ судовъ невозможно было переправить всѣхъ на судахъ. Очень много персіанъ унесено было быстротою рѣки и погибло; но шахъ все-таки вступилъ въ Шушу и завладѣлъ ею, не встрѣтивъ сопротивленія, такъ какъ Ибрагимъ-Ханъ Карабахскій не успѣлъ во-время собрать войско для защиты города и своего владѣнія. Уже три дня

прошло, какъ шахъ занималъ Шушу, сильную тогда крѣпость, считавшуюся въ тѣ времена неприступною, и персіяне готовились уже двинуться далѣе къ Грузіи.

— 113 —

Самъ шахъ наблюдалъ надъ этими приготовленіями своего войска, и они заранѣе торжествовали побѣды надъ грузинами и конечное раззореніе Грузіи. Но въ это время случилось маленькое, незамѣтное почти происшествіе, которое не только избавило нашу страну отъ неизбѣжнаго несчастья, но оно избавило и Персію отъ этого страшнаго шаха. Когда онъ отдыхалъ на лаврахъ и мечталъ о будущихъ завоеваніяхъ, одинъ изъ его служителей—невольниковъ, увлеченный въ плѣнъ изъ Грузіи, по имени Садыхъ, поссорился какъ-то съ другимъ такимъ-же невольникомъ по имени Кюдадагъ. Услышавъ шумъ, шахъ разсердился за это на нихъ и приказалъ отрубить имъ немедленно головы. Верховный визирь Садыкъ-Ханъ-Чакакчи просилъ шаха ихъ помиловать, ради великихъ побѣдъ имъ совершенныхъ; но онъ наотрѣзъ отказалъ ему съ дерзвостью. А такъ какъ это случилось наканунѣ пятницы, и ночь на пятницу, посвященная у мусульманъ правовѣрныхъ молитвамъ и отрѣшенію отъ мірскихъ помышленій, уже наступила, то верховный визирь отложилъ исполненіе шахскаго приговора до слѣдующаго утра. Какъ только все стихло кругомъ и шахъ уснулъ, то тѣ два приговоренныхъ невольника съ отчаянія прокрались къ палаткѣ шаха, заручившись предварительно молчаніемъ стоявшаго у палатки караульнаго, вошли въ нее и кинжаломъ убили шаха. По другимъ сказаніямъ, болѣе достовѣрнымъ, тѣ два невольника были караульными при палаткѣ шаха въ ту ночь и, къ несчастью, уснули также въ то время, когда шахъ спалъ. Проснувшись какъ-то далеко за

полночь, шахъ былъ встревоженъ темнотою въ его палаткѣ, въ которой обыкновенно свѣча горѣла цѣлую

ночь до утра, а въ ту ночь, какъ будто нарочно, она догорѣла и потухла вскорѣ послѣ полуночи. Разсердившись до бѣшенства на тѣхъ двухъ караульныхъ, шахъ Ага-Магометъ-Ханъ закричалъ на нихъ и приказалъ тотчасъ подать свѣчу. Тѣ вскочили, чрезвычайно перепуганные отъ страшнаго гнѣва шаха, особу котораго они должны были охранять бдительно. Они принесли свѣчу и блѣдные вмѣстѣ упали на колѣни предъ шахомъ, какъ провинившіеся, упрашивая помилованія повелителя Персіи. Но шахъ разсвирѣпѣлъ на нихъ еще больше и пригрозилъ, что на завтра жизнь ихъ потухнетъ также, какъ была погашена свѣча въ палаткѣ отъ ихъ небрежности и невнимательности. Они начали плакать и умолять шаха о прощеніи, но онъ остался неумолимъ и уснулъ. Тѣ караульные остались на часахъ, но начали горевать объ участи своей, которая ждала ихъ на завтра, и зная, что шахъ жестокъ, не проститъ имъ и на завтра прикажетъ отрубить имъ головы, они воспользовались случаемъ, когда шахъ спалъ, вошли прямо въ его палатку и отрубили ему голову кинжаломъ. Голову шаха взяли съ собою и бѣжали къ Карабахскому хану Ибрагимъ-Хану, въ Закаталы, гдѣ онъ скрывался отъ преслѣдованія шаха Ага-Магометъ-Хана, и голову его бросили къ ногамъ Ибрагима. Джаробелоканскіе лезгины „также враждовали противъ шаха, но видя его голову въ такомъ пренебреженіи, они собрались джамаатомъ и опредѣлили, что „хотя Ага-Магометъ-Ханъ былъ постояннымъ ихъ врагомъ, но все-же, такъ какъ онъ былъ шахъ, то неприлично оставлять его голову, уже мертвую, въ такомъ без-

честіи.“ Они взяли мертвую голову Ага-Магометъ-

Хана и съ почестью похоронили въ мечети въ Зака-талахъ, гдѣ погребень въ послѣдствіи и Омаръ-Ханъ Аварскій, владѣтель Аваріи, злѣйшій врагъ шаха. Лезгины, мусульмане, послѣ совершенія молитвы въ мечети, обращаясь къ гробницамъ шаха Ага-Магометъ-Хана и Омаръ-Хана Аварскаго и указывая на нихъ посѣтителю, произносили глубокомысленно: „Великъ Богъ! дѣла его неисповѣдимы! злѣйшіе враги при жизни, спятъ вѣчнымъ сномъ вмѣстѣ, не безпоя другъ друга!... Нѣтъ Бога, кромѣ Бога!“ ...

„Обратимся къ прерванному разсказу. Верховный визирь зналъ объ убійствѣ шаха заранѣе и потому оставилъ убійць безъ преслѣдованія и не обратилъ даже на нихъ вниманія. Завладѣвъ всѣми почти драгоценностями шаха, онъ собралъ войска и объявилъ имъ обратный походъ въ Персію, оставивъ безумные замыслы Ага-Магометъ-Хана безъ исполненія и извѣстивъ объ этомъ происшествіи царя Ираклія, съ которымъ Садръ-Азамъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Такъ погибъ шахъ Ага-Магометъ-Ханъ въ началѣ 1797 года, избавивъ Грузію отъ окончательнаго раззоренія и опустошенія. Существуетъ преданіе, что царь Ираклій, когда узналъ о приготовленіяхъ шаха къ вторичному вторженію въ Грузію, зная, что онъ не въ состояніи сопротивляться ему и устоять противъ его войскъ, чрезвычайно горевалъ объ этомъ, такъ что всегда задумчивый и печальный ходилъ какъ въ церковь, такъ и по городу Тифлису. Сердце его терзалось при получаемыхъ имъ извѣстіяхъ о движеніи шаха Ага-Магометъ-Хана съ многочисленнымъ войскомъ. Разъ проходилъ онъ по татарскому базару къ банямъ, гдѣ расположены и теперъ лавки и пе-

куть татары лаваша и готовятъ разныя кушанья. Это было какъ разъ около полудня, когда мулла началъ пѣть молитву въ мечети у моста. Царь Ираклій какъ-то случайно взглянулъ на какого-то персіянина въ татарской лавкѣ, остановился предъ тою лавкою и долго семотрѣлъ на того персіянина. Около царя собрались, разумѣется, люди въ почтительномъ разстояніи съ поклонами. Вдругъ, обратившись къ тому персіянину, царь воскликнулъ: „какимъ это образомъ ты, сынъ моего повелителя, покойнаго шаха Керимъ-шаха, находишься въ моемъ царствѣ, и я ничего не знаю!“ Татаринъ остолбенѣлъ, зная о своей личности достоинствѣно, что онъ простой тати, т. е. персіянинъ.

„Клянусь своимъ солнцемъ, что я тебя, душа, моя, носилъ на рукахъ въ Тегеранѣ, когда ты былъ еще ребенкомъ“, повторилъ царь Ираклій, „тебѣ, любезный, сыну шаха неприлично скрыватьсѣ, ты долженъ былъ прямо придти ко мнѣ и повелѣвать мною! Я слуга покойнаго твоего отца Керимъ-шаха, да благословить его Всевышній на томъ свѣтѣ! Боже Великій! воскликнулъ царь Ираклій, смотря все на того персіянина; ты справедливъ, ты всемогущъ, тебѣ все извѣстно!... какая радость для меня, что сынъ Керимъ-шаха, мой любезный Шахъ-Заде находится у меня въ гостяхъ и я узналъ это теперь!... пожалуйста ко мнѣ во дворецъ, повелѣвай, я буду исполнять всѣ твои приказанія!“...

„Персіянинъ растерялся совсѣмъ, не зная что все это значить; онъ обомлѣлъ, не могъ объяснить себѣ къ чему все это вело; онъ только промолвилъ, что онъ простой человѣкъ, простой персіянинъ, сынъ персидскаго кабабчи изъ Гилана, что онъ совершен-

но не понимаетъ, что съ нимъ случилось. „Я понимаю твою скромность, отвѣчалъ царь; не бойся ты, свѣтъ моихъ глазъ, ты не въ Персіи, чтобы ты боялся за свою жизнь. Никто не можетъ отнять у меня счастья пріютить у себя сына моего благодѣтеля и повелителя Персіи, покойнаго Керимъ-шаха и потому прошу пожаловать ко мнѣ и повелѣвать мною, какъ твоимъ слугою“. Съ этими словами царь Ираклій взялъ за руку персіянина и повелъ его къ себѣ домой, гдѣ оказывалъ ему большія почести.

„Вѣсть объ этомъ разнеслась по всему Тифлису, что сынъ шаха находится у царя Ираклія, что отецъ его Керимъ-шахъ былъ законнымъ государемъ Персіи, что не можетъ быть, чтобы такой умный и храбрый человекъ, какъ царь Ираклій, могъ ошибиться въ личности персіянина и оказывалъ-бы ему царскія почести, если-бы не былъ увѣренъ въ тожествѣ этого персіянина, что онъ дѣйствительно Шахъ-Заде (царевичъ).

„Молва объ этомъ болѣе и болѣе распространилась; она росла, росла и доросла до персидскаго войска и до самаго шаха Ага-Магометъ-Хана, когда онъ шелъ на Шушу съ тѣмъ войскомъ, часть котораго онъ потопилъ по безумному его приказанію во время переправы вплавъ чрезъ Араксъ. Шахъ закипѣлъ еще болѣе яростью противъ царя Ираклія. Неудовольствіе, хотя тайное, которое все-таки существовало противъ шаха въ персидскомъ войскѣ, начало теперь проявляться болѣе. Потихоньку начали толковать и сомнѣваться въ законности правъ шаха Ага-Магометъ-Хана на персидскій престолъ въ виду распространившихся слуховъ, что у царя Ираклія нахо-

дился уже живой законный наслѣдникъ покойнаго персидскаго шаха Керимъ-шаха. Фатализмъ персіянь довершилъ уже остальное, такъ что, когда на утро въ Шушѣ войско узнало о убіеніи Ага-Магометъ-Хана, то оно начало громко говорить о Шахъ-Заде, который находился у царя Ираклія, какъ о законномъ государѣ Персіи. Верховный визирь прислалъ къ Ираклію посольство съ просьбою возвратить Персіи царевича. Этотъ-же простой персіянинъ, сынъ како-го-то гиланскаго кабабчи, возмечтавшій уже, что онъ въ самомъ дѣлѣ Шахъ-Заде, думалъ, подъ вліяніемъ также фатализма, что можетъ быть, онъ точно сынъ шаха и что онъ объ этомъ до того времени не зналъ. Его отправили изъ Тифлиса съ почестями, со свитою, съ людьми; но, кажется, гдѣ-то во время переправы чрезъ рѣку онъ погибъ или его потопили, и этого никто не могъ тогда доискаться.

„Быль-ли онъ дѣйствительно сынъ бывшаго Керимъ-шаха, предшественника, Ага-Магометъ-Хана, или эту мистификацію сочинилъ самъ царь Ираклій, зная фатализмъ и легкомысленную увлекательность персіянь, Я до сихъ-поръ не знаю. Помню, что этотъ случай, какъ тогда говорили, произвелъ большой переполохъ не только Въ войскахъ шаха Ага-Магометъ-Хана, но и въ самой Персіи, гдѣ были увѣрены въ дѣйствительности существованія сына покойнаго Керимъ-шаха, прославившаго Персію послѣ Надиръ-шаха и содержавшато самаго Ага-Магометъ-Хана въ ширазской темницѣ. Персіяне убѣждались болѣе тѣмъ, что царь Ираклій не могъ ошибиться, если-бы находившійся у него персіянинъ не былъ настоящимъ Шахъ-Заде.

„На этотъ разъ довольно, сказалъ кн. Баратовъ. На слѣдующій вечеръ я расскажу вамъ о торжественномъ праздникѣ въ Тифлисѣ и о радости всѣхъ жителей нашихъ, когда послѣдній царь Георгій получилъ Всемиловѣйше пожалованный ему Императоромъ Павломъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и когда мы узнали, что Россія согласилась принять Грузію въ свое владѣніе, спасая ее тѣмъ отъ угрозъ и рабощенія персіянъ“.

(„Кавказъ“ № 16. 1876 г.).

И з ъ п р о ш л а г о .

(рассказы старожила).

Расскажу нѣсколько эпизодовъ, сохранившихся въ моей памяти, изъ временъ управленія Кавказомъ свѣтлѣйшимъ княземъ М. С. Воронцовымъ.

Первый наибъ Шамиля—Хаджи-Мурадъ, оставивъ его, бѣжалъ изъ горъ Дагестана и предалъ себя въ руки нашего правительства. Въ то время командующимъ нашими войсками въ Дагестанѣ былъ генераль князь Мойсей Захарьевичъ Аргутинскій, который наводилъ страхъ на всѣхъ горцевъ; но Хаджи-Мурадъ не пошелъ къ нему, а явился къ начальнику чеченскаго отряда, который и препроводилъ его въ Тифлисъ къ князю Воронцову. Князь хорошо его принялъ, обласкалъ, опредѣлилъ ему хорошее содержаніе, и назначилъ къ нему приставомъ капитана Ивана Бучкіева, человѣка храбраго и служившаго въ дагестанскихъ войскахъ. Хаджи-Мурадъ сдѣлался героемъ дня и

львомъ Тифлиса, а Бучкіевъ сопровождалъ его всюду. Онъ въ залѣ у кн. Воронцова—во время прлемныхъ дней, безъ церемоній подходилъ къ штабъ-офицерамъ и генераламъ, спрашивая, гдѣ они получили ордена, и объяснялъ съ улыбкою, что онъ причиною ихъ награды, такъ-какъ во время пребыванія своего въ Дагестанѣ у Шамиля онъ дѣлалъ тѣ нападенія и набѣги, за которыя они получали награды. Все это имѣло, разумѣется, характеръ шутки, съ которою обращались и къ нему наши офицеры. Онъ долго оставался въ Тифлисѣ въ видѣ гостя, опасавшагося, чтобы лазутчики Шамиля его не убили; это онъ дѣлалъ, повидимому, изъ преданности правительству, которому онъ подчинился. Между-тѣмъ, многіе узнали въ Тифлисѣ, что генералъ кн. Аргутинскій грозилъ повѣсить Хаджи-Мурада, если бы онъ явился къ нему. Въ это время кн. Аргутинскаго ждали въ Тифлисѣ. Хаджи-Мурадъ просилъ дозволенія отправиться въ Нуху и другіе мусульманскіе города Закавказскаго края, объявивъ при этомъ, что затѣмъ онъ отправится въ Мекку. Хотя секретнымъ письмомъ кн. Аргутинскій предостерегалъ князя Воронцова, что Хаджи-Мурадъ хитрилъ съ нами, что его измѣна Шамилю была мнимая и что онъ сдѣлаетъ какой-либо неожиданный скандалъ и убѣжитъ вновь въ горы, осмотрѣвъ всѣ наши дороги со стороны Нухи и Элису; но кн. Аргутинскому не повѣрили и позволили Хаджи-Мураду отправиться вмѣстѣ съ Бучкіевымъ въ Нуху по тракту чрезъ Сигнахъ, по которому долженъ былъ Ехать и кн. Аргутинскій изъ Дагестана въ Тифлисъ. Впослѣдствіи оказалось, что Хаджи-Мурадъ хотѣлъ встрѣтить его на дорогѣ и во время свиданія убить его и бѣжать, и что поэтому-то

онъ и просился въ Нуху. Оказалось случайно, что кн. Аргутинскій ѣхалъ не чрезъ Нуху, а на Елисаветополь изъ Баку, куда заѣхалъ по дѣламъ, кажется, къ Лазареву.

Узнавъ, что кн. Аргутинскій далеко и не ѣдетъ на Нуху, и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь, чтобы съ прїѣздомъ его въ Тифлисъ не измѣнилась судьба его, Хаджи-Мурадъ, который не возбуждалъ противъ себя подозрѣнія, выѣзжалъ изъ Нухи для обзрѣнія окрестностей въ сопровожденіи полицейскаго офицера изъ тамошнихъ бековъ, десятскаго, также татарина, и урядника одного изъ донскихъ казачьихъ полковъ, который состоялъ при немъ и Бучкiевъ. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ по окрестностямъ, довольно далеко отъ города, на почтовой дорогѣ, Хаджи-Мурадъ вдругъ быстро вынулъ изъ-за пояса заряженный пистолетъ, выстрѣлилъ въ полицейскаго офицера и убилъ его на мѣстѣ; изъ другого пистолета выстрѣлилъ въ урядника, котораго смертельно ранилъ; затѣмъ выхватилъ шашку, бросился на десятскаго, который, не успѣвъ даже опомниться отъ неожиданнаго нападенія, пустился бѣжать, и, хотя Хаджи-Мурадъ тнался за нимъ, но не догналъ. Повернувъ лошадь, онъ поскакалъ по горной дорогѣ по направленію къ Елисуйскому владѣнію. Десятскій, прискакавъ въ Нуху, далъ знать обо всемъ этомъ. Поднялась тревога; уѣздный начальникъ Коргановъ, который тогда былъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воинскимъ начальникомъ, начальникъ милиціи кн. Тумановъ, который въ это время находился въ Нухѣ, самъ Бучкiевъ, да и всѣ жители не-на шутку перепугались, опасаясь нападенія со стороны Хаджи-Мурада, который свободно высмотрѣлъ городъ и окрест-

ности. Думали, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь за горою, отдѣлявшею Нуху отъ ближайшихъ ущелій и горъ Дагестана, скрыты лезгины, съ которыми Хаджи-Мурадъ и нападетъ на Нуху. Но Коргановъ и Тумановъ, энергическими дѣйствіями, подняли всю полицію, население и укрѣпили извѣстные пункты и послали по окрестностямъ гонцовъ съ извѣстіемъ о бѣгствѣ Хаджи-Мурада, предлагая остерегаться и стараться всѣми мѣрами поймать его; Такимъ-же образомъ дали знать немедленно управляющему Елисуйскимъ участкомъ, двоюродному брату бывшаго елисуйскаго владѣтеля Даніель-Султана, Яя-беку, злѣйшему врагу какъ этого султана, такъ и Хаджи-Мурада. Узнавъ о направленіи, по которому бѣглець поднялся на гору, Яя-бекъ, который въ это время находился недалеко отъ лѣса, куда ведетъ та дорога, велѣлъ своимъ нукерамъ милиціи окружить этотъ лѣсъ, по всѣмъ тропамъ устроилъ засаду, будучи увѣренъ, что Хаджи-Мурадъ такъ скоро не могъ уйти, утомленный и голодный. Въ это время пришла и Нухинская команда, слѣдуя по пути бѣгства Хаджи-Мурада. Яя-бекъ самъ лезгинъ, былъ убѣжденъ, что Хаджи-Мурадъ находился еще въ лѣсу, который по густотѣ и обширности представлялъ собою надежное убѣжище. Оставивъ караулъ по всѣмъ тропамъ, онъ приказалъ своимъ людямъ Войти по тѣмъ тропинкамъ въ лѣсъ на поиски, давъ наставленіе, какъ поступить въ случаѣ открытія Хаджи-Мурада. По одной пошелъ самъ съ людьми и въ чащѣ лѣса открылъ бѣглеца по его лошади, пасшейся недалеко отъ большого дерева, за которымъ скрывался самъ Хаджи-Мурадъ. Яя-бекъ обратился къ нему съ бранью, предложивъ немедленно выйти къ нему съ повинною,

если желаетъ пощады; въ противномъ случаѣ бекъ грозилъ расправиться съ нимъ по-лезгински. Хаджи-Мурадъ отвѣчалъ таковой-же бранью и угрожалъ ружьемъ, изъ котораго, однако, боялся выстрѣлить, опасаясь осѣчки и траты пороху. Яя-бекъ далъ выстрѣлъ, за нимъ его нукера. Хаджи-Мурадъ, прикрываясь деревомъ, наводилъ только свое ружье. Нукера Яя-бека пошли по чашѣ лѣса въ сторону и оттуда также дали нѣсколько выстрѣловъ; Хаджи-Мурадъ ловко защищался и увертывался отъ выстрѣловъ, но пуля попала все-таки въ него и, смертельно раненый, онъ упалъ на землю. Но объ этой борьбѣ ничего не знали въ Нухѣ, гдѣ тамошнія власти наблюдали за безопасностью и спокойствіемъ жителей, поддерживая по всѣмъ пунктамъ надзоръ и поиски. Наконецъ, надо было донести намѣстнику о такомъ важномъ происшествіи, которое надѣлало такъ много суматохи въ Нухѣ совершенно неожиданно и негаданно. Уѣздному начальнику, полковнику Корганову, было очень неприятно, что это случилось у него въ Нухѣ; а Бучкіевъ, который, въ день бѣгства Хаджи-Мурада, обѣдалъ у Корганова и запоздалъ тамъ немного, обязанъ этому простому случаю жизнью, иначе и онъ сопровождалъ-бы Хаджи-Мурада и, Богъ вѣсть, быть можетъ, и онъ палъ-бы жертвою его измѣны и звѣрства. Бучкіевъ, какъ лицо, которому ввѣрено было охраненіе Хаджи-Мурада, самъ взялъ съ собою доносеніи уѣзднаго начальника намѣстнику и выѣхалъ изъ Нухи въ Тифлисъ. На второй почтовой станціи отъ Нухи къ Сигнаху, во время перемѣны почтовыхъ лошадей, Бучкіеву слышались ружейные выстрѣлы изъ-за горы со стороны Елисуйскаго владѣнія. На вопросъ ему

отвѣтили на станціи, что это, вѣроятно, татарская свадьба, которая безъ выстрѣловъ не обходится. Бучкiевъ, зная самъ этотъ обычай, думалъ такъ-же, какъ и станціонные служителя, не предполагая, что эти выстрѣлы были именно тѣ, которые положили конецъ существовантю Хаджи-Мурада, одного изъ главныхъ сподвижниковъ Шамиля. Ксли-бы Бучкiевъ подождалъ въ Нухѣ еще день, то вмѣсто непріятнаго извѣстія, которое онъ везъ къ намѣстнику, о бѣгствѣ Хаджи-Мурада, онъ взялъ-бы съ собою донесеніе о смерти его въ Елисуйскомъ лѣсу. Но, перемѣнивъ лошадей, онъ поѣхалъ далѣе въ Тифлисъ. Когда онъ представилъ кн. Воронцову донесеніе и рассказалъ подробности происшествія, князю было очень непріятно вспомнить, что онъ не повѣрилъ князю Аргутинскому, и сказалъ Бучкiеву: „Вы-то зачѣмъ пріѣхали, лучше было и вамъ тамъ остаться“. Бучкiевъ, невиновный, однако, ни въ чемъ, былъ убитъ горемъ и въ тотъ-же вечеръ онъ зашелъ къ доктору Андреевскому и рассказалъ тамъ княгинѣ Тумановой объ ея сынѣ Александрѣ Тумановѣ, который чрезъ -два дня пріѣхалъ тоже въ Тифлисъ съ извѣstemъ о смерти Хаджи-Мурада и представилъ князю Воронцову какъ подробное объ этомъ донесеніе, такъ и отрѣзанную голову Хаджи-Мурада. Это чрезвычайно обрадовало кн. Воронцова и примирило его съ Бучкiевымъ. Всѣ почти начальствующія лица пріѣхали къ намѣстнику поздравлять съ радостнымъ извѣstemъ. По приказанію князя, голову Хаджи-Мурада положили въ банку со спиртомъ, которую поставили на столъ, за карауломъ, въ большой комнатѣ около полиціи, на Эриванской площади, на показъ народу. Надо было видѣть, сколько

мужчинъ и женщинъ тифлисскихъ ходили смотрѣть голову Хаджи-Мурада, котораго помнили, когда онъ ходилъ и разѣзжалъ по улицамъ Тифлиса и по его окрестностямъ.

Когда, по прїѣздѣ кн. Аргутинскаго въ Тифлисъ, онъ представился князю Воронцову, послѣдній сказалъ ему, почти извиняясь, что не повѣрилъ его предваренію, предполагая въ Хаджи-Мурадѣ храбреца, горца, который, какъ вообще всѣ честные горцы, сдержитъ слово, но оказалось иначе. „Я это вналъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ князь Моисей Захаревичъ, и потому поторопился сюда къ вамъ, опасаясь за вашу жизнь. Если-бы онъ попалъ прежде ко мнѣ, я бы повѣсилъ его. Хорошо, что Хаджи-Мурада убили, а то я бы попросилъ вашу свѣтлость выслать его по дальше. Я зналъ, что онъ клялся предъ Шамилемъ убить васъ и меня; по Провидѣніе спасло насъ отъ руки разбойника!“ Кн. Воронцовъ расчувствовался и, взявъ ва руки кн. Аргутинскаго, благодарилъ его.

При князѣ Воронцовѣ прїѣхалъ къ нему въ Тифлисъ какъ для привѣтствія его отъ персидскаго шаха, такъ и но важному порученію, знатный ханъ, важный сановникъ при персидскомъ дворѣ и воспитатель шаха, какъ говорили. Ханъ былъ высокаго роста, въ лѣтахъ, съ длинною бородою. Онъ ни разу до того времени не выѣзжалъ изъ Персіи. Князь Воронцовъ принялъ хана очень хорошо, обласкалъ его и назначилъ къ нему въ качествѣ пристава и переводчика маіора Исака Евангулова, который вездѣ сопровождалъ хана, показывалъ мѣстности Тифлиса, которыя

тотъ посѣщаль, и объясняль ему разные европейскіе обычаи. Хану захотѣлось пріобрѣсти экипажъ, который онъ видѣль какъ-то на улицѣ: онъ желаль взять его въ Персію и сказалъ объ этомъ, между-прочимъ, князю Воронцову, который одобрилъ намѣреніе хана; но, такъ-какъ онъ не зналь названія понравившагося ему экипажа, то, по приказанію князя, маіоръ Евангуловъ представляль хану на смотръ всѣхъ родовъ экипажи, какіе въ то время находились въ Тифлисѣ: дрожки, фаэтонъ, коляску, карету, шарабанъ; но ни одинъ изъ нихъ не оказалоя тѣмъ, который ему понравился. Евангуловъ былъ въ затрудненіи и доложилъ князю Воронцову о своемъ недоуменіи. Прошло нѣсколько времени и, когда разъ ханъ и его переводчикъ Евангуловъ ѣхали въ коляскѣ отъ князя Воронцова домой, то въ это время какой-то господинъ проѣхаль по улицѣ въ одноколкѣ, правя самъ лошадыю, Ханъ обрадовался и тотчасъ же сказалъ Евангулову, что это именно тотъ экипажъ, о которомъ онъ говорилъ, Евангуловъ удивился и сказалъ хану почтительно, что въ одноколку знатныя лица, сановники не садятся: это считается у насъ неприличнымъ, потому что тамъ нѣтъ кучера, который привиль-бы лошадыю.

„Это-то и хорошо, мой любезный Исакъ-бекъ, сказалъ ему ханъ; клянусь твоею головою, я не понимаю, зачѣмъ узда и возжи должны находиться у другого: гораздо лучше, когда они будутъ въ моихъ рукахъ и я буду править лошадыю по моему усмотрѣнію“. Маіоръ Евангуловъ, разумѣется, не возразилъ хану противъ его персидскаго аргумента.

(„Кавказъ“ № 342. 1886 г.).

Узури უზურო.

Вопросъ изъ мѣстнаго обычнаго права.

Въ судебной практикѣ въ Тифлисской и Кутаиской губерніяхъ очень часто встрѣчались дѣла по искамъ денегъ, по заемнымъ роспискамъ и договорамъ, писаннымъ въ прежнее время по-грузински, въ текстѣ которыхъ излагалось, что исполняетъ извѣстныя договорныя обязательства или уплачиваетъ должныя деньги либо долгъ, кто будетъ находиться въ узуряхъ უზურბო!! Это слово въ видѣ юридическаго термина помѣщали въ обязательствахъ, когда они заключались какъ между многими лицами, такъ и между двумя; но исполнялись они ими въ прежнее время по ихъ желанію различно, и судебныя мѣста встрѣчали недомѣнія въ разршеніи юридическаго значенія этого слова узури, такъ какъ оно ни на грузинскомъ, ни на татарскомъ языкахъ, на которыхъ говорятъ жители Закавказскаго края, какъ отозвались разъ въ Кутаисскомъ окружномъ судѣ эксперты изъ торговаго сословія, ничего не означаетъ.

Дѣло, по которому были спрошены эти эксперты, заключало въ себѣ слѣдующее: четыре брата: Гавріиль, Багдасаръ, Гиго и Арютинъ Б—вы заняли у Автандила Б—ва еще въ 1852 году двѣ тысячи р. по роспискѣ, по которой обязались они уплатить эти деньги, кто будетъ въ узуряхъ უზურბო. Въ счетъ этихъ денегъ Арютинъ уплатилъ кредитору больше четвертой части долга, въ чемъ послѣдній выдалъ Арютину пла-

тежную росписку, въ которой написалъ, что онъ получилъ причитавшуюся на долю Арютина часть дол-

га. Съ того времени прошло около десяти лѣтъ. Вдругъ сынъ и наслѣдникъ кредитора открылъ искъ у мирового судьи противъ одного изъ должниковъ, Арютина, именно противъ того, который уплатилъ уже отцу истца, т. е. самому кредитору причитающуюся на долю его часть долга. Истецъ требовалъ однако отъ него одного всю сумму остального долга съ процентами, не упоминая даже остальныхъ трехъ братьевъ, на томъ основаніи, что въ распискѣ было означено узури უზური, между тѣмъ какъ эти три брата были показаны въ распискѣ такими-же должниками какъ Арютинъ, Сей послѣдній возразилъ на судѣ, что онъ свою часть долга уже заплатилъ самому кредитору при жизни въ чемъ онъ далъ платежную расписку, по которой самъ онъ призналъ, что долгъ должны уплатить всѣ четыре брата и что по той распискѣ онъ, Арютинъ, уплатилъ уже свою часть и потому не долженъ отвѣчать за другихъ и платить за нихъ. Мировой судья отказалъ въ искѣ.

Дѣло это по апелляціонной жалобѣ истца поступило въ окружный судъ, в которомъ истецъ доказывалъ, что допущенное въ заемной распискѣ слово узури было въ употребленіи въ Грузіи и ввѣдено торговымъ обычаемъ и что оно означаетъ лицо, къ которому кредиторъ можетъ обратиться съ требовніемъ и которое окажется состоятельнымъ, что оно подходитъ подъ условіе 1548 и 1 ч. X т. св. зак., и что наконецъ, такъ какъ на лицо состоялъ Арютинъ и какъ отецъ истца-апеллятора получилъ уже отъ него, Арютина, часть долга, то и теперь настоящій искъ онъ обратилъ къ нему-

же на основаніи того-же торговаго обычая, и потому апелляторъ просилъ взыскать съ Арютина остальныхъ по распискѣ деньги съ процентами, отмѣнивъ рѣшеніе

мирового судьи и возложивъ на него, Арютина, судебныя издержки и за веденіе дѣла.

Во время разбора сего дѣла въ окружномъ судѣ апелляторъ поддерживалъ свое исковое требованіе, но судъ остановилъ вниманіе на словѣ „узури“, которое помѣщено было въ заемной распискѣ, и потому опредѣлили разъяснить его значеніе чрезъ экспертовъ.

Трое мѣстныхъ торговцевъ, въ качествѣ экспертовъ, отозвались, что они не знаютъ этого слова, такъ какъ оно не грузинское, не армянское и не татарское, но значеніе его двое изъ нихъ объяснили различно; одинъ изъ нихъ только сказалъ, что по „узури“ платилъ долгъ изъ должниковъ тотъ, кто находился на лицо, и что слово узурі очень часто писалось въ заемной распискѣ и договорѣ и тогда, когда заемщикомъ бывало одно только лицо; но почему такъ писали и откуда это слово введено, экспертъ не внаеть.

Повѣренный отвѣтчика Арютина объяснилъ на судѣ, что на грузинскомъ языкѣ, на которомъ писана, представленная заемная расписка, для выраженія понятія подражательнаго, употребляются слова, оканчивающіяся на у р и, ю р и ზოგბურო, цигнури (книжный) სომბუბურო сомхури, ხუცუბურო хуцури, ბაღბურო багури и т. д. Незвѣстное для экспертовъ слово узурі происходитъ, сколько извѣстно, отъ латинскаго— jus и отъ этого jusuri. Это занесено въ Тифлисъ европейцами, генуезцами и венецианцами въ то время, когда до открытія морскаго пути въ Остъ-Индію кругомъ Африки, чрезъ мысъ Доброй-Надежды, и до завоеванія Константинополя

турками, единственная торговая дорога на Востокъ, въ Персію и Индію, лежала чрезъ Черное море и чрезъ Тифлисъ, гдѣ, какъ въ главномъ торговомъ центрѣ Закавказскаго края, производились и совершались тогда

торговья сдѣлки европейцевъ съ туземными грузинами письменно, которыхъ и познакомили съ *jus jure* — отъ этого и узури.: Послѣ того, когда во время турецкаго владычества, сношенія европейцевъ совершенно прекратились, слово узури въ позднѣйшихъ документахъ въ Грузіи и Имеретіи замѣнено было грузинскимъ словомъ სამართლობი პასუხი, т. е. отвѣтственность по праву, какъ выраженіе однозначушее съ „узури“, и потому эти оба термина встрѣчаются въ обязательствахъ прежняго времени, писанныхъ по-грузински, и выражаютъ то-же самое понятіе объ юридическихъ отношеніяхъ *de jure*, которыя подразумѣваются и по нашимъ законамъ. Но такъ какъ представленная истцомъ заемная расписка дана четырьмя лицами, которыя одинаково должны нести отвѣтственность предъ взыскателемъ, то странно было-бы, подѣ предлогомъ узури, требовать взысканія всего долга отъ одного изъ нихъ по произволу истца, чего не дѣлалъ однако отецъ его, самъ кредиторъ, при жизни. Слово узури никогда не выражало коллективнаго понятія, чтобы подѣ этимъ словомъ понималось одно лицо изъ четырехъ или пяти лицъ состоявшихъ, тѣмъ еще менѣе, что узури писали и тогда, когда какое-либо обязательство совершалось и между двумя. Самымъ компетентнымъ лицомъ и лучшимъ экспертомъ въ этомъ случаѣ могъ быть самъ кредиторъ, которому принадлежала представленная къ дѣлу расписка и которому производилъ по ней платежъ одинъ изъ его должни-

ковъ, имѣнно настоящій отвѣтчикъ. Въ платежныхъ распискахъ кредиторъ положительно говоритъ, что онъ получилъ отъ Арютина причитавшіяся на его долю деньги. Онъ-же, кредиторъ, подавалъ при прежнемъ порядкѣ прошеніе въ мѣстную полицію о взысканіи

съ другихъ остального долга. Этого обстоятельства не отвергалъ и самъ настоящій истецъ, слѣдовательно, самъ кредиторъ не придавалъ такого значенія слову узури, которое давалъ истецъ, его сынъ, открывшій искъ противъ одного только Арютина, уплатившаго уже свою долю долга и который не ручался за остальныхъ. Къ дѣлу представлена домашняя заемная расписка, которой нельзя придавать значеніе поручительной подписки въ одно и то-же время. По закону, заемныя расписки составляютъ отдѣльные отъ поручительствъ акты юридическихъ дѣйствій. Если придавать даже значеніе поручительной подписки, то въ виду 5 п. 1558 ст. 1 ч. X т. св. зак., нельзя отнести взысканіе безусловно къ одному, такъ какъ есть еще и другіе отвѣтчики; если-же подъ именемъ узури полагать круговое поручительство, то это поручительство, о которомъ въ той распискѣ ничего не сказано, не выражено ничѣмъ, чтобы она составляла обязательство по коему четыре брата, занявъ совмѣстно у кн. Б. деньги, отвѣчали бы другъ за друга въ случаѣ неисправности платежа. Что кажется до торговаго обычая узури *узури*, подъ которой истецъ подводитъ заемную расписку, то онъ не представилъ никакого доказательства ни на торговый обычай, ни на то, чтобы деньги были выданы по торговымъ оборотамъ, да и не извѣстно, какой торговый обычай существовалъ прежде въ здѣшной странѣ. По всѣмъ симъ доводамъ

повѣренный отвѣтчика просилъ окружный судъ освободить его отъ неправильнаго притязанія истца и, утвердивъ ршеніе мирового судьи, отказать въ искѣ,

Окружный судъ послѣ совѣщанія провозгласилъ свое ршеніе, по которому опредѣлили: отмѣнивъ ршеніе мирового судьи, взыскать съ отвѣтчика отыски-

ваемыя съ него по распискѣ деньги съ процентами, возложивъ на него судебныя издержки и за веденіе дѣла.

Это судебное рѣшеніе, вступившее въ окончательную законную силу, не подлежитъ уже толкованію, но вопросъ объ историческомъ значеніи слова узури უზური, помимо юридическаго, остается открытымъ, такъ какъ неизвѣстно положительно, откуда и съ какого времени начало появляться въ Грузіи и Имеретіи въ заемныхъ распискахъ и договорахъ вообще слово узури უზური. Въ Неаполѣ и теперь встрѣчается banco usuri. Поэтому предоставляется болѣе компетентнымъ лицамъ разъяснить слово узури, которое встрѣчалось въ письменныхъ обязательствахъ жителей Грузіи и Имеретіи.

(„Кавказъ“ № 19. 1876 г.).

Губернаторъ грузино-имеретинской губерніи генераль
Сотниковъ.

До преобразованія гражданскаго управленія Закавказскаго края, по положенію 10 апрѣля 1840 года, тифлисскій губернаторъ назывался „грузинскимъ гражданскимъ губернаторомъ“. Самымъ выдающимся изъ нихъ во все время главноуправляющаго Грузіею генерала барона Розена былъ князь Николай Осиповичъ

Палавановъ, который состоялъ въ этой должности еще при бывшихъ главнокомандующихъ: кн. Циціановъ, Ермоловъ и фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскомъ и при баронѣ Розенѣ, въ первый годъ пріѣзда его въ Грузію. Палавановъ пользовался полнымъ его

довѣріемъ и участвовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ и мѣропріятіяхъ по управленію Кавказомъ. Послѣ введенія новаго гражданскаго управленія сенаторомъ барономъ Ганомъ, грузинскій гражданскій губернаторъ съ 1841 года назывался уже грузино-имеретинскимъ губернаторомъ по случаю присоединенія къ грузинской или тифлисской губерніи отдѣльныхъ областей: Ахалцыхской, Имеретіи и Эриванской.

Генераль Сотниковъ былъ третьимъ грузино-имеретинскимъ губернаторомъ, назначенный на мѣсто генерала Сколона. При немъ, во время пріѣзда князя Воронцова, намѣстника кавказскаго, я былъ переведенъ на службу въ тифлисскій уѣздъ изъ Гуріи (Озургетскій уѣздъ). Генераль Сотниковъ былъ очень добрый человекъ и шутникъ. Онъ чрезвычайно гуманно и ласково обращался со своими чиновниками канцеляріи. Въ его время князь Парсаданъ Циціановъ устраивалъ въ Тифлисъ дорогу съ Песковъ наверхъ къ Авлабару, на свой счетъ, причемъ при работахъ играла постоянно зурна, подъ звуки которой работа производилась охотнѣе. Чиновники губернаторской канцеляріи, помѣщавшейся въ домѣ же губернатора, (гдѣ теперь домъ Экзарха Грузіи), какъ разъ напротивъ той дороги на другой сторонѣ Куры, всегда собирались послѣ обѣда въ канцеляріи, не съ цѣлью занятій, а чтобы слушать зурну за Курюю. Губернаторъ Сотниковъ думая, что они это дѣлаютъ изъ усердія къ службѣ,

удивился. Прошло нѣкоторое время; чиновники стали рѣже посѣщать канцелярію и не только послѣ обѣда, но иногда и по утрамъ многіе не приходили на службу. Узнавъ причину, что чиновники ходили слушать зурну, онъ какъ-то утромъ неожиданно зашелъ въ канцелярію и, обратясь къ чиновникамъ, сказалъ:

— Г., я узналъ что вы любите слушать зурну, я отнынѣ заведу эту зурну для васъ въ канцеляріи, чтобы замануть васъ ходить аккуратнѣе въ канцелярію.

Разъ генераль Сотниковъ поручилъ чиновнику особыхъ при немъ порученій кн. Яссе Андроникову написать какую-то бумагу подъ его диктовку; генералу не удавалось изложить бумагу по своему желанію и онъ. написанное подъ его диктовку непрерывно рвалъ. Кн. Андроникову надоѣло это и потому онъ просилъ позволить ему самому написать и составить бумагу на дому и принести.

— Хорошо, сказалъ Сотниковъ, но гдѣ же вы живете?

— У столоначальника нашей канцеляріи кн. Дмитрія Джорджадзе, отвѣтилъ Андрониковъ.

— О! нѣтъ, извините батюшка, у Дмитрія Джорджадзе вы потеряете и голову и бумагу, сказалъ Сотниковъ, смѣясь, неуждно-ли написать здѣсь-же.

Сотниковъ не любилъ Джорджадзе съ пріѣзда, но больше шутилъ, чѣмъ бранилъ.

Генераль Сотниковъ былъ большой крикунъ. Разъ онъ раскричался и сталъ распекать казначея канцеляріи Артынова, когда тотъ принесъ ему шнуровую книгу расписаться въ жалованіи, повѣрить и засвидѣтельствовать ежемѣсячное движеніе суммъ. Артыновъ, не чувствуя за собой никакой вины, не выдержалъ и

сталъ въ свою очередь кричать, говоря: „Ваше превосходительство напрасно обижаете меня, кричите вмѣсто благоволенія за усердную мою службу!“ Выслушавъ упреки, Сотниковъ прехладнокровно сказалъ:

— Почтеннѣйшій, если я кричу, то имѣю причину: у меня каменная болѣзнь, она меня мучитъ, ну а вы-то за что-же кричите, любезнѣйшій, я бы же-

лаль знать?

Артыновъ былъ озадаченъ и извинившись вышелъ отъ Сотникова.

Губерн. Сотниковъ былъ большой трусь предъ старшими. Такъ какъ онъ служилъ въ Россіи губернаторомъ и не имѣлъ въ своей губерніи выше себя власти, то непосредственная подчиненность его намѣстнику кавказскому и главнокомандующему кн. Воронцову пугала его. Сотниковъ, отправляясь къ князю, дрожалъ отъ волненія. Разъ въ кабинетѣ своемъ во время доклада дѣлъ, онъ раскричался на правителя канцеляріи и находившихся при докладѣ столоначальника и чиновника особыхъ порученій. Въ это время дежурный зашелъ и доложилъ генералу Сотникову, что адъютантъ намѣстника и главнокомандующаго кн. Воронцова желаетъ его видѣть.

Сотниковъ весь вытянулся, взволновался и испуганнымъ голосомъ приказалъ дежурному скорѣ просить адъютанта въ кабинетъ. Лишь только ушелъ дежурный, Сотниковъ бросился въ кресло и притворившись больнымъ началъ кричать и охать, прикрывая руками то грудь, то бока, то голову. Адъютантъ зашелъ, сказалъ что было нужно и вышелъ изъ кабинета. Послѣ же его выхода Сотниковъ вскочилъ не-

— 136 —

медленно съ кресель и началъ продолжать кричать на своихъ чиновниковъ по прежнему.

„Адъютантъ пока еще въ передней, Ваше пр—во, замѣтилъ правитель канцеляріи, можетъ услышать“.— „Ну такъ что-же? сказалъ Сотниковъ немного сконфузившись, „ужели онъ еще не ушелъ?“— и тутъ-же стали хохотать самъ, подшучивая надъ своими чиновниками.

Ежегодно изъ штаба Кавказскаго отдѣльнаго корпуса, въ началѣ каждаго года, поступало къ губернатору требованіе объ отводѣ покосныхъ луговъ какъ штабу, такъ и частямъ войскъ, въ Тифлисѣ расположеннымъ, Такое требованіе было отослано къ губернатору Сотникову въ первый годъ пріѣзда графа Воронцова и учрежденія намѣстничества и главнокомандующаго кавказскою арміею. Размѣръ требованія былъ гораздо больше прежняго времени.

Генераль Сотниковъ потребоваль меня.

— Прочтите, почтенѣйшій, сказалъ мнѣ генераль, когда я явился. Я вамъ написалъ бумагу объ отводѣ штабу и войскамъ покосовъ! Пожалуйста, прикажите отвести имъ побольше луговъ, чтобы они были довольны. Знаете, теперь у насъ другія времена, батюшка; теперь намѣстникъ и главнокомандующій съ большою властью. Бѣда, если войска останутся недовольны и доложатъ объ насъ графу Воронцову. Такъ пожалуйста распорядитесь, чтобъ всѣ части войскъ остались бы довольны!

— Не безпокойтесь, ваше превосход., доложилъ я, всѣмъ будетъ отведено достаточно покосовъ и они сами донесутъ вамъ объ этомъ.

— 137 —

Когда по просьбѣ моей всѣ офицеры, пріемщики луговъ, донесли губернатору объ отводѣ покосовъ, онъ былъ очень радъ и при встрѣчѣ со мною сказалъ: „Знаете, мнѣ очень пріятно, что войска вполнѣ удовлетворены, объ этомъ узнаеть намѣстникъ и останется доволенъ точнымъ исполненіемъ его приказанія“.

Изъ жизни главноуправлявшихъ въ Грузіи.
(Аванское посольство).

При бывшемъ главноуправляющемъ въ Грузіи генералѣ баронѣ Розенѣ пріѣхали чрезъ Рештъ въ Тифлисъ какіе-то авганцы. Ихъ приняли хорошо и помѣстили въ домѣ, гдѣ помѣщалось въ послѣдствіи отдѣленіе штаба и горское правленіе, напротивъ дома, въ которомъ теперь находится Музеумъ. Тогда здѣсь было пустопорожнее мѣсто. Авганцы выдавали себя за пословъ изъ Кобула. Баронъ Ровень опредѣлилъ имъ содержаніе и назначилъ къ нимъ особаго пристава, обязаннаго состоять при нихъ, оказывать имъ содѣйствіе, исполнять ихъ порученія, посылать десятскихъ вмѣстѣ съ хазнадаромъ-авганцемъ (казначеемъ, экономомъ дома) на базаръ для закупки разныхъ продуктовъ. Авганцы были мѣднаго цвѣта, говорили по-персидски и держали себя преважно, со всѣми персидскими приемами. У одного изъ нихъ, старика, который называлъ себя посломъ, была жена, не показывавшаяся никому, по восточному обычаю.

„Тогда, говорилъ мнѣ покойный наслѣдникъ владѣтеля Мингреліи князь Давидъ Дадіани, со словъ котораго я пишу это воспоминаніе, у барона Розена ро-

дилась мысль осуществить грандіозную идею о походѣ въ Индію чрезъ Авганистанъ, такъ какъ посольство это увѣряло барона, что Авганцы очень недовольны англичанами и готовы оказать русскимъ всякое содѣйствіе. Баронъ Розенъ, принимая всѣ разсказни авганцевъ за чистую монету, спрашивалъ ихъ со всей подробностью о дорогахъ въ Индію, о производительности тогда еще мало извѣстнаго Авганистана, о способахъ перевозки вообще и особенно военныхъ грузовъ,

о климатѣ, обычаяхъ, и вообще изъ отвѣтовъ на свои вопросы баронъ хотѣлъ составить себѣ ясное представленіе о совершенно неизвѣстной странѣ, будучи убѣжденъ, что Авганистанъ единственная страна, откуда Россія можетъ при необходимости нанести полное пораженіе англійскому владычеству въ Индіи. Баронъ Розень особенно ненавидѣлъ англичанъ, мысль о пораженіи ихъ походомъ въ Индію чрезъ Авганистанъ такъ его занимала, что онъ какъ-то въ разговорѣ съ наслѣдникомъ владѣтеля Мингреліи, упомянутымъ выше кн. Д. Дадіани, сказалъ: „Я долго жилъ, много видѣлъ, много слышалъ, служилъ вѣрою и правдой государю своему и престолу, но желалъ-бы дожить еще до того времени, когда Россія будетъ первенствовать вполнѣ и въ Европѣ, и въ Азіи, чтобы я могъ слышать объ упадкѣ владычества англичанъ въ Индіи тогда мнѣ больше нечего желать, я умру спокойно“. Совершенно случайный пріѣздъ въ это время въ Тифлисъ одного иностранца, путешествовавшаго по Индіи, еще болѣе утвердилъ барона Розена во мнѣніи о возможности завоеванія англійской колоніи въ Индіи чрезъ Авганистанъ. Объ этомъ иностранцѣ мнѣ передавали следующее: онъ выдавалъ себя за доктора ме-

дицины, гражданина Сѣверо-американскихъ штатовъ; по происхожденію италіанецъ, онъ говорилъ, что изъ Америки чрезъ Восточный океанъ проѣхалъ въ англійскія владѣнія въ Индіи, гдѣ долго путешествовалъ и хорошо познакомился съ этой страной, затѣмъ проѣхалъ въ Персію, откуда пріѣхалъ въ Тифлисъ, проѣздомъ въ Тосканію, гдѣ у него есть родственникъ отца его, уже умершаго, который оставилъ Европу въ концѣ прошлаго столѣтія и эмигрировалъ въ Америку. Этотъ докторъ по приглашенію барона долго жилъ въ

Тифлисъ и съ нимъ часто бесѣдовалъ баронъ Розенъ о мѣрахъ къ осуществленію пораженія англичанъ.

Восточный этикетъ, котораго тогда строго придерживались власти въ краѣ въ отношеніи авганскихъ пословъ, не позволялъ спрашивать объ ихъ миссіи, и они продолжали жить на казенныхъ хлѣбахъ. Простой случай, однако, разрушилъ благополучіе авганцевъ, открывъ, что баронъ Розенъ былъ введенъ въ обманъ. Оказалось, что авганцы разыгрывали простую комедію. Секретъ этотъ выдали сами авганцы, перессорившіеся изъ за денегъ между собой. Старшій авганецъ, именовавшій себя „ельчи“ (посоль), удѣлялъ себѣ львиную долю изъ отпусканшейся барономъ Розеномъ суммы на ихъ содержаніе и вообще обходился деспотически съ своими соотечественниками, числившимися при немъ въ качествѣ свиты: это не понравилось послѣднимъ и они стали затѣвать съ нимъ ссоры, доходившія до крупныхъ объясненій. Приставленный къ нимъ приставъ сообщилъ кому слѣдуетъ обо всѣмъ этомъ; тогда власти стали собирать объ нихъ свѣдѣнія, причемъ оказалось, что эти господа простые халатники изъ Герата, ловкіе пройдохи, жившіе въ Тегеранѣ и

вынужденные бѣжать оттуда за какія-то продѣлки чрезъ Астрабадъ въ Россію. По разсказамъ нѣкоторыхъ авганцевъ предъявленные ими бумаги, удостоившія полномочіе посольства, подложны; составлены въ Персіи какимъ-то муллою, а засвидѣтельствованы астрабадскимъ ханомъ. Послѣ всей этой продѣлки они проѣхали въ Рештъ, гдѣ уже были приняты съ подобающими почестями, какъ посольство, отсюда ихъ проводили съ почестями въ Айзербейджанъ, откуда они пріѣхали въ Тифлисъ, распредѣливъ между собою роли посла, его мирзы (секретаря) хазнадара,

(казначей) и нукеровъ; женщина же, выдаваемая за жену посла, оказалась простой персіанкой, взятой старикомъ авганцемъ въ качествѣ временной жены въ Персіи. Когда выяснилось вполнѣ, что въ данномъ случаѣ баронъ Розень былъ вовлеченъ въ обманъ, тогда всѣхъ этихъ господъ выпроводили подѣ конвоемъ изъ Тифлиса на персидскую границу и сдали тамъ властямъ.

(„Тиф. Лист.“ №№ 7, 11. 1891 г.)

Вопрсъ о нашей границѣ съ Турціею со стороны Гуріи, или о земляхъ, принадлежащихъ Гурійскому—нынѣ Озургетскому уѣзду, Кутаисской губерніи, которыми завладѣли турки въ 1841 году.

По Адрианопольскому трактату, заключенному между Россіею и Турціею 2 сентября 1829 года, по-

— 141 —

граничною чертою между двумя имперіями со стороны Гуріи или нынѣшняго Озургетскаго уѣзда опредѣлили рѣку Чолоки, которая, получая начало у подошвы западнаго склона Аджарскихъ горъ, обозначаетъ уже свое теченіе, когда она выходитъ изъ горъ въ ущеліе повыше селенія Лихаури. Затѣмъ, направляясь на западъ къ Черному морю по ровной плоскости, она образуетъ собою большую уже рѣку. Въ верховьяхъ этой рѣки, на высотахъ горъ, расположены такъ называемыя горныя деревни уѣзда: Какути, Ачи, Нацхаватеви и, хотя часть этой Какути съ 12 дыми крестьянъ находилась за рѣчкою Чолоки, т. е. хотя эта деревня расположена по обѣимъ сторонамъ

рѣки Чолоки, но такъ какъ всѣ эти деревни съ жившими тамъ крестьянами съ древнѣйшихъ временъ принадлежали Гурійскому владѣтельному дому, а въ послѣдствіи казнѣ, то поэтому, по общему камеральному описанію, произведенному первый разъ въ 1831 г., были записаны за казною и затѣмъ по окладному списку 1836 г., особо объ тѣхъ крестьянахъ составленному, были обложены денежною податью наравнѣ съ прочими казенными крестьянами того уѣзда и такимъ образомъ сказанные жители горныхъ деревень платили въ казну подати и отбывали всѣ земскія повинности безпрекословно до 1841 года. Въ этомъ году правитель пограничнаго турецкаго мѣстечка, Кобулети Гассанъ-бекъ Тавтгиридзе, видя, что упомянутая часть селенія Какути, равно земли и угодыя жителей пограничной нашей деревни Нацхаватели и казенные виноградные сады, строевой лѣсъ и пахатныя земли, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежали жителямъ нашего уѣзда, лежатъ за нашею кордонною линіею, при-

зналъ ихъ принадлежностью Турціи и, завладѣвъ ими безъ дальнѣйшихъ околичностей, какъ землями, находящимися за рѣчкою Чолоки, стѣснилъ самопроизвольно и зарѣчныхъ жителей Какути и Нацхаватели, запретивъ имъ и тамошнимъ сельскимъ старшинамъ повиноваться русскому правительству, а какутцамъ объявилъ, что они принадлежатъ Турціи.

Бывшій тогда уѣздный начальникъ доносилъ обо всемъ этомъ грузино-имеретинскому гражданскому губернатору 15 и 25 мая 1841 года (тогда еще не было Кутаисской губерніи) и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ завѣдывавшему тогда военною частію въ Имеретіи, Гуріи, Мингрелии и Сванетіи, полковнику (въ послѣдствіи генераль-лейтенанту и предсѣдателю полевого

аудиторіата на Кавказъ Алексію Николаевичу Брусилову съ просьбою оказать содѣйствіе въ охраненіи владѣній нашихъ отъ притязаній турокъ. Бывшій тифлисскій военный губернаторъ 6 іюня того-же 1841 г., № 2,292, далъ знать уѣздному начальнику, что въ отвращеніе непріязненныхъ дѣйствій со стороны Гассанъ бека Кобулетскаго предписано Ахалцихскому военно-окружному начальнику, полковнику (въ послѣдствіи генераль адыютанту и герою Кавказа), князю Моисею Захаровичу Аргутинскому-Долгорукову, отправиться въ Гурію и удостовѣриться на мѣстѣ, въ какомъ положеніи находится это дѣло съ тѣмъ, что, если дѣйствительно земли, принадлежавшія гурійцамъ, заняты турками, то употребить съ своей стороны всѣ средства къ убѣжденію ихъ на оставленіе помянутыхъ земель; въ случаѣ же упорства отобратъ ихъ силою оружія, выдвинуть наши посты ва Чолоки и, расположивъ ихъ тамъ, оградить такимъ образомъ какъ по-

— 143 —

граничныя наши селенія Какути, Ачи и Надхаватеви, такъ и принадлежашія имъ земли. Оказалось, что до 1841 года пограничною чертою нашею была не Чолоки, а рѣка Цхрапона, недалеко отъ турецкаго мѣстечка Кобулеті, подальше отъ той-же нынѣшней границы Чолоки. Пространство между рѣкою Чолоки и Цхрапона представляетъ живописную равнину, покрытую мѣстами лѣсомъ и вѣчною зеленью; эту равнину окружають съ западной стороны Черное море, а съ востока громадныя высоты Аджарскихъ горъ, покрытыхъ почти десять мѣсяцевъ въ году снѣгомъ. Но за всѣмъ тѣмъ самоуправное дѣйствіе Кобулетскаго бека Гассанъ-бека и отторженіе имъ отъ насъ территоріи всего пространства отъ Чолоки до Цхрапона сдѣлалось уже совершившимся фактомъ.

Полковникъ Брусиловъ въ іюнѣ того-же года сообщилъ уѣздному начальнику копію съ предписанія къ нему главноуправлявшаго тогда Закавказьемъ, генерала Головина, который давалъ знать, что впредь до разрѣшенія вопроса о демаркаціонной линіи нашей съ Турціею, рѣчка Чолока и должна оставаться границею нашею, и что земли и селеніе Какути, лежащія по ту сторону Чолоки, до нѣкотораго времени должны принадлежать Турціи.

Грузино имеретинскій гражданскій губернаторъ на неоднократно донесенія уѣзднаго начальника, относительно податей, которыми были обложены сказанные какутскіе жители, уничтоженія турками виноградныхъ казенныхъ и частныхъ садовъ, находившихся на лѣвомъ берегу рѣчки Чолоки и возвращенія ихъ и другихъ угодій по принадлежности, далъ знать, что часть селенія Какути, лежащую на лѣвомъ, т. е. на

турецкомъ берегу рѣчки Чолоки, принимаемой тогда за государственную границу, слѣдуетъ оставить въ томъ-же положеніи до окончанія возникшаго спора о демаркаціонной линіи, о чемъ велись переговоры, и потому предписалъ не входить ни въ какую переписку съ Кобулетскимъ бекомъ и пріостановиться взысканіемъ съ жителей селенія Какути и Нацхватеви податныхъ и на земскій сборъ денегъ впредь до полученія отъ начальства особаго распоряженія.

20 октября 1843 года членъ Совѣта главнаго Управленія Закавказскаго края, статскій совѣтникъ Семеновъ вмѣстѣ съ полковникомъ Брусиловымъ, который въ то время былъ и начальникомъ 4 отдѣленія Черноморской береговой линіи, обозрѣвали нашу кордонную линію въ Гуріи. Воспользовавшись прибытіемъ изъ Тифлиса члена совѣта, изъ числа жителей селе-

нія Какути Турецкаго лѣваго берега рѣчки Чолоки, записанный, однакоже, по нашему камеральному описанію за казной, казенный крестьянинъ Іовъ Берадзе просилъ г. Семенова, какъ милости, ходатайства, чтобы ему, Берадзеву, и другимъ его сосѣдямъ съ семействами дозволено было переходить на правый берегъ р. Чолоки, въ наши предѣлы, только въ ихъ приходскую церковь для молитвы и для исполненія христанскаго обряда, такъ какъ они принадлежали къ одному и тому-же приходу и къ одной и той-же деревнѣ. Семеновъ нашелъ просьбу этого крестьянина заслуживающею уваженія и обѣщалъ ходатайствовать объ ея удовлетвореніи у главноуправляющаго тогда въ Грузіи и Закавказьемъ, генерала Нейдгардта, но ничего дальѣе не послѣдовало и было-ли уважено означенное ходатайство неизвѣстно.

— 145 —

Между тѣмъ въ теченіи того времени въ части селенія Какути, на турецкомъ берегу р. Чолоки расположенной, въ концѣ 1843 г. состояло уже 13 дымовъ казенныхъ крестьянъ изъ 65 душъ обоого пола, изъ нихъ семь дымовъ 34 души обоого пола исповѣдывали еще православную религію; остальные-же шесть дымовъ были въ роисповѣданія магометанскаго.

Въ такомъ положеніи оставался вопросъ о нашей границѣ въ Грузіи, пока не возникъ споръ между пограничными жителями тѣхъ-же селеній Какути, Ачи и Нацхвatevi о горныхъ земляхъ, расположенныхъ на отлогостяхъ Аджарскихъ горъ, гдѣ у нихъ находились посѣвы кукурузы и безъ которыхъ ни наши жители, ни зачалокскіе обойтись не могли. Хотя они принадлежали одному и тому-же племени гурійцевъ, но каждая сторона простирала свои права на горныя земли, доказывая эти права съ оружіемъ въ рукахъ. Споръ ме-

жду ними, сопровождавшійся бранью, драками и угрозами, доходилъ до явной схватки и кровопролитія; заграничные жители, подстрекаемые Кобулетскимъ бекомъ Гассанъ-бекомъ, вторгались въ упомянутыя выше горныя деревни и убивали нашихъ, грозя истребленіемъ всѣхъ нашихъ тамъ жителей, если сіи послѣдніе осмѣлились-бы мѣшать заграничнымъ свободно распоряжаться тѣми землями. Мстное начальство, равно и полковникъ Брусиловъ, заступились за нашихъ жителей, послали въ тѣ деревни команду для усиленія кордонныхъ постовъ на линіи и для того, чтобы не допускать заграничныхъ жителей вторгаться въ наши предѣлы и производить безпорядки. Появленіе нашей команды на границѣ на тѣхъ отлогостяхъ, гдѣ никогда ни одного солдата не было, перепугало всѣхъ по-

— 146 —

граничныхъ турецкихъ жителей. Заграничныя газеты, по донесенію трапезондскаго англійскаго консула, прокричали на весь міръ, что будто полковникъ Брусиловъ съ многочисленнымъ русскимъ войскомъ напалъ на турецкія границы и угрожаетъ вторженіемъ въ турцію среди мира. Это подало даже поводъ къ дипломатической перепискѣ, такъ что потребовали изъ Петербурга отъ главноуправляющаго тогда генерала Нейдгардта объясненіе о причинахъ этихъ толковъ. Возникла по этому оживленная переписка между нашимъ правительствомъ и турецкими пограничными властями. Къ трапезондскому пашѣ, какъ генераль-губернатору всего Лазистана и всей турецкой Грузіи, былъ командированъ по этому дѣлу генеральнаго штаба капитанъ (въ послѣдствіи отличившійся въ Дагестанѣ) генераль маіоръ Вранкенъ. Въ слѣдствіе сего трапезондскій паша отнесся въ Константинополь. Кавказское начальство донесло въ Петербургъ о неле-

постяхъ, о которыхъ протрубили въ заграничныхъ газетахъ по интригамъ Кобулетскаго бека Гассанъ-бека и англійскаго консула и наконецъ, о томъ что въ дѣйствительности происходило.

Результатомъ всей этой суматохи и всей этой переписки было то, что для разрѣшенія вопроса о границѣ на горныхъ высотахъ, у подошвы которыхъ беретъ начало р. Чолоки, пріѣхали къ намъ въ Грузію въ сопровожденіи того-же капитана Вранкена назначенные по распоряженію турецкаго правительства: Синопскій паша Махмедъ паша, дипломатическій чиновникъ изъ Константинополя отъ турецкаго министерства Усейнъ-ага и пограничныя власти: Лазистанскій мусселимъ, истый турокъ (сколько помнится) Ис-

— 147 —

майль-бекъ (безглазый и безносый), вмѣсто Кобулетскаго бека Гассанъ-бека, котораго турецкое начальство, по нашей жалобѣ, сослало куда-то подальше, братъ его Саута-бекъ, равно и другіе али-ефендіи и нашъ агентъ въ Батумѣ и Кобулетахъ, капитанъ Базо; вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ къ намъ и англійскій консулъ въ Батумѣ Гварачино, разумѣется поглазѣтъ на насъ. Всѣ эти господа пріехали въ Карантинъ на Чалокѣ, откуда надо было предпринять путешествіе на Аджарскія высоты по горнымъ ущельямъ и горнымъ узкимъ тропинкамъ, чтобы достигнуть тѣхъ отлогіхъ мѣстъ, которыя были предметомъ спора между нами и пограничными жителями. Полковникъ Брусилловъ, адютантъ его, уездный начальникъ Леванъ Николаевичъ Коркіевъ, я, какъ помощникъ уѣзднаго начальника, участковый засѣдатель и другіе князья и дворяне находились по сію сторону р. Чолоки тамъ-же въ карантинѣ для пріема заграничныхъ чиновъ. По вступленіи ихъ въ наши предѣлы мы должны были ока-

зывать имъ уваженіе, какъ гостямъ по офіціальному ихъ виду. Капитанъ Вранкенъ представилъ пашу полковнику Брусилову, какъ главному начальнику; паша представилъ ему другихъ турокъ; а Брусиловъ, въ свою очередь, представилъ послѣ всѣхъ насъ. Консулъ Гварачино познакомился самъ со всѣми безъ церемоній. Турецкіе чины были чрезвычайно довольны нашимъ приемомъ и восхищались вѣжливостью, которую мы имъ оказывали. Погода была великолѣпная и располагала къ взаимнымъ учтивостямъ, которыя казалось, черпали изъ устава десяти тысячъ церемоній.

Махмедъ-паша былъ высокаго роста, преклонныхъ лѣтъ, въ длинномъ турецкомъ платьѣ, съ чал-

мою на головѣ; онъ очень вѣжливъ. Происходитъ онъ изъ фамиліи дворянъ Чконіевыхъ въ Гуріи; онъ былъ мальчикомъ проданъ въ Турцію и обращенъ въ исламизмъ, но болѣе или менѣе сохранилъ въ себѣ воспоминанія о прежней своей родинѣ и чувство преданности къ роднымъ, остававшимся еще въ Живыхъ въ Гуріи въ ихъ деревнѣ Чибати и Чочхати, съ которыми онъ все-таки, время отъ времени, возобновлялъ сношенія по перепискѣ. Онъ былъ очень радъ случаю поговорить на родномъ языкѣ, уже на родинѣ своей, Константинопольскій дипломатъ Усейнъ-ага былъ въ полукафтанѣ изъ синяго сукна съ шитымъ золотомъ, воротникомъ и обшлагами на малеръ нашего мундираго шитья министерства народнаго просвѣщенія. Онъ корчилъ на половину европейца и наполовину турка, но не говорилъ ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ. Онъ былъ присланъ съ цѣлью надзирать изъ подтишка за Махмедъ-пашею, котораго подозрѣвали въ Константинополѣ въ преданности Россіи, такъ какъ онъ былъ избранъ трапезондскимъ пашею, котораго.

Диванъ также подозрѣвалъ въ привязанности къ нашему правительству. За тѣмъ, въ родѣ уѣзнаго начальника, Лазистанскій мусселимъ Исмаиль-бекъ былъ турокъ чистой крови, т. е. челоѣкъ, который, не имѣя носа и одного глаза, былъ похожъ на идіота. Онъ, не умѣя говорить, водилъ однимъ глазомъ то въ одну, то въ другую сторону. Остальные были мѣстные пограничные жители, которые говорили по-грузински также, какъ наши гурійцы, съ которыми они были связаны родствомъ, кумовствомъ, знакомствомъ и разными обычными отношеніями. Хотя религія нѣкоторымъ образомъ отдѣляла ихъ другъ отъ друга, но религію

— 149 —

они понимали болѣе съ матеріальной точки зрѣнія, нежели съ моральной. Кушая свинину и вино, которыя такъ любятъ гурійцы и пограничные жители, они превращались у насъ въ уѣздѣ въ христіанъ и на оборотъ, отказываясь отъ вина и свинины, они дѣлались опять мусульманами. Надо было ѣхать на спорныя земли для разбора спора; полковникъ Брусилловъ, уѣздный начальникъ и нѣкоторые другіе остались на плоскости въ деревнѣ. Мнѣ, какъ помошнику уѣзнаго начальника, приказано было сопровождать турецкихъ гостей на высоты Аджарскихъ горъ, на спорныя земли и, въ качествѣ представителя уѣзда, защищать интересы нашихъ жителей отъ притязаній турокъ относительно земель, бывшихъ предметомъ кроваваго спора между ними, и стараться отстоять права ихъ противъ турецкихъ притязаній. Рано утромъ всѣ турецкіе чины поднялись верхами туда впереди шли проводники; пока позволяла дорога, ѣхали мы вмѣстѣ, подымаясь по горной тропѣ; по мѣрѣ подъема на высоту, тропа дѣлалась все уже и уже, такъ что одинъ челоѣкъ верхомъ едва могъ слѣдовать по ней. Тро-

пинка шла надъ отвѣсною почти пропастью съ права, а съ лѣва рукою мы касались обнаженной горы, какъ стѣны надъ пропастью. Внизу далеко въ глубинѣ, вся линія ущелья была покрыта густымъ лѣсомъ, гдѣ предполагалось начало рѣчки Чолоки.—Махмедъ-паша, какъ гость и какъ старшій между нами ѣхалъ впереди, я позади его; ва тѣмъ слѣдовали капитанъ Вранжень, константинопольскій дипломатъ, англійскій консуль, мусселимъ и другіе—по одиночкѣ. Вся тропа представляла длинную на высокой горѣ съ разными изгибами какую - то воздушную линію, по которой

— 150 —

вродѣ подвижныхъ точекъ ѣхали и шли люди. Позади насъ всѣ спѣшились по невозможности ѣхать верхомъ, Махмедъ-паша все сидѣлъ на лошади и непрерывно оборачивался назадъ, желая, по видимому, узнать, верхами-ли слѣдуютъ за нимъ, или нѣтъ. Я слѣдовалъ за нимъ также верхомъ и, замѣтивъ, что ему первому не хотѣлось слѣзть съ лошади, чтобы тѣмъ не ронять предъ ними высокаго понятія объ азіатскомъ достоинствѣ его сана, я сказалъ, что дорога еще не такъ затруднительна, хотя мнѣ самому очень хотѣлось слѣзть и идти пѣшкомъ надъ пропастью, надъ которою и пѣшкомъ было не очень хорошо; но всетаки я не хотѣлъ уступить и поддерживать въ немъ мнимое преимущество предъ ними, чтобы онъ и его свита много объ себѣ не мечтали. Паша не выдержалъ и слѣзъ съ лошади первый, я слѣзъ за нимъ и мы пошли пѣшкомъ, ведя за собою лошадей. Мы были на высотѣ около 9,000 англ. ф. надъ уровнемъ моря. Немного далѣе впереди открылась намъ отлогая мѣстность, гдѣ можно было уже идти свободнѣе. Она, сдѣлалась немного ровнѣе по наклонной плоскости, гдѣ мы уже остановились для разбора спора. Дѣло проис-

ходило въ маѣ 1844 г. Горныя высоты, покрытыя зеленью, живописная окрестность, воздухъ благоуханный, наполненный ароматомъ горныхъ цвѣтовъ, на высотѣ, гдѣ дерево не могло уже расти, выше насъ еще громады горъ, покрытыхъ мѣстами на верхушкахъ снѣгомъ, которыя тянулись цѣпью къ югу, теряясь въ отдаленіи въ синевѣ горизонта, видъ Чернаго моря, которое виднѣлось вдали на западѣ,—составляли полное очарованіе. Паша усѣлся на травѣ. Всѣ, сопровождавшіе насъ, постепенно собрались около насъ съ

— 151 —

лошадьми. Мы образовали около паши кружокъ. Около него сѣли: турецкій дипломатъ изъ Константинополя, мусселимъ, который водилъ только однимъ глазомъ то на право, то на лѣво, какъ то безжизненно. Мы, остальные, стояли. Предъ нами на право открылась наклонная плоскость безъ лѣсу, довольно обширная, которая постепенно понижалась и затѣмъ вдругъ принимала видъ отвѣсной крутизны внизъ, гдѣ предполагали начало р. Чолоки. Эта плоскость, на которой производили посѣвы наши и зачолокскіе жители, была предметомъ спора между ними; но никакъ невозможно было провести съ высоты горы черту, которая могла-бы служить границею, такъ какъ начало ущелья, и, слѣдовательно, начало рѣчки находилось далеко внизу у подошвы, въ пропасти, покрытой лѣсомъ, до которой физически невозможно добраться. Въ это время, которое, вѣроятно, было предварительно расчитано, явилось двое турокъ, запыхавшись стали прадъ пашею на колѣни, поклонились ему по своему и бросили предъ нимъ одно отрубленное человѣческое ухо. Онъ взглянулъ на нихъ, сдѣлалъ имъ знакъ глазами убрать это ухо вонъ, что было исполнено. Начался между нами, разумѣется, шопоть. Оказалось,

что турки эти были исполнители приговора паши надъ какимъ-то преступникомъ,— приговора, который паша изрекъ предъ отъѣздомъ изъ Синопа, приказавъ доказательство исполненія онаго представить къ нему въ нашихъ предѣлахъ. Само собою разумѣется, что это было имъ разсчитано для эффекта, чтобы показать намъ свое турецкое могущество: но мы въ душѣ этому смѣялись...

Начались пререканія между мною и пашею о

— 152 —

принадлежности той плоскости намъ; Я доказывалъ и со мною всѣ бывшіе тутъ гурійскіе князья и дворяне, которыхъ я взялъ съ собою, что та отлогая плоскость примыкаетъ болѣе къ землямъ нашей кордонной линіи, такъ какъ та плоскость была сплошная отлогая площадь, гдѣ не было никакой видимой черты углубленія, которая могла-бы служить линіею, спускавшеюся по подошвѣ, т. е. истоку р. Чолоки, а напротивъ, такая черта обозначалась далѣе съ высоты, огибающей ту площадь и вдающейся уже въ предѣлы Турціи далеко отъ спорныхъ полей. Это произвело взрывъ со стороны пограничныхъ турокъ, изъ коихъ больше всѣхъ кричали Сауто-бекъ кобулетскій и нѣкоторые кобулетскіе аги, не стѣсняясь присутствіемъ ни паши, ни турецкаго дипломата, ни мусселима. Эти турецкіе сановники молчали, представивъ спутникамъ своимъ усиленнымъ крикливымъ объясненіемъ доказывать свой права на спорныя земли; они повторяли, что безъ тѣхъ земель жить не могутъ, что они или должны умереть, или-же взять ихъ силою. Они вдругъ заявили, что граница Турціи вдается еще дальше въ Гурійскій уѣздъ, что самая рѣка Чолоки не та, по теченію которой мы ѣхали, а напротивъ, она далеко отсюда: они указывали на рѣку, которая протекаетъ у уѣзднаго

города Озургеты. Кобулетскій бекъ Сауто-бекъ больше всѣхъ кричалъ. Признаюсь, я не вытерпѣлъ и сказалъ ему: „Почтеннѣйшій, если ты воображаешь, что у тебя громкій голосъ и можешь кричать, то кричи сколько хочешь у себя въ Кобулетахъ, а не здѣсь, въ гостяхъ у насъ. Мы собрались тутъ для дѣла, а не для крика“; затѣмъ, обратившись къ пашѣ, я сказалъ ему: „Ефенді! По нашимъ законамъ въ присутствіи

— 153 —

таршаго начальника и сановника вродѣ паши, какъ вы, младшіе, безъ его позволенія не только не могутъ кричать, да и не имѣютъ права говорить, пока ихъ не спросятъ. Такое чиновочитаніе и уваженіе къ старшимъ, сколько мнѣ извѣстно, существуетъ у васъ въ Турціи строже, чмъ у насъ, и потому мнѣ остается удивляться, что Сауто-бекъ осмѣливается при васъ такъ неприлично кричать, да заставляетъ и пограничныхъ жителей также кричать, такъ что невозможно заняться дѣломъ, для котораго мы собрались тутъ“! Англійскій консуль Гварачино тотчасъ принялъ мою сторону и сказалъ пашѣ, что имъ стыдно показывать себя предъ нами, русскими, на русской землѣ, такими неучами и грубіянами и что слѣдуетъ пашѣ извиниться предо мною!“ Этого было достаточно для паши. Онъ разсердился на Сауто-бека, обозвалъ его необъяснимыми словами и прогналъ вонъ оттуда подальше. Начался разборъ дѣла, разумѣется, извѣстно, — кому должна была принадлежать нагорная полоса, которая служила для посѣвовъ какъ для нашихъ жителей, такъ и для пограничныхъ, и безъ которой они обойтись не могли. Турки повторили вновь тотъ-же, о чемъ они кричали до того времени. Я имѣлъ съ собою на всякій случай карту Гурійскаго уѣзда, которую развернулъ предъ пашею и указалъ на черную

кривую черточку, которую я назвалъ Чолокою и которой начальная точка наклонялась на сторону Турціи, слѣдовательно, пространство земли по сію сторону отъ черточки предполагалось въ нашихъ предѣлахъ, Въ этомъ смыслѣ отозвались всѣ находящіеся тамъ при мнѣ гурійцы, доказывая, что спорная полоса земли наша. Паша и турецкій дипломатъ отозвались, что

— 154 —

карты не знаютъ, что она писана на языкѣ, котораго не понимаютъ. Мусселимъ молчалъ и водилъ только глазомъ. Тутъ опять на помощь къ намъ явился англійскій консулъ Гварачино. Онъ сказалъ имъ, что они своимъ объясненіемъ доказываютъ только свое невѣжество, что они ничего не смыслятъ и толкуютъ неосновательно, что если есть у нихъ какой-либо резонъ, то должны имѣть такую-же карту или планъ, какую представили рускія власти. Затѣмъ обратился къ намъ, т. е. ко мнѣ, къ капитану Вранкену, къ агенту нашему Бозо и сказалъ, что съ тѣми пограничными турками нельзя говорить по-человѣчески, что они такъ еще дики, какъ Сауто-бекъ, что ничего не смыслятъ, ничего резоннаго не понимаютъ; имъ только кричать, да кричать безъ толку. Все это онъ говорилъ по-турецки при всѣхъ турецкихъ властяхъ; и никто изъ нихъ не произнесъ ни полслова противъ консула. Казалось, что паша склонялся на нашу сторону и началъ потихоньку переговариваться съ константинопольскимъ дипломатомъ. Затѣмъ онъ всталъ и произнесъ, что онъ все узналъ и, по его убѣжденію, справедливость требованія на сторонѣ русскихъ. Онъ внутренно желалъ того-же, но боялся прежде высказаться явно предъ тѣмъ дипломатическимъ чиновникомъ. Я просилъ пашу приказать пограничнымъ жителямъ не беспокоить нашихъ и не вторгаться въ

наши пограничныя деревни и на тѣ земли. Онъ это исполнилъ. Началось обратное движеніе внизъ въ нашу ставку, гдѣ оставалось наше начальство и ожидало результата нашего нагорнаго разбора спора.

Мы пріѣхали наконецъ послѣ полудня назадъ. Начались переговоры и объясненія; Турки, подѣ влія-

— 155 —

немъ просьбъ пограничныхъ жителей и Сауто-бека, которые также пріѣхали съ нами, тянули тѣ земли опять на свою сторону, а мы—въ пользу нашихъ жителей. Тутъ кстати вступились князя Дмитрій Кайхосровичъ и Григорій Давидовичъ Гуріели, которые, какъ члены бывшаго гурійскаго владѣтельнаго дома въ Гуріи, сказали пашѣ при тѣхъ-же туркахъ, чтобы онъ, паша, не вѣрилъ неправильнымъ рассказамъ пограничныхъ жителей, что спорныя земли всегда оставались въ нашихъ предѣлахъ, принадлежа нашимъ жителямъ, и что онѣ показаны даже на картѣ. Противъ такого объясненія князей Гуріели никто изъ пограничныхъ жителей и даже Сауто-бекъ не возразилъ. По просьбѣ полковника Брусилова, паша вновь подтвердилъ имъ, чтобы они не смѣли касаться тѣхъ земель подѣ опасеніемъ наказанія, такъ какъ онѣ оказались въ русскихъ предѣлахъ, за пограничною чертою Турціи.

Затѣмъ началось угощеніе турокъ, какъ нашихъ гостей. Подавали вино, шампанское, бѣлый ромъ, портеръ. Турецкій дипломатъ и мусселимъ, какъ истые турки, смотря другъ на друга, не хотѣли пить ни того, ни другаго; они ѣли только, запивая водою. Между, тѣмъ, пашѣ очень хотѣлось пить, но онъ опасался ихъ доноса. Онъ говорилъ намъ, что едва пришлось ему по милости Божіей побывать въ Гуріи, въ краѣ родномъ, среди своихъ родственниковъ и земляковъ и поговорить на родномъ языкѣ, но что онъ, къ

сжалѣнію своему стѣсненъ. Онъ опасался шпіонства турецкаго дипломата, который былъ присланъ, какъ увѣрять паша, наблюдать за нимъ во время тѣхъ переговоровъ. Мы начали упрашивать ихъ всѣхъ отвѣдать шампанскаго и поблагодарить за тосты, которые всѣ мы

— 156 —

пили за ихъ здоровье, увѣряя, что шампанское—не настоящее вино, о которомъ упоминается въ китабѣ. Паша былъ готовъ, но онъ просилъ потихоньку кн. Дмитрія Кайхосровича Гуріели, чтобы онъ заставилъ какъ нибудь пить дипломата, мусселима и пашу, представляя имъ, что они въ Гостяхъ у русскихъ, что будетъ оскорбительно для хозяевъ не уважить ихъ просьбы отвѣдать хлѣбъ-соль и вино друзей, такъ какъ Россія и Турція были въ дружескомъ союзѣ. Мы объяснили имъ, что если пить вино могло касаться религіозныхъ ихъ Ппонятій, то соблюденіе этого правила, по нашему взгляду, обязательно должно быть для нихъ на ихъ звемлѣ, въ Турціи, а не въ Россіи, гдѣ они въ гостяхъ. Эта аргументація взяла верхъ. Англійскій консулъ совершенно согласился съ нами. Паша началъ шептаться съ турецкимъ диплотатомъ, такъ что и намъ было слышно немного. Паша представлялъ ему всю неловкость ихъ положенія, выказывая себя необразованными предъ нами. Затѣмъ стаканы ихъ наполнили шампанскимъ и наши турецкіе гости выпили порядкомъ, такъ что турецкій дипломатъ, на долго, я думаю, вспоминалъ въ Константинополь о предательскомъ шампанскомъ, которое осмѣлилось поколебать равновѣсіе высокостепенной его особы,—чиновника Дивана. Саутубекъ выпилъ за троихъ. Мусселимъ то-же, но молча водилъ только однимъ глазомъ, такъ какъ носъ или мѣсто носа и другой глазъ, т. е. половина лица находились подъ прикрытиемъ чернаго платка. Къ вече-

ру распростились мы съ турецкими чинами, съ англійскимъ консуломъ Гварачино и со всѣми заграничными, и они уѣхали обратно въ Турцію. Дипломата повели подъ руку и посадили на лошадь, чтобы онъ

— 157 —

не потерялъ равновѣсія и не произвелъ-бы скандала, паденія въ виду благочестивыхъ турокъ. Капитанъ Вранкенъ пробылъ нѣсколько дней у насъ въ Озургетахъ, одушевляя нашъ маленькій кругъ на отдаленной окраинѣ имперіи живостью и веселостью разказовъ, и затѣмъ уѣхалъ въ Тифлисъ, оставивъ насъ въ самое пріятное о себѣ воспоминаніе.

Такимъ образомъ, вопросъ о нашей границѣ со стороны Гуріи или Озургетскаго уѣзда былъ разрѣшенъ тогда въ пользу нашихъ жителей. Этотъ вопросъ, оставшійся спорнымъ со времени Адрианополяскаго мира, еще позднѣе возбуждалъ непрерывныя столкновенія съ пограничными жителями. Эти столкновенія разрѣшены уже окончательно послѣ послѣдней восточной войны, опредѣленіемъ демаркаціонной линіи между Россією и Турцією въ Гуріи.

(„Кавказъ“ 1875 г. №№ 66—70).

Э П И З О Д Ы

изъ жизни бывшихъ главноуправляющихъ Грузією.

Во время персидской кампаніи 1826—1827 годовъ войска наши осаждали крѣпость Сардарабатъ, которая была укрѣплена англійскими инженерами, находившимися въ персидскомъ войскѣ. Главнокомандовавшій, генераль Паскевичъ, впослѣдствіи фельд-

маршалъ, графъ Эриванскій князь Варшавскій производилъ маневры, приготавлиаясь къ штурму. Въ день, назначенный для штурма, войска были въ сборѣ, въ ожиданіи приказаній. Утро было великолѣпное,

— 158 —

погода ясная, солнце взошло величественно, привѣтствуя, какъ будто, наше войско съ побѣдою. Персіяне изъ крѣпости наблюдали за всѣми движеніями, происходившими въ нашемъ лагерѣ. Вдругъ главнокомандовавшій Паскевичъ съ большою свитою показался верхомъ на бѣлой лошади и подъѣхалъ къ войску. Музыка заиграла. Послѣ молебствія, Паскевичъ поздравилъ войско со штурмомъ, отдалъ послѣднія приказанія и сталъ наблюдать съ возвышеннаго мѣста. Какъ только начали палить изъ нашихъ орудій и какъ только начали колонны нашихъ войскъ направляться къ крѣпости, вдругъ оттуда показали бѣлый флагъ и вышли персидскіе уполномоченные на встрѣчу къ нашимъ, предлагая сдать крѣпость безъ боя, безъ кровопролитія. Само собою разумѣется, что это было пріятно генералу Паскевичу, но тайной причины такой поспѣшности сдачи крѣпости не могли узнать на первыхъ порахъ. Оказалось, что когда персіяне увидѣли еще издали изъ крѣпости генерала Паскевича на бѣлой лошади, когда онъ подъѣзжалъ утромъ къ войску, то они были перепуганы, увѣряя другъ друга, что св. Георгій ночью прислалъ свою лошадь русскому главнокомандующему и что не только персіяне въ Сардарабатѣ, но и во всемъ Иранѣ (Персіи) не могутъ ничего сдѣлать русскимъ, такъ какъ пейгамъ-баръ (пророкъ), приславшій свою бѣлую лошадь Паскевичу, ведетъ его къ побѣдамъ. Надо замѣтить, что до того времени Паскевичъ выѣзжалъ то на вороной, то на гнѣдой лошади. Хотя англійскіе

офицеры бранили тогда персіянъ, удерживая ихъ отъ сдачи крѣпости и хотя они представляли имъ всю нелѣпость предположенія о мнимой лошади св. Геор-

— 159 —

гія, но персіяне увѣряли англичанъ, что они собственными глазами видѣли именно ту самую лошадь подъ русскимъ главнокомандующимъ, на которой постоянно сидитъ самъ св. Георгій. Извѣстно, что персіяне его почитаютъ какъ пророка.

Наслѣдникъ персидскаго шаха, главнокомандовавшій персидскою арміею Абасъ-Мирза укрѣпился за Араксомъ, имѣя болѣе 80 т. войска. Наши-же находились по сію сторону Аракса. Никакіе маневры генерала Паскевича не могли сдвинуть персіянъ съ укрѣпленнаго лагеря и не могли заставить Абасъ-Мирзу перейти по сію сторону рѣки, хотя онъ зналъ малочисленность нашего отряда сравнительно съ персидскимъ войскомъ. Время проходило въ маневрахъ, а нетерпѣніе генерала Паскевича раздражало его до чрезвычайности отъ бездѣйствія, такъ какъ Абасъ-Мирза все оставался за рѣкою; а самъ Паскевичъ, имѣя сравнительно малыя силы, не могъ рискнуть переправиться черезъ рѣку и напасть на укрѣпленный лагерь персіянъ. Онъ сказалъ, состоявшему при немъ, переводчику Мираджану Модапиллову, какъ-бы замануть Абасъ-Мирзу переправить по сію сторону реки Мираджана, секретно отыскать въ нашей татарской милиціи татарина, который находился прежде въ бѣгахъ отъ насъ въ Персіи и послѣ былъ прощенъ. Дѣйствительно, тамъ находился казахскій житель, который возвращенъ былъ изъ Персіи не за долго предъ открытіемъ персидской компаніи. Переводчикъ, съ вѣ-

дома генерала Паскевича, подговорилъ по секрету казахскаго татарина бѣжать изъ нашего лагеря ночью

— 160 —

къ персіанамъ и сказать тамъ, что русскіе по малочисленности войска хотять уходить, что у нихъ нѣтъ провіанта и снарядовъ и что если персіяне нападутъ на русскихъ, то всѣхъ ихъ заберутъ въ плѣнъ. Татаринъ, обрадованный возможностью побывать въ персидскомъ лагерѣ, гдѣ было у него много прежнихъ знакомыхъ, думалъ оказать имъ услугу, передавъ имъ свѣдѣнія о русскомъ войскѣ. Устроили ночной побѣгъ изъ нашего лагеря и стрѣльбу вслѣдъ за нимъ, какъ за бѣглецомъ, дезертиромъ. Генераль Паскевичъ сдѣлалъ распоряженіе о снятіи лагеря и о движеніи, якобы назадъ. Войска наши недоумѣвали, не понимая въ чемъ дѣло. Между тѣмъ они по диспозиціи были распредѣлены такъ, что не могли пока догадаться положительно, что они вмѣсто отступленія готовятся къ бою. Эти маневры согласовались съ тѣми секретными свѣдѣніями, которыя доставилъ въ лагерь бѣглый казахскій татаринъ и которыя убѣждали Абасъ-Мирзу въ правильности тѣхъ свѣдѣній. Дѣйствительно, желая настичъ наши войска скорѣе, Абасъ-Мирза поспѣшно переправилъ чрезъ Араксъ всю персидскую армію. Движеніе Паскевича похоже было на отступление; когда-же онъ по расчету времени убѣдился, что персіяне отошли отъ Аракса на приличное разстояніе, то онъ ночью далъ приказаніе къ наступательному движенію, такъ что утромъ наши войска очутились въ виду персіанъ. Генераль Паскевичъ заранѣе поздравилъ войска наши съ побѣдою: они напали на персіанъ со всѣхъ сторонъ и сражались какъ львы, будучи одушевлены присутствіемъ главнокомандующаго и желаніемъ отличиться послѣ долгаго ожиданія сраженія; пора-

было сильно, что наши забирали персіянъ какъ барановъ. Самъ Абасъ-Мирза едва спасся поспѣшною переправою назадъ черезъ Араксъ.

Послѣ взятія эрзерумскаго сераскиря Гахки-паши въ плѣнъ, въ 1829 году, со всѣмъ турецкимъ войскомъ, тѣлохранители его, которые назывались хайди, были также взяты въ плѣнъ. Многихъ изъ нихъ главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Паскевичъ Эриванскій приказалъ распустить по домамъ, и это удивило всѣхъ турокъ въ Эрзерумѣ, по понятіямъ которыхъ плѣнныхъ должны были рѣзать, убивать и проч. Гуманное обращеніе фельдмаршала и всѣхъ офицеровъ и солдатъ нашихъ съ плѣнными турками и тамошними жителями привязывало ихъ къ нашему войску, и они не дичились уже нашихъ солдатъ и офицеровъ. Послѣ заключенія мира многіе изъ тѣхъ тѣлохранителей эрзерумскаго сераскиря, котораго султанъ прогналъ куда-то, поступили въ нашу службу и изъ нихъ составили конвои который, находясь при фельдмаршалѣ въ Тифлисѣ сопровождалъ его вездѣ. Въ числѣ этихъ хайда былъ и ихъ бывший начальникъ хайда-баши, котораго фельдмаршалъ назначилъ и здѣсь тѣмъ-же хайда-баши, который служилъ усердно и былъ уже въ чинѣ капитана, получая жалованье и столовые. Разъ фельдмаршалъ во время пріема, въ числѣ просителей замѣтилъ и хайда-баши, стоявшато между ними. Графъ Паскевичъ спросилъ чрезъ переводчика:— А ты зачѣмъ хайда-баши?—Денегъ нѣтъ, отвѣтилъ онъ!—Ты получаешь содержаніе, развѣ тебѣ не довольно?, ты развѣ получалъ больше въ Эрзерумѣ при сераскирѣ? сказала

фельдмаршалъ шутя.— Нѣтъ, сардаръ (главнокомандующій), „я въ Эрзерумѣ получалъ меньше даже половины того, что здѣсь получаю, но я здѣсь при великомъ сардарѣ фельдмаршалѣ Баскувичѣ (татары всѣ такъ называли Паскевича), а тамъ я былъ при сераскирѣ. Большая разница: сераскиръ и ногтей фельдмаршала не стоитъ“!—Сколько-же тебѣ надо? спросилъ фельдмаршалъ.—Сколько угодно, сардаръ, это ваша воля, отвѣтилъ хайда-баши! Подозвавъ казначея Майвальдова, фельдмаршалъ приказалъ выдать хайда-баши двѣсти червонцевъ.—Довольно? спросилъ онъ улыбнувшись. Хайда-баши поклонился и благодарилъ, благославляя фельдмаршала, выше котораго (полководца), по словамъ его, не было на свѣтѣ.

Подполковникъ К. былъ преданъ военному суду, по рѣшенію котораго наложено на него взысканіе 14 т. р. за растрату казеннаго провіанта въ Александрополь во время персидско—турецкой кампаніи 1826—1829 года. По его рассказамъ, онъ находился тамъ комендантомъ, когда, послѣ окончанія персидской кампаніи, была объявлена Турціи война и войска наши вступили уже въ Турцію чрезъ Александрополь, гдѣ находились тогда склады провіанта. Тамъ было нѣсколько провіантскихъ комисіонеровъ, завѣдывавшихъ этими складами и довольствовавшихся войска; они не вели въ порядкѣ провіантскихъ книгъ, или совсѣмъ не вели ихъ, ограничиваясь счетами. Послѣ заключенія мира въ 1829 году съ Турціею, началось уже по провіантскому вѣдомству въ 1831—1837 годахъ приведеніе въ извѣстность расходовъ провіанта во время кампаніи и ревизія по этимъ расходамъ. Многихъ изъ тѣхъ комисіонеровъ уже не было, а между тѣмъ ока-

зались больше недочеты провіанта по книгамъ, именно въ александропольскихъ складахъ, которые находились подъ главнымъ наблюдениемъ того подполковника К., какъ тогдашняго временнаго коменданта, тогда еще въ чинѣ маіора. Онъ положительно не зналъ, какъ это могло случиться, и не имѣлъ возможности справиться у кого либо, но только помнилъ, что довольствовались войска экстренно, что онъ заботился только не задерживать ихъ во время поспѣшнаго перехода изъ Персіи въ Турцію. Бѣдный подполковникъ былъ въ отчаяніи, потому что отвѣтственность падала на него ва неимѣніемъ въ виду тѣхъ коммисіонеровъ, выбывшихъ, Богъ вѣсть, куда. Дѣло объ немъ при преемникѣ Паскевича, главноуправлявшемъ въ Грузіи генералѣ баронѣ Розенѣ, было представлено на утвержденіе военному министру. Подполковникъ В. полетѣлъ въ Петербургъ, надѣясь какънибудь выхлопотать у военнаго министра о сложеніи съ него взысканія по уваженію военныхъ обстоятельствъ временъ персидской и турецкой кампаній; но надежды у него было все-таки мало. „Въ это время, рассказывалъ подполковникъ К., къ счастью моему, фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій, пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Варшавы. У меня родилась счастливая идея обратиться къ нему. Я, дѣйствительно, представился ему. Фельдмаршалъ принялъ меня чрезвычайно ласково; видно было, что ему было пріятно, когда представлялись кавказскіе офицеры. Я доложилъ о бѣдственномъ положеніи и о томъ, что, исполняя свято приказаніе фельдмаршала довольствоваться войска какъ можно скорѣе и не задерживать ихъ во время экстреннаго пе-

рехода изъ Персіи въ Турцію, я не могъ вести книгъ, которыя должны были находиться у провантскихъ чиновъ, и что за это подвергаютъ меня понапрасну взысканію, и потому просилъ ходатайства. Фельдмаршалъ, выслушавъ меня спокойно, обратился къ адъютанту своему и сказалъ: „это вздоръ“! Напиши военному министру, что всѣ выдачи и расходы провіанта этимъ штабъ-офицеромъ сдѣланы по моему приказанію, что этотъ штабъ-офицеръ (указывая на меня) лично мнѣ извѣстенъ съ хорошей стороны и что онъ много содѣйствовалъ мнѣ быстротою дѣйствій по продовольствію войскъ въ турецкой кампаніи 1828 года и что, если имъ неисполнены нѣкоторыя формальности по провіантскимъ книгамъ, то это сдѣлано по случаю военныхъ обстоятельствъ, по моему приказанію, и чтобы этого штабъ-офицера за это не подвергать никакому взысканію, наложенному на него военнымъ судомъ... Обращайся ко мнѣ, приказалъ наконецъ фельдмаршалъ, если еще когда-либо тебѣ нужно будетъ по дѣламъ“,

„Я чрезвычайно обрадовался, благодарилъ фельдмаршала и считалъ свое дѣло уже выиграннымъ. По предложенію адъютанта фельдмаршала, я передалъ ему записку изъ моего дѣла и чрезъ недѣлю я получилъ увѣдомленіе, что по докладу военного министра Государь Императоръ Высочайшѣ повелѣтъ соизволилъ наложенное на меня взысканіе сложить, привнавъ меня невиновнымъ въ растратѣ провіанта. Фельдмаршала уже не было въ Петербургѣ; онъ уѣхалъ въ Варшаву и потому я не могъ броситься прямо къ нему и благодарить, но за то я и все мое семейство постоянно молились объ его здоровьи на многія лѣта. Я немедлен-

но прїѣхаль въ Тифлисъ и вскорѣ послѣ того получено было отъ военнаго министра Высочайшее повелѣніе обо мнѣ бывшимъ тогда корпуснымъ командиромъ Кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ въ Грузіи, генераломъ барономъ Розеномъ, который неблагосклонно относился ко мнѣ по этому дѣлу, по донесенію тогдашняго генераль-интенданта, защищавшаго своихъ провіантскихъ смотрителей и свалившаго всю ихъ вину на меня. По прїѣздѣ въ Тифлисъ, я представился, какъ и слѣдовало, генералу барону Розену, гдѣ были тогда въ залѣ и другіе; когда онъ дошелъ до меня, то не дожидаясь доклада обо мнѣ коменданта, тотчасъ сказалъ мнѣ: какъ это, ты братецъ, ухитрился, что съ тебя сложили взысканіе, и притомъ то Высочайшему повелѣнію? „Одна невинность моя могла спасти меня, в. в. ство, меня обвиняли вмѣсто другихъ!“ отвѣчалъ я! „Оно-то не всеѣмъ такъ, братецъ, сказалъ онъ, взглянувъ на генераль-интенданта который тутъ-же находился! Но я все-таки поздравляю!.....“ Больше ничего не сказалъ. Послѣ окончанія пріема я полетѣлъ въ полкъ, гдѣ засталъ обрадованную жену мою, дѣтей и добрыхъ моихъ товарищей, которые раздѣляли мою радость. Долго я никому не говорилъ о виновникѣ моего счастья; опасаясь моихъ непріятелей, въ особенности въ лицѣ интенданта, но затѣмъ я рассказывалъ послѣ многимъ о добромъ дѣлѣ и благодѣяніи фельдмаршала, благословляя его отъ чистяго сердца.“

Разъ поручикъ Апшеронскаго полка, баронъ Г., прїѣхавъ въ Тифлисъ по дѣламъ службы, представля-

лся бывшему главноуправляющему, корпусному командиру, генералу барону Розену, въ 1834 году. Въ залѣ у него тифлисскій комендантъ докладывалъ обо всѣхъ. пріѣзжихъ, и каждого баронъ Розенъ о чемъ нибудь спрашивалъ. Когда онъ дошелъ до поручика барона, барону Розену было пріятно видѣть, что въ Тифлисѣ есть еще другой баронъ и онъ заговорилъ съ нимъ по-немѣцки; поручикъ Г. доложилъ, что нѣмецкаго языка не знаетъ. Затѣмъ Розенъ заговорилъ съ нимъ по-французски, поручикъ вновь отвѣтилъ незнаніемъ. Баронъ Розенъ съ удивленіемъ спросилъ поручика: „какой-же ты, братецъ, баронъ! ни-по нѣмецки ни по французски не знаешь?“ „Я родился въ Тифлисѣ, в. пр—во, отвѣтилъ поручикъ; мать моя была, тифлисская армянка, а отецъ—не помню; онъ умеръ, когда мнѣ было всего шесть лѣтъ. Я знаю по-русски, по-грузински, по-армянски, по-татарски, в. пр—во. „Такъ ты, братецъ, выходитъ, катеръ,“ сказалъ баронъ Розенъ, засмѣявшись. И такимъ образомъ пріемъ поручика Г. у корпуснаго командира кончился,

---

Извѣстно, что Ахалцихскій уѣздъ изъ бывшаго Ахалцихскаго турецкаго пашалыка присоединенъ къ Россіи по Адрианопольскому трактату 2 Сентября 1829 года. Этотъ уѣздъ, до преобразованія гражданскаго. Управленія Закавказскаго края, по положенію 10 апрѣля 1840 года, назывался Ахалицхскою областью, гдѣ находился и областной начальникъ съ областнымъ временнымъ правленіемъ, въ которомъ были сосредоточены всѣ части гражданскаго управленія: административная, таможенная, врачебная, казначейская, подчи-

няясь только главноуправлявшему въ Грузіи. Въ 1835 году во время масляницы, ахалцихскій житель привезъ изъ смѣжныхъ турецкихъ владѣній въ карантинъ, на нашей границѣ, маслины, для отсылки въ Тифлисъ на продажу.—Изъ карантина препроводили транспортъ этотъ въ Ахалцихъ для взиманія таможенныхъ пошлинъ. Оказалось, что въ тогдашнемъ тарифѣ, о маслинахъ и о пошлинахъ на этотъ продуктъ ничего не было сказано, и потому начальникъ области представилъ это обстоятельство на разрѣшеніе главноуправлявшаго барона Розена, задержавъ въ Ахалцихъ транспортъ маслинъ, предназначенныхъ для продажи въ Тифлисъ великимъ постомъ, который уже наступалъ. Шестъ лѣтъ только прошло отъ присоединенія области къ Россіи отъ Турціи, причемъ турецкіе жители прежде не встрѣчали подобныхъ задержекъ, и потому хозяинъ маслинъ поспѣшилъ въ Тифлисъ и обратился къ главноуправлявшему барону Розену съ просьбою спасти его отъ раззоренія и приказать дозволить ему везти транспортъ маслинъ въ Тифлисъ, предлагая внести пошлины въ Тифлисъ, если слѣдуетъ, въ противномъ случаѣ послѣ св. Пасхи маслины никому уже не нужны, и онъ хозяинъ, потерпитъ убытки. Баронъ Розенъ, выслушавъ просителя, приказалъ зайти въ канцелярію чрезъ день. Между тѣмъ онъ позвалъ помощника секретарной канцеляріи и приказалъ заготовить немедленно бумагу къ начальнику области. Помощникъ секретаря такъ называемаго тогда Ахалцихскаго Отдѣленія полагалъ залучшее спросить ообъ этомъ министра финансовъ и въ такомъ видѣ доложить бумагу барону Розену—„Странно было-бы братецъ писать къ министру въ Петербургъ, сказалъ баронъ,—по-

ка мы получимъ отвѣтъ, и то, вѣроятно, послѣ Пасхи
маслины могутъ сгнить, а въ Тифлисѣ, гнилыя масли-
ны, и то послѣ Пасхи, никому не нужны. Хозяинъ
долженъ выбросить вонъ, и мы причинимъ этому бѣд-
няку больше убытки. Я помню, братецъ, была пере-
писка съ министромъ финансовъ вскорѣ по приѣздѣ
моемъ на Кавказъ, именно о маслинахъ и, сколько
мнѣ помнится, должна быть она въ дѣлѣ нашей кан-
целяріи за февраль 1832 года. Прикажи, братецъ,
справиться по описи и принести ко мнѣ самое дѣло“!...
Помощникъ секретаря былъ только что назначенъ годъ
тому назадъ и изумился такой памяти главноуправляв-
шаго; пошелъ въ канцелярію, взялъ опись Ахалцих-
скаго отдѣленія, нашель, дѣйствительно, дѣло о мас-
линахъ, именно въ февралѣ 1832 года и доложилъ
барону. Окасалось, что министромъ финансовъ былъ
разрѣшенъ беспошлинны, ввозъ маслинъ еще въ 1832
году по возникшему вопросу, касательно ввозимыхъ
тогда товаровъ изъ одной части Ахалцихскаго паша-
лыка, оставшейся въ Турціи, въ нашу часть, то есть
въ Ахалцихскую область, присоединенную къ Россіи
по Адрианопольскому миру. Помощникъ секретаря былъ
очень радъ находкѣ дѣла, а самому генералу барону
было не менѣе пріятно оказать бѣдному торговцу благо-
дѣяніе. Онъ приказалъ полиціймейстеру отыскать это-
го торговца въ Тифлисѣ и позвать его къ нему, ба-
рону Розену. По прибытіи торговца, баронъ вручилъ
ему пакетъ съ предписаніемъ на имя начальника
Ахалцихской области о немедленномъ пропускѣ тран-
спорта маслинъ беспошлинно. Обрадованный торговецъ
полетѣлъ съ тѣмъ предписаніемъ въ Ахалцихъ, благо-
словляя барона Розена за его доброту и челоуѣколю-

біе. Всѣ чиновники канцеляріи дивились такой громад-
ной памяти.

Во время приѣма въ залѣ главноуправлявшаго, разѣ представилось нѣсколько человекѣкъ лезгинѣ, приѣхавшихъ въ Тифлисъ изъ Джаро-Бѣлоканскаго округа и Дагестана, которые въ своей странѣ считались почетными жителями. Они стояли въ рядѣ. Подходя къ нимѣ, баронѣ Розенѣ называлѣ каждого по имени и клалѣ руку на его плечо въ знакѣ особаго благоволенія, спрашивая объ его здоровьи, о здоровьи старика его отца, либо брата, либо сына и все по именамѣ, такѣ что эти лезгины восхищались приѣмомѣ сардаря, какѣ называли главноуправлявшаго, и гордились тѣмѣ, что сардарѣ знаетѣ лично каждого, и отца его, и брата, дядю и проч. Всѣ почти лезгины были увѣрены, что баронѣ Розенѣ зналъ будто всѣхъ ихъ по именамѣ, и это имѣло большое вліяніе на ихъ умы, въ особенности въ то время, въ тридцатыхъ годахъ, и привязывало ихъ къ нашему правительству. Бывало, какой либо лезгинѣ стоитѣ между другими просителями въ залѣ. Когда доходила до него очередь и подходилѣ къ нему баронѣ Розенѣ, то онѣ просто на просто обращался къ нему при свитѣ и публикѣ: „Здравствуй Аджи Омарѣ! Какѣ твое здоровье, ты когда приѣхалѣ? Что тебѣ надо? Какѣ здоровье твоего отца Усейна, а старикѣ, твой дядя Махмадѣ поправляется-ли? Передай имѣ отѣ меня поклонѣ и скажи отѣ меня Мамаду, чтобы онѣ не хворалѣ!... Передѣ отѣздомѣ зайди ко мнѣ и возьми отѣ меня пешкешѣ твоему отцу и дядѣ.“ Эти слова и пешкешѣ, которые

состояли всего изъ шести или восьми аршинѣ синяго

или коричневаго сукна на чоху (платье), имѣли громадное значеніе въ горахъ, въ глазахъ лезгинъ и татаръ нашихъ мусульманскихъ провинцій, равнымъ образомъ подобное вниманіе барона Розена производило большое впечатлѣніе на недавно присоединенныхъ отъ Турціи ахалцихскихъ татаръ, на мирныхъ черкесовъ и абхазцевъ и христіанское населеніе Грузіи, Имеретіи, Гуріи, Мингрелии, которые были увѣрены, что главноуправляющій зналъ всѣхъ ихъ лично и печется объ нихъ. Этой политики держался въ послѣдствіи бывшій намѣстникъ Кавказскій, свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, популярность котораго на Кавказѣ привязывала къ нему всѣхъ здѣшнихъ, вызывала глубокое къ нему уваженіе и пограничныхъ жителей Турціи и Персіи.

(А. П. Ермоловъ, фельдмаршалъ Паскевичъ, баронъ Розенъ и генералъ Нейдгардтъ).

Послѣ какого-то дѣла съ горцами, генералъ Ермоловъ расположился лагеремъ въ Чечнѣ. Начальникомъ цѣпи былъ назначенъ офицеръ Б..., который каждое утро являлся къ нему въ одно и то-же время и докладывалъ, что по осмотрѣ имъ цѣпи все обстоитъ благополучно. Разъ какъ-то Алексѣй Петровичъ Ермоловъ заподозрѣлъ того офицера и хотѣлъ на самомъ дѣлѣ удостовѣриться, точно-ли тотъ обходилъ такъ рано цѣпь. Поэтому, въ назначенное для явки офицера время, генералъ Ермоловъ съ однимъ казакомъ пошелъ по лагерю, направляясь къ полаткѣ офицера, около которой стояли казаки.

„Дома-ли офицеръ Б.?“ спросилъ главнокоман-

довавший.

Офидеръ, узнавъ по голосу генерала и не давая своему казаку времени отвѣчать Ермолову, спросилъ самъ, не выходя изъ палатки: „кто тамъ?“.

— Главнокомандующій, — сказалъ Ермоловъ, — гдѣ офицеръ Б...?

— Онъ пошелъ осматривать цѣпь, — отвѣчалъ тотъ же голосъ изъ палатки (это былъ, однако, самъ офицеръ).

Ермоловъ вошелъ въ палатку и спросилъ лежавшаго еще въ постели:

— А ты кто такой?

— Я деньщикъ офицера Б.

„Какъ, . . . просто деньщикъ и смѣешь лежать на постели своего барина — офидера? сказалъ Ермоловъ. Встань ты, негодяй, ты развѣ не знаешь дисциплины! И тутъ-же Ермоловъ, взявъ у казака плеть, далъ этому деньщику двѣнадцать ударовъ. Мнимый деньщикъ выдержалъ свою роль, скрѣпя сердце...“

— Доложи офицеру Б... когда онъ вернется, что тебя наказалъ главнокомандующій за то, что ты осмѣлился лечь на постель своего офицера, сказалъ Ермоловъ, оставляя палатку,

— Слушаюсь, ваше в. пр—во, отвѣчалъ мнимый деньщикъ. Послѣ чего офицеръ Б..., одѣлся и какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ къ генералу Ермолову доложить о благополучномъ состояни цѣпи.

— У тебя, братецъ, скверный деньщикъ, сказалъ Ермоловъ офицеру. — Я былъ у тебя въ палаткѣ по утру, когда ты ходилъ осматривать цѣпь, и засталъ тамъ твоего деньщика, который разлегся на твоей

постели, но за то я наказалъ его двѣнадцатью ударами плети; смотри пожалуйста за нимъ!

— Слушаюсь ваше в. пр—во! отвѣчалъ офицеръ Б..., по лицу котораго нельзя было замѣтить, что подъ видомъ деньщика, былъ онъ самъ. Но за то Б..., послѣ разсказаннаго пассажа, дѣйствительно обходилъ всегда самолично для осмотра цѣпь.

Послѣ взятія Эривани, войска наши были расположены лагеремъ, приготавлиаясь въ походъ далѣе, во внутрь Персіи. Главнoкомандующій Паскевичъ за обѣдомъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и весело поддерживалъ бесѣду своей свиты и генераловъ, продолжавшуюся и послѣ обѣда.

„Не странно-ли?“, замѣтилъ кто-то, что теперь мы всѣ бесѣдуемъ по-французски даже и на востокъ, вдѣсь въ Персіи, персіяне могутъ подумать, что мы не знаемъ своего русскаго роднаго языка“.

„Говорите по-французски, господа, сколько хотите, сказалъ главнoкомандующій,—лишь бы вы думали, чувствовали и дѣйствовали истинно по-русски!“.

Въ Персіи у магометанъ существуютъ браки трехъ родовъ: кябинъ, сике и мутіе или мутой.—Кябинъ считается болѣе законнымъ бракомъ на неопредѣленное время; а браки второго и третьяго рода: сике и мутіе бываютъ временные: жену берутъ на срокъ, по истеченіи котораго бракъ считается прекращеннымъ и незаконнымъ, вслѣдствіе чего жену по симъ бракамъ отпускаютъ, куда ей угодно.

Во время Персидской кампаніи 1826—1828 гт., побѣдоносная наша армія останавливалась въ разныхъ мѣстахъ Персіи лагеремъ, занимая города во всемъ

Адербеиджанѣ. Нѣкоторые офицеры арміи, узнавъ о временныхъ бракахъ—сике и муте, считающихся въ глазахъ населенія законными, воспользовались этимъ и женились на подобныхъ основаніяхъ, на что другіе офицеры товарищи, подшучивая, мало обращали вниманія. Какъ-то объ этихъ импровизированныхъ бракахъ дошло до свѣдѣнія фельдмаршала Паскевича. Онъ чрезвычайно разсердился: „я не хочу, сказалъ онъ, чтобы эти безумцы изъ Персіи создали себѣ дру-гую Капую“! Велѣлъ немедленно осмотрѣть обозы, удо-стовѣриться о тѣхъ временныхъ женахъ и затѣмъ от-далъ строгій приказъ: если кто изъ офицеровъ осмѣлится имѣть персіянку въ качествѣ временной жены, тотъ будетъ преданъ полевому временному суду.

Офицеры знали, что грозный фельдмаршалъ шу-титъ не любитъ, и потому всѣ тѣ офицеры немедлен-но отпустили временныхъ женъ своихъ домой. Но нѣ-которые изъ молодыхъ людей такъ привязались другъ къ другу, что впослѣдствіи, по заключеніи мира, вре-менные жены-персіянки послѣдовали за мужьями въ Тифлисъ, приняли православіе и сочетались съ свои-ми возлюбленными законнымъ бракомъ.

Послѣ взятія Карса въ турецкую кампанію 1828 года, войска наши отправлялись самымъ ускореннымъ маршемъ по дорогѣ къ Эрзеруму чрезъ Соганлутскіе горы, дабы предупредить прибытіе турецкихъ войскъ въ помощь Гажки-Пашѣ Эрзрумскому, съ которымъ тѣ

войска должны были соединиться. Главнокомандую-шій, фельдмаршалъ графъ Паскевичъ Эриванскій сдѣ-лалъ уже послѣднія распоряженія, и все по видимому шло благополучно, какъ вдругъ генераль-интендантъ

доложилъ графу, что аробщики окрестныхъ деревень отказываются везти провіантъ, требуя по одному червонцу за каждую арбу. Генераль-интендантъ не зналъ, что подрядчики предлагали аробщикамъ только по два рубля и того менѣе. „Прикажите, сказалъ фельд-маршалъ генераль-интенданту собрать всѣхъ аробщиковъ; съ ними поговорю я самъ!“...

Когда аробщики были въ сборѣ, главнокомандующій вышелъ къ нимъ и спросилъ грозно: „отчего они не хотятъ везти провіантъ?“ Аробщики поклонились и отвѣчали, что они готовы везти, куда прикажутъ, но что даютъ всего по два рубля и того менѣе за арбу. Фельдмаршалъ грозно посмотрѣлъ на интенданта: „Вы получите по два червонца за каждую арбу, сказалъ имъ главнокомандующій, а потому поскорѣе перевезите провіантъ?“

— Рады стараться, закричали всѣ аробщики, радуясь такой милости графа Паскевича. И немедленно все вокругъ закипѣло движеніемъ, такъ что провіантъ перевезли раньше даже означеннаго времени.

— Цѣны большія, ваше с—во, доложилъ генераль-интендантъ фельдмаршалу.—Для успѣха дѣла онѣ даже малы, сказалъ графъ. — Нечего дорожиться. Мы эти деньги возьмемъ съ Турціи-же при заключеніи мира!

По рассказамъ генерала С-ва, онъ, только что

недавно произведенный въ прапорщики, былъ отправленъ генераломъ княземъ Абхазовымъ курьеромъ къ фельдмаршалу графу Паскевичу Эриванскому съ донесеніемъ о совершенномъ пораженіи горцевъ, недалеко отъ Владикавказа, въ 1830 году. Графъ въ это

время находился въ Ставрополѣ и готовился къ экспедиціи въ Чечню.

„Я представился, говоритъ С-въ, фельдмаршалу. Онъ прочелъ донесеніе, принялъ меня ласково и разспрашивалъ о подробностяхъ дѣла. Фельдмаршалъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и приказалъ мнѣ приготовиться ѣхать на завтра въ Петербургъ курьеромъ, съ такимъ же донесеніемъ Государю Императору; причемъ графъ приказалъ начальнику штаба заготовить надлежащія бумаги. Я очень обрадовался и пошелъ навѣститъ своихъ знакомыхъ, находившихся тогда въ отрядѣ. Но радость моя была непродолжительна, такъ какъ у меня положительно не было денегъ и не у кого было призанять. Мои знакомые, у которыхъ я просилъ денегъ взаймы для поѣздки въ Петербургъ, страдали тоже безденежьемъ, и я былъ въ отчаяніи, не зная, что мнѣ предпринять. Но все-таки, волей - неволею, я долженъ былъ ѣхать курьеромъ въ Петербургъ, куда я вовсе не думалъ попасть, когда генералъ кн. Абхазовъ — отправлялъ меня съ донесеніемъ. Въ раздумьи бродилъ я по улицамъ Ставрополя, и въ это время, подъ вечеръ уже, догналъ меня казакъ, объявивъ, чтобы я немедленно явился къ начальнику штаба.

„Вы должны быть готовы выѣхать изъ Ставрополя завтра рано утромъ. Вы сегодня же получите прогоны и подорожную, - сказалъ мнѣ начальникъ шта-

ба.—Потрудитесь зайти въ канцелярію, а завтра предъ отъѣздомъ явитесь къ главнокомандующему получить послѣднія приказанія“.

— „Слушаюсь ваше пре—во, но у меня нѣтъ денегъ на дорогу, отвѣчалъ я.—Я прискакалъ сюда съ донесеніемъ, вовсе не думая, что фельдмаршалу угод-

но будетъ отправить меня въ Петербургъ; нельзя-ли будетъ выдать мнѣ деньги въ счетъ моего жалованья?“

„Отчего вы прежде не сказали? замѣтилъ мнѣ начальникъ штаба; теперь трудно будетъ доложить главнокомандующему объ этомъ. Это съ вашей стороны опрометчиво, г. прапорщикъ!... Впрочемъ, попытаюсь доложить, если успѣю“, добавилъ начальникъ штаба.

Мнѣ, какъ молодому прапорщику, считавшему свои эполеты не ниже генеральскихъ, показалось оскорбительнымъ замѣчаніе начальника штаба, и я надулся...

Не смотря однако на мое неудовольствіе, дѣло пошло своимъ чередомъ. Въ походной канцеляріи главнокомандующаго старшій писарь написалъ мнѣ рапортъ, который я и подалъ начальнику штаба, прося о выдачѣ мнѣ двухъ сотъ руб. въ счетъ жалованья для поѣздки въ Петербургъ. Ночь прошла, а денегъ я все-таки не получилъ. Рано утромъ на курьерской телѣжкѣ подкатилъ я къ дому фельдмаршала. Оказалось, что графъ Паскевичъ раньше меня уже былъ на ногахъ и распорядился отправленіемъ отрядныхъ обозовъ въ походъ.

Я представился графу, который вручилъ мнѣ бумаги Государю Императору и далъ послѣднія указанія; слушая графа со вниманіемъ, я все-таки ду-

малъ о деньгахъ, но боялся сказать объ этомъ графу. Подъ конецъ, когда фельдмаршалъ сказалъ: „съ Богомъ, прощайте“, я не выдержалъ и собравшись съ силами быстро проговорилъ: „Ваше сеятельство, у меня денегъ нѣтъ!“ „Это что значитъ?“, закричалъ фельдмаршалъ и прямо набросился на меня, какъ левъ; я, увы, стоялъ какъ вкопанный, думая про се-

бя: „ну, что будетъ, то будетъ“... Паскевичъ пальцемъ началъ стучать мнѣ въ грудь, повторяя громко и грозно: „отчего вы прежде не сказали, отчего вы прежде не сказали? Весь штабъ уже отправленъ, отчего вы прежде не сказали“? Я было струсиль немного предъ грознымъ фельдмаршаломъ. Не помню теперь, что такое я бормоталъ, шагъ за шагомъ отступая назадъ къ стѣнѣ; графъ продолжалъ кричать и, наконецъ, обращаясь къ начальнику штаба, сказалъ: „генераль, выдать ему сто червонцевъ сейчасъ“... Затѣмъ, повернувшись и все еще грозя пальцемъ, снова заговорилъ: „отчего вы прежде не сказали, обозы штаба отправлены, если-бы вы сказали прежде, я бы выдалъ вамъ триста червонцевъ; скорѣе, съ Богомъ, въ путь, впередъ!“

Грозу всю эту я выдержалъ, не отдавая себѣ отчета и смутно какъ-то понимая, что вокругъ меня происходитъ; пятясь потихоньку къ дверямъ, лицомъ къ фельдмаршалу, я уже хватилъ, что называется съ плеча: „это въ счетъ-ли моего жалованья, ваше сіятельство, эти сто червонцевъ“?

„Извини, это въ счетъ моего жалованья, а не твоего, закричалъ фельдмаршалъ, скорѣе, съ Богомъ!“.

Я тотчасъ покатилъ въ С.-Петербургъ, всю по-

— 178 —

чти дорогу размышляя о словахъ Паскевича: „извини, это не въ счетъ твое, а моего жалованья“...

Оказалось на повѣрку, что графъ Паскевичъ подарилъ мнѣ 100 червонцевъ на дорогу...

Генераль баронъ Розенъ очень часто обозрѣвалъ въѣренный ему край, слѣдя за дѣйствіями отдѣльныхъ

мѣстныхъ начальниковъ, которые, управляя провинціями Закавказскими, соединяли въ себѣ власть гражданскую и военную (только въ грузинскихъ уѣздахъ были окружные начальники и такъ-называемые капитанъ-исправники, которые подчинялись окружнымъ начальникамъ, дѣйствуя на основаніи свода законовъ изд. 1832 года). Въ тѣ времена, въ эпоху крѣпостнаго состоянія, нѣкоторые помѣщики не особенно отличались патріархальностью привычекъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ и злоупотребляли помѣщичьей властью; одинъ изъ нихъ, помѣщикъ Горійскаго уѣзда кн. П., владѣя не очень многими, сравнительно съ другими, крестьянами, насильно отбиралъ отъ нихъ деньги, продукты, скоть и проч., независимо отъ тѣхъ крестьянскихъ повинностей, которыя они исправно отбывали. На эти непрерывные, немилосердные поборы поступали частыя жалобы крестьянъ окружному начальнику и капитанъ-исправнику. Разъ, вслѣдствіе жалобы крестьянъ, что помѣщикъ ихъ кн. П. отобралъ отъ нихъ весь ихъ рабочій скоть и хлѣбъ, исправникъ приказалъ кн. П. черезъ разсылнато немедленно возвратитъ крестьянамъ и скоть, и хлѣбъ, удостовѣрившись предварительно, что они отбыли уже за тотъ годъ всѣ крестьянскія повинности, даже боль-

ше, чѣмъ слѣдовало. Кн. П., полагая, что онъ, какъ полновластный — владѣлецъ, можетъ — поступать съ крестьянами какъ ему угодно и отличаясь буйнымъ характеромъ, не исполнилъ приказанія исправника, прогналъ разсылнаго съ грубостью и самому затѣмъ исправнику, который требовалъ исполнить его приказаніе, оказалъ сопротивленіе и дерзости, встрѣтивъ его неприличною бранью, въ виду собравшихся жителей. За это исправникъ отобралъ отъ кн. П. заграб-

ленный скоть и хлѣбъ и возвратилъ бѣднымъ крестьянамъ, а самого князя-буяна арестоваль и засадилъ въ тюрьму. Этошь грозилъ жалобою на него главноуправлявшему барону Розену, котораго тѣмъ временемъ ждали въ Гори. Наконецъ, баронъ прибыль, и все дворянство и граждане г. Гори представились ему. Къ каждымъ изъ представлявшихся баронъ разговариваль, спрашивая о нуждахъ города и уѣзда, обѣщая притомъ всѣмъ и каждому исполнить законныя ихъ просьбы. Послѣ осмотра Грузинскаго Гренадерскаго полка, котораго штабъ-квартира тогда расположена была въ Гори, и послѣ осмотра казармъ, уѣзднаго училища, госпиталя, баронъ Розень, въ сопровожденіи командира полка, окружнаго начальника, капитанъ-исправника, предводителя дворянства и свиты, посѣтилъ тюрьму, находившуюся при гауптвахтѣ, недалеко отъ казармъ, на площади, между католическою и армянскою церквами. Тутъ-то вотъ кн. П., выступивъ впередъ, жалуясь главноуправлявшему на капитана-исправника, вмѣстѣ съ тѣмъ дерзнулъ спросить—объяснить ему: „кто главноуправляющій въ Грузіи?“ Переводчикъ перевелъ его слова.

— „Сажите ему, сказалъ баронъ Розень пере-

— 180 —

водчику, что я удивляюсь, что кн. не знаетъ кто-главноуправляющій, тогда какъ онъ хорошо долженъ знать, что другого, кромѣ меня, здѣсь нѣтъ!“

— „Помилуйте, отвѣчалъ кн. П., капитанъ-исправникъ поступаетъ съ нами самоуправнѣе, чѣмъ главноуправляющій, сажая въ тюрьму кого хочетъ, по своему произволу!“ Барону Розену доложили обо всемъ, за что капитанъ-исправникъ арестоваль кн. П., о поступкахъ котораго производилось уже слѣдствіе. Предводитель дворянства подтвердилъ то-же.

— „Скажите князю,— отвѣтилъ баронъ переводчику,— когда онъ не исполнилъ законныхъ требованій: капитанъ-исправника, это значить, что онъ не исполнилъ моего приказанія. Не исполнять законныхъ требованій начальства, значить быть послушникомъ закона. За это законъ строго наказываетъ. Скажите ему, чтобы онъ отнынѣ зналъ, что если капитанъ-исправникъ и вообще мѣстное начальство требуютъ отъ него исполненія законныхъ распоряженій, то онъ долженъ повиноваться, потому что въ противномъ случаѣ онъ будетъ послушникомъ моихъ приказаній; за это и я строго накажу. Скажите ему, что, если, онъ требованія исправника находилъ, по своимъ понятіямъ, незаконными, то не долженъ былъ бунтовать, а, исполнивъ приказаніе, могъ-бы жаловаться губернатору, либо мнѣ, а не буйствовать противъ мѣстной власти!“ Переводчикъ перевелъ слова главноуправляющаго. Кн. П. на это ни единымъ словомъ не возразилъ

— „Спросите его, приказалъ баронъ переводчику, понялъ онъ или нѣтъ мое приказаніе?“

Переводчикъ отвѣтилъ, со словъ кн., что тотъ

— 181 —

понялъ и что отнынѣ общается исправиться и повиноваться властямъ!

— „Скажите-же князю П., закончилъ баронъ Розень, что я на этотъ разъ прощаю его и надѣюсь, что онъ послѣ сего не будетъ уже обращаться столь жестоко со своими крестьянами.— Прикажите освободить его и прекратить о немъ слѣдствіе“.

Кн. П. усердно кланялся главноуправляющему и освобожденный немедленно отправился къ себѣ домой, благословляя барона Розена за его челобѣтніе и отеческія наставленія.

О злоупотребленіяхъ, допущенныхъ въ Эриванскомъ полку бывшимъ его полковымъ командиромъ, флигель-адъютантомъ полковникомъ княземъ Дадіани, было доведено до свѣдѣнія Государя Императора Николая Павловича во время пребыванія Его Вяличества въ Закавказскомъ краѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года. Князь Дадіани былъ женатъ на дочери бывшего тогда главноуправляющимъ въ Грузіи и командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генерала барона Розена, другая дочь котораго пріобрѣла въ то время печальную извѣстность въ Россіи въ званіи игуменьи Митрофаніи.

Государь Императоръ оставался въ Тифлисѣ три дня, которые были посвящены на осмотры и подробныя обзрѣнія всѣхъ частей правительственныхъ учреждений. Со всѣхъ концовъ Кавказа и пограничныхъ провинцій Персіи и Турціи стекались въ Тифлисѣ какъ жители всѣхъ сословій, такъ и всѣ бывшіе тогдъ владѣтели Мингреліи, Абхазіи, Сванетіи и Дагестана, да-

бы удостоиться счастья видѣть Великаго Государя. Мусульмане долго сомнѣвались и почти не вѣрили, что бы Великій Падишахъ повелитель Сѣвера и Юга, Востока и Запада, по мановенію котораго содрогаются высокія горы и одно слово котораго изрекаетъ жизнь и смерть, счастье и несчастье, наградилъ-бы отдаленную страну Закавказскую лучезарнымъ свѣтомъ своего посѣщенія. Поэтому Мадатовская площадь, какъ тогда ее называли, а по мѣстному назаанію Кабахи, въ послѣдствіи Александровская площадь, теперь Александровскій садъ въ Тифлисѣ, противъ Михайловскаго: (нынѣ Николаевскаго) моста, полна была народа, куда въ тотъ день введены были войска, и Эриванскій

полкъ для царскаго смотра. Вся мѣстность, начиная съ Кашветской св. Георгія церкви и съ Головинскаго проспекта, гдѣ теперь гимназія, представляла собою-сплошную массу людей разныхъ племень, націй, языковъ, званій и состояній. Тишина въ такой громадной массѣ людей была не обыкновенная; всѣ благоговѣйно ждали появленія экипажей царскаго поѣзда. Наконецъ раздалась команда „смирно“ и войска выстроились мгновенно. Показался царскій поѣздъ, который остановился недалеко отъ инженернаго дома, теперь называемаго домомъ начальника штаба. Государь Императоръ, въ сопровожденіи свиты, генераловъ, графа Бенкендорфа, Орлова и другихъ, равно и самага корпуснаго командира барона Розена, подошелъ къ фронту; заиграла музыка и царскій смотръ осчастливилъ всѣ тѣ части войскъ, которыя тогда дѣйствительно отличились предъ Государемъ и которыя оглашали воздухъ сердечными и громкими „ура“! Много было тамъ генераловъ высокаго роста, но Государь былъ выше всѣхъ и все въ немъ,

и ростъ, и движенія, и взглядъ, И слова придавали ему какое-то очеровательное, естественное величіе повелителя милліоновъ. Вся масса безчисленныхъ зрителей, притаивъ дыханіе, смотрѣла благоговѣйно на одного только Государя Императора. Послѣ смотра, когда генералы и штабъ и оберъ-офицеры выстроились, Государь сказалъ громко. „Дадіани“?

Полковникъ Дадіани предсталъ предъ Его Величествомъ. Все кругомъ замерло: Государь, смотря на полковника кн. Дадіани, произнесъ, что онъ, Дадіани, не оправдалъ того довѣрія, которое было ему оказано, что онъ злоупотребленіями своими по службѣ заслужилъ наказаніе и недостойнъ носить флигель-адъютанскіе аксельбанты! Затѣмъ, обратившись къ Тиф-

лисскому военному губернатору, Императоръ сказалъ:

„Генераль Брайко! Снимите съ Дадіани аксельбанты“!....

Генераль Брайко молча подошелъ къ Дадіани и началъ снимать изъ подъ эполетъ аксельбанты, дрожа какъ отъ старости, такъ и отъ исполненія грознаго повелѣнія.

Взявъ отъ генерала Брайко аксельбанты, Государь, подозвавъ сына самага корпуснаго командира и главноуправлявшаго барона Розена, который также находился тамъ, сказалъ ему громко:

— „Александръ Розень! жалую тебя флигель-адъютантомъ и надѣюсь, что ты будешь служить также хорошо и честно какъ твой отецъ!“

Новый флигель-адъютантъ почтительно подошелъ къ Императору, взялъ Изъ рукъ Его Величества аксельбанты и сталъ на свое мѣсто. А отецъ его, старый генераль и начальникъ края, баронъ Розень,

— 184 —

молча, еъ благоговѣніемъ, подошелъ къ Государю и, благодаря Его Ввличкство, поцѣловаль грудь Императора и сталъ вновь на свое-же мѣсто въ почтительномъ разстояніи, не снимая руки со шляпы.

Государь Императоръ, наказавъ зятя барона Розена, наградивъ милостью его сына во вниманіе особаго всемилостивѣйшаго благоволенія, которымъ пользовался баронъ Розень. Ни единымъ словомъ или движеніемъ баронъ Розень не выразилъ волновавшихъ его чувствъ, напротивъ, почтительнѣйшая и благоговѣнная преданность Государю проявляла во всѣхъ движеніяхъ барона во все время, пока Императоръ оставался на плацѣ, окруженный всѣми генералами, штабъ и оберъ-офицерами послѣ развода. На всемъ огромномъ пространствѣ площади, покрытой массаами безчислен-

наго множества народа, не слышно было ни малѣйшаго звука; казалось, что въ виду всего, что совершилось предъ ихъ глазами съ зятемъ сардаря (главноуправляющаго) оцѣпенѣли всѣ: лезгины, пшавцы, тушинцы, хевсуры, татары, турки, персіяне, грузины, имеретины, армяне, осетины, туркмены, пріѣхавшіе изъ за Каспійскаго моря и другіе. Воображенію восточныхъ народовъ представилось осуществленіе идеала Великаго Падишаха, повелителя вселенной, которому все повинуется—какъ люди, такъ и природа, и который одною рукою казнить дурныхъ, а другою награждаетъ хорошихъ. Они только шопотомъ передавали другъ другу произведенное на нихъ впечатлѣніе: „Это настоящій Великій Падишахъ!“ говорили они...

Извѣстно, что кн. Дадіани сослалъ тогда въ Бобруйскъ и затѣмъ разжаловали. Тесть-же его, бывшій, главноуправляющій и корпусный командиръ, старшій

и заслуженный генераль баронъ Розенъ терпѣливо и безропотно перенесъ это испытаніе Провидѣнія. Послѣ того еще долго оставался онъ главноуправляющимъ въ Грузіи, и всѣ дѣйствія его по управленію краемъ отзывались преданностью правительству и заботами о благосостояніи жителей. Хотя, согласно просьбѣ его, онъ и былъ уволенъ отъ должности, и хотя на его мѣсто 30 ноября 1837 года былъ назначенъ генераль Головинъ, но этотъ послѣдній медлил пріѣздомъ, и потому до поздней весны слѣдующаго 1838 года баронъ Розенъ управлялъ краемъ по прежнему, утѣшаясь глубокимъ уваженіемъ и любовью къ себѣ всего почти населенія Закавказскаго края. Извъ отдаленныхъ мѣстъ пріѣзжали въ Тифлисъ и представлялись ему разныя лица, съ цѣлью засвидѣтельствовать искреннее почтеніе и преданность. Смиренная скром-

ность барона Розена, которая равнялась величію души великихъ характеровъ Плутарха, простиралась до того, что онъ, главноуправлявшій и командиръ отдѣльнаго Кавкавскаго корпуса, окруженный глубокимъ почтеніемъ и живѣйшимъ вниманіемъ всѣхъ его окружавшихъ, немедленно по полученіи Высочайшаго повелѣнія о назначеніи на, его мѣсто генерала Головина, очистилъ главную квартиру, въ которой онъ жилъ съ семействомъ и которую со времени пріѣзда своего съ 1831 года на Кавказъ обстроилъ и улучшилъ, переѣхалъ въ другой, сравнительно скромный домъ (гдѣ помѣщалось впослѣдствіи Горское управленіе, напротивъ музеума) и оставался тамъ управлять краемъ до пріѣзда генерала Головина, для котораго, какъ для главнаго начальника края, приказалъ приготовить главную квартиру какъ можно лучше. Баронъ

— 186 —

Розенъ выѣхалъ изъ Тифлиса послѣ пріѣзда генерала Головина, сдавъ ему управленіе краемъ.

Генераль Нейдгардтъ имѣлъ привычку посѣщать общественныя учрежденія внезапно, не предупредивъ никого. Разъ, весной 1844 года, зашелъ онъ въ казенную аптеку въ Тифлисѣ и осмотрѣлъ ее, разспрашивая о разныхъ лекарствахъ и о скорости ихъ приготовления для больныхъ и проч., и проч. Узнавъ объ этомъ, бывшій тогда инспекторъ врачебной управы, докторъ Депнеръ, какъ управлявшій медицинскою частью, поспѣшилъ въ аптеку, чтобы лично доложить главноуправлявшему о ея состояніи, но онъ опоздалъ и пришелъ тогда, когда генераль Нейдгардтъ уже выходилъ изъ аптеки. На порогѣ докторъ Депнеръ представился ему и на вопросъ главноуправлявшаго, есть-

ли въ аптекъ рвотное? докторъ Д. отвѣчалъ утвердительно. „Напрасно!, Напрасно!“ , сказалъ генераль Нейдгардтъ, „въ этой аптекъ такъ все отвратительно, что стоитъ только зайти сюда, чтобы обойтись и безъ рвотнато“!.. Послѣ этого генераль оставилъ аптеку и отправился осматривать госпиталь.

Кн. Циціановъ, Паскевичъ, баронъ Розень.

Въ 1804 году какой-то помѣщикъ жаловался на духовное начальство, которое отобрало отъ него (помѣщика) землю, принадлежавшую будто бы церкви и составлявшую поэтому часть церковнаго двора. Мѣстная земская полиція и, затѣмъ, бывшая тогда испол-

— 187 —

нительная экспедиція верховнаго грузинскаго правительства, основываясь на дознаніи, присудила спорную землю во владѣніе помѣщика и настаивала возвратить ее прежнему обладателю. На это экзархъ Грузіи принесъ жалобу главноуправлявшему тогда, князю Циціанову, представивъ гуджаръ, т. е. документъ на право владѣнія землею, составлявшею часть церковнаго двора и кладбища, такъ какъ въ тѣ времена, равно какъ и во времена грузинскаго царства, кладбища, находились при церквахъ. Князь Циціановъ потребовалъ объясненія отъ исполнительной экспедиціи, которая въ рапортѣ своемъ, въ защиту правъ помѣщика, поддерживала свое первое постановленіе объ отчужденіи у церкви земли. Князь Циціановъ, прочитавъ сказанный рапортъ, написалъ на немъ слѣдующую резолюцію: „гдѣ херувимы поютъ, тамъ голосъ совы не у мѣста!“ и приказалъ отмѣнить поста-

новленіе экспедиціи, а духовное начальство оставить въ покоѣ.

По просьбѣ духовнаго начальства, тифлисскаго комендантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полиціймейстеръ, по указанію выборныхъ отъ тифлискихъ жителей, отъ вель въ 1804 году пустопорожнее мѣсто подъ кладбище, не доѣзжая до урочища Вера. Земля эта, поросшая кустарниками, была совершенно неудобна и находилась въ тѣ времена весьма далеко отъ нынѣшняго Тифлиса. Оказалось, и въ настоящемъ случаѣ, что земля эта принадлежала дворянамъ Г. и Ш., которые въ свою очередь, подали на распоряженіе коменданта жалобы „главноуправлявшему князю Циціанову. Въ

— 188 —

жалобѣ своей дворяне писали, „что они до отвода сей земли подъ кладбище получали доходъ десятую часть чистаго урожая произведеній той земли, а что въ настоящее время доходовъ этихъ лишились“...

Князь Циціановъ, выслушавъ жалобу дворянъ, сказалъ, что сдѣлаетъ надлежащее распоряженіе. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько дней князь Циціановъ предписалъ коменданту: немедленно предоставить дворянамъ Г. и Ш. получать въ видѣ дохода „десятаго покойника“ изъ числа тѣхъ, которые будутъ хороши на томъ кладбищѣ, о чемъ и объявить жалобщикамъ въ отвѣтъ на ихъ просьбу!“

Само собою разумѣется, что объ этомъ узнали всѣ жители города, и тѣ дворяне, жалобщики, сдѣлались предметомъ злѣйшихъ насмѣшекъ и остротъ со стороны тогдашнихъ обитателей нашего веселаго и нынѣ Тифлиса.

При взятіи Эривани во время персидской кампаніи 1825—1828 года взятъ былъ въ плѣнъ и эриванскій сардаръ (главнокомандующій персидскими войсками) Гассанъ-ханъ, который защищалъ Эриванъ и нѣсколько разъ отбивалъ штурмы. Онъ никому не хотѣлъ отдать своей сабли и вручилъ ее только главнокомандующему генералу Паскевичу, покорителю Эривани. Паскевичъ обласкалъ его и окружилъ почестями, приличными сану главнокомандующаго, находящагося въ плѣну. Паскевичу было пріятно, что случай покоренія сильной крѣпости и взятія въ плѣнъ всѣхъ бывшихъ тамъ персидскихъ войскъ, съ ихъ главнокомандующимъ, осѣняетъ новою славою русское

— 189 —

оружіе. Паскевичъ ласкалъ Гассанъ-хана, разговаривая съ нимъ время отъ времени, и вотъ какъ-то разъ спросилъ хана полушутя: „скажи, ханъ, почему персіяне сдали крѣпость Сардаръ-Абадъ безъ боя; неужели тамъ струсили, тогда какъ Эриванъ они защищали съ такимъ упорствомъ; это мнѣ кажется страннымъ?“...

„Нѣтъ, сардаръ!... отвѣчалъ Гассанъ-ханъ,—Сардаръ-Абадъ сдали вамъ безъ боя, потому что это было мое собственное имѣніе и я могъ располагать имъ по своему усмотрѣнію, но Эриванъ, это городъ государственный, вѣренный государемъ шахомъ мнѣ и моей защитѣ, слѣдовательно, государственнымъ достояніемъ я такъ легко жертвовать не могъ. Я всѣми силами обязанъ былъ защищать крѣпость шаха. А если судьба войны предала ее въ ваши руки, то это неудивительно. Изъ двухъ воюющихъ сторонъ и изъ двухъ сардарей (главнокомандующихъ) одинъ остается всегда побѣдителемъ. Богъ вручилъ побѣду надъ на-

ми вамъ, сардаръ! Отъ его воли зависить все на свѣ-
тѣ. Да будетъ благословенно имя Его на вѣки. Ляиль-
Алла!“...

Паскевичъ выслушалъ Гассанъ-хана, затѣмъ
взялъ его за руки и какъ-бы въ утѣшеніе сказалъ
хану: „Я васъ понимаю, ханъ, и потому не будемъ го-
ворить объ этомъ больше ни полслова“!

Вскорѣ послѣ того Гассанъ-хана и плѣнныхъ
персіанъ отправили въ Тифлисъ, гдѣ они находились
до заключенія мира съ Персією. Гассанъ-ханъ и въ
Тифлисъ пользовался подобающими падшему сардару
почестями.

По случаю выѣзда командира полка въ отпускъ,
старшій по немъ, подполковникъ П., оставался завѣ-
дывающимъ полкомъ. Онъ былъ хорошій фронтовикъ
и очень добрый, простой человѣкъ, но не любилъ по-
чему-то заниматься письмоводствомъ.

Разъ къ капитану этого полка кн. Ш. являются
товарищи съ вопросомъ, по какой причинѣ приказомъ
по полку ему, капитану кн. Ш., отданъ строжайшій
выговоръ; капитанъ Ш. заявилъ, что не знаетъ, что
не можетъ быть такого приказа. Всѣ офицеры съ
капитаномъ Ш. бросились къ подполковнику. Принес-
ли приказъ, и къ изумленію подполковника онъ про-
челъ, что этотъ приказъ съ выговоромъ былъ подпи-
санъ имъ. Подполковникъ смутился и не зналъ какъ
извиниться передъ капитаномъ, котораго такъ оскор-
билъ, самъ того не зная...

— „Да какъ-же вы подписывали приказъ?“ спра-
шивали капитанъ и другіе офицеры— „Развѣ не чита-
ли, что-ли?“

— „Разумбется, не читалъ, отвѣчалъ смущенно

подполковникъ П... Мое-ли дѣло читать, мое дѣло только подписывать“!...

Объ этомъ курьезѣ дошло какъ-то до свѣдѣнія корпуснаго командира и главноуправлявшаго въ Грузіи, генерала барона Розена, и сдѣлалось конечно извѣстнымъ и многимъ другимъ. Спустя нѣкоторое время два баталіона того полка, въ которомъ случилась сказанная исторія, проходили черезъ Тифлисъ, въ экспедицію противъ горцевъ въ Абхазію, и баронъ Розенъ сдѣлалъ имъ смотръ.

Баталіоны тѣ представлялъ знаменитій грамотѣй, подполковникъ П., баронъ Розенъ остался дово-

— 191 —

лень баталіонами и объявивъ командиру ихъ благодарность, но, вспомнилъ о курьозѣ съ выговоромъ подполковника, баронъ, послѣ смотра, подозвалъ къ себѣ П... и сказалъ ему:

— „Какъ-же это, братецъ, ты ухитрился объявить выговоръ по полку въ приказѣ не читавши его? Не дѣлай этого, братецъ, это не хорошо! Ты теперь идешь въ походъ. Смотри! дай мнѣ слово, что ничего не подпишешь не читавши. А то ты накликаешь на себя большую бѣду!“ ...

— „Слушаюсь, в. высокопр—во, отвѣтилъ подполковникъ П. Постараюсь исполнить ваше приказаніе“.

— „Тяжело будетъ, братецъ, если тебя оберутъ“, сказалъ баронъ улыбнувшись; знаешь пословицу: „гдѣ руки, тамъ и голова!“ Наѣюсь, что твоя голова будетъ знать то, что дѣлаешь твоя рука! Смотри, братъ, я скоро пріѣду въ Абхазію, въ экспедицію, и спрошу тебя! До свиданія, желаю успѣха!“

Генераль Тормасов, Ермоловъ, генераль-фельдмаршалъ Паскевичъ, баронъ Розень.

Для переговоровъ съ русскимъ правительствомъ, послѣдній имеретинскій царь Соломонъ II находился въ Тифлисѣ, съ нѣкоторыми своими князьями, свитою и прислугою, которымъ тогда же было назначено приличное содержаніе. Царю оказывали должное уваженіе и почести, но онъ смутно понималъ значеніе воинской почести, такъ что назначеніе при немъ особаго пристава, дежурнаго, ординарца и часовыхъ, не смот-

— 192 —

ря на уваженіе, которое ему оказывалъ и самъ бывшій тогда главноуправляющій генераль Тормасовъ, царь Соломонъ принималъ въ смыслѣ ареста, хотя постоянно убѣждался, что онъ, выѣзжая изъ дома, пріѣзжалъ обратно свободно, встрѣчая однѣ подобающія его сану почести. Онъ былъ чрезвычайно набожный и благочестивый “человѣкъ, но подозрительный; а въ одно время, думая, что содержится подъ присмотромъ, отказался отъ пищи, подозрѣвая нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ князей своихъ въ намѣреніи отравить его. Генераль Тормасовъ безпокоился объ этомъ И, не смотря на то, что сношенія царя Соломона съ своимъ царствомъ имеретинскимъ и остававшеюся тамъ его супругою, царицею Маріею, продолжались, никакія убѣжденія не могли разувѣрить его въ томъ, что онъ находился въ Тифлисѣ не для окончательныхъ переговоровъ по дѣламъ его царства, а какъ арестованный. Наконецъ онъ объявилъ, что всѣмъ ему оказаннымъ онъ очень доволенъ и просилъ главноуправляющаго генерала Тормасова попросить къ нему одного изъ сыновей жившей въ Тифлисѣ дворянки вдовы И... Анны, если она сама не захо-

четь навѣстить царя. Онъ зналъ ее и взрослыхъ ея сыновей Ивана и Степана еще въ Кутаисѣ, въ 1798 году, когда они, послѣ раззоренія Тифлиса шахомъ Ага-Магаметь-ханомъ въ 1795 году, нашли пріютъ и покровительство въ Имеретіи у того же царя Соломона и супруги его царицы Маріи, которая удостойла Анну И... своюю дружбою и которая, равно и самъ царь Соломонъ оказывали ей тогда благоволеніе. По приказанію генерала Торماسова, Аннѣ И... объявлено было желаніе царя имеретинскаго и вмѣстѣ

— 193 —

съ симъ позволено ей явиться къ нему, и потому она съ сыновьями своими Иваномъ и Степаномъ навѣстила его. При этомъ находился и назначенный при царѣ приставъ, дежурный и нѣкоторые имеретинскіе князья, знавшіе ее и ея сыновей въ Имеретіи еще прежде. Царь Соломонъ милостиво принялъ ее и обласкалъ ея сыновей, напомнивъ пребываніе ихъ въ Кутаисѣ въ 1798 году и ихъ службу царю, жаловался, что онъ лишенъ свободы, что онъ не можетъ ѣсть ничего, подозрѣвая измѣну со стороны своихъ князей, и просилъ, чтобы она сама приносила къ нему кушанье, или же присылала бы черезъ своихъ сыновей воду, вино и хлѣбъ, иначе онъ ничего не будетъ ѣсть, кто бы не подавалъ ихъ. Анна И... доложила царю, что исполнить его приказаніе съ удовольствіемъ, и съ того времени она посылала къ нему чрезъ своихъ сыновей кушанье, хлѣбъ, вино, воду, фрукты, а иногда сама старуха ходила къ царю въ сопровожденіи своихъ сыновей, справляясь о здоровіи царя и царицы, отъ которой онъ получалъ безпрестанно письма, и развлекала его рассказами о новостяхъ тифлисскихъ, и все это въ присутствіи его свиты, дежурнаго и пристава. Раза два царь Соломонъ пе-

редавалъ ей и письма царицы имеретинской къ ней, въ которыхъ она благодарила ее за вниманіе и заботливость, оказанныя царю въ его печальномъ, по ея понятіямъ, положеніи. Вдругъ въ одно утро забилъ тревогу по всему Тифлису—это было въ маѣ 1811 года: оказалось, что царь имеретинскій бѣжалъ изъ Тифлиса и очутился затѣмъ въ Ахалцихѣ, принадлежавшемъ тогда Турціи и беспокоившемъ наши пограничные уѣзды нападеніями. Нѣсколько человѣкъ въ

— 194 —

Тифлисъ арестовали, а другихъ сослали, изъ коихъ былъ одинъ цирюльникъ, который лежалъ на постели царя Соломона въ его платьѣ, притворившись спящимъ, а самъ царь, переодввшись въ платьѣ своего цирюльника, успѣлъ обмануть караулъ и бѣжалъ черезъ Дабаханское ущелье (нынѣшній Ботаническій садъ) по Манглійсской дорогѣ и далѣе черезъ Гомареть, Цалку и затѣмъ въ турецкіе предѣлы. Тогда между прочимъ арестовали и упомянутую старуху Анну И... съ сыновьями, поставивъ у ихъ дома часовыхъ. Бѣдная женщина, равно и всѣ ея родственники и сосѣди перепугались, не зная причины ареста ея и дѣтей. Когда объявили арестованной, что она обвиняется въ знаніи замысла царя Соломона бѣжать изъ Тифлиса и въ недонесеніи о томъ начальству, то она пошла къ главноуправляющему съ жалобою. Генераль Тормасовъ, черезъ переводчика погрозивъ ей, спросилъ сердито: „отчего вы не объявили начальству о намѣреніи царя Соломона бѣжать въ Турцію; онъ вѣрно, сказалъ вамъ объ этомъ, ибо вы пользовались его довѣріемъ“?

„Разъ за это подвергаете меня аресту, отвѣчала она, царь Соломонъ ни слова не говорилъ мнѣ о своемъ намѣреніи бѣжать изъ Тифлиса, но если бы

онъ сказалъ мнѣ, то я во всякомъ случаѣ накому объ этомъ не сообщила бы, да и возможно-ли было мнѣ сказать объ этомъ вамъ или другому и выдать царя?... Онъ и царица благоволили ко мнѣ и къ моимъ дѣтямъ, я пользовалась ихъ довѣріемъ и потому не могла быть ихъ джашушомъ (шпіономъ); прикажите снять карауль, если только изъ за этого поставили его надъ нами. Это неприлично вамъ! Я отвѣчала

— 195 —

бы предъ Богомъ и считала бы себя преступницею, если бы я выдала секретъ, который ввѣрилъ бы мнѣ царь Соломонъ!... прикажите, прошу васъ, снять карауль!“...

Главноуправлявшій генераль Тормасовъ, удивился ея объясненію и, обратившись къ побѣдителя турокъ и покорителю Поти въ 1809—1810 году, генералу князю Орбеліани, который тутъ же находился въ залѣ и который зналъ ее и мужа арестованной еще при послѣднихъ царяхъ грузинскихъ Ираклій и Георгій, сказалъ: „право, князь, она говоритъ правду; всякій честный человѣкъ сдѣлалъ бы тоже самое!“ Квязь Орбеліани поддержалъ ходатайство старухи И... Генераль Тормасовъ утѣшилъ ее, объявивъ, что онъ прикажетъ снять часовыхъ. Дѣйствительно тутъ же приказалъ тифлисскому коменданту и вмѣстѣ съ тѣмъ полиціймейстеру освободить старуху отъ всякихъ дальнѣйшихъ слѣдственныхъ дѣйствій, которыя производились тогда надъ другими по случаю бѣгства царя Соломона изъ Тифлиса.

Послѣ взятія Эрзерума и заключенія съ Турціею мира въ 1829 году, очень много армянскихъ семействъ со всѣмъ своимъ духовенствомъ переселились въ наши

предѣлы, поступивъ навсегда въ подданство Россіи. Правительство отвело имъ земли большею частью въ Ахалцихской области (нынѣ уѣздъ) и въ самомъ городѣ Ахалцихѣ, въ которомъ эрзерумскіе переселенцы заняли юго восточную часть, по ту сторону рѣки Поцховки, назвавъ ее новымъ городомъ, подъ именемъ „планъ Бывшій тогда въ Эрзерумѣ армянскій архлепис-

— 196 —

копъ Карапетъ, по вліянію и внушенію котораго они переселились въ Россію, переселился самъ вмѣстѣ съ своею паствою и былъ назначенъ затѣмъ епархіальнымъ начальникомъ грузино-имеретинской и армяно-григоріанской епархіи и, живя въ Тифлисъ, пользовался большимъ уваженіемъ какъ бывшаго главноуправляющаго фельдмаршала графа Паскевича—Эриванскаго, такъ и преемника его генерала барона Розена. Разъ архіепископъ Карапетъ явился къ барону съ просьбою приказать бывшему тогда начальнику ахалцихскаго пашалыка (области) оградить армянскихъ переселенцевъ отъ требованій различныхъ поземельныхъ повинностей со стороны владѣльцевъ земель, купившихъ тѣ земли отъ турокъ, удалившихся въ 1828—1829-году въ Турцію, объявивъ при этомъ, что переселенцы водворены въ Ахалцихской области по распоряженію правительства, которое обѣщало имъ тогда поселить ихъ на свободныхъ земляхъ.

— „Я совершенно съ вами согласенъ, ваше высокопреосвященство“, отвѣчалъ баронъ Розенъ—„ваши армяне потому то и переселились къ намъ, чтобы облегчить и улучшить свое положеніе противъ турецкихъ поборовъ; не беспокойтесь, я прикажу, чтобы отъ нихъ ничего не требовали!!!“ ...

Архіепископъ Карапетъ благодарилъ барона Розена, который, дѣйствительно, далъ предписаніе Ахал-

цихскому областному правленію объявить покупщикамъ земель, на которыхъ водворены были правительствомъ. переселенцы изъ Турціи, чтобы они никакихъ поземельныхъ повинностей за тѣ земли не требовали съ поселенцевъ, такъ какъ было предположено выкупить отъ нихъ тѣ земли въ пользу переселенцевъ.

Турецкая кампанія 1838 года, начатая генеральфельдмаршаломъ Паскевичемъ Эриванскимъ такъ успѣшно въ Малой Азіи, продолжалась всего пять мѣсяцевъ. Въ эти то пять мѣсяцевъ онъ завоевалъ три пашалыка: Карсскій, Баяветскій и Ахалцихскій и разгромилъ нѣсколько укрепленныхъ замковъ и три первоклассныя крпости, изъ коихъ Ахалцихская считалась по всей Малой Азіи неприступною. „Скорее можно сорвать луну съ неба, нежели съ мечети Ахалцихской“ говорили до того времени турки. Все это совершено нашею армею, которая, состоя изъ двѣнадцати баталіоновъ, дѣйствовала только въ числѣ шести тысячъ человѣкъ и которое уменьшалось въ количествѣ по случаю чумы и другихъ болѣзней, не говоря о раненыхъ и убитыхъ.

Эта горсть храбрыхъ забрала сто тридцать пушекъ, сто девяносто пять знаменъ, одиннадцать бунчуковъ и восемь тысячъ плѣнныхъ. Но война съ Турціею не была еще кончена, и потому фельдмаршалъ дѣлалъ распоряженія и быстро готовился въ наступательному движенію, которое онъ хотѣлъ начать съ открытіемъ весны. Онъ составилъ планъ, по которому хотѣлъ овладѣть столицею Анатоліи, Эрзерумомъ, идти въ Трапизондъ къ морю и въ Самсунъ, проникнуть во внутренія области Турціи, занять Сивасъ и прервать сообщеніе Константинополя съ Діарбекиромъ и

Багдадомъ и такимъ образомъ угрожать самому Константинополю. Этотъ гиганскій планъ, очень трудный для другихъ, фельдмаршалу казался легкимъ для исполненія.

Распоряжаясь приготовленіями къ открытію военной компаніи, онъ былъ пораженъ нечаяннымъ извѣ-

— 198 —

стіемъ изъ Персіи объ убійствѣ русскаго посла въ Теранѣ Грибоѣдова. Это осложнило и запутало всѣ предначертанія главноуправляющато, фельдмаршала, графа Паскевича. Онъ вслѣдствіе сего сдѣлался воплощеніемъ неусыпной дѣятельности и предусмотрительности. Онъ началъ строго слѣдить за двусмысленнымъ поведеніемъ Персіи и, замѣтивъ что шахъ и его сыновья, подъ какимъ то кажущимся наружнымъ замѣшательствомъ, поддавались влянію интригъ Турціи и нѣкоторыхъ англичанъ, графъ не вытерпѣлъ и сказалъ съ обычною своею живостью генералу Панкратьеву.

„Я уничтожу всѣ эти козни шаха, наслѣдника персидскаго престола Аббасъ-Мирзы и всѣхъ ихъ шахзадѣ противъ Россіи. Они мечтаютъ о себѣ много, принимая воинственный видъ среди мира имъ надо дать хорошій урокъ, тогда они уймутся скорѣе!“

Не смотря на затруднительное положеніе, въ которомъ находился графъ Паскевичъ, въ виду готовившейся кампаніи противъ Турціи и вѣроятной возможности новой войны съ Персіею послѣ только что оконченной персидской кампаніи и заключеннаго съ Персіею мира, онъ далъ приказаніе войскамъ готовиться въ походъ. Онъ склонилъ на свою сторону воинственное племя курдовъ, населявшихъ горныя мѣста западной границы Персіи и Мушкаго пашалыка и безпокоившихъ частыми вторженіями Персію и Турцію. Враждебное противъ нихъ настроеніе курдовъ и

слухи о движеніи русскихъ войскъ къ границамъ и объ ожидаемыхъ изъ Россіи значительныхъ подкрѣпленіяхъ дошли до Тавриза и Тегерана, и, наконецъ, угрозы фельдмаршала противъ Аббасъ-Мирзы и самага шаха перепугали ихъ порядкомъ, такъ что, когда они

узнали, что войска наши подвинулись уже къ границамъ и полагали, что они угрожаютъ вторженіемъ въ Турцію, либо въ Персію, то немедленно прислали къ графу Паскевичу нарочнаго съ извѣстіемъ, что Персія готова дать требуемое отъ нея Россіею удовлетвореніе за убійство посла нашего Грибоѣдова. Вслѣдъ затѣмъ приѣхалъ вскорѣ въ Тифлисъ сынъ наслѣдника персидскаго престола Аббасъ-Мирзы, Хосревъ-Мирза, въ качествѣ посланника шаха въ С.-Петербургъ. Онъ привезъ къ фельдмаршалу отъ своего отца Аббасъ-Мирзы письмо, въ которомъ онъ увѣрялъ въ искренней своей преданности Россіи, подкрепляя это тѣмъ, что онъ прислалъ любимаго сына своего и, называя графа Паскевича величайшимъ полководцемъ всѣхъ странъ и первымъ лучшимъ другомъ изъ всѣхъ своихъ друзей, просилъ принять его сына подъ свое покровительство, заступить ему мѣсто отца и дать ему наставленіе по случаю предстоявшаго ему, Хосровъ-Мирзѣ, путешествія въ С.-Петербургъ и представленія его Государю Императору.

Хосревъ-Мирза однако медлилъ отъѣздомъ изъ Тифлиса въ Петербургъ, подъ предлогомъ неимѣнія на тотъ счетъ инструкцій. Прошло уже десять дней, а онъ не думалъ выѣзжать изъ Тифлиса. Графъ Паскевичъ, не смотря на письменныя увѣдомленія Аббасъ-Мирзы, очень хорошо понялъ хитрость персіянъ тянуть дѣло и выжидать благопріятнаго для себя времени, для возобновленія враждебныхъ отношеній къ Россіи. Онъ

потребоваль Хосревъ-Мирзу и, ссылаясь на письмо его отца, Аббасъ-Мирзы къ графу, предложилъ ему немедленно выѣхать въ Петербургъ для исполненія порученія, которое было возложено на него шахомъ.

— 200 —

Фельдмаршалъ распредѣлилъ маршрутъ и растянулъ время нахождения принца Хосревъ-Мирзы на дорогѣ въ Петербургъ такъ, что этимъ онъ вызвалъ бездѣйствіе на то время персіянъ, въ ожиданіи полученія въ Персіи извѣстія о путешествіи Хосревъ-Мирзы, чтобы выиграть время настолько, сколько по соображеніямъ графа было достаточно для нападенія на турокъ, которое онъ готовился сдѣлать.

„Я образумлю шаха и всѣхъ его окружающихъ,“ сказалъ фельдмаршалъ, когда Хосревъ-Мирза выѣхалъ уже изъ Тифлиса, „я докажу персіянамъ—этимъ старымъ хитрецамъ, что ихъ хитрости негодны и не могутъ обмануть насъ!“ ...

Смѣлость и глубокія соображенія графа Паскевича не только увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но превзошли ожиданія. При первыхъ же извѣстіяхъ о пораженіи турокъ, шахъ перепугался и тотчасъ послалъ съ нарочнымъ курьеромъ къ Хосревъ-Мирзѣ извинительную грамоту на имя Государя Императора Николая Павловича, испрашивая Всемилостивѣйшаго прощенія за безпорядки въ Тегеранѣ, причинившіе смерть Грибодову. Нарочный сановникъ съ этою грамотою догналъ персидскаго принца еще въ Новгородѣ, на пути въ Петербургъ. Такимъ образомъ смѣлая политика графа Паскевича восторжествовала надъ ухищреніями персіянъ, и Россія вполне была удовлетворена въ дѣлѣ убійства нашего посла въ Тегеранѣ.

При главноуправлявшемъ генералѣ Ермоловѣ,
нѣкоторыя полицейскія должности въ Тифлисѣ и уѣз-

— 201 —

дахъ занимали тѣ изъ туземцевъ, которыхъ застало правительство по принятіи Грузіи въ составъ Имперіи. Должности эти, при царяхъ грузинскихъ всѣ почти были наслѣдственныя, какъ бывало вообще на Восто-кѣ. Торговый смотритель въ Тифлисѣ назывался „на-цвалъ“, который, имѣя надзоръ за правильностью торговли со стороны торгопромышленниковъ и тор-говцевъ съѣстными припасами, подвергалъ ихъ взы-сканію по обычаю края, собственною властью, если они продавали свыше таксы и негодные продукты. Въ 1817 году тифлисскимъ нацваломъ былъ Микир-тумъ Сургуновъ, человѣкъ строгихъ и честныхъ пра-виль, непозволявшій торговцамъ съѣстными припаса-ми возвышать на нихъ цѣны; онъ устанавливалъ так-су даже на вино и рыбу, взыскивалъ по своему усмо-трѣнію строго съ тѣхъ, которые осмѣливались про-довать дурные, либо гнилые продукты, фрукты и пр., такъ что его считали тогда грозою для торгопро-мышленниковъ въ Тифлисѣ. Разъ по жалобѣ ихъ, генералъ Ермоловъ позвалъ нацвала Микиртума къ себѣ для объясненій и сдѣлалъ ему строгій выговоръ за притѣсненія, которымъ нацвалъ подвергалъ торгов-цевъ. Предъ Ермоловымъ стоялъ нацвалъ Микиртумъ, почтенныхъ лѣтъ, сѣдой, но очень свѣжій, высокаго роста, опоясанный кушакомъ и саблюю, пожалованною царемъ грузинскимъ. Почтительно выслушавъ замѣча-ніе главноуправлявшаго, онъ выпрямился и сказалъ гордо, чтобы переводчикъ доложилъ генералу: „Я былъ нацваломъ при послѣднихъ грузинскихъ царяхъ Иракліѣ и Георгіѣ, и они оставались довольными мо-

ими дѣйствіями, и потому они благосклонно выслушивали меня прежде и затѣмъ довали приказанія. Те-

— 202 —

перь главноуправляющій даетъ мнѣ замѣчанія, не выслушавъ меня. Доложи генералу, что я строго взыскиваю съ торговопромышленниковъ за ихъ мошенничества, за то, что они продають гнилые фрукты, гнилую рыбу и негодные продукты. Прошу генерала ихъ не слушать, они всѣ мошенники. Солдаты не знаютъ ихъ. Если они будутъ покупать гнилые и негодные фрукты, которыхъ здѣсь теперь много, то они будутъ болѣть и смертность ихъ увеличится; тогда я буду отвѣчать за это, что я не берегъ солдатъ моего Государя, которому и я, и генераль присягали. Солдаты насъ защищаютъ; моя обязанность наблюдать, чтобы они не болѣли отъ гнилыхъ фруктовъ и продуктовъ, которые наши мошенники бакальщики и рыбники продають безъ разбора. Доложи генералу, что теперь лѣто, и я не позволю имъ продавать гниль“...

Генераль Ермоловъ выслушалъ стараго нацвала Микиртума терпѣливо и удивился его объясненію и той заботливости, которую онъ имѣлъ о солдатахъ. Онъ обласкалъ старика и, положивъ руку на его плечо, Алексѣй Петровичъ сказалъ ему: „молодецъ нацвалъ, что ты заботишься о солдатахъ. Я теперь вижу, что ты правъ. Извини, ступай и смотри за базаромъ, какъ до сихъ поръ смотрѣлъ“...

Микиртумъ нацвалъ, успокоенный ласковымъ обращеніемъ такого грознаго главноуправлявшаго, какимъ былъ Ермоловъ, дѣйствовалъ уже смѣлѣе: въ тотъ же день нацвалъ обошелъ всѣ ряды бакальщиковъ, рыбниковъ и духанщиковъ и очень много негодныхъ продуктовъ велѣлъ бросить въ Куру. Впослѣдствіи Алексѣй Петровичъ убѣдился въ правдивости и

честности нацвала, и никакія жалобы на строгое об-

— 203 —

ращеніе съ торговопромышленниками не могли разувѣ-
рить генерала Ермолова въ честности Микиртума, ко-
торого онъ, при каждой встрѣчѣ по городу и на ба-
зарѣ спрашивалъ съ улыбкою: „Ну что, мой нацвалъ,
все ли у тебя хорошо по базару?“ — „Все хорошо“,
бывало отвѣчалъ почтительно нацвалъ, снимая па-
пахъ. Преданіе, впрочемъ свѣжее, говоритъ, что при
немъ въ Тифлисъ продукты вообще продавались свѣ-
жіе и очень дешевые, по устанавливаемой имъ таксѣ,
такъ какъ торговцы чрезвычайно боялись продавать
ихъ дорого, свыше таксы.

Генералы: Ермоловъ, баронъ Розень.

При генералѣ Ермоловѣ тревожное состояніе За-
кавказскаго края все еще продолжалось. Ахалцихъ
и нынѣшніе Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды, со-
ставляя пашалыкъ, принадлежали тогда Турціи. Па-
ша Ахалцихскій, покровительствуя разбойникамъ и
лезгинамъ и вообще нашимъ горцамъ, давалъ имъ
пріютъ и черезъ нихъ безпокойлъ наши тогдашнія
пограничныя деревни. „Качаги“ шайками и партиями
нападали тогда на тамошнихъ жителей, изъ коихъ
многихъ забирали въ плѣнъ и продавали въ Турцію,
въ Ахалцихъ, въ которомъ находили убѣжище и на-
ши бѣглецы.

Въ одно изъ этихъ нападеній на деревни верх-
ней Карталиніи или Горійскаго уѣзда, со стороны
мѣстности Сурама, въ числѣ жителей, уведенныхъ
хищниками въ плѣнъ, была и княгиня Маія, жена

князя П., и разбойники повезли ихъ всѣхъ въ Ахал-

— 204 —

цихъ, по Боржомской дорогѣ. Это было въ 1818 году. Княгиню Маію паша взялъ къ себѣ въ свой гаремъ, въ качествѣ жены, но дозволилъ ей пока исповѣдывать православную вѣру. Мужъ ея, князь П. и ея родственники чрезвычайно горевали объ этомъ и, наконецъ, обратились къ генералу Ермолову съ просьбою оказать имъ помощь правительства и возвратить плѣнницу изъ рукъ магометанъ къ мужу, князю П. Ермолову было досадно, что онъ открытою силою не могъ напасть на Ахалцихъ и заставить пашу освободить княгиню, и поэтому онъ придумалъ оригинальное средство...

Въ то время находился въ бѣгахъ житель селенія Арухло, Борчалинской дистанціи, Али-ага, который бѣжалъ изъ Тифлисской тюрьмы во время производства надъ нимъ слѣдственного дѣла и продолжалъ производить грабежи и разбои какъ въ Борчалѣ около Манглиса и Памбака (Александропольскаго у.), такъ равно и въ предѣлахъ Карскаго пашалыка и, несмотря на строгія распоряженія мѣстной полиціи и дистанціонныхъ приставовъ, никакъ не могъ быть пойманъ, Всѣ мѣстные жители его боялись, какъ отчаяннаго разбонника: онъ, дѣйствительно, былъ высокаго роста, плотный, лихой ѣздокъ, ловкій и хорошій стрѣлокъ, храбръ и чрезвычайно силенъ. Али зналъ, что если его поймутъ, то или повѣсятъ, или же сошлютъ въ Сибирь на каторгу, что, по тогдашнимъ понятіямъ татаръ, было еще хуже.

Генераль Ермоловъ послалъ за нимъ доверенное лицо, чтобы онъ явился къ нему лично, по особому важному дѣлу, секретно. Али-ага удивился, когда посланный передалъ ему приказаніе главноуправляюща-

го (сардаря). Для самолюбія борчалинскаго татарина было чрезвычайно лестно, что такой великій сардарь, какъ Ермоловъ, желаетъ говорить съ нимъ лично, и притомъ секретно. Али-ага ни на минуту не задумался и, будучи увѣренъ, что сардарь не захотѣлъ бы такъ безчестно наказать его, заманивъ обманомъ, пошелъ къ Ермолову отважно, объявивъ своей шайкѣ, что онъ идетъ по одному выгодному предпріятію и предписавъ, чтобы она дожидалась его возвращенія въ извѣстномъ условномъ мѣстѣ.

Когда предсталъ предъ главноуправляющимъ вооруженный Али-ага, то Ермоловъ, будучи самъ изъ храбрыхъ, былъ пораженъ его ростомъ, отважнымъ видомъ и спокойнымъ смиреніемъ, которое придавало Али-агѣ еще болѣе мужества.

— „Здравствуй Али-ага“, — сказалъ Ермоловъ. Али-ага, не отвѣчая ничего, положилъ руки на сердце по обычаю края и глубоко въ поясъ поклонился ему, принявъ видъ челоуѣка, ожидавшаго съ глубочайшимъ благоговѣніемъ приказанія.

„Ты знаешь, Али-ага, продолжалъ Ермоловъ, что мнѣ все извѣстно, чѣмъ ты занимаешься. Это не идетъ такому молодцу какъ ты; я тебѣ прошу все прошедшее, если ты сослужишь мнѣ службу, а если нѣтъ, то повѣшу тебя!... Слышишь? Я тебя знаю, и ты меня знаешь; я исполню слово. Вотъ въ чемъ дѣло: княгиня Маія П. взята въ плѣнъ разбойниками и она находится теперь въ гаремѣ у Ахалцихскаго паши; ты долженъ увезти ее оттуда и доставить ко мнѣ, для возвращенія ея мужу! Слышишь-ли, Али-ага?“ Затѣмъ, положи руку на плечо Али-ага, что составляло для послѣдняго величайшую честь, Ермоловъ продол-

жалъ: „смотри Али-ага! ты долженъ сдѣлать это для меня и, надѣюсь, что ты исполнишь.“

Али-ага все время молчалъ, когда ему переводчикъ переводилъ слова главноуправляющаго. Затѣмъ онъ глубоко поклонился ему и сказалъ:

— „Сардаръ! жизнь моя въ твоихъ рукахъ, поэтому я положу свою голову для того, чтобы исполнить твои приказанія. Но только мнѣ надо маленькое письмо мужа плѣнной ханумы (княгини), чтобы она повѣрила, кто я, и для чего явился, когда буду въ Ахалцихъ!“

— „Молодецъ, отвѣчалъ Ермоловъ, это правда!... Али-агъ дали письмо князя П., и онъ исчезъ изъ Тифлиса. Все это происходило подѣ секретомъ. Али-ага отправился къ ожидавшей его шайкѣ, съ которою онъ сдѣлалъ послѣ того еще нѣсколько, неудавшихся „будто“, нападений на наши пограничныя Цалкинскія деревни, смежныя съ тогдашнею турецкою границею и Ахалкалаками, произвелъ тамъ шумъ и затѣмъ бѣжалъ въ Ахалкалаки и далѣе въ Ахалцихъ, отъ преслѣдованія будто русскихъ. Тамъ онъ скоро обратилъ на себя вниманіе, находя вездѣ пріютъ, какъ сунни, т. е. человѣкъ одной секты по религіи съ Ахалцихскими турками, и какъ бѣглець отъ русскихъ. Онъ, какъ ловкій и отчаянный наѣздникъ, сдѣлался скоро извѣстнымъ между тогдашними отчаянными янычарами, доставлявшими ему на скачкахъ самыхъ бѣшеныхъ лошадей.

Слава объ немъ, какъ о знатокѣ лошадей и наѣздникѣ дошла и до паши, который взялъ его конюхомъ къ себѣ въ крѣпость, гдѣ паша жилъ съ своимъ гаремомъ, и поручилъ ему всѣхъ своихъ лошадей

и всю конюшенную прислугу, Али-ага, дѣйствительно, выѣздилъ всѣхъ лошадей паши, въ особенности арабскихъ, такъ что самъ паша любовался ими, награждая иногда его за это. Обративъ такимъ образомъ на себя благосклонное вниманіе паши, Али-ага просилъ его приказать караульнымъ у крѣпостныхъ воротъ пропускать его съ лошадьми на водопой и днемъ и ночью, такъ какъ онъ водилъ ихъ къ рѣкѣ, не въ одно время всѣхъ, а въ разное время, смотря по свойству каждой лошади, для того, чтобы онѣ не портились, тѣмъ болѣе, что онѣ были присланы изъ разныхъ странъ. Паша повѣрилъ словамъ Али-аги и, зная что онъ, какъ бѣглець, не можетъ идти къ русскимъ и что не можетъ скрыться въ Турціи, приказалъ пропускать его съ лошадьми изъ крѣпости и обратно во всякое время дня и ночи. Между тѣмъ дни проходили, а Али-ага не могъ видѣть ни одной изъ женъ Паши, которыя, будучи одѣты одинаково подъ покрывалами, выходили только разъ въ недѣлю, по пятницамъ въ мечеть, подъ прикрытіемъ прислуги и стражи, при коихъ никто не смѣлъ даже взглянуть на лица женщинъ, такъ какъ это запрещалось Кораномъ. Поэтому онъ придумалъ по пятницамъ, предъ появленіемъ женъ Паши, выводить нѣсколько лошадей и водить ихъ около крѣпостныхъ воротъ, какъ будто выѣзжая, и въ тоже время напѣвалъ пѣсни, распѣвая подробности похищенія княгини Маи, горести ея мужа и родныхъ и о томъ, что посланъ за нею вѣрный человѣкъ. Никто не обращалъ на это вниманія, полагая что пѣсня есть одна изъ тѣхъ легендъ, которыя такъ не редки на Кавказѣ, но княгиня Маія, хотя она была подъ покрываломъ и ходила вмѣстѣ съ другими

женами паши, поняла, что рѣчь шла объ ней и тайкомъ замѣтила пѣвца. Узнавъ, что это бѣглець изъ Грузіи, она недоумѣвала, кто онъ такой и для чего напѣвалъ тѣ пѣсни.

Лѣто приближалось, когда жены паши иногда выѣзжали для прогулокъ. Разъ, во время такой прогулки верхами на лошадахъ, Али-ага, какъ конюхъ паши, провожалъ ихъ издали, наблюдая за лошадыми, на которыхъ ханумы (барыни, жены паши) сидѣли, но не смѣлъ приблизиться къ нимъ. Одна изъ женъ какъ то отдѣлилась отъ группы, когда онѣ выѣхали за городъ, такъ что она очутилась недалеко отъ конюха. Она приказала ѣхавшей съ ней женщинѣ остановиться, подѣ предлогомъ усталости и, подозвавъ конюха, приказала подержать лошадь для того, чтобы слѣзть, и тутъ, на вопросъ сдѣланный тихо въ торопяхъ, получила отъ него отвѣтъ, который успокоилъ ее и убѣдилъ, что онъ присланъ за нею. Въ слѣдующія затѣмъ прогулки, онъ, какъ конюхъ, провожалъ также женъ паши и, зная уже княгиню по платку, незамѣтно передалъ ей письмо отъ мужа.

Въ одну дождливую и бурную ночь, согласно предварительному уговору, когда всѣ въ крѣпости спали, княгиня Маія вышла изъ гарема одна и пошла къ конюшнѣ, гдѣ горѣла условленная заранѣе свѣча. Али-ага уже ждалъ ее. Онъ посадилъ ее на лучшую арабскую лошадь, самъ тоже выбралъ лихаго скакуна, взялъ третью въ запасъ и выѣхалъ изъ крѣпости черезъ крѣпостныя ворота, по обыкновенію, понуждая окутанную въ старую бурку княгиню, какъ конюшенную прислугу, держать лошадь получше. Караульные не обратили на это вниманія, такъ какъ Али-ага и

прежде выводилъ въ ночное время лошадей на водопой къ рѣкѣ Поцховкѣ, которая протекала у подошвы крѣпости.

Они выѣхали изъ Ахалциха съ третьею лошадыю по хертвисской дорогѣ и, чрезъ Триалети и Манглись, приѣхали въ Тифлисъ. Али-ага представилъ княгиню Маю генералу Ермолову и вмѣстѣ съ тѣмъ—лошадь самой лучшей арабской породы, въ подарокъ сардарю. Обрадованный мужъ княгини, которому дали знать, тотчасъ же прилетъ къ Ермолову.

— Я слышалъ прежде, что ты молодецъ, Али-ага, обращаясь къ нему, сказалъ главноуправлявшій: но я не зналъ, что ты такой удалой. Очень благодаренъ. Али-ага; я все твое прошлое прощаю тебѣ. Забудь и ты о быломъ. Отнынѣ ты живи честно, оджахомъ (домомъ), какъ слѣдуетъ хорошему человѣку. Отнынѣ ты будешь подъ моимъ покровительствомъ; ты долженъ быть всегда вѣрнымъ и честнымъ слугою!

Али-ага былъ восхищенъ словомъ сардаря, бросился на колѣни и поцѣловалъ руку и полу сюртука Ермолова въ знакъ глубочайшей преданности: „отнынѣ голова моя и жизнь принадлежатъ падишаху и вамъ, сардарь,“ отвѣчалъ Али-ага. „Это порученіе, которое я исполнилъ, ничего не значить; да, я долженъ служить падишаху и вамъ для того, чтобы заслужить милость! Приказывайте мнѣ, сардарь; я всегда буду жертвовать собою на пользу службы падишаху!“

Затѣмъ, обратившись къ освобожденной имъ плѣнницѣ, княгинѣ Маѣ, Али-ага сказалъ съ чувствомъ „благодарю васъ, ханумъ, что чрезъ васъ, по милости сардаря, я сдѣлался теперь человѣкомъ, иначе я бы погибъ навсегда.“ Генералу Ермолову чрезвычайно пон-

равились эти чистосердечныя слова такого отважнаго храбреца. Онъ обласкалъ его, подарилъ ему сукна на чоху и денегъ и объявилъ гражданскому губернатору генераль-маіору Ховену и главному приставу борчалинской дистанціи, что Али-ага прощень и водворяется на мѣстѣ своего жительства, въ селеніи Арухло. На него возложили охранять наши границы отъ вторженій и набѣговъ разбойниковъ со стороны Турціи. Онъ, дѣйствительно, охранялъ ихъ такъ, что сдѣлался тогда грозою пограничныхъ турецкихъ деревень, выславшихъ въ наши предѣлы повременамъ хищниковъ. Никто изъ тогдашнихъ турецкихъ разбойниковъ и нашихъ бѣглецовъ не смѣлъ въ то время показаться въ нашихъ предѣлахъ, въ районѣ Али-аги. Онъ ихъ отыскивалъ вездѣ и не щадилъ. Позднѣе, во время Турецкой и персидской кампаній въ 1826—1829 г., Али-ага съ своею партіею отличался всегда своими партизанскими нападеніями на персіанъ и турокъ, такъ что онъ иногда наводилъ на малые ихъ отряды ужасъ, за что онъ и пользовался милостями преемника генерала Ермолова, бывшаго тогда главноуправляющато, генераль-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго.

Царство имеретинское поступило въ составъ Россійской Имперіи въ 1810 году, а въ концѣ 1818 года учреждены были епархіи: въ Грузіи—Карталинская и Кахетинская, и особья въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи; но жители этихъ послѣднихъ провинцій не могли такъ скоро ознакомиться съ законами, установленіями Имперіи, оставаясь очень долго при своихъ обычныхъ правахъ и порядкахъ, Въ Имеретіи оставались еще на

своихъ архіерейскихъ мѣстахъ прежніе іерархи времени бывшего имеретинскаго царства, митрополиты Кутаисскій и Гелатскій и архіепископы Хонскій, Джручскій, Никорцминдскій, и проч., изъ коихъ Кутаисскій, подъ названіемъ Кутатели и Гелатскій Генатели; владѣя значительными церковными имѣніями, они жили по прежнему особыми дворами, проявляя важность и значеніе высокаго духовнаго сана множествомъ людей, князей и дворянъ, которые ихъ окружали, и изъ коихъ нѣкоторые исправляли при нихъ разныя придворныя должности: виночерпія, начальника тѣлохранителей, конюшеннаго, начальника охоты, управляющаго дворомъ, завѣдывающаго приходами и доходами, и проч... Не давая никому отчета въ дѣлахъ церкви и духовенства вообще и въ доходахъ по значительнымъ церковнымъ имѣніямъ и владѣя церковными дворянами и крестьянами, эти монахи жили и выѣзжали совершенно почти также, какъ бывшій имеретинскій царь Соломонъ.

Но такой порядокъ при Россійскомъ правительствѣ не могъ продолжаться долго. Бывшій тогда экзархъ Грузіи Теофилактъ, обозревъ грузинскія епархіи, посѣтилъ и Имеретію, въ 1819 году, и былъ пораженъ какъ положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ этой странѣ, такъ и свѣтскою обстановкою тамошнихъ архіереевъ.

Не понимая языка русскаго и не зная церковныхъ правилъ и законовъ, установленныхъ въ имперіи, митрополиты Кутаисскій Кутатели и Генатскій Генатели и архіепископъ Хонскій Хонели, замѣчанія на этотъ счетъ экзарха Грузіи растолковали въ враждебномъ для себя смыслѣ и, не признавая надъ собою

никакой власти и имѣя большое вліяніе на населеніе, они превратно объяснили народу отношенія къ нимъ правительства; поэтому неудовольствіе этихъ имеретинскихъ іерарховъ противъ экзарха Грузіи Теофилакта, выѣхавшаго уже изъ Кутаиса въ Тифлисъ, выразилось въ востани противъ правительства сторонниковъ ихъ, увлекшихся внушеніями этихъ іерарховъ. Надо было усмирять народное волненіе силою. Сторонники духовенства, присоединивъ къ себѣ толпу, сдѣлали по дорогѣ изъ Молита по Бѣлогорскому и Квирильскому ущельямъ къ Кутаису завалы, изъ коихъ каждый надо было брать штурмомъ, и это чрезвычайно затрудняло слѣдованіе нашего вспомогательнаго отряда, посланнаго подъ начальствомъ генераль-маіора Вельяминова въ помощь гарнизону, находившемуся въ Кутаисѣ; но находчивость одвогo маіора изъ грузинъ дала дѣлу иной, благопріятный оборотъ: онъ бросалъ на завалы ракеты, которыхъ засѣвшіе тамъ имеретины не знали и которыя, крутясь и бросая во всѣ стороны огни, озадачивали ихъ, лишая возможности стрѣлять въ нашихъ солдатъ, тогда какъ въ это же время солдаты поражали ихъ пулями. Мятежники приписывали это „невидимой силѣ“, и потому ракеты такъ пугали ихъ, что при появленіи того маіора и при приближеніи его къ заваламъ, имеретины бросали завалы и поспѣшно удалялись. Такимъ образомъ, наше войско прошло уже дальше къ Квириламъ и Кутаису свободно, усмиривъ немедленно бунтъ. За то-этого маіора имеретины не иначе называли, какъ შუშხუნა მაიორი Шушхуна маіоръ, т. е. ракета-маіоръ.

Объ этомъ какъ то дошло до севѣдѣнія бывшаго тогда главноуправляющимъ генерала Ермолова ко-

гда сказанный отрядъ вернулся изъ Кутаиса и представился Ермолову на смотру въ Тифлисъ, то онъ, послѣ смотра, обратившись къ тому маіору, спросилъ:

— Отчего тебя назвали имеретины шушхуна маіоръ?

— Я ихъ подчивалъ горячими ракетами, ваше высокопревосходительство, — отвѣчалъ маіоръ.

— Спасибо, братъ, попробуемъ теперь твои ракеты въ Чечнѣ, сказала Ермоловъ, улыбнувшись; какъ ты думаешь, хорошо ли будешь пускать „горячихъ“ и противъ чеченцевъ?

— Не мѣшаетъ и въ Чеченѣ, ваше высокопревосходительство, постараюсь исполнить ваше приказаніе!

Этого маіора впоследствии перевели въ одиъ изъ полковъ, расположенныхъ въ 1824—1826 годахъ въ Кутаисѣ и Мингреліи, и хотя онъ дослужился до чина полковника, но имеретины все называли его шушхуна-маіоръ *).

Фельдмаршалъ графъ Паскевичъ, генералъ Ермоловъ,
генералъ баронъ Розенъ.

При генералѣ Ермоловѣ не было почти общественной жизни въ Тифлисъ, въ смыслѣ разныхъ увесе-

---

*) Подобныя характерныя названія на Кавказѣ въ большомъ ходу. Такъ, напримѣръ, нѣкоего маіора, хорошо игравшаго на чіанури по фамиліи никто не величалъ, а простіануръ-маіоръ. Это прозвище и до сей поры остается за его дѣтьми.

лений и вечернихъ собраній. Туземныя женщины, подъ вліяніемъ восточныхъ обычаевъ, не показывались мужчинамъ. Изъ мужчинъ-туземцевъ тѣ, которые находились на службѣ, посвящали все время служебнымъ занятіямъ и, мало зная языкъ русскій, не могли составить общество или отдѣльныя собранія вмѣстѣ съ русскими чиновниками, такъ какъ въ этихъ собраніяхъ не участвовали дамы, жившія, какъ сказано, замкнутою жизнью. Русскихъ женщинъ почти не было, и потому русскіе чиновники и офицеры, служившіе тогда въ Тифлисѣ, единственный пріютъ находили въ домѣ полковницы Е. А. Сноскаревой, жены бывшаго полковаго командира, единственной тогда русской женщины, которая послѣдовала за своимъ мужемъ—съ первымъ полкомъ, прибывшимъ въ Тифлисъ еще въ 1801 году. У нея были два сына—Агаѳонъ Ивановичъ и Антонъ Ивановичъ, изъ коихъ послѣдній былъ рожденъ на военно-грузинской дорогѣ въ Ларсѣ, на пути, когда полкъ ея мужа шель въ Грузію. Въ то время старшій—Агафонъ служилъ адъютантомъ, а младшій Антонъ—въ полку. Е. А. была первая русская женщина, которая прибыла въ Грузію при поступленіи ея въ 1801 году въ подданство Россіи; туземнымъ мужчинамъ и женщинамъ тогда казалось чрезвычайно страннымъ, что Е. А., какъ женщина могла показываться открыто мужчинамъ, говорить и ходить съ ними по улицамъ. Но въ послѣдствіи она такъ сблизилась со многими туземными семействами, что они уже не дичились ни ея, ни мужа, ни сыновей и даже офицеровъ, которыхъ она знакомила съ ними, тѣмъ-еще болѣе, что сыновья ея Агаѳонъ и Антонъ говори-

ли по-грузински, по-армянски и по-татарски, какъ туземцы.

Ее чрезвычайно уважали, и всѣ почти генералы, штабъ и оберъ-офицеры кавказскаго корпуса, пріѣзжавшіе въ Тифлисъ по дѣламъ, обязательно являлись къ ней, какъ къ обшей кавказской тетушкѣ, или же она сама посылала за ними, зная, что въ Тифлисъ тогда нигдѣ нельзя было найти пріють. У нея каждый вечеръ собирались гости: иные играли въ карты, иные рассказывали большею частью о военныхъ дѣлахъ, которыхъ было тогда очень много; Вообще домъ ея считался единственнымъ мѣстомъ, гдѣ не скучали среди городского населенія, которое еще не знало русскихъ языка и обычаевъ. Такимъ образомъ, К. А. была извѣстна всему почти офицерскому міру Тифлиса и Кавказскаго корпуса и пользовалась большимъ со стороны военныхъ уваженіемъ и расположеніемъ.

Самъ генераль Ермоловъ, со дня пріѣзда своего на Кавказъ, очень часто навѣщаль ее и играль тамъ въ бостонъ, а когда у него собирались нѣкоторые избранные на вечера, то эти вечера безъ Е. А., какъ единственной старой русской веселой женщины, не обходились, тѣмъ еще болѣе, что она съ перваго же прибытія русскихъ была на Кавказѣ и знала все, что происходило при ней съ того времени.

Алексѣй Петровичъ любилъ шутить съ нею, критикуя нѣкоторыя военныхъ дѣйствія прежнихъ начальниковъ, генераловъ. а въ особенности тѣ дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ ея уже покойный мужъ съ своимъ полкомъ (она тогда была уже вдовою). Ермолова поддерживали иногда въ разговорѣ съ нею генераль

Вельяминовъ, правитель канцеляріи главноуправляющаго Могилевскій, знаменитый Грибоѣдовъ (который служилъ при Ермоловѣ), нѣкоторые изъ его адъютантовъ и полковыхъ командировъ: Поповъ, Муравьевъ и другіе Е. А. выходила изъ себя, кричала, ссорилась, объясняла, доказывала противное, какъ личная свидѣтельница многихъ событій, и это всегда тѣшило Алексѣя Петровича.

Разъ какъ-то, въ зимній вечеръ, играли у него въ бостонъ; она играла съ Ермоловымъ и двумя другими; ей везло, и подъ конецъ игры, по расчету, Алексѣй Петровичъ остался ей долженъ 15 коп.

— Ну, эти 15 коп. за вами, батюшка, Алексѣй Петровичъ, сказала Е. А.

— Хорошо, матушка, хорошо, заплачу, не беспокойтесь, отвѣчалъ Ермоловъ.

Поужинали и затѣмъ разѣхались по домамъ до другого вечера или другого бостона.

Вдругъ въ 3 часу ночи, казакъ, посланный отъ Алексѣя Петровича, постучался у дверей Е. А. Всѣ въ домѣ спали. Деньщикъ проснулся, отворилъ двери и спросилъ: кто такой?

— Отъ главноуправляющаго къ полковницѣ, — отвѣчалъ казакъ, показывая пакетъ, велѣно вручить ей лично!—Разбудили горничную, которая пошла разбудить барыню. Е. А. вышла въ залу и казакъ почтительно вручилъ ей пакетъ отъ генерала Ермолова, въ которомъ были 15 коп., съ запискою: „прошу извиненія, посылаю 15 коп. долгу“.

Казакъ ушелъ, а Е. А., расердившись, что ее потревожили не во время, пошла спать. На другой

день, прогуливаясь по городу, Ермоловъ зашелъ къ ней, навѣстить ее,

— Что это вы, батюшка, со мною сдѣлали, Алексѣй Петровичъ,—сказала хозяйка послѣ обычныхъ привѣтствій,—задали же вчера ночью такую стукотню по всему дому, что ужась, и не дали мнѣ спать покойно! развѣ сегодня не могла я получить эти 15 коп?

— Ну, матушка, извините, пожалуйста,—Отвѣчалъ Ермоловъ,—я думалъ напротивъ,: я побоялся, чтобъ вы не прислали ко мнѣ сегодня же по утру за должкомъ, и потому я хотѣлъ уснуть спокойно, расплатившись. Знаете, матушка, долгъ платежемъ красенъ!

Они много смѣялись, Алексѣй Петровичъ все спрашивалъ, подшучивая, не испугалась ли она? спала ли она?... Старуха тоже, въ свою очередь, не оставляла шутокъ Ермолова безъ замѣчаній и безъ острыхъ отвѣтовъ, зная хорошо, что онъ обращался съ нею, какъ съ родною.

Извѣстіе объ убствѣ русскаго посла въ Тегеранѣ Грибоѣдова, застало бывшего главноуправляющаго въ Грузіи и главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ, графа Паскевича-Эриванскаго, среди приготовленій къ открытію военной кампаніи противъ Турціи 1829 года. Но грозное положеніе, принятое фельдмаршаломъ, заставило Персію удовлетворить всѣ требованія Россіи за это оскорбленіе, и поэтому сынъ наслѣдника персидскаго престола Абасъ-Мирзы—Хосроевъ Мирза былъ отправленъ персидскимъ шахомъ

въ Тифлисъ, для дальнѣйшей поѣздки его оттуда по-

сланникомъ шаха въ Петербургъ, къ Государю Императору.

Графъ Паскевичъ принялъ Хосревъ-Мирзу въ Тифлисъ съ приличными почестями, оказывая ему во все время пребыванія его въ Тифлисъ должное уваженіе. Персидскій принцъ, въ сопровожденіи свиты, осматривалъ всѣ учрежденія въ Тифлисъ, разспрашивая обо всемъ съ любопытствомъ.

Разъ онъ, въ сопровожденіи самага фельдмаршала, графа Паскевича-Эриванскаго, посѣтилъ единственное тогда въ Тифлисъ и во всемъ Закавказскомъ краѣ правительственное учебное заведеніе— Тифлисское блалородное училище (впослѣдствіи преобразованное въ гимназію), которое состояло изъ шести классовъ и въ которомъ обучались дѣти туземныхъ дворянъ, князей и русскихъ чиновниковъ. Директоръ училища Груберъ (впослѣдствіи попечитель Бѣлостокскаго учебнаго округа) встрѣтилъ главноуправлявшаго графа Паскевича-Эриванскаго и персидскаго принца на лѣстницѣ, у входа въ классы. Принцъ ласково привѣтствовалъ директора, котораго представилъ ему фельдмаршалъ, и отпустилъ ему, Груберу, нѣсколько персидскихъ фразъ, что объ ученой его славѣ слышалъ въ Иранѣ (Персіи) и что онъ желалъ лично воспользоваться тѣмъ свѣтомъ наукъ и знаній, который озаряетъ грузинское юношество. Директоръ Груберъ благодарилъ за вниманіе. Фельдмаршалъ очень благоволилъ къ нему и потому расхвалилъ его передъ принцемъ. Начиная съ перваго, принцъ обошелъ всѣ классы, знакомясь съ учителями и законоучителями и подробно распрашивая о предметахъ преподаванія.

Ему было пріятно, когда онъ заговорилъ съ учителемъ татарскаго языка, съ Мирзою-Али-Акберомъ,

который отвѣчалъ ему, какъ истинный персіянинъ, добавивъ, что онъ учился въ духовномъ училищѣ Персіи, въ Кумѣ, гдѣ похороненъ какой то персидскій святой и гдѣ жилъ главный ученный Муштейдъ.

— Ужели въ шести разныхъ комнатахъ учать одному и тому же, спросилъ принцъ директора—развѣ нельзя было бы учить дѣтей всѣхъ вмѣстѣ?

— Нельзя, ваше высочество,— отвѣчалъ директоръ черезъ переводчика—науки разныя и предметы преподаванія распределены по классамъ. То, что преподается въ старшихъ классахъ (комнатахъ), нельзя преподавать въ младшихъ; въ младшихъ должны начать учиться наукамъ для того, чтобы у дѣтей развивались понятія объ нихъ постепенно, а по мѣрѣ развитія и изученія ихъ, ученики переходятъ изъ младшаго въ старшій классъ и, наконецъ, доходятъ до выпускного, оканчивая курсъ наукъ.

— Клянусь головою шаха, что въ певый разъ слышу я такое мудреное правило,—сказалъ принцъ фельдмаршалу,—по приѣздѣ въ Иранъ я непременно доложу шаху объ этомъ. Это очень хорошо.

— Если угодно будетъ вамъ, — отвѣчалъ графъ Паскевичъ, — то я напишу министру народнаго просвѣщенія, и ваше высочество осмотрите въ Петербургѣ академіи, университетъ и другія военныя и гражданскія учебныя заведенія, гдѣ преподаются науки по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній.

Хосревъ-Мирза поблагодарилъ графа, затѣмъ осмотрѣлъ рисунки и чертежи учениковъ. Принцъ удивлялся, что ученики могли такъ чертить и рисо-

вать. Математическіе инструменты, астролябія, посредствомъ которой тогда ученики производили съемки, и физическій кабинетъ поразили принца и при-

влекли его вниманіе, какъ предметы, о которыхъ прежде не зналъ.

— Эти ученики будутъ со временемъ хорошіе планчи (инженеры) и годны для топхани (артилерія); они будутъ со временемъ полезные люди,—сказаль принцъ фельдмаршалу,— какъ было бы хорошо ввести все это въ Иранъ; клянусь благословеннымъ солнцемъ моего отца, что обо всемъ этомъ доложу шаху!

Взятіе Ахалциха русскими

Эпизодъ изъ турецкой кампаніи 1828 года.

Вечеръло. Лучи солнца, прощаясь съ горизонтомъ, освѣщали багровымъ цвѣтомъ верхи минаретовъ Ахалцихскихъ; муэдзины пѣли унылыя пѣсни, воспѣвая имя Аллаха и призывая правовѣрныхъ къ молитвѣ. Тихая погода, казалось, благоговѣла предъ имениемъ того, имя котораго такъ часто произносили служители ислама. Безмолвіе царствовало въ Ахалцихѣ и придавало какую то особую торжественность длиннымъ ихъ напѣвамъ изъ Китаба, т. е. Корана.—Надо видѣть, съ какимъ благочестіемъ мусульмане совершаютъ молитвы, когда они, отрѣшаясь, якобы, отъ всего мірскаго, дуютъ на право и на лѣво, прогоняя чертей и нечистыхъ духовъ отъ себя вонъ и, призывая на нихъ проклятіе Аллаха и Магомета, погружаются затѣмъ въ созерцаніе чего то неизвѣстнаго...

Совершивъ молитву, Гассанъ-ага всталъ и сѣлъ на камнѣ, а два его сына стояли около него. Ему

было семьдесятъ лѣтъ, и это давало ему между сосѣдями привилегію на умъ, глубокія познанія и опытность. Въ добавокъ онъ когда то служилъ нукеромъ. (слугою) у паши, и извѣстенъ былъ какъ хорошій кальянчи, который ловко подавалъ ему кальянь и трубку. Во время своей службы Гассанъ много слышалъ, много видѣлъ; поэтому его уважали и почитали въ городѣ.

— Селямъ-алейкумъ, Гассанъ-ага,—сказали ему сосѣди почтительно, которые пришли потолковать о новостяхъ (хабарляръ) и усѣлись около него въ кружокъ по восточному обычаю.—Что новаго?

— Алейкумъ-селямъ,—отвѣчалъ онъ (миръ съ тобою). Это привѣтствіе принадлежность правовѣрныхъ. Мусульманинъ не скажетъ его христианину. Онъ скажетъ ему просто: Алла-сахласинъ—Богъ съ тобою-хошь-гелди—добро пожаловать, сабахтанъ хейръ или ахшамданъ-хейръ,—доброе утро, добрый вечеръ.—Говорятъ, что русскій сардаръ Баскувичъ (Паскевичъ) взялъ всѣ персидскія крпости и забралъ всѣхъ почти персіянъ въ плѣнъ, такъ что самъ шахъ-задэ Аббасъ-Мирза бѣжалъ пѣшкомъ, босикомъ, и скрылся въ горахъ Курдистана,—сказалъ Гассанъ-ага,—говорятъ, что отецъ его, шахъ персидскій, разослалъ вѣрныхъ своихъ людей разыскивать Аббасъ-Мирзу, который послѣ пораженій своихъ боится показать отъ стыда свое лицо шаху и персидскому народу.

— А помнишь ли, Гассанъ-ага,—сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ около него, Мамадъ-Али, — что еще въ прошломъ году пріѣзжали къ нашему пашѣ пос-

ланные персіяне отъ Аббасъ-Мирзы съ извѣсетіемъ, что у него столько войска, что эти кизильбаши (красно-головые—название персіянъ) забросаютъ всѣхъ рус-

скихъ одними папахами; думали взять ихъ въ лѣнъ и продать туркменамъ и въ Арабистанъ и Авганистанъ, Помнишь ли, изъ тѣхъ посланныхъ Али-хана, того высокаго, съ черною длинною бородою, который преважно хвастался предъ нашимъ пашею и обѣщался ему подарить нѣсколько плѣнныхъ русскихъ?

—Нтъ, душа моя, Мамадъ-али,— отвѣчалъ Гассанъ-ага.— Персіяне вѣчные хвастуны, Если бы они были люди, то не хвастались бы заранѣе, и лица были бы у нихъ бѣлыя теперь, а то у всѣхъ ихъ, во всемъ Иранѣ, начиная съ Аббасъ-Мирзы, лица почернѣли отъ стыда. Но по дѣломъ имъ, они вѣчные враги наши и хуже гяуровъ. Это еще не бѣда; но бѣда та, что, говорятъ, Баскувичъ такой сардаръ, что не уступитъ Искандеру (Александръ Македонскій) и говорятъ, что нашъ султанъ Махмудъ будто заступился за шаха и хочетъ объявить войну русскому падишаху. Бѣда будетъ, Джанумъ (душа моя), съ нами, если, не дай Богъ, придется воевать съ русскими. Кели они придутъ къ намъ, то нашъ Ахалцихъ не устоитъ противъ нихъ.

— Извини, Гассанъ-ага,— возопилъ Мамадъ-ага и другіе.— Великъ Аллахъ! Еще ни кого не было на свѣтѣ и теперь никого нѣтъ, который бы осмѣлился противустать противъ нашего всемогущаго султана, намѣстника пророка! Да будетъ его благословеніе надъ нашими головами! Мы, слава Богу, не персіяне, мы не такіе зайцы. Приходили же и прежде русскіе къ Ахалциху (при главноуправлявшемъ въ Грузіи гра-

фѣ Гудовичѣ), но они ничего не могли сдѣлать противъ нашихъ храбрыхъ, и теперь тоже будетъ съ нами, если придутъ.—Что, въ самомъ дѣлѣ, мы развѣ не люди?,— повторыли другіе, указывая на свои писто-

леты, длинные кинжалы и ятаганы.

— Да будетъ сахаръ въ вашихъ устахъ!—сказаль Гассанъ-ага,—я не сомнѣваюсь въ храбрости всѣхъ нашихъ, но какое то дурное предчувствіе меня беспокоить. Я, хотя старъ, но могу еще стать въ ряды нашего провѣрнаго войска; я живымъ не отдамся; иногда предчувствіе не оправдывается и бываетъ плодомъ растройства оджаха (дома, семейства) и дурнаго сна!... Всѣ согласились съ мнѣніемъ Гассана-ага, но ихъ все-таки беспокоили темные слухи о возможности войны Россіи съ Турціею.

— Знаешь ли, что русскіе идутъ на Карсъ?—безпокойно спрашиваль Мамадъ-Али Сулеймана,— Говорять, что въ Гумрахъ (Александрополь) такъ много русскаго войска, что карсскій паша совѣмъ перепутался и просить нашего Ахалцихскаго Коса-Мамадъ пашу о помощи!

— А что, отвѣчалъ Сулейманъ, не говорилъ ли нашъ Гассанъ-ага еще прежде; онъ, братъ, умный человекъ, много видѣлъ, Много слышалъ. Надо было ему вѣрить. Теперь, хотя нашъ паша укрѣпляетъ крѣпость и хотя у насъ, слава Богу, много войска, но можно ли ручаться, что Баскувичъ не возьметъ нашей крѣпости. Говорять, что онъ взялъ какую то большую крѣпость въ Персіи, знаешь какъ?.. отъ одного взгляда. Такіе у него глаза!... Говорять, что съ

такой то близкой горы взглянулъ на персидскую крѣпость, откуда собирались стрѣлять изъ орудій, и что же вышло? отъ одного взгляда русскаго сардаря Баскувича фитили потухли, и персіяне не могли стрѣлять; сколько ни зажигали фитилей, все тухло. „Алла,

Алла!“ , вакричали персіяне, они перепугались всѣ и бѣжали йзъ крѣпости: нѣтъ, свѣтъ моихъ глазъ, Мамадъ-Али—прибавилъ Сулейманъ, противъ такого сардаря, какъ Баскувичъ, нашему пашѣ не устоятъ! Говорятъ, что предъ Баскувичемъ даже великій Искандеръ не болѣе какъ мальчикъ!... такой онъ страшный!...

Въ верхней части города Ахалциха, около Колантской церкви, происходило другое. Тамъ христіанское населеніе группировалось издревле отдѣльно отъ мусульманскаго населенія, которое расположено было около крѣпости, какъ надежный оплотъ противъ нашествія русскихъ. Внизу, у подошвы горы, на которой возвышалась Ахалцихская крѣпость, на сѣверо-востокъ отъ нея, въ ущельи, жили евреи, образуя собою, какъ и теперь, отдѣльный еврейскій кварталъ у дороги, ведущей изъ Тифлиса. Всѣ они, и христіане, и евреи ждали чего то грознаго, но не могли дать себѣ отчета и не смѣли открыто сообщать другъ другу свой предположенія, опасаясь, чтобы кто либо изъ турокъ не подслушалъ ихъ. Нѣкоторые христіане лѣйствовали смѣлѣе и не скрывали ни отъ паши, ни отъ турокъ опасности. Предлагали позаботиться объ укрѣпленіи Ахалциха, вмѣсто возбужденія турокъ противъ мѣстныхъ христіанъ, и о томъ, чтобы эти христіане

были ограждены отъ насилій и безчинствъ нѣкоторыхъ иступленныхъ мусульманъ, которые, въ припадкѣ фанатизма, проповѣдывали избіеніе христіанъ, какъ спасеніе отъ невѣрныхъ. Многія изъ почетныхъ семействъ христанъ переѣхали изъ Ахалциха въ Кутайсъ, по аббасъ-туманской дорогѣ. Между тѣмъ, тучи

на горизонтѣ тогдашняго Ахалцихскаго пашалыка предвѣщали больше дурного, чѣмъ хорошаго. Было уже лѣто; война только что была объявлена Турціи (14 апрѣля 1828 года); турки укрѣпляли крѣпости Ахалкалаки, Хертвиси и Ахалцихъ, какъ вдругъ получилось ими извѣстіе о взятіи, 28 іюня 1828 года, фельдмаршаломъ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, крѣпости и города Карса, этого оплота Азіатской Турціи, заграждавшаго путь къ Эрзеруму и далѣе, къ Константинополю. Все въ Ахалцихѣ пришло въ движеніе. Паша укрѣплялъ горную дорогу къ Ахалциху изъ Хертвиса и высоты, окружающія Ахалцихъ со стороны Уравеля, Сапарскаго монастыря и нынѣшняго новаго города. Лихорадочная дѣятельность турокъ была въ полномъ разгарѣ; вдругъ прискакали въ Ахалцихъ спасшіеся люди изъ Ахалкалакской и Хертвисской крѣпости, которыя взяты были нашими войсками одна вскорѣ послѣ другой, 24 и 26 іюля 1828 года.

Эти бѣжавшіе турки не скрывали, что русскіе не идутъ, а летятъ, какъ орлы, и что никакая сила не можетъ устоять противъ нихъ. Дѣйствительно, взятіе Хертвиса, этого орлинаго гнѣзда, укрѣпленнаго самою природою на высотахъ отвѣсной скалистой горы, омываемой двумя рѣками Бурою и Тапараванъ-чаемъ, могло породить между турками увѣренность, что тогда русскія войска не шли, а летѣли на пути къ славнымъ и

безсмертнымъ подвигамъ, завоевавъ Персію и покоривъ въ короткое время Карсъ, Ахалкалаки и Хертвиси, считавшіеся у турокъ неприступными. Еще во время осады Ахалкалаки, на предложеніе фельдмаршала сдаться турки отвѣчали дерзостью: „Вы не думайте, чтобы мы похожи были на защитниковъ Эривани или Карса“, сказали они посланному отъ главнокомандую-

щаго: „знайте, что мы—ахалцихскіе люди, у насъ нѣтъ гаремовъ, какъ у персіанъ, мы всѣ умремъ на стѣнахъ крѣпости. Передайте сардарю вашему старинную нашу поговорку, что одинъ карскій житель больше трехъ эриванскихъ, а одинъ ахалцихскій больше двухъ карскихъ жителей!“... Но такой гордый отвѣтъ не спасъ Ахалкалаки, и вдругъ передовыя войска наши показали уже въ виду самаго Ахалциха. Взятый въ плѣнъ въ Ахалкалаки начальникъ Ахалцихскаго турецкаго санджака (округа) Мути-бекъ, находился въ нашихъ войскахъ и, обласканный главнокомандующимъ графомъ Паскевичемъ, оказалъ много пользы указаніемъ мѣстности и проселочныхъ дорогъ, которыя онъ хорошо зналъ. Почти подъ стѣнами Ахалцихской крѣпости дали Кавалерійское сраженіе, въ которомъ многочисленная турецкая конница и отчаянные турецкіе наѣзники, вчетверо превосходившія числительною силою нашихъ, потерпѣло пораженіе и искали спасенія въ крѣпости. Фельдмаршалъ, устроилъ послѣ сего укрѣпленный лагерь, сдѣлалъ распоряженіе для наступательнаго движенія и осады крѣпости Ахалцихской, защищаемой значительнымъ турецкимъ войскомъ и артиллеріею. Три лагеря турецкихъ войскъ Коса-Мамадъ паши, Мустафа паши и Тубольскаго Ашага-паши были соединены съ четвертымъ лагеремъ ту-

рокъ, расположеннымъ противъ католической церкви, на свѣро-западной высотѣ Ахалциха, но поддерживающимъ связь съ крѣпостью. Этотъ пунктъ, укрѣпленъ былъ хорошо, не менѣе крѣпости, и представлялъ собою много затрудненій для того, чтобы можно было рассчитывать взять его легко. Кромѣ того, турки, владѣя позади русскихъ войскъ крепостью Ацхури, этимъ ключомъ въ Боржомское ущелье и далѣе въ Горійскій

уѣздъ, т. е. въ центрѣ Грузіи, могли въ данную минуту угрожать тылу нашего войска и заставить его отступить отъ Ахалциха по дорогамъ и ущельямъ, чрезвычайно неудобнымъ и, затруднивъ переходы нашей арміи, могли ее ослабить непрерывными нападеніями и поставить въ положеніе критическое. Фельдмаршалъ зналъ, что значило в Азіатской войнѣ отступление. Оно принято было бы азіатцами за бѣгство и придало бы имъ болѣе бодрости и мужества вмѣсто страха, подѣ влияніемъ котораго они находились. Въ виду не очень выгоднаго положенія русской арміи, между Ахалцихской крѣпостью съ четырьмя турецкими укрѣпленными лагерями, съ одной стороны, и турецкими войсками въ Апдхурахъ—съ другой, надо было напасть и разбить турокъ во что бы то ни стало; но это отзывается предпріятіемъ самымъ отчаяннымъ и, повидимому, не предвѣщавшимъ успѣха; фельдмаршалъ сознавалъ это, но военный геній графа, обличавшій въ немъ глубокія познанія военного искусства, навелъ его на планъ самый рѣшительный, который, по смѣлости своей, казался почти невѣроятнымъ, именно: напасть нечаянно на четвертый лагерь турокъ, на сѣверо-западной сторонѣ, около католической церкви, который былъ хорошо укрѣпленъ и подѣ прикрытіемъ котораго на-

ходились остальные лагеря, отрѣзать эти войска отъ Ахалциха, разбить ихъ и отбросить подальше и, такимъ образомъ, овладѣвъ четвертымъ лагеремъ турокъ, занимавшихъ, по ихъ мнѣнію, самую лучшую и выгодную позицію, угрожать самой крѣпости и разбить въ одно и то же время другія турецкія войска, которыхъ они ожидали! Надо было скрыть этотъ планъ отъ непріятели до времени; поэтому, съ вечера же 7 Августа 1828 года фельдмаршалъ сдѣлалъ сообразныя съ

планомъ распоряженія, которыя маскировали его дѣйствительныя намѣренія и которыя поддерживали убѣжденія турокъ въ бездѣйствии главнокомандующаго.

„Великъ Богъ правовѣрныхъ“, сказалъ Коса-Махмадъ-паша (его называли также сокращенно Коса-паша): „русскіе ничего не могутъ съ нами сдѣлать. Ахалцихъ—не Эривань, не Карсъ и не Ахалкалаки! Русскіе развѣ не бывали прежде подъ стѣнами Ахалциха и не уходили ли назадъ? Не даромъ же сказано, что скорѣе можно сорвать луну съ неба, чѣмъ съ мечети Ахалцихской? Клянусь гробомъ моего отца, да осѣнитъ его пророкъ на томъ свѣтѣ, русскіе постоятъ, постоятъ, да уйдутъ тайкомъ!“ Другой, Ахмедъ-паша, и окружавшіе ихъ аги, беки, эффендіи и янычары подтвердили слова паша. Между тѣмъ, дни проходили, а русскіе продолжали осаду слабо, какъ будто бездѣйствуя.

„Русскіе не уходятъ“, сказалъ Ашага-паша Коса-паша Ахалцихскому, „сообразимъ, душа моя, паша, хорошенько, не обманываемся ли мы пустою надеждою, чтобы русскіе оставили насъ въ покоѣ и ушли бы къ себѣ домой. Русскій сардаръ Баскувичъ, какъ говорятъ, не отступаетъ ни предъ чѣмъ и, если бы

— 229 —

пришлось ему на самомъ дѣлѣ сорвать луну съ неба, ты знаешь ли, что это для него вовсе не трудно, какъ сказалъ мнѣ ученый мулла, который много читалъ и который соображалъ всѣ причины причинъ и всѣ дѣйствія Баскувича съ выводами изъ несомнѣннаго Китаба (книги Корана). Подумай, глубокомысленный паша! чтобы мы не попали въ бѣду, и чтобы наши лица остались бѣлыми предъ султаномъ!“

„Спи себѣ спокойно, свѣтъ моихъ глазъ“, отвѣчалъ Коса-паша, „клянусь своею головою, что я

бываль на свѣтѣ, и видѣль, и слышалъ много и могу понимать причину вещей не меньше твоего ученаго муллы. Къ намъ идутъ подкрѣпленія и мы, иншь Алла, съ Божіею помощью, отбросимъ всѣхъ русскихъ подальше! подожди, джанумъ (душа моя), дай намъ собраться съ силами!“

Оба паши и съ ними окружавшіе ихъ паши утѣшились и успокоились увѣреніями Коса-паши, которому увѣрена была тогда судьба Ахалциха, но тайное предчувствіе и опасеніе несчастія, которое имъ угрожало и въ которомъ не сознавались они другъ другу, начало тревожить и беспокоить всѣхъ.

Осада Ахалциха продолжалась, и фельдмаршалъ не предпринималъ еще, повидимому, наступательныхъ дѣйствій. Онъ оставилъ всего 5 баталіоновъ охранять лагерь; остальное же войско—пѣхоту и кавалерію, въ числѣ шести тысячъ пяти сотъ пятидесяти человекъ, при 25 орудіяхъ, послалъ изъ лагеря, въ два часа ночи, по направленію къ селенію Пхрути, по глубокой лощинѣ, въ сторонѣ отъ сельской дороги. Они еще до утра обошли позицію турокъ, такъ что графъ Паскевичъ занялъ уже высоты, которыя пред-

ставляли всѣ выгоды какъ для наступленія противъ непріятеля, такъ и для оборонительныхъ дѣйствій. Паша замѣтилъ утромъ русскія войска и былъ озадаченъ; соединившись поспѣшно, турки выступили изъ лагерей въ огромныхъ массахъ пѣхоты и конницы, съ цѣлью отрѣзать наши войска отъ нашего лагеря; по приказанію главнокомандующаго, солдаты стояли въ выжидательномъ положеніи. Приписывая бездѣйствіе русскихъ ихъ малочисленности и замѣшательству, турки воодушевились дерзостью и, наполняя воздухъ криками „Алла, Алла,“ торопливо пошли массаами, съ

распущенными знаменами, намѣреваясь напасть на главныя силы русскихъ. Солдаты стояли неподвижно; но когда, по данному знаку, они быстро, съ криками „ура“, кинулись на турокъ, то не только остановили ихъ натискъ, но и разсыпали ихъ совершенно, поражая ихъ жестокимъ огнемъ нашей артиллеріи. Турки смѣшались и бѣжали толпами. Самъ Коса-паша, раненный, скрылся въ Ахалцихской крпости, представивъ разстроенному войску самому отыскивать свои лагеря. Но казаки и наша татарская милиція довершили пораженіе турокъ, вторгнувшись въ ихъ лагерь, Кавалерія же наша, нагнавъ другой турецкій отрядъ около селенія Суфлиса, обратила его въ бѣгство и взяла третій турецкій лагерь. Панической страхъ, который напалъ на турокъ, былъ такъ великъ, что при появленіи драгунъ, посланныхъ главнокомандующимъ для преслѣдованія бѣжавшихъ турокъ, войско Ашага-паши, охранявшее четвертый турецкій лагерь, поспѣшно бросило его безъ боя и послѣдовало за бѣжавшими, оставивъ все въ рукахъ нашего войска, которое преслѣдовало разбитыхъ всю ночь, до Улугарскихъ

— 231 —

горъ за Поцховчаемъ, къ Ардагану, такъ что на разстояніи шестидесяти верстъ въ окружности не осталось ни одного неприятельскаго солдата.

Десять пушекъ, десять знаменъ, четыре укрѣпленныхъ лагеря, разныя вещи, множество боевыхъ запасовъ и огромное количество съѣстныхъ припасовъ были трофеями той блистательной побѣды, которую наши войска одержали надъ турками.

Между тѣмъ, такъ какъ Мушинскій паша, котораго ждали въ Ахалихѣ, шелъ съ войскомъ на помощь къ туркамъ и могъ присоединить къ себѣ по Ардаганской дорогѣ разбитые турецкіе отряды, фельд-

маршалъ, предвидѣвъ это обстоятельство, сдѣлалъ распоряженіе и послалъ отрядъ, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго, который, согласно указанію главнокомандующаго, пошелъ по Эрзерумской дорогѣ на перерѣзъ Мушинскому пашѣ, разбилъ его и, обративъ въ бѣгство, освободилъ всехъ бывшихъ у него христіанскихъ плѣнниковъ и забралъ въ плѣнъ множество бѣжавшихъ турокъ. Такимъ образомъ, одни русскія войска остались въ виду грозной крѣпости Ахалциха, который оставленъ былъ на волю своей судьбы и который не могъ уже рассчитывать на какую либо помощь со стороны разбитыхъ и бѣжавшихъ пашей. Это продолжалось отъ 12 до 15 августа.

Заря чуть-чуть занималась на востокѣ; зубчатая стѣна Ахалцихской крѣпости и верхушки минаретовъ поднимались медленно изъ полумрака, предчувствуя, казалось, рѣшеніе своей судьбы и судьбы многихъ тысячъ людей, которые несли другъ другу смерть. Крылья ангела-истребителя, мнилось, колебали затишіе воздуха, и отовсюду вѣяло какимъ то могиль-

нымъ вѣтеркомъ. Это было утро роковаго для Ахалциха 75 августа 1828 года, день Успенія Пресвятой Богородицы, день, назначенный главнокомандующимъ фельдмаршаломъ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, для штурма. Между тѣмъ загорѣлось небо снопами лучей, не было ни малѣйшаго облачка, солнце показалось на горизонтѣ и освѣтило окрестности, встрѣтивъ кругомъ нѣмую тишину. Не было даже тумана на окрестныхъ горахъ, на которыхъ онъ оставался прежде очень долго. Ахалцихъ весь освѣтился свѣтомъ и показался, какъ на ладони. Дома города, съ плоскими крышами, возвышались неровными уступами, закрывъ собою кривыя улицы на неровной плос-

кости и какъ то причудливо перепутываясь между собою. Минареты поднимались надъ городомъ. Муэдзины пѣли въ нихъ обычныя гимны, приглашая правовѣрныхъ къ утренней молитвѣ.

Турки, въ ожиданіи штурма, не спали всю ночь и все время находились подъ ружьемъ, продолжая стрѣлять изъ пушекъ. Между тѣмъ осадныя батареи наши бросали огонь въ крѣпость и разрушали валъ ея, съ котораго беспокоили насъ больше другихъ. Фельдмаршалъ, дѣлая маневры, хорошо рассчитывалъ, что турки въ прошлые дни осады привыкли быть готовыми къ бою или по ночамъ, или на утренней зарѣ, и потому они не сходили тогда со стѣнъ крѣпости, ожидая нападенія, тогда какъ днемъ огонь съ нашихъ орудій почти прекращался, и они предавались обычному покою.

Не взирая на представленныя начальниками частей возраженія, фельдмаршалъ, со свойственною ему гениальною смѣлою рѣшительностью, рассчиталъ, что

напасть на такое отчаянное войско, которое было тогда сосредоточено въ Ахалцихѣ, надо было въ такое время, когда оно меньше могло ожидать штурма, полагая, что движеніе нашихъ отрядовъ есть не болѣе, какъ перемѣщеніе одного отряда на мѣсто другого, съ батареи на батарею, которое дѣлалось въ прежніе дни въ виду турокъ и которое они привыкли видѣть. Напавъ же на крѣпость подъ вечеръ, когда турки не ожидали нападенія, графъ Паскевичъ рассчитывалъ на ихъ страхъ отъ внезапнаго и стремительнаго натиска войскъ и на то, что, вслучаѣ неудачи, можно было воспользоваться темнотою ночи и, прекративъ штурмъ, не дать туркамъ замѣтить малочисленность нашихъ силъ.

Ширванскій полкъ былъ назначенъ итти первымъ на штурмъ 15 Августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, былъ полковой праздникъ полка. Отслушавъ божественную литургію, солдаты послѣ сытнаго обѣда, предались веселости, шутили и острили надъ турками, одушевляясь болѣе и болѣе предоставленною имъ честью. Въ городѣ между тѣмъ началось необыкновенное движеніе, скрипъ колесъ, ржаніе лошадей, шумъ; на валахъ, окружавшихъ городъ показались разноцвѣтные чалмы турокъ и папахи горцевъ, которые наполняли воздухъ угрозами и бранью. По временамъ стрѣляли изъ орудій. Солнце стояло высоко и ярко освѣщало всю окружность. Вдругъ началась изъ крѣпости усиленная пальба въ ожиданіи нападенія, но солдаты не трогались съ мѣста. Наши батареи отвѣчали прежде слабо, но потомъ, усиливъ огонь, заставили турецкія орудія замолчать. Турки видя, что русскія войска при такой усиленной кано-

— 234 —

надъ, не шли на штурмъ, недоумѣвали, продолжая однако перестрѣлку. Но штурмъ былъ отсроченъ.

Предусмотрительность фельдмаршала совершенно оправдалась на дѣлѣ. Онъ хотѣлъ только встревожить турокъ, которые, видя, что русскіе войска не трогались съ мѣста, и убѣдившись, что слухи о нападеніи русскихъ несправедливы, успокоились и къ полудню прекратили огонь. Многіе изъ нихъ пошли по домамъ, и муэдзины спокойно собрались на минареты и запѣли обычную молитву. Войска наши варили обѣдъ, и велѣно было ждать сигнала для начатія штурма.

Въ три часа пополудни командиры полковъ и батарей собрались у главнокомандующаго за послѣдними приказаніями, а въ половинѣ четвертаго войска занимали назначенныя имъ позиціи. Самъ фельдмар-

шалъ сталъ на большой батарее сѣверной возвышенности, чтобы лично наблюдать и распоряжаться военными дѣйствіями. Все было готово и ждало вѣстовой пушки. Въ четыре часа пополудни, въ самое время обѣда турокъ, раздался вѣстовой выстрѣлъ; вслѣдъ за нимъ грянули со всѣхъ нашихъ батарей и началась пальба, которая обратила турецкіе заборы и палисады въ щепки.

Въ одно мгновеніе ширванцы, подѣ командою своего храбраго командира полковника Бородина, съ распущенными знаменами, при звукахъ музыки и веселыхъ пѣсень, пошли на штурмъ. Турки изъ крѣпости, съ вала и бастіона, обсыпали ширванцевъ пулями, но они шли мѣрнымъ шагомъ, стройно, какъ будто шли на разводъ. Страшно было видѣть, какъ эти безстрашные ширванцы ложились цѣлыми рядами отъ турецкихъ пулъ, но они шли и шли по трупамъ сво-

— 235 —

ихъ товарищей. Турки дивились, будучи озадачены этимъ неимовѣрнымъ мужествомъ солдатъ. Полкъ кинулся на проломъ, ворвался въ бастіонъ, перебилъ всѣхъ защищавшихъ тамъ турецкихъ артиллеристовъ и взялъ нѣсколько знаменъ и непріятельскихъ пушекъ, Одинъ баталіонъ ширванцевъ занялъ полисады, другой расположился въ центрѣ, что противъ нынѣшней католической церкви, гдѣ засѣли турки, укрпивъ ее заранѣе.

Баталіонъ полковника Бурцова пошелъ вслѣдъ за первымъ и занялъ другой бастіонъ, прогнавъ оттуда отчаяно дравшихся аджарцевъ.

Эти удалыцы, на самомъ дѣлѣ, мало вѣрили въ возможность, чтобы русскіе, среди бѣлаго дня, могли начать нападеніе, и потому на движеніе нашихъ баталіоновъ турки смотрѣли равнодушно, даже до того,

что очень многие изъ нихъ, утомленные бессонными ночами прошлыхъ дней, отдыхали въ домахъ. Все это оправдывало предусмотрительность графа Паскевича.

Едва лишь разнеслась вѣсть, что русскіе овладѣли валомъ и бастиономъ, турки, какъ разъяренные тигры, бросились немедленно на всѣ пункты, которымъ наши войска угрожали. Массы отчаянныхъ мусульманъ, въ католической церкви и въ домахъ, непрерывно увеличивали и, защищаясь упорно, завязали жестокой бой. Съ кинжалами на голо, подъ прикрытіемъ сильнаго ружейнаго огня съ крышъ домовъ, турки и даже ихъ женщины бросились на русскія войска, встрѣчая смерть отъ ихъ штыковъ. Кровавый бой продолжался упорно около часа, безъ рѣшительнаго успѣха. Турки, пользуясь мѣстностью и значительными силами, не отступали. Но вдругъ появленіе

— 236 —

нашей артиллеріи измѣнило все дѣло. Саперы наши перетащили черезъ ровъ единорогъ, и раздался первый въ крѣпости пушечный выстрѣлъ, сильно озадачившій турокъ: они смѣшались, и русскіе съ крикомъ „ура“ бросились въ штыки: каждый домъ становился крѣпостью, и штурмовать ихъ надо было по одиночкѣ. Кривыя улицы Ахалциха, не имѣвшаго тогда площадей, препятствовали нападать на турокъ массами, страшная рѣзня продолжалась, и побѣда оставалась нерѣшенной еще до семи часовъ вечера. Фельдмаршалъ приказалъ зажечь городъ, и солдаты бросали въ окна и трубы домовъ гранаты. Сорокъ второй Егерскай полкъ, подъ командою полковника Реутта (въ послѣдствіи генераль-лейтенанта и начальника гражданскаго управленія Закавказскаго края, при намѣстникѣ Кавказскомъ князѣ Воронцовѣ) занялъ весь валъ непріятельскій, и это дало полный перевѣсъ русскому войску.

Пожаръ распространился по направленію къ крѣпости, и полковникъ Реуттъ выжигаль предмѣстіе. Турки, засѣвшіе въ домахъ и мечетяхъ, отказывались выйти и гибли въ Пламени; многія женщины умирали на мѣстѣ, бросаясь на солдатъ. Между тѣмъ поднялся вечерній вѣтеръ, который разнесъ огонь по городу. Наступила ночь, и пламя пожара ужаснуло турокъ. они толпами бѣжали къ крѣпости. Русскія войска овладѣли всѣми высотами и тѣснили турокъ со всѣхъ сторонъ, среди страшнаго свиста пуль, рева и грохота бомбъ, ядеръ и картечи, которыя поражали цѣлыя ряды ихъ. Посреди страшной картины ожесточенной рѣзни, разрушенія и убійства, цѣлыя семейства бѣжали въ нашъ лагерь, чтобы найтти тамъ спасеніе, Фельдмаршалъ съ высоты, съ того пункта, гдѣ онъ

— 237 —

сталъ съ начала же дѣла, наблюдалъ за дѣйствіями осажденныхъ и штурмовавшихъ и хладнокровно распоряжался, посылая безпрестанно адъютантовъ за адъютантами съ приказаніями. Турецкія пушки все-таки не унимались и упорно отвѣчали нашимъ батареямъ. Двумъ ротамъ Эриванскаго полка приказано было взять ихъ, и турки сдались съ пушками и съ восемью знаменами. Не взирая на то, что русскія войска овладѣли уже всѣмъ почти городомъ и отдѣльными боевыми пунктами, часть турокъ укрѣпилась въ одной части города и, ослѣпленная ожесточеніемъ и фанатизмомъ, лѣзла на смерть; но огонь пожара, который дошелъ и до нихъ, вынудилъ ихъ оставить и эту часть Ахалциха, такъ что стрѣльба прекратилась къ тремъ часамъ утра.

На другой день, съ восходомъ солнца, всѣ почти ахалцихскіе жители изъ христіанъ, съ женами и дѣтьми, въ сопровожденіи священниковъ, съ крестами и

хоругвями, пошли въ русскій лагерь и собрались около ставки фельдмаршала. Многія турецкія женщины, не обративъ на запрещеніе мусульманской религіи никакого вниманія, пошли вмѣстѣ съ христіанами искать спасенія у русскихъ, которое, изъ состраданія къ страшнымъ ихъ бѣдствіямъ, принимали всѣхъ и каждая. По свидѣтельствъ самихъ турокъ, русскіе солдаты, среди ожесточеннаго боя и рѣзни, щадили однако женщинъ и безоружныхъ и бросались въ пламя пожара, съ опасностью собственной жизни, чтобы спастись дѣтей отъ огня. Ахалцихскій муфтій и янычарь-ага явились къ фельдмаршалу, отъ имени пашей и турецкаго войска просить пятидневнаго перемирія.

Не обративъ на нихъ никакого вниманія, глав-

— 238 —

нокомандующій послалъ офицера прямо къ пашамъ съ предложеніемъ о сдачѣ крѣпости на капитуляцію, дозволивъ имъ и всему ихъ войску свободный выходъ изъ крѣпости съ оружіемъ и багажемъ, но безъ военныхъ запасовъ, обѣщавъ въ противномъ случаѣ разгромить крѣпость. Коса-Махмедъ-паша и Ахмедъ-паша обрадовались въ душѣ, никакъ не ожидая такой милости, за которую приняли предложеніе побѣдителя, русскаго главнокомандующаго (сардаря), находясь подъ вліяніемъ варварскаго азійскаго обычая, по которому восточные завоеватели не щадили побѣжденных. Паши согласились немедленно, и чрезъ нѣскольکو минутъ представили фельдмаршалу ключи отъ крѣпости. Ее тотчасъ же занялъ Грузинскій Гренадерскій полкъ, и въ восемь часовъ утра, 16 Августа 1828 г., въ ясную хорошую погоду, русское Георгіевское знамя развѣвалось уже на стѣнахъ той грозной въ Азіятской Турціи крѣпости, которая была завоевана турками 250 лѣтъ назадъ. Самъ фельдмаршалъ, графъ Паскевичъ

Эриванскій, прибылъ въ крѣпость и немедленно занялся попеченіемъ и востановленіемъ спокойствія и порядка въ городѣ.

Войскамъ было приказано тушить пожаръ, который распространялся по городу, и безъ того пострадавшему. Объявлено было всѣмъ жителямъ, путемъ прокламацій, о неприкосновенности и безопасности ихъ какъ лично, такъ и по имуществу, и о благорасположеніи къ нимъ какъ фельдмаршала, такъ равно и русскаго правительства. Все населеніе Ахалциха скоро убѣдилось въ дѣйствительности объявленныхъ обѣщаній, благодареній, когда пострадавшимъ и бѣднѣйшимъ жителямъ было роздано пособіе деньгами и

— 239 —

продуктами. Они дивились такому великодушію, небывалому, по ихъ понятямъ, у восточныхъ завоевателей въ войнѣ азіятцевъ. Подымая руки къ небу, ахалцихскіе жители призывали благословеніе Божіе на Государя Императора, на русскихъ, на войско и на ихъ главнокомандующаго.

Во время штурма Ахалциха и крѣпости турки потеряли пять тысячъ человѣкъ; изъ четырехъ сотъ турецкихъ артиллеристовъ только пятьдесятъ осталось въ живыхъ; всѣ янычары были перебиты, остался въ живыхъ только ихъ начальникъ, янычаръ-ага, который являлся къ фельдмаршалу вмѣстѣ съ муфтіями; изъ двухъ тысячъ отчаянныхъ лазовъ убито тысяча пятьсотъ; три тысячи человѣкъ изъ Ахалцихскихъ жителей, сражавшихся вмѣстѣ съ турецкимъ войскомъ, въ томъ числѣ болѣе ста переодѣтыхъ турецкихъ женщинъ, легли на мѣстѣ: на стѣнахъ, валахъ, въ домахъ и на улицахъ Ахалциха.

Такимъ образомъ предчувствіе Гассанъ-аги совершенно оправдалось. Ахалцихъ палъ подъ ударами пра-

вославаго войска, и христіанское оружіе впервые покорило крѣпость, которая считалась въ Малой Азіи и Персіи, по храбрости населенія и по мѣстности своей, неприступною, и которую турки отняли насильно отъ христіанъ же 250 лѣтъ тому назадъ. Но Ахалцихъ палъ для того, чтобы воскреснуть изъ-подъ мусульманскаго ига для лучшей жизни и для счастья и благосостоянія, которыхъ жители его были лишены, находясь болѣе двухъ вѣковъ подъ гнетомъ Турціи.

Само Провидѣніе вело русское войско къ побѣдамъ. Во время ожесточеннаго боя и рѣзни, русское ядро сбило съ минарета большой мечети мусульман-

— 240 —

скую луну, которая водружена была турками вмѣсто креста на церкви, обращенной въ мечеть въ началѣ еще завоеванія Ахалциха. Она еще утромъ потускла при свѣтѣ яркихъ лучей солнца и паденіемъ своимъ возвѣстила мусульманамъ, что могометанская ихъ луна тухнетъ предъ благотворнымъ свѣтомъ христіанскаго креста, подъ знаменіемъ котораго торжествовало русское войско.

Ахалцихъ, по-грузински ახალციხე ციხე новая крѣпость, былъ построенъ грузинскою царицею Тамарою въ концѣ XII столѣтія, во времена грузинскаго царства, на мѣстѣ სანთ ციხე, или сокращеннаго სამცხე, самцхе, три крѣпости, послѣ изгнанія непріятелей изъ предѣловъ Грузіи: турокъ (османовъ), персіянъ и арабовъ. Объ этомъ событіи сохранилось до сихъ поръ въ устахъ народа преданіе въ стихахъ, въ которыхъ царица говоритъ объ этомъ, будто отъ себя:

„Когда въ Начармагевахъ напали на меня
Семь царей во время моего обѣда,
Тогда ихъ: и турокъ, и персовъ, и арабовъ

Прогнала за предѣлы моихъ владѣній“...

როს ნაქარმაგვეს მეფენი
შვიდნივე პურად დამესხნეს
თურქნი, სპარსნი და არაბნი
სამზღვართა გარე გამესხნეს.

Ахалцихъ былъ нѣкогда столицею Верхней Грузіи или Самцхе-Саатабеко. Здѣсь жили въ старину правители грузинскихъ царей—атабеки, по имени коихъ и вся провинція Самцхе называлась Саатабеко. Атабеки отложились отъ грузинскихъ царей и управ-

— 241 —

ляли тою странюю самостоятельно, но они не могли выдержать борьбы съ турками, которые, послѣ завоёванія ими Константинополя въ 1453 году и паденія Византіи, обратили свое оружіе противъ Грузіи; покоривъ своей власти Самцхе-Саатабеко въ 1564 году, до Боржома, они обратили эту область въ Ахалцихскій пашалыкъ, гдѣ до 1828 года Ахалцихъ служилъ мѣсто-пребываніемъ паши, начальника пашалыка, и гдѣ, до присоединенія его къ Россіи по Адрианопольскому миру 1829 года, считалось 94 турецкихъ санджака или округа.

Т у р е ц к а я Г р у з і я .

По Адрианопольскому миру 1829 года отъ прежняго турецкаго пашалыка Ахалцихскаго или части Турецкой Грузіи, состоявшей изъ 24 санджаковъ, присоединены были къ Имперіи Россійской 9, изъ коихъ была учреждена тогда Ахалцихская область, и затѣмъ, по Положенію о Гражданскомъ Управленіи Закавказ-

скимъ краемъ 1840 года, образованъ изъ области Ахалцихскій уѣздъ изъ четырехъ участковъ: Ацхурскаго, Кобланскаго, Хертвисскаго, и Ахалкалакскаго (нынѣ Ахалкалакскій уѣздъ). Остальные затѣмъ санджаки пашалыка и другія части Турецкой Грузіи остались за Турцію.

По Берлинскому трактату 1878 года присоединены къ Россіи отъ Турціи еще двѣ трети почти оставшихся тамъ провинцій Турецкой Грузіи подъ названіями: Поцховъ, Ардаганъ, Чилдырь, Кола, Арданучи, Панача, Наримани, Ольтиси, Артвинъ, Пердаграки,

— 242 —

Мачахели, Шавшети, Имерхеви, Адчара Верхняя, Адчара Нижняя, Батумъ, Чаква, Вобулети. За тѣмъ другія провинціи той же Турецкой Грузіи и Лазистана остались все-таки за Турціей, именно: Синготи, Кискици, Пархали, Тартоми, Бассіани и Спера.

Въ старину вся эта страна населена была народомъ грузинскаго племени и называлась Земо-Картли (ზემო ქართლი) Верхнею Грузією.—Племена, населяющія Кавказъ и Закавказскій край, ихъ происхожденіе языкъ, родство, обычаи, нравы обращали на себя вниманіе разныхъ путешественниковъ и историковъ еще съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Кромѣ грековъ и Римлянъ, описавшихъ эту страну еще до Рождеста Христова, Марко-Поло посѣтилъ Грузію въ 1269 году; сановники венеціанской республики Барбаро и Контарини—въ 1473 году послѣ опустошеній Чингисъ-хана. и Тамерлана; Тавернье, французскій путешественникъ, — Въ 1655 году, а Шарденъ—въ 1682 году, не долго спустя послѣ нашествія персидскаго шаха Аббаса на Грузію. Они оставили обстоятельныя описанія Мингрели, Имеретіи, Грузіи и Самцхе-Саатабеко или Турецкой Грузіи.

Изслѣдованіе новѣйшихъ писателей: Клапрота, Паррота, Шегрена, Макса Миллера, Дюбуа де-Монпере, Сенъ-Мартена, Броссе, Риттера и другихъ познакомили съ племенами и состояніемъ населеній той же Грузіи, Мингреліи, Гуріи, Абхазіи, Сванетіи и Осетіи; но они не коснулись мѣстностей, извѣстныхъ подъ названіемъ Турецкой Грузіи и составлявшей даже для самаго Турецкаго правительства невѣдомую страну—terra inqjgnita.

Вся эта страна, гдѣ до сихъ поръ говорятъ по-

— 243 —

грузински, составляла до турецкаго завоеванія значительную часть бывшаго Грузинскаго царства, носила общее названіе ზემო ქართლი Земо-Картли, т. е. Верхней Грузіи, и заключала въ себѣ Самцхе или Месхи время еще Гомера и Ксенофонта и Саатабеко *).

Еще въ глубокой древности греки, познакомившіеся съ этою страню по торговымъ и политическимъ сношеніямъ, впервые описали ее, назвавъ ее страню Таврскихъ горъ. На сѣверо-востокѣ, въ древней Малой Азіи грековъ или тогдашней ихъ пограничной колоніи, возвышались хребты высокыхъ горъ, изъ коихъ самая высокая между ними называлась по грузински მთავარ მთა, მთავარი, Мтавари, Мтаваръ Мта, т. е. главная гора или сокращенное მთავარი, Мтавари, главная, какъ и теперь называютъ въ горахъ Сванетіи, Лечхумѣ, Рачѣ, Мтіулеті—მთავარი Мтавари или сокращенное Тавари главная.—Отъ этого произошло слово Тавръ или Таврскія горы, которыя составляютъ продолженіе Кавказскихъ горъ, соединяясь съ ними по разнымъ направленіямъ отъ сѣвера, т. е. отъ Кав-

---

*) Самцхе или сокращенное Месхи происходитъ отъ

грузинскихъ словъ სამი ციხე—Сами цихе, т. е. три крѣпости, которыя возвышались на трехъ пикахъ скалистой горы нынѣшняго Ахалциха, составляющаго ключъ для входа въ внутреннюю Грузію. Арабы разрушили тѣ три крѣпости, но послѣ изгнанія ихъ царицею Тамарою изъ предѣловъ Грузіи, она возвела тамъ новую большую крѣпость, соединивъ всѣ три возвышенія между собою и назвала—новою крѣпостью, ахали цихе ახალ ციხე. Страна однако удержала прежнее названіе სამცხე, Самцхе.

— 244 —

каза къ югу, длинною цѣпью чрезъ Сурамскій хребеть. или Месхекія горы, Боржомъ, Имеретію, Аджарію, и идетъ далѣ къ юго-востоку къ Соганлухскимъ горамъ, растягиваясь до самаго Курдистана.—По словамъ Ксенофонта, народы, которые населяли эту страну около Тавризскихъ горъ и сѣвернѣ ихъ, во время отступленія десяти тысячъ грековъ, подчинялись Мама-сахлисамъ (по-грузински მამა სახლისო мама-сахлиси, старшина, старѣйшій), которыхъ уважали, называя ихъ царями. Буквальный переводъ грузинскихъ словъ მამა Мама, отецъ, სახლი Сахли, въ родительномъ падежѣ—სახლისო сахлиси, дома, т. е. отецъ дома, Maior domus. Это сказаніе еще древнѣ встрѣчается у аргонавтовъ, по словамъ которыхъ, въ посѣщаемой ими Колхидѣ. мамасахлиса также называли царемъ. Точно такіе же мамасахлисы, по словамъ исторіи грузинскаго царевича Теймураза („Ивер.“ стр. 86), находилась въ каждой области: въ Кахетіи, Иверіи, Имеретіи, Аджаріи, у Лазовъ и проч. Они имѣли свои дворцы, гдѣ принимали иностранныхъ гостей, какъ цари.

Теперь во всѣхъ грузинскихъ, имеретинскихъ и кахетинскихъ деревняхъ и сельскихъ обществахъ старшины называются мамасахлисами.

По словамъ Страбона, одного изъ достовѣрныхъ.

писателей римскихъ около Рождества Христова, древняя Кападокія грековъ или въ послѣдствіи Турецкая Грузія и далѣе Трабизонда была населена народомъ Лазовъ, одного племени и языка съ тѣми, которые жили въ Иверіи и Колхидѣ.— Страбонъ самъ былъ родомъ изъ Кападокійскаго города Амазиса и потому онъ могъ описывать ее равно и Кавказъ съ такою достовѣрностію, что она обращаетъ на себя вниманіе

— 245 —

до сихъ поръ. Такъ, въ его описаніи Колхиды, Иверіи, Албаніи вѣрно и точно выражены всѣ грузинскія названія мѣстностей, которыя носятъ и теперь тѣ же самыя грузинскія названія: Цхенись-цкали, Квирила, Дзирула, Сорапани (Шоропани), Чхири-мела, Церовани, Албани (Алвани) и проч.

Плиній также увѣряетъ, что Кападокія была населена народомъ грузинскаго племени и это подтверждается множествомъ названій мѣстностей и городовъ, которые до сихъ поръ сохранили значеніе грузинскихъ словъ. Кападокія по-грузински Куа-Бодоки ქუა ბოდოკი, т. е. мягкій камень, пористый, со скважинами. Этимъ камнемъ покрыта вся страна и теперь, и потому тамъ много каменныхъ пещеръ, подобно которымъ встрѣчаются въ Имеретіи, Грузіи, Кахетіи, Ахалцихскомъ уѣздѣ, въ Крыму.

По изслѣдованіямъ профессора Чубинова въ Кападокіи и теперь есть городъ и разные мѣста съ грузинскими названіями: тіони и мѣстность Тіонети. По-грузински თიონეთი мтіани, или сокращенное тіани, означаетъ гористая. Мтиіани или тіанети თიანეთი страна горъ, горная страна. И теперь въ Кахетіи есть деревня Тіанети, принадлежащая князьямъ Чолакаевымъ. Чхорума по-грузински—водопадъ. Товія თოვია — голова, вершина, деревня лежащая выше города

Кишери. Ургуба—*ორგუბე*, два пруда, около города Кессарии. Сиви, *ცოვო*—циви, городъ, лежашій на Имиль Ирмакѣ. Циви—встрѣчается и теперъ въ Мингрелии и Кахетии, *ცოვო*—циви—холодная,—Чилобисъ-мта—*ჭილობის მთა*, осаковая гора; Деда-мта—*დედა მთა*, мать гора, или главная, большая гора и множество другихъ названій, сохранившихся до сихъ поръ.

— 246 —

По словамъ того же г. Чубинова, турецкій географъ Ходжи Хальва въ своемъ описаніи древней Кападокии упоминаетъ нѣсколько грузинскихъ названій: Кумта отъ слова *ქუთ* камень гора; *ჭალა* Чала, роща; Мендери отъ слова миндори *მინდორი*, долина.— Въ Пафлагоніи также до сихъ поръ сохранились грузинскія названія мѣстностей: теми, *თემი*, народъ, племя; Енгури, *ენგური*, Кизиди, *ქიზიდი*, городъ на берегу Мраморнаго моря. Ситнахскій уѣздъ въ Кахетии Тифлисской губернии до сихъ поръ называется Кизики.

Движеніе древнихъ грековъ къ Востоку, т. е. къ тогдашней Грузіи, обозначилось основаніемъ ихъ колоній въ VII вѣкѣ до Р. Х. на разныхъ торговыхъ, пунктахъ Чернаго моря, изъ которыхъ образовались въ послѣдствіи: Синопъ, Трабизондъ и другія города. Прибрежья Кападогии, которыя отдѣлялись отъ грузинскихъ племенъ Лазовъ и Чановъ, составляли собою царство Понтійское, которое вмѣстѣ съ Колхидою и всею Грузіею подчинялось Персіи. Поэтому то въ персидскихъ войскахъ противъ грековъ участвовали тогдашніе грузины: Месхійцы (Аджарии, Ахалцихъ); Мосинеки (нынѣшній Мачахели, Шавшети, Арданучи); Макроны и Колжи (Мингрельцы) и Испирцы, (жители нынѣшняго Испирскаго бассейна, т. е. теченія рѣки Испиріи. Исъ пири по-грузински *ისპირი*, по ту сторону, или тотъ березъ, или берегъ фіалокъ

(название грузинское, до сихъ поръ сохранившееся.—

Колхида древнихъ, т. е. нынѣшняя Мингрелія, Имеретія, Гурія, Абхазія, составляла собою владѣнія отдѣльныя отъ царства Понтійскаго. Это царство заключало въ себѣ страны южнѣе отъ Гуріи и Месхи и Чорохскаго бассейна и заключало пространство всей

— 247 —

Пафлагоніи и нынѣшняго Трабизонда, Гумышхоне, Испири и далѣе къ Западу съ населеніемъ грузинскаго племени. —

Сень-Мартенъ въ сочиненіи своемъ „Митридатъ III“; пишетъ, что этотъ понтскій царь одержалъ побѣду надъ Лизимахоломъ, царемъ Македонскимъ, и что это торжество было принято за начало лѣтосчисления грузинами его царства. Митридатъ VII присоединилъ къ своему царству все сѣверо-восточное побережіе Чернаго моря и всю страну Лазистана, Имеретію и Босфорское царство, и царемъ въ нынѣшней Керчи посадилъ сына своего Махаре; имя это состоитъ изъ грузинскаго слова *დაბადე*—радуй, моя радость, имя, распространенное до сихъ поръ въ простонародіи между грузинами, въ особенности въ Имеретіи.

По словамъ г. Чубинова, произведенныя въ Парижѣ изслѣдованія клинообразныхъ надписей, найденныхъ на камнѣ въ Арменіи, въ Ванскомъ пашалыкѣ, открыли, что языкъ этихъ надписей похожъ на грузинскій.

Во времена Римлянъ, когда вся Малая Азія и Понтійское царство обращены были въ Римскія провинціи, грузины въ Самцхѣ или въ Месхіи еще въ первомъ столѣтіи, тремя вѣками раньше Карталинскихъ и Кахетинскихъ грузинъ, приняли христіанство отъ апостола Андрея, который основалъ церкви въ Ахалцихѣ и Ацхурахъ, оставивъ въ семъ послѣднемъ

чудотворную икону св. Богородицы, писанную, по словамъ преданія, апостоломъ Лукою, которая до позднѣйшаго времени привлекала богомольцевъ со всѣхъ концовъ Грузіи, Имеретіи, Аджаріи, Шавшетіи, Гуріи, Кахетіи, Сванетіи и всѣхъ грувинскихъ горцевъ. Она.

— 248 —

теперь находится въ Гелатскомъ храмѣ, около Кутаиса, гдѣ она пріютилась послѣ мусульманскихъ завоевателей и чрезвычайно почитается благочестивыми христіанами.

Затѣмъ апостоль Андрей проповѣдывалъ Слово Божіе въ Мингрелии, въ Мартвили, мѣстопробываніе главнаго тамошняго языческаго жреца — Чхондидели ჭუბდოდელი, и идола Чхони-диди. ჭუბო დოღო, большой дубъ, которому поклонялись тогдашніе Мингрельцы и по имени котораго до сихъ поръ въ устахъ народа, по стариной привычкѣ, епископъ Мингрельскій въ Мартвилахъ называется древнѣйшимъ названіемъ Чхондидели или сокращеннѣе Чхондиди.

Между Кападокійскими и Месхійскими грузинами, т. е. между грузинами Верхней Грузіи ჭემო ქართველო, раньше своихъ братьевъ, внутренней или средней Грузіи, შიდა ქართველო, во время Римскаго владычества, было распространено христіанство. Святая Нина, Провѣтительница Грузіи и святой Георгій были уроженцы Кападокіи. Св. Георгій почитается во всей Грузіи, какъ ея патронъ и покровитель и потому посвящено ему тамъ повсюду множество церквей, куда отправляются массаи богомольцы. Его почитаютъ до нынѣ и турецкіе грузины, не смотря на то, что они магометане. Первые святители Грузинской церкви, 13 святыхъ отцовъ: Іоаннъ Зедадзnelи, Давидъ Гареджели, Стефанъ Хирсели, Іосифъ Алавердели, Зенонъ Икалтoели, Стефанъ Цминдели, Шіо Мгвимели,

Исидоръ Самтаврисели, Абисомъ Некресели, Михайль Улумбіели, Пирось Бретели и Илья Діакопъ—были выходцы изъ Кападокіи или Турецкой Грузіи.

Зная хорошо свой природный грузинскій языкъ,

— 249 —

они пріѣхали во внутреннюю и нижнюю Грузію, т. е. въ нынѣшнюю Тифлисскую губернію, и, проповѣдывая Слово Божіе, основали тамъ въ разныхъ мѣстахъ монастыри и церкви, которые сохранились до сихъ поръ и служатъ предметомъ уваженія и благоговѣнія грузинъ.

Остатки такихъ же грузинскихъ церквей и монастырей въ Турецкой Грузіи, изъ коихъ многіе сохранились до сихъ поръ почти въ цѣлости, находятся на пространствѣ Чорохскаго бассейна, въ верхнихъ частяхъ теченія Куры и по ущелю рѣки Испиріи, и по сію пору носятъ названія грузинскія, а именно: въ Кларджети, Шавшети, Лиганисъ хеви, Таосъ-кари, Аджартіи; а по Куръ—въ Артаанъ (Ардаганъ), Колъ, въ Эрүшети, Джавахети и Самцхъ (Ахалцихскій уѣздъ). Эти церкви и монастыри привлекаютъ къ себѣ множество богомольцевъ не только христіанъ, но и омусульманившихся грузинъ, которые подъ вліяніемъ мѣстныхъ преданій благоговѣютъ предъ тѣми святынями и въ дни храмовыхъ праздниковъ пріѣзжаютъ туда и молятся по своему.

Изъ нихъ замѣчательны по своей древней постройкѣ временъ V, V, X, XII и XIV столѣтій: Накалакевскій въ Ардаганъ, Тбетскій въ Шавшети, Банійской, Этисскій, Ишханскій Хахульскій въ Колъ, Ацхурскій, Сапарскій, Зарзма, Чула въ Самцхъ и Кобліани (Ахалцихскій уѣздъ), Схалтскій въ Аджаріи, Цхароса-тавской, Вардзіа, Кумурдо въ Джавахетіи (въ нынѣшнемъ Ахалкалакскомъ уѣздѣ).—

Тамъ, въ тѣхъ церквахъ и монастыряхъ, еще во времена грузинскихъ царей: Багратовъ, Лавида Возобновителя и царицы Тамары находились архіепископы

— 250 —

и епископы и архіерейскія каѳедры, которыя назывались: Ишханели, იშხანელი; Кумурдоели, კუმურდოელი; Ацхверели, აცხვერელი; Тбетели, ტბეთელი; Цхаростьавели, წყაროს-თაველი; Цурикобели, წურიყობელი; Валаршкетели, ვალარშკეტელი; Эршетели, ერუშეთელი; Банели, ბანელი; Дадешели, დადებელი; Схалтбели სხალთბელი; Хиноели ხინოელი, на западномъ склонѣ Аджаріи, не далеко отъ Хино, по имени котораго и назывались монастырь и каѳедра, нынѣ полуразрушенные. Сохранились въ цѣлости въ христіанской Гуріи (въ Озургетскомъ уѣздѣ) около г. Озургеть церковь въ Шемокмедѣ, гдѣ въ старину и во времена гурійскихъ владѣтелей была и каѳедра Шемокмедская შემოქმედელი и гдѣ чудотворная икона Богоматери Шемокмедской შემოქმედის ღვთის მშობელი, служить по нынѣ священнымъ предметомъ благоговѣйнаго почтенія какъ гурійцевъ христанъ, такъ и зачорокскихъ мусульманъ—гурійцевъ и кобулетцевъ.— Другая старая церковь и монастырь въ Джумати, тамъ же въ Гуріи или въ Озургетскомъ уѣздѣ, гдѣ находилась архіерейская каѳедра и епископъ, до сихъ поръ называется стариннымъ названіемъ Джуматели ჯუმათელი.

Съ появленіемъ арабовъ и аравійскаго Халифата, первые ихъ удары были устремлены какъ на Арменію и Византію, такъ и на сосѣднюю съ Халифатомъ Верхнюю Грузію. Затѣмъ во времена Мусульманскихъ завоеваній эта часть Грузіи испытывала нападеныя какъ со стороны греческихъ императоровъ, такъ и персовъ и турокъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, цари грузинскіе: Баграта, Давидъ Возобновитель, Тамара,

въ цвѣтущее время Грузіи, отражали нападенія какъ грековъ, такъ и мусульманъ.

— 251 —

Во времена крестовыхъ походовъ Царь Давидъ Возобновитель (1089—1125 г.) выгналъ изъ Грузіи турокъ, персовъ и арабовъ, которые терзали его царство. Отнялъ отъ армянъ ихъ столицу Ани за набѣги, которые они производили на Грузію вмѣстѣ съ мусульманскими ордами. Послалъ въ Палестину грузинское ополченіе, которое, соединившись съ сирійскими и армянскими войсками, воевали вмѣстѣ съ европейскими крестоносцами для освобожденія Святой Земли отъ рукъ невѣрныхъ. Затѣмъ, уничтоживъ всякое вліяніе Визаніи на Юго-западную Грузію, утвердилъ свою власть надъ всею Грузією и Абхазією, такъ что царство грузинское простиралось отъ Каспійскаго моря и Арарата до Чернаго моря и Трапизонда.

Преемникъ царя Давида—Георгій III продолжалъ дѣло своего дѣда. Разбилъ султановъ Сельджуковъ и Хорасана, которые, опасаясь могущества царя грузинскаго, напали на него соединенными силами; за помощь, которую оказалъ имъ армянскій Царь, отнялъ у армянъ провиніи Арменіи, древнюю ея столицу Довинь и городъ Вагаршападъ и присоединилъ къ царству вмѣстѣ съ городомъ Ани, который, находясь подъ началствомъ Шанше Дадіана, возмутился противъ царя Георгія, и, такимъ образомъ, онъ утвердилъ власть свою во всѣхъ областяхъ Верхней Грузіи до Трапизонда, расположивъ войска свои отрядами въ Ванѣ, Эрзерумѣ и Ольтѣ.

Въ это время прибылъ къ царю Георгію въ Грузію, черезъ Трапизондъ, Ольти и Ахалцихъ, искать убѣжище, двоюродный братъ греческаго императора, Мануила—Андроникъ Комнень, который со всѣмъ сво-

земляхъ въ Кахетіи (въ Сигнахскомъ уѣздѣ) и потомки котораго—князя Андрониковы живутъ тамъ до сихъ поръ.

Царь Георгій оставилъ обширное свое царство единственной своей дочери, знаменитой въ лѣтописяхъ Грузіи царицѣ Тамарѣ, царствованіе которой было рядомъ непрерывныхъ нападеній на Грузію персовъ, турокъ и грековъ и блистательныхъ побѣдъ надъ ними.—Мужъ ея, сынъ Русскаго великаго князя Андрея Боголюбскаго—Георгій, который именовался царемъ Грузіи, *მეფე ჯორჯო*, послѣ возникшихъ между супругами неудовольствій, вызвавшихъ расторженіе брака, удалился въ Константинополь. Пользуясь этимъ случаемъ, императоръ далъ Георгію войско, съ которымъ онъ вступилъ въ предѣлы Грузіи въ Карнакачакъ (*Эрзерумъ*).

Эриставы (правители) Кларджети или Аджаріи, Шавшети, Самцхе—Месхія и другихъ провинцій Имеретіи по ту сторону Лихскихъ (Сурамскихъ) горъ пристали къ нему и недалеко отъ Кутаиса, въ Гегутахъ, въ виду стариннато дворда Лиле-дарбази, развалины котораго извѣстны теперь подъ именемъ Тамарина Замка, провозгласили этого Георгія царемъ Грузіи. Но бунтовщики были разбиты войсками царицы Тамары и обращены въ бѣгство. Самаго царя Георгія выдали царицѣ, но она, по его просьбѣ, отпустила его свободно съ тѣмъ, чтобы онъ оставилъ Грузію. Царь Георгій выѣхалъ въ Константинополь; на пути слѣдованія вездѣ по Грузіи, по приказанію царицы, оказывали ему царскія почести,—

Подстрекаемый императоромъ греческимъ Алексѣемъ-Ангеломъ, сильный и могущественный врагъ

крестоносцевъ, повелитель Алепа, Нурединъ султанъ вторгнулся въ предѣлы Верхней Грузіи; но царица Тамара встрѣтила его на равнинахъ Бассіана, у истоковъ Аракса, и, одержавъ надъ Нурединъ-султаномъ блистательную побѣду, обратила его въ бѣгство, такъ что войска ея преслѣдовали турокъ долго, поражая ихъ вездѣ.

За тѣмъ, будучи недовольна поступкомъ императора Алексѣя-Ангела, царица объявила ему войну, овладѣла Трапизундомъ, Самсономъ, Синопомъ, Керазундомъ, Амастрією, Гераклеєю и всею Пафлагтонією и, образовавъ изъ этихъ завоеванныхъ областей особое Понтійское или Трапизондское царство, отдала, его участвовавшему во всѣхъ ея походахъ сыну сказаннаго выше Андроника Комнена, родственника императора—Алексѣю Комнени, въ 1204 г.

Обобразовавъ, такимъ образомъ, особую Трапизондскую имперію, отъ отторгнутыхъ отъ Греческой имперіи областей и поставивъ тамъ императоромъ члена императорской фамиліи и близкаго родственника самага константинопольскаго императора, царица Тамара, имѣла въ виду, во-первыхъ, обезпечить предѣлы Грузіи отъ вторженій турокъ съ юга и грековъ съ запада и, во-вторыхъ, соорудить оплотъ быстрому распространенію мусульманской религіи въ смежныхъ съ Грузією малоазіатскихъ христіанскихъ провинціяхъ, населенію коихъ болѣе другихъ испытывало давленіе новаго ученія ислама.

Трапизондская имперія Комненовъ существовала до 1461 года и, дѣйствительно, служила охраною юго-западныхъ провинцій Грузіи, между тѣмъ со смерію царицы Тамары вся Грузія, для охраненія которой

она создала Трапизондское царство, начала постепенно утрачивать самостоятельность и испытывать нападенія магометанскихъ завоевателей Востока: Чингизь-хана и Тамерлана. Со взятіемъ Константинополя турками въ 1453 году рѣшена была и судьба Трапизондскаго царства. Оно пало подъ ихъ ударами въ 1461 году, черезъ восемь лѣтъ послѣ паденія Византіи.

Во времена Багратовъ, Давида Возобновителя и царицы Тамары всѣ области Верхней Грузіи также какъ и другія провинціи царства управлялись особыми вассальными владѣтелями, которые, находясь въ полной зависимости царей, именовались эриставами, что по-грузински означаетъ—эрисъ тави—глава народа.

Въ послѣдствіи всѣ тѣ провинціи Верхней Грузіи стали называться однимъ общимъ именемъ Самцхе—Саатабеко, которымъ управлялъ одинъ вассальный владѣтель, получившій особый титулъ атабека, который по буквальному переводу вначитъ „отець-бояринь.“—Первый атабекъ, который упоминается въ грузинскихъ лѣтописяхъ былъ—Саргисъ, который владѣлъ странюю въ зависимости царя грузинскаго. По смерти его въ 1834 году, сына его Кваркваре назначилъ атабекомъ царь Георгій V; но вскорѣ затѣмъ атабеки не признавали уже себя вассальными владѣтелями, свергнувъ съ себя всякую зависимость отъ царей грузинскихъ.

Послѣ взятія Константинополя турками въ 1453 году и послѣ паденія Трапизондскаго царства, чрезъ почти столѣтіе, удары турокъ обратились въ 1547 году на окраину царства, т. е. на Верхнюю Грузію, на атабека и на восточный берегъ Чернаго моря; на Гурію, Мингрелію и Абхазію. Атабекъ Кваркваре, сынъ

атабека Каихосро, не могъ выдержать напоръ турокъ и былъ взятъ въ плѣнъ ими въ 1580 году; но, согласившись принять магометанскую религію и признать верховную власть султана, онъ былъ возвращенъ въ свои владѣнія въ Саатабеко, какъ данникъ Турціи.

Въ это время остальная Грузія была раздѣлена царемъ Александромъ на три царства, и вмѣстѣ съ этимъ раздѣленіемъ начались и непрерывныя междуусобія и распри, какъ между царями, такъ и между ихъ вассальными владѣтелями. По словамъ грузинскаго лѣтописца Вахушта и грузинской исторіи Клапота, Александръ раздѣлилъ свое царство между тремя своими сыновьями: старшій сынъ Вахтангъ получилъ Имеретію, Джигетію, Сванетію, Одиши (Мингрелию), Абхазію, Аланети и Гурію; средній братъ Дмитрій—Картли, Саатабеко и Черкесію; младшему брату Георгію достались: Кахетія и Ширванъ.

По примѣру атабека, владѣтели Гуріи и Мингрелии—Гуріель и Дадіанъ также объявили себя независимыми отъ царей. Персіяне, считая себя властителями Грузіи и Саатабеко, не признавали власти Турціи надъ атабекомъ и потому вторглись въ Саатабеко въ видѣ помощи противъ турокъ, обративъ эту страну въ театръ войны между ними. Поэтому вся Верхняя Грузія (Саатабеко) терпѣла опустошенія какъ отъ турокъ, такъ и отъ персіянь. Ослабленная Грузія въ это время подпала подъ влассь турокъ, которые сдѣлались уже хозяевами въ Тифлисѣ и Гори, владѣя Ахалцихомъ и весѣми укрѣпленными мѣстами Саатабеко.

Атабекъ Кваркваре и братъ его Манучаръ вполнѣ подчинились туркамъ. Манучару пожаловали титулъ паши, и онъ владѣлъ Саатабеко послѣ смерти

брата. Управляя страною, Манучаръ былъ болѣе независимымъ государемъ, чѣмъ подвластнымъ Турціи, на повелѣнія которой онъ не обращалъ никакого вниманія. Поэтому турецкія войска явились въ Саатабоко. Турки хотѣли избавиться отъ Манучара, заманувъ его хитростію, чтобы погубить его: но онъ перехитрилъ турокъ. Напалъ на нихъ и обратилъ двухъ пашей въ бѣгство, которые при этомъ были тяжело ранены. Дальнѣйшія нападенія турокъ продолжались; но Манучаръ непрерывно ихъ опрокидывалъ въ тущобахъ Шавшети, Мачахели, Арданучи и Аджаріи и одерживалъ надъ ними побѣды.—Наконецъ, считая себя все таки вассаломъ султана, согласился заключить съ турками миръ въ 1587 году, по которому Ахалцихъ, столица Саатабеко, подчиняется Гуріи окончательно, и Манучаръ съ титуломъ паши и атабека остался по прежнему владѣтелемъ страны. Сынъ Манучара, также Манучаръ, въ 1614 году наслѣдовалъ отцу и продолжалъ управлять ею почти независимо, признавая только номинально власть Турціи; поэтому, пока потомки прежнихъ владѣтелей управляли страною, турки не могли считать себя полновластными ея обладателями.

По смерти Манучара древняя линія атабековъ прекратилась, и Саатабеко обращено въ пашалыкъ, куда посылались уже паши по назначенію правительства..

Турки, покоривъ Верхнюю Грузію, не заставляли туземцевъ христіанъ высѣляться въ христіанскую Грузію или Имеретію, напротивъ, удерживали населеніе на мѣстѣ. Они раздѣлили страну на санджаки и чтобы упрочить тамъ свое положеніе и власть противъ

враждебнаго имъ христіанскаго населенія, которое хранило христіанскую религію даже до половины XVIII столѣтія, турки оставили всѣхъ тогдашнихъ тавадовъ и азнауровъ (князей и дворянъ) при своихъ же поземельныхъ правахъ, освободивъ только лично ихъ крестьянъ изъ подъ крѣпостной зависимости и предоставивъ дворянскому сословію или помѣщикамъ званіе бековъ. Но чтобы парализовать ихъ вліяніе надъ сельскимъ населеніемъ и тѣмъ усилить болѣе власть правительственную, турецкая политика начала возлагать служебныя обязанности какъ на тѣхъ бековъ, такъ и на людей, вышедшихъ изъ сельскаго населенія, и возводитъ сихъ послѣднихъ въ званіе аги, эфендія, бека и тѣмъ привязывать ихъ къ новому правительству. Эта политика дала тогда благопріятныя для Турціи результаты.—Въ Турецкую Грузію внесенъ былъ исламизмъ; мѣстныхъ жителей поощряли говорить по-турецки такъ, что мѣстные начальники, паши, отличали всѣхъ тѣхъ, которые хорошо изучали турецкій языкъ. Такимъ же образомъ заставляли носить турецкое платье, пренебрегать туземнымъ платьемъ или чухою.

Въ виду такой политики, народъ не особенно тяготился усвоеніемъ какъ языка и платья турокъ, такъ и религіи; но они начали болѣе или менѣе открыто или косвенно угнетать и преслѣдовать вліятельныхъ помѣщиковъ, которые собственнымъ примѣромъ поддерживали населеніе хранить религію и обычай предковъ.

Позднѣе населеніе Турецкой Грузіи, въ виду безсилія царствъ Грузинскаго и Имеретинскаго, настолько привязалось къ Турціи, что турки не обра-

щали уже вниманія, если въ семействѣ турецкаго грузина—магометанина, жена оставалась христіанкою; за то сыновья отъ этого брака должны были исповѣдывать мусульманскую религію, а дочери—могли быть христіанками по религіи матери. Подобное семейное положеніе въ Турецкой Грузіи застало русское правительство въ 1828 году въ бывшемъ Ахалцихскомъ пашалыкѣ, въ составъ котораго входила Аджарія, которая, не смотря на присоединеніе этого пашалыка къ Имперіи по адрианопольскому миру 1829 года, осталась за Турцією и которая теперь только поступила въ Россію въ составъ Батумской области. Жена Аджарскаго паши въ то время, въ 1828 году, аджарца-грузина и истаго мусульманина—Химшіа-швили была родная сестра послѣдняго владѣтеля Гуріи Мама Гуріели, которая, оставаясь христіанкою, воспитывала и дочь свою отъ этого паши—Эсму въ правилахъ православной религіи. Для этого часто пріѣзжалъ къ ней изъ Гуріи изъ селенія Аскана священникъ. Въ послѣдствіи она не захотѣла далѣе оставаться женою магометанина паши, развелась съ нимъ по мусульманскому закону и выѣхала обратно въ Гурію со своею дочерью Эсмою. Она затѣмъ вышла за мужъ за князя Микеладзе въ селеніи Кулаши, Кутаисскаго уѣзда, выдавъ дочь свою Эсму за сосѣдняго помѣщика Джаяни. Эсма въ свою очередь овдовѣла уже въ сороковыхъ годахъ, выдавъ единственную дочь свою Варвару въ Гурію за князя Давида Эрística, а сама живетъ въ Кутаисѣ до сихъ поръ (въ 1878 г.).

Потомки перваго паши изъ турокъ—Гассанъ-паши пользовались этимъ званіемъ наследственно по фирману Султана Амурата IV и послѣдній изъ нихъ

Асланъ-паша умеръ въ 1716 году. Такимъ образомъ вся эта страна Турецкой Грузіи была отторгнута отъ остальнаго грузинскаго царства и въ теченіи около четырехъ послѣднихъ столѣтій сдѣлалась она уже странюю невѣдомою не только для европейцевъ, но и для остальной христанской Грузіи, съ которою всѣ почти мирныя сношенія были прерваны.

Турки переселили множество армянскихъ семействъ и поселили въ Саатабеко между грузинами: въ Ахалцихъ, Артаганъ, Артвинъ и въ другихъ деревняхъ, предоставивъ имъ свободное богослуженіе для того, чтобы армяне наблюдали за грузинами и доносили бы на нихъ туркамъ. Съ этою цѣлью они поселили армянъ и въ Константинополь цѣлыми кварталами, чтобы парализовать грековъ и наблюдать за ними черезъ армянъ. Армянъ же собсотвенно турки не опасались, предоставивъ наблюдать надъ ними курдамъ и ихъ расправъ.

Несмотря на неоднократныя попытки грузинскихъ царей Вахтанга и Ираклія, они не могли возвратить къ себѣ ни Ахалциха и ни Саатабеко. По мѣрѣ ослабленія Грузіи и Имеретіи отъ внутреннихъ раздоровъ и междоусобій, турки усиливались на ихъ границахъ и, водворившись прочно, владѣли до Ташисъ-кари, входа въ Боржомское ущеле, и половиною Гуріи и Имеретіи.

Турки занимали Кутаисъ въ 1770 году. Въ томъ году русскія войска, присланная Императрицею Екатериною подъ начальствомъ генерала Тотлебена въ помощь Имеретинскому царю Соломону, прогнали турокъ изъ Кутаиса; очистивъ отъ нихъ Имеретію, генераль Тотлебенъ, возстановилъ царя Соломона на

престолъ Имеретинскомъ и за тѣмъ возвратился съ войсками въ Россію; но Турецкая Грузія оставалась у турокъ. Въ послѣдствіи уже часть ея или часть прежняго Саатабеко или Ахалцихскаго пашалыка вмѣстѣ съ Ахалцихомъ, какъ сказано выше, была присоедина къ Имперіи по адрианоупольскому миру 1829 года.

Все почти населеніе омусульманившихся грузинъ Чорохскаго бассейна, Испири, Аджаріи и Батума сохраняетъ до сихъ поръ преданія о христіанствѣ и, продолжая говорить по-грузински, какъ настоящіе грузины, оказываетъ большое уваженіе древнимъ христіанскимъ храмамъ и монастырямъ. Въ Арданучѣ и Хахулѣ очень много древнихъ христіанскихъ памятниковъ, изъ коихъ Хахулскій монастырь, находящійся на одномъ изъ притоковъ Тортоми, обращаетъ на себя вниманіе воспоминаніями о грузинскомъ царѣ Давидѣ Возобновителѣ и царицѣ Тамарѣ и въ особенности знаменитою чудотворною иконою Пресвятой Богородицы Хахулской, ხახულის ღვთის-მობედი, которая хранится до сихъ поръ въ Гелатевомъ монастырѣ близъ Кутаиса. Стѣны въ Хахулской церкви расписаны фресками и древнею живописью, сохранившеюся до сихъ поръ. Сюда стекаются богомольцы какъ христіане, такъ и мусульмане-грузины изъ Аджаріи, Шавшети, Ардануча, Байбурта, 8-го сентября, въ день рождества Богородицы, и по древнему обычаю дѣлають въ пользу церкви разныя приношенія, которыя охраняются такъ же, какъ и церкви, членами магометанскаго семейства Деканозашвили, потомками деканоза, т. е. протоіерея დეკანოზო временъ христіанства.

Во всей Турецкой Грузіи берегли и берегутъ до сихъ поръ грузинскія рукописи и жалованныя грамоты царей, сохранившіяся у потомковъ прежнихъ грузинскихъ дворянскихъ родовъ, которые пользуются еще большимъ уваженіемъ населенія, какъ беки, и которые дорожатъ тѣми старинными документами. У нихъ и въ устахъ народа сохранилось множество изрѣченій изъ грузинской поэмы временъ царицы Тамары „Барсова кожа“ Руставели ჯგზბვობ ჭყობლსბო, которую часто произносятъ при случаяхъ въ родѣ поговорокъ, пословицъ и сказаній.

Вся страна, прилегающая полосою къ Черному морю отъ горъ Саджавахскихъ и Аджарскихъ съ востока и отъ Поти и отъ находящагося близъ него озера Палеостомы къ югу до рѣки Чорохи, извѣстна была у турокъ подъ именемъ Лазистана или Гуріи нынѣшней. Тамъ, равно и на юго-восточномъ берегу Чернаго моря, Вавилонскій царь Навуходносоръ, по словамъ историка Моисея Хоренскаго (Moses Chorenensis II. c. t.) поселилъ за 600 лѣтъ до Рождества Христова плѣнныхъ евреевъ и финикіанъ послѣ нашествія его въ Палестину и Финикію. Древніе и нынѣшнюю Мингрелію и Лечхумъ называли иногда также Лазикою. Въ посланіи Римскаго Папы Григорія къ Императору Леону Иконоборцу, въ VII вѣкѣ, увѣдомлялось, что святители Максимъ и Анастасій, по повелѣнію императора, были изгнаны и сосланы въ заточеніе въ Лазіку, гдѣ они жили въ селеніи Мури при рѣкѣ Цхенись-цкали (Hihhus древнихъ) въ нынѣшнемъ Лечхумскомъ уѣздѣ Мингреліи (Gregorii Dialogi ad Leonem de sacris imaginibus)¹⁵). Тамъ былъ монастырь до XVII столѣтія, и теперь есть надъ ихъ мо-

тилами во имя этихъ святителей церковь Максима и Анастасіи.

Поэтому вся прибрежная полоса какъ нынѣшняго турецкаго Лазистана, такъ и нынѣшня. Гурія до бассейна рѣки Испіри и далѣе, извѣстна была у Римлянъ подъ именемъ Лазики. Сами туземцы называли себя до позднѣйшаго времени лазами. Лази ლაზო по-грузински на тамошнемъ нарѣчїи означаетъ неустрашимый хищникъ. Занимаясь морскими разбоями, они подчинялись Понтійскимъ царямъ и затѣмъ Римлянамъ; позднѣе—своимъ владѣтелямъ Гуріелямъ; но нѣтъ свѣдѣній, въ какихъ отношеніяхъ эти прибрежные жители грузинскаго племени находились къ царямъ грузинскимъ, удерживая ва собою всегда почти свою племенную самостоятельность. Хотя при утверженіи могущественной власти самодержавія, оно соединяло. всѣ народы грузинскаго племени подъ свою власть, но это продолжалось при жизни царя, соединившаго: эти народы подъ одно управленіе, которое не утверждало однако между ними племенной связи и общаго народнаго чувства. Подобное соединеніе этихъ народовъ подъ одну власть грузинскихъ царей произошло при Багратѣ I, Георгіѣ III, Давидѣ Вовобновителѣ и Тмарѣ; но со смертію ихъ народы эти распались опять на отдѣльныя области и владѣнія.

Турецкій Лазистанъ и тогдашня Грузія послѣ раздѣленія Римской имперіи принадлежали Визаніи, которая владѣла ими номинально. Поэтому царь Багратъ при слабыхъ Византійскихъ императорахъ утвердилъ власть свою, какъ надъ всею Грузіею, Имеретіею и Гуріею, такъ и надъ всѣми сѣверо-восточными прибрежными областями Чернаго моря и сдѣлалъ

Пицунду въ Абхазіи своею резиденціею для охраненія своего царства отъ влянія Константинополя. Онъ поставилъ въ тѣхъ областяхъ владѣтелей подѣ древнимъ въ Грузіи названіемъ эриставовъ, въ томъ числѣ и въ Гуріи. Но послѣ бѣдственнаго для Грузіи раздѣла царемъ Александромъ въ 1424 году, являетсяъ въ Гуріи въ 1480 году, вмѣсто эристава, первый атабекъ, по примѣру атабека Саатабекскаго, или Ахалцихскаго. Сынъ же этого перваго гурійскаго атабека Георгій, отказавшись отъ этого званія, принялъ титулъ владѣтельнаго князя Гуріели, такъ что по кончинѣ его въ 1488 году преемники его постоянно назывались гуріелами, подчиняясь то имеретинскимъ царямъ, то Турціи.—Изъ нихъ однако 16-ый Гуріель Маміа III провозгласилъ себя царемъ Имеретинскимъ въ 1691 году, возобновилъ много церквей въ Кобулетахъ, остатки коихъ и теперъ видны; но не могъ Возвратить себѣ Батума, отторгнутаго турками при его предкѣ Ростомѣ Гуріели; въ концѣ же прошлаго столѣтія жители самага Кобулета обращены были турками въ магометанскую религію. Послѣдній гуріель Маміа V подѣ вляніемъ бывшаго своего опекуна и дяди Каихосро Гуріели поступилъ въ подданство Россіи въ 1810 году, владѣя Гуріею до Цхрапона и далѣе отъ позднѣйшей нашей границы Челоки, опредѣленной Адріанопольскимъ трактатомъ 1829 года.

Такимъ образомъ населеніе Гуріи съ городомъ, Батумомъ, отторгнутые турками отъ Ростомы Гуріели въ 1564 году, находились у нихъ до послѣдняго времени, до присоединенія ихъ къ Россіи по Берлинскому трактату. Они распространили тамъ ислаимизмъ между грузинами Батумской провинціи, Аджаріи и Ко-

булети, т. е. между зачолокскими Гурійцами, которые, имѣя близкое сношеніе съ Константинополемъ, скоро подчинились вліянію выславшихся оттуда ярыхъ фанатиковъ муллъ, эфендіевъ, кадіевъ и, утративъ вѣру своихъ отцовъ и омусульманившись, они сдѣлалась истыми магометанами до фанатизма, больше турками, чѣмъ сами турки.

Зачолокская Гурія, составляла собою продолженіе христіанской Гуріи, оставшейся вѣрно своему владѣтелю, религіи и затѣмъ Россіи и, занимая юго-восточную часть Чернаго моря съ неприступными высотами, служила всегда передовымъ укрѣпленіемъ и военнымъ Постомъ Турціи противъ Россіи, проповѣдывая коранъ и преданность султану, турки поддерживали въ населеніи Кобулети, Аджаріи и Лазовъ фанатизмъ и воинственный духъ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ природнымъ ихъ наклонностямъ. Поощряя тамъ плѣноторговлю, разбой, контрабанду, для которыхъ Кобулети считалось гнѣздомъ, турки старались вселить въ нихъ вражду противъ русскихъ, грозя русскими порядками, лишаящими ту свободу, которою пользовались кобулетцы, если русскіе займутъ Кобулети и зачолокскую Гурію; они толковали, что русскіе вышлютъ кобулетцевъ и аджарцевъ въ Россію, въ Сибирь, отберутъ принадлежащіе жителямъ лѣса, земли и дома въ казну и выгонятъ ихъ изъ своихъ же домовъ, какъ абхазцевъ, требуя неизвѣстныхъ доказательствъ на принадлежность собственнаго же ихъ имущества, которымъ владѣли при туркахъ свободно. За всѣмъ тѣмъ все почти населеніе Кобулети и Аджаріи, бывшее подъ вліяніемъ обычаевъ своихъ предковъ, сохранивъ языкъ грузинскій, на которомъ

говорять до нынѣ, и прежнія фамильныя связи родства съ нашими подданными и уваженіе къ остаткамъ христіанской страны, все-таки тяготѣло къ Грузіи и къ Россіи, какъ и остальные турецкіе грузины.

Кажется, если бы съ первыхъ же временъ послѣ заключенія адрианопольскаго мира или по крайней мѣрѣ парижскаго трактата было обращено ближайшее вниманіе, чтобы въ видѣ противовѣса противъ Турціи были бы распространены между турецкими грузинами маленькія на грузинскомъ языкѣ книжки религіознаго содержанія, въ родѣ молитвенниковъ, историческіе анекдоты и разныя мелкія стихотворенія и отрывки изъ грузинской поэмы „Барсова кожа“, до сихъ поръ сохраняющейся тамъ въ устахъ народа, въ поговоркахъ и пословицахъ; раздавая имъ даромъ эти брошюры чрезъ извѣстныхъ лицъ, не навязывая однако насильно, можно было бы подготовить почву, какъ для будущаго постепеннаго возстановленія христіанства, такъ для иныхъ политическихъ соображеній, чтобы въ случаѣ разрыва съ Турціею имѣть въ турецкомъ грузинскомъ населеніи людей, намъ преданныхъ. Рассчитывала же Турція въ восточную войну 1853—1856 года на нашихъ дагестанскихъ горцевъ и на Шамиля, высылая туда Эмиссаровъ.

Если бы даже послѣ Восточной войны позаботились объ этомъ сближеніи турецкихъ грузинъ съ нашими грузинами и имеретинами, то это принесло бы плоды въ нашу пользу во время войны съ Турціею; но прежде какъ то дѣлалось безъ всякихъ соображеній. Вотъ примѣръ: послѣ заключенія адрианопольскаго мира 1829 году рѣку Чолоку положено было считать государственною границею Гуріи, т. е. Россіи,

со стороны Турціи, но жители горныхъ деревень Гуріи или Озургетскаго уѣзда: Ачи, Какуты и Нацхаватеви около высотъ Аджарскихъ горъ расположены были по обоимъ берегамъ этой рѣки и всѣ они по первому ка-меральному описанію, произведенному по распоряже-нію Кавказскаго начальства въ 1836 году считались нашими подданными и отбывали подати и повинности на равнѣ съ другими жителями Гуріи, такъ какъ мы владѣли землями далѣе Чолоки до Цхрапана. Въ 1843 году послѣдовало предписаніе уѣздному начальнику признавать государственною границею рѣку Чолоки, отдѣляющую Турцію отъ Россіи; въ слѣдствіе чего учреждена была по правому берегу той рѣки кордон-ная, карантинная и таможенная линія, чрезъ кото-рую не вѣльно было свободно пропускать въ уѣздѣ безъ карантина, устроеннаго на правомъ берегу рѣки Чолоки у большой торговой дороги далеко отъ тѣхъ горныхъ деревень; а какъ рѣка раздѣляла ихъ на двѣ. половины, то жители за рѣкою жившіе по лѣвому ея берегу изъ нашихъ подданныхъ превратились вдругъ въ заграничныхъ и не пропускали уже ихъ по сію сторону даже въ церковь, которая находилась на нашей половинѣ деревни.

По этому тѣ импровизированные заграничные жи-тели просили пріѣхавшаго въ 1848 году въ Гурію по службѣ члена совѣта главнаго управленія Закавказ-скаго края Семенова дозволить имъ посѣщать по вос-кресецямъ ту церковь и молиться, какъ жителямъ од-ной и той же деревни, умолая, что они безъ церкви, которую считали своею, и безъ священника могутъ потерять религію своихъ отцовъ, въ слѣдствіе тѣхъ враждебныхъ внушеній, которыя дѣлали имъ сосѣдніе

муллы Кобулетскіе. Семеновъ обѣщался исполнить просьбу тѣхъ жителей, объ этомъ представлялъ и уѣздный начальникъ; но ничего не вышло, и, сколько извѣстно, даже отвѣта не дали, и такимъ образомъ тѣ жители постепенно перешли въ магометанскую религію.

До 1859 года главное вниманіе было обращено на покореніе восточнато Кавказа. Бывшему тогда намѣстнику Кавказскому фельдмаршалу кн. Барятинскому нѣкогда было заниматься Турецкою Грузіею, хотя, сколько извѣстно, и хотѣлось ему; онъ по болѣзни оставилъ вскорѣ Кавказъ, не сдѣлавъ ничего о пограничныхъ турецкихъ грузинахъ. Затѣмъ этотъ вопросъ до послѣдней войны оставался открытымъ и, кажется, не было подготовки для сближенія съ ними. Если бы за это принялись тогда или по крайней мѣрѣ послѣ присоединенія Турецкой Грузіи къ Россіи, то турецкіе грузины не переселялись бы массами въ Турцію изъ присоединенныхъ къ намъ провинцій, бросая родину, дома и имущества и, почитаемыя ими до фанатизма могилы отцовъ, Само собою разумѣется, что всѣ эти переселенцы образуютъ собою массу недовольныхъ и пойдутъ противъ насъ, въ родѣ черкесовъ, въ случаѣ разрыва съ Турціею, тогда какъ ихъ можно было обратить въ людей, преданныхъ Россіи.

При бывшемъ главноуправляющемъ въ Грузіи фельдмаршалѣ графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ, послѣ присоединенія Ахалцихскаго пашалыка отъ Турціи къ Россіи по адрианопольскому миру 1829 года и открытія въ Ахалцихѣ Русскаго управленія, не только не переселялись оттоль въ Турцію, какъ недавно изъ Карса и Батума; но напротивъ переселенцы

изъ Турціи массами населили наши Ахалцихскій, Ахалкалакскій, Александропольскій, Новобаязетскій уѣзды и часть Тифлисскаго уѣзда. Даже и тѣ, которые во время войны изъ фанатизма или изъ страха удалились было въ Турцію, возвращались охотно назадъ въ наши предѣлы, увлекая ва собою и другихъ для поступленія въ подданство Россіи, Великаго Русскаго Падишаха; и это продолжалось долго и при преемникѣ фельдмаршала генералѣ баронѣ Розенѣ еще въ тѣ времена, когда магометанское населеніе находилось подъ вліянемъ большого фанатизма, чѣмъ теперь. Была же тогда система, которая не заставляла выселяться массами въ Турцію.

Въ порядкѣ управленія странюю Турція основнымъ принципомъ ставила какъ для суда, такъ и для администраціи выборное начало подъ правительственнымъ контролемъ. Административное дѣленіе заключало въ себѣ три инстанціи: 1) санджахъ—область и областной совѣтъ—меджлисъ идаре лива; 2) каза—округъ или уѣздъ и окружной совѣтъ—хаза меджлисъ и 3) сельскій совѣтъ—ихтіарь меджлисъ.

Нѣсколько санджаховъ составляютъ вилайетъ (генералъ губернаторство) при которомъ также—совѣтъ генералъ-губернатора—меджлисъ идаре вилайетъ; потому а) начальникъ вилайета именовался и именуется вали—генералъ-губернаторъ, управляющій гражданскою и военной частію и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ войскъ; б) начальникъ санджаха—области или губерніи—мутесерифъ — гражданскій губернаторъ, при которомъ представитель суда и законовъ—кадій — высшее духовное лицо, и муфтій—глава духовенства Санджаха—тоже знатокъ и толкователь законовъ, т. е.

Корана и обычаевъ; в) каймакомъ—начальникъ кази—окружной начальникъ, при которомъ также состоитъ кадій, представитель суда и предсѣдатель по судебнымъ дѣламъ въ меджлисѣ; г) наконецъ старшина деревни Мухтаръ, да сверхъ того имам или мулла, который вмѣстѣ съ обязанностями религіозными, служитъ для мухтара писцомъ. Этотъ мухтаръ равно и члены меджлисовъ, которыхъ число простирается до 8, служатъ правительству по выборамъ отъ населенія.

Вали, мутесерифъ и каймакамъ назначаются отъ правительства. Каждый изъ нихъ предсѣдательствуетъ въ своемъ меджлисѣ по принадлежности. Меджлисъ состоитъ изъ Ддвухъ отдѣленій: изъ административнаго, гдѣ вали, мутесерифъ и каймакамъ распоряжаются каждый по своему вѣдомству, и изъ судебного, гдѣ главную почти роль играетъ духовное лицо, муфтій, либо кадій, какъ знатоки законовъ Ислама. Въ важныхъ случаяхъ вали, либо мутесеривъ или каймакамъ составляютъ изъ Ддрухъ этихъ отдѣленій общее присутствіе подъ своимъ предсѣдательствомъ для обсужденія и рѣшенія важныхъ дѣлъ. Выборные члены меджлиса каймакама утверждаются мутесерифомъ; а члены меджлиса мутесерифа или санджаха — генераль-губернаторомъ, т. е. вали.

Въ уѣздномъ (окружномъ) меджлисѣ, равно и въ областномъ мутесерифа находятся по 8 членовъ, изъ коихъ половина мусульмане, а половина христіане. Они избираются по уѣздамъ, округамъ—кази. Они должны имѣть для этого извѣстное имущество въ видѣ ценза, каждый изъ нихъ долженъ быть не моложе 30 лѣтъ и не старѣе 70 лѣтъ и служить безъ всяка-

го содержанія отъ правительства; но иногда они получили жалованье *).—

Высшее учрежденіе въ генераль-губернаторствѣ и виляетъ—это совѣтъ, который называется—диванъ мамизъ виляетъ, изъ 6-ти членовъ: 3 изъ мусульманъ, а 3 изъ христіанъ. Предсѣдателемъ этого дивана—самъ вали, который принималъ участіе большею частью въ дѣлахъ административныхъ, по части коихъ членами дивана были: мактуби-эфенди—правитель дѣлъ валиа: дафтаръ-даръ-эфенди—главный казначей виляетъ, и кадій или муфтій, которые завѣдывали вакуфами, т. е. имѣніями мечетей, мѣстные епископы, да сверхъ того члены выбранные отъ санджаховъ.—По судебнымъ же дѣламъ предсѣдателемъ въ диванѣ былъ кадій—знатокъ законовъ Ислама,—и сказаній первыхъ халифовъ.—

Въ Меджлисахъ кази въ дѣлахъ судебныхъ—каймакамъ большею частію принималъ участіе для примиренія сторонъ; равнымъ образомъ и мутесерифъ въ меджлисѣ санджаха—идаре лива или областная. Такимъ образомъ, имѣя власть правителя страны и распоряжаясь по административнымъ дѣламъ, каймакамъ, мутесерифъ и даже вали въ дѣлахъ судебныхъ принимали на себя роль посредниковъ для примиренія тяжущихся.

---

*) Не мѣшало бы принять въ руководство и у насъ извѣстныя служебныя лѣта для назначенія на должности и отмѣнить вторгнувшуюся въ эпоху введенія служебныхъ уставовъ въ дѣйствіе какую-то практику, по которой назначались и, кажется, назначаются иногда и теперь на важныя судебныя должности молодые люди, чуть ли не со школьной скамьи.

Всѣ рѣшенія этихъ учрежденій представлялись на утвержденіе отъ каймакама къ мутесерифу, а отъ сего послѣдняго къ вали—въ совѣтъ вилайета.

Сборами съ казенныхъ, городскихъ и сельскихъ имуществъ въ области или санджахѣ завѣдывали особые чины подъ названіемъ таригъ, амлягъ, калами, а сборами съ поземельной собственности населенія—дажаръ, хагани, калами.—

Сообразно симъ учрежденіямъ турецкаго правительства, въ управленіи страною принимали участіе: правительство, духовенство и народъ. Но самое главное и отличительное свойство турецкихъ порядковъ—это отсутствіе письменнаго формализма, не сложность процедуры, постоянная доступность къ высшимъ властямъ, строгость и скорость рѣшей и быстрота исполненія этихъ рѣшеній безъ сложной переписки. — Это то привязывало народъ къ Турціи и оно отчасти причиною, что населеніе изъ присоединныхъ областей карсской и батумской, высѣляется въ Турцію, бросая все почти свое достояніе, не въ состояніи будучи привыкнуть вдругъ къ сложности письменнаго производства на неизвѣстномъ имъ языкѣ. Была же поговорка: „честенъ, какъ турокъ“ — свойство, которое могло быть только создано порядками правительственными и духомъ управленія народомъ.

Въ такомъ положеніи въ послѣднее время находилась Турецкая Грузія предъ разрывомъ Россіи съ Оттоманскою Имперіею въ 1877 году. Выиграло христіанское населеніе Турціи отъ тѣхъ учрежденій или они существовали только на бумагѣ для того, чтобы морочить европейская державы и имѣть возможность оправдываться предъ Европою—это другой вопросъ.

Извѣстно, что, несмотря на сказанныя выше учрежденія въ Турціи, безправность христіанъ продолжалась, и они все таки находились подъ гнетомъ турокъ, которые производили рѣзню безнаказанно и которые, къ стыду Европы, вызывали даже покровительство Англіи противъ христіанъ.

Россія однако не могла оставаться равнодушною зрительницею этой рѣзни. Историческая задача ея обозначилась въ политикѣ Московскаго царства и единодержавія земли русской. При Іоаннѣ Грозномъ Адашевъ и Сильвестръ указали эту политику въ стремленіи Россіи къ востоку для уничтоженія царства татаръ и къ югу для освобожденія христіанъ отъ турокъ. Завоеваніе Сибири, паденіе Казанскаго и Астраханскаго царствъ, близкія затѣмъ сношенія съ грузинскими и имеретинскими царями за Кавказомъ и подданство ихъ Всероссійской державѣ, разрѣшили отчасти эту задачу Россіи.

По естественному ходу судебъ исторіи, магометанскія царства на востокѣ Россіи были уничтожены ею и подчинены ей. Они слились уже съ Имперіею, составляя собою и по географическому своему положенію неотъемлемыя ея части.—Вопросъ объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига начинается формироваться при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.—Петръ Великій дѣятельно и энергично отнесся къ этому вопросу и принялся осуществлять его, предположивъ составить союзъ изъ европейскихъ государствъ.—Сильная тогда Венеціанская республика, римско-германскій императоръ и король польскій вели уже войну съ Турціею, и при заключеніи съ нею мира Петръ требовалъ свободнаго прохода русскихъ богомольцевъ чрезъ Бос-

форъ въ Іерусалимъ и безпрепятственнаго отправленія богослуженія православныхъ въ турецкихъ областяхъ.

Это заступничество Русскаго царя въ пользу христіанъ придало славянамъ больше бодрости и надежды и подожило основаніе къ большому сближенію и тяготѣнію ихъ къ Россіи.

Установивъ государственный гербъ съ двуглавымъ орломъ, какъ наслѣдіемъ византійскихъ императоровъ—палеологовъ, Петръ Великій въ 1711 году, послѣ окончанія Шведской войны, по совѣщаніи съ молдавскимъ государемъ Контемиромъ, замыслилъ уже, послѣ присоединенія Малороссіи, имѣть доступъ къ Черному морю, объявивъ въ Москвѣ всенародно о войнѣ противъ враговъ Христовыхъ. Въ сихъ видахъ онъ стремится на югъ, дѣлаетъ завоеванія въ прикаспійскомъ краѣ и на Кавказѣ и присоединяетъ Азовъ къ имперіи.—При Императрицѣ Екатеринѣ II восточный вопросъ принимаетъ уже опредѣленный видъ и входитъ въ политику Россіи, которая по кучукъ-кайнарджскому миру пріобрѣтаетъ уже право на вмѣшательство въ турецкія дѣла въ пользу христіанъ и освобождаетъ имеретинскаго царя Соломона и Мингрелію изъ зависимости турокъ: но о Турецкой Грузіи, завоеванной турками въ XV столѣтіи, ничего почти тогда не было извѣстно. Адрианопольскій миръ 1829 года возвратилъ Россіи только девять санджаховъ изъ 24 турецката Ахалцихскаго пашалыка или малую часть той Грузіи.

Но Россія имѣла и имѣетъ больше правъ на всю Грузію, чѣмъ на другіе области Турціи. Первое сношеніе Русскихъ съ Грузіею восходятъ ко временамъ

еще апостола Андрея Первозванного, который, просвѣтивъ Верхнюю Грузію свѣтомъ Евангелія, отправился отсель въ Россію, въ Кіевъ, завѣщавъ духовную связь Россіи съ Грузіею. Знаменитая Грузинская царица Тамара въ XII столѣтіи была женою сына великаго князя Андрея Боголюбскаго—Георгія, который съ первыхъ же дней своего супружества ознаменовалъ себя многими славными дѣлами, завоевавъ у турокъ Карсъ и другія земли. Именовался церемъ Георгіемъ *გეორგი* *გომბო* и жилъ въ Шавшетахъ, въ округѣ Артвинскомъ, нынѣшней Батумской области, распоряжался по царски до разрыва съ женою и управлялъ именно тою странною, которая составляла и составляетъ Турецкую Грузію.

Изъ присоединенныхъ къ Имперіи по Берлинскому трактату Турецкихъ областей Порты уступила намъ три: Карсскую, Ардаганскую, Батумскую; мѣстности прежней Грузіи по теченію рѣкъ: Кинтраши, Аджаріи, Имерхеви, Арданучъ и Чороха вошли въ составъ Батумской области.

Нынѣшняя граница наша начинается отъ мыса, Капмуша до рѣки Чорохи, съ которою пересѣкается близъ деревни Цріи, и идетъ на хребетъ горъ въ 8000 фут., который служитъ водораздѣломъ притоковъ рѣкъ Чорохи и Хопи; далѣе къ юго-востоку идутъ такіе же высоты до тѣсныхъ проходовъ Наримана недалеко отъ Ольти, отдѣляя долину Ольти отъ долины Чороха и оставляя верховья рѣкъ Чорохи и Ольти за Турціею: затѣмъ проходитъ на востокъ въ Арменію до р. Панакъ-чая и Бурдуза, оттоль сворачиваетъ на югъ на Зеникію, Менджигертъ, около котораго въ Турецкую кампанію 1828 года фельдмаршалъ графъ

Паскевичъ-Эриванскій разбилъ турецкую армію Салехъ-паши и взялъ въ плѣнъ турецкаго главнокомандующаго Гахки - пашу со всемъ турецкимъ лагеремъ; затѣмъ граница доходитъ до горы Коса-Дага, далѣе которой, направляясь на сѣверъ, соединяется съ русскою границею около Муллы Сафара.

Такимъ образомъ, страна, присоединенная къ Имперіи, съ сѣвера граничитъ Кутаисскою, Тифлискою и частію Эриванскою губерніями; съ востока— Эриванскою же губерніею, а на западѣ—Черное море. Округливъ по своему географическому положенію границы Закавказскихъ нашихъ владѣній со стороны Турціи, нынѣшняя пограничная линія, исправила окончательно прежнюю нашу границу, по которой турецкія земли входили въ Закавказскій край какимъ то клиномъ съ юго-западной стороны, разсѣкая на двѣ разобщенныя другъ отъ друга части. Но теперь на оборотъ; наши владѣнія вдаются въ Турцію, открывая свободное и прямое между всѣми частями Закавказскихъ владѣній. Теперь нельзя уже будетъ преступникамъ бѣжать изъ Тифлиской и Кутаисской губерній въ Турцію и безнаказанно по прежнему жить тамъ на свободѣ, продолжая проникать сюда для разбоевъ. Теперь прекратились всѣ похищенія мальчиковъ и дѣвочекъ, которыми торговали въ Кобулетахъ, Батумѣ, Трапизондѣ и Карсѣ, уводя ихъ въ плѣнъ для гаремовъ Турціи.

Изъ Турецкой Грузіи образовали Батумскую область съ главнымъ и портовымъ городомъ Батумомъ и тремя округами: Батумскимъ, Аджарскимъ и Артвинскимъ; остальные части Турецкой же Грузіи,

присоединенныя къ Россіи, отошли въ Карсскую область, именно: Ардаганъ и Ольта.

Жители Батумской области, число коихъ простиралось, примѣрно, до 150,000, принадлежать болѣею частью грузинскому племени: кобулетцы, аджарцы, арвинцы, шавшети, мачахели и пр. всѣ грузины; собственно турокъ, армянъ и грековъ очень мало; тамъ живутъ еще старинные выходцы изъ Мингреліи въ Чанетахъ и Мокріалѣ ჯბო, которые говорятъ и по-грузински и по-мингрельски. Мингрельцы ихъ называютъ своими братьями, — Время поселенія чанетовъ въ тѣхъ прибрежныхъ мѣстахъ положительно неизвѣстно; но они выселены изъ Мингреліи, по преданіямъ, турецкимъ правительствомъ въ прошломъ столѣтіи, чтобы разобщить другъ отъ друга лазовъ, населявшихъ прибрежныя мѣста и занимавшихъ все время морскими разбоями. Но оно мало успѣло въ томъ: поселенные тамъ мингрельцы, принадлежа одному съ лазами грузинскому племени, почти слились съ ними для однихъ и тѣхъ же промысловъ: морскихъ разбоевъ и грабежей. Всѣ они до сихъ поръ хорошіе моряки и матросы.

Турки сверхъ того въ недавнее время поселили около Батума абхазцевъ и черкесовъ, выходцевъ изъ Абхазіи и Черноморіи.

Вся страна Батумской области представляетъ собраніе горъ, разбросанныхъ по разнымъ направленіямъ и изрѣзанныхъ ущеліями горныхъ рѣчекъ, которыя протекая въ глубинѣ между отвѣсными высотами, частію каменистыми, частію покрытыми лѣсомъ, превращаются отъ дождей въ непроходимые, быстрые и шумные потоки.

Природа, мѣстами роскошная, не уступаетъ на горахъ по своей суровости сѣверу. Въ лѣсахъ встрѣчаются здѣсь въ изобиліи дубъ, пальма, каштанъ, грабъ, букъ, орѣхъ, хвойныя деревья и дзельква (pplanera)—ненгой. Это красивое, крѣпкое дерево сохранилось и то очень немного въ Кутаисской губерніи. Оно исчезло въ Европѣ и очень дорого цѣнится въ продажѣ.

Среди горныхъ ущелій и живописныхъ мѣстъ по теченію Чорохи выдаются отлогости и долины, гдѣ живутъ грузины очень бѣдно, не умѣя пользоваться плодородіемъ мѣстности и изобиліемъ богатой растительности страны. Климатъ очень здоровый въ горахъ.

Рѣка Чорохи—эта главная артерія всей области, которая, по неимѣнію грунтовой дороги, представляетъ собою главное и удобное сообщеніе съ Артвиномъ и окрестными мѣстностями всего Чорохскаго бассейна, и потому вся торговля и промышленность жителей производится по р. Чорохи, по которой направляются всѣ произведенія страны въ Батумъ, получая оттуда въ замѣнъ уже предметы мануфактурныхъ издѣлій. Такимъ образомъ единственная дорога изъ Батума во внутрь области и обратно въ Батумъ—рѣка Чорохи, по которой снуютъ каюки взадъ и впередъ по теченію и противъ теченія.

Климатъ Батума почти ничѣмъ не отличается отъ климата Сухума и другихъ восточныхъ населенныхъ береговъ Чернаго моря: Очамчири, Анаклиі, Редуть-Кале, Поті, Николаевки (Шекветили) и Кобулеті. Тотъ же влажный воздухъ, тѣ же безпрестанные дожди, та же лихорадка, такъ называемая чер-

номорская; та же зелень и та же умѣренная, но часто несносная зима. По свойству климата онъ бываетъ лихорадочнымъ въ особенности съ іюля мѣсяца, до половины сентября.

Съ сѣверо-востока отъ Батума возвышаются горныя высоты подъ названіемъ Квещелури и Кахабери отъ прежде бывшаго тамъ во времена Гурійскихъ владѣтелей селенія Кахабери, гдѣ сохранились до сихъ поръ остатки церкви Самеба—Тройца, по-грузински. Несмотря на свою возвышенность Кахабери, примыкающей къ Батуму, эти высоты ничѣмъ не отличаются отъ него въ климатическомъ отношеніи. Съ тѣхъ высотъ во времена еще гурійскихъ владѣтелей на разстояніи нѣсколькихъ верстъ проведена вода въ Батумъ.

Изъ Батума дорога къ Цихисъ-дзири гориста и потому затруднительна. Отвѣсныя скалистыя высоты Цихисъ-дзири упираются въ море, которое имѣетъ здѣсь значительную глубину, и для того, чтобы осмотрѣть Цихисъ-дзири съ сѣвера, т. е. со стороны его недоступной мѣстности, надо высадится на берегъ не далеко отъ устья рѣки Кинтриши, протекающей почти у подножія Цихисъ-дзири и другихъ окружающихъ высоты Хуцъ-убани, Самеба и проч., которыя, пересѣкаясь мѣстами глубокими оврагами и потоками, соединяются далѣе въ глубь съ высокимъ хребтомъ Аджарскихъ горъ Перанга. Упираясь въ море отвѣсными скалами, Цихисъ-дзири какъ будто запираетъ проходъ вдоль берега и представляетъ собою какое то хаотическое смѣшеніе отвѣсныхъ, покрытыхъ лѣсомъ горъ, овраговъ, рѣчекъ, притоковъ, ущелій по разнымъ фантастическимъ направленіямъ; Цихисъ-дзири доступенъ только съ юга, со стороны Батума.

Цихисъ-дзири, ციხის დირი по-грузински буквально значитъ: подножіе, дно, подошва крѣпости или замка. Онъ называется по-грузински и Каджетисъ цихе ქაჯეთის ციხე. Грузинскій поэтъ Шота Руставели, временъ царицы Тамары, въ XII столѣтіи, героиню своей поэмы „Барсова кожа“ Нестанъ-дареджану помѣстилъ плѣнницею у каджовъ, т. е. у лѣшихъ, злыхъ, нечистыхъ духовъ. Такъ назывались у грузинъ мѣстные прибрежные жители лазы, по ихъ дикости, ловкости, живости, храбрости, пронырству и по воровствамъ, грабежамъ и разбоямъ. Эта крѣпость по описанію поэмы и въ тѣ времена отличалась своею неприступностью, оберегаемая злыми духами.

Изъ Цихисъ-дзири къ сѣверу—Кобулети, а немного еще сѣвернѣе находится прежняя знаменитая наша граница Чолоки, которая до Крымской или восточной войны 1853—1856 г. оставалась спорною и которую намъ дали вмѣсто Чорохи, вопреки предложенію завоевателя Малой Азіи фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, въ первую Турецкую войну 1828—1829 г.

По проiscaмъ англичанъ, въ мирномъ трактатѣ, заключенномъ фельдмаршаломъ Дибичемъ въ 1829 году въ Адрианоуполь, Чорохи превратили въ Чолоки. Была ли это ошибка или было сдѣлано съ цѣлью—Неизвѣстно, такъ какъ по-турецки (по-татарски) Чолокъ и Чорохъ пишутся почти одинаковыми изображеніями буквъ. Теперь, съ Божіею помощью, исправлена эта, ошибка, сдѣланная фельдмаршаломъ Дибичемъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Изъ Батума дорога идетъ во внутрь Турецкой Грузіи по рѣкѣ Чорохи; другія горныя дороги чрез-

вычайно затруднительны. Посѣщающіе эту страну теперь удивляются, что мы очень мало ее знали, тогда какъ мы могли бы очень хорошо и подробно знать ее во всѣхъ отношеніяхъ. Кобулеті, Батумъ, Артвинъ, Аджарія, Шавшети, Ливана, Ардаганъ были связаны съ жителями Ахалцихскаго и Озургетскаго уѣздовъ и даже съ Тифлисомъ какъ по родственнымъ и торговымъ отношеніямъ, такъ и по языку; слѣдовательно, не могло быть большихъ затрудненій изучить эту страну, куда нашихъ гурійскихъ жителей и Ахалцихскихъ всегда принимали какъ родныхъ и дорогихъ гостей.

Недавно только Д. Бакрадзе во время Турецкаго владычества проѣхалъ по рѣкѣ Чорохи отъ Батума до Ажарисъ-цкали, впадающей въ Чорохи; профессоръ Кохъ—отъ Борчхи до Артвина, а полковникъ Казбекъ—отъ Артвина до Борчхи по Чороху.

У насъ неизвѣстны были цѣлыя мѣстности, населенныя народомъ одного племени съ грузинами: Ма-чахели, Шавшети и проч., которыя даже не были нанесены на карту, считаясь какъ будто странною невѣдомою—*terra incognita*, тогда какъ тамошніе жители безпрестанно приходили въ Ахалцихъ, Боржомъ, Абастуманъ и даже Михайлово (Хашури) или Чарвадарами или въ качествѣ рабочихъ на дорогѣ.

Дорога отъ Батума къ Артвинамъ идетъ прямо на югъ по болотистой равнинѣ, гдѣ протекаетъ рѣка Чорохи. Влѣво тянется все продолженіе Кахаберскихъ высотъ, которыя, наконецъ, соединяются съ Аджарскими горами, и затѣмъ дорога вступаетъ въ Чорохское ущелье. Въ десяти верстахъ отъ Батума на правомъ берегу Чорохи находится деревня Элга, немного ниже

которой урочище Капанъ-диди составляет пунктъ, куда пристають каюки, спускающиеся съ пассажирами и товарами изъ Артвина и изъ другихъ пунктовъ Чорохскаго ущелья. У Капанъ-диди начинаются высоты праваго берега р. Чорохи, которая выходитъ уже оттуда на плоскость и течетъ къ морю уже большою тихою судоходною рѣкою, какъ Ріонъ. Изъ той же пристани Капанъ-диди начинзается путешествіе вверхъ по рѣкѣ Чорохи въ Артвинъ.

Первая рѣка, которая встречается на пути въ Артвинъ, впадающая въ Чорохи—это Аджарисъ-цкали აჭარის წყალი по-грузински—рѣка Аджаріи, которая у впаденія образуетъ довольно большую равнину, замѣчательную тѣмъ, что очень мало встрѣчается подобныхъ равнинъ въ этихъ горныхъ ущеліяхъ почти до Ардагана.

Насупротивъ впаденія рѣки Аджарисъ-цкали, на лѣвомъ берегу Чорохи, находится деревня Мирвана, а ниже того—селеніе Симонети, одного имени съ тѣмъ селеніемъ Симонети, которое расположено въ 16 верстахъ на востокъ отъ Кутаиса, около бывшей Симонетской почтвой станціи.

Далѣе затѣмъ по ущелью расположено въ трущобахъ селеніе Мачахелись-пири, у рѣки Мачахелись-цкали, которая впадаетъ въ Чорохи, пощадивъ остатки стараго, бывшаго тамъ каменнаго моста временъ римлянъ. Жители тамъ—грузины, но всѣ почти фанатики-мусульмане, которые при турецкомъ правительствѣ занимались большею частію разбоемъ, грабежомъ; но есть тамъ все-таки нѣсколько и такихъ, которые занимаются земледѣліемъ и разводять хорошіи табакъ. Далѣе на пути встрѣчаются, на лѣвомъ берегу Чорохи,

Нижній и затѣмъ Верхній Марандиди, жители коихъ занимаются постройкою каюковъ; у Верхняго Марандиди кончается шоссе, устроенное турками во времена, турецкаго владычества. Маранъ-Диди მარანდიდის ციხე по-грузински—большое винохранилище. Затѣмъ еще деревни: Симфлиси, Оглаури, Катапхія Гебримери, Зедубани, Хеба, Кинцхурети, Цитлоети.

Минуя деревню Хеба, дорога отъ рѣки Чорохи уже подымается на высокую гору уступами по крутому склону, который пересѣкается другимъ боковымъ ущеліемъ, гдѣ протекаетъ значительная быстрая рѣчка Каласкурисъ-цкали, впадающая въ Чорохи, гдѣ-то внизу, у подножія высоты, на которой находятся развалины церкви. Затѣмъ далѣе чрезъ три ущелья показывается Борчха, значительное селеніе на лѣвомъ берегу Чорохи при впаденіи въ нее рѣчки Чалисъ-цкали ჩალისწყალი по-грузински Осаковая рѣчка. Она на прежнихъ нашихъ картахъ значитъ подъ названіемъ Чаиръ-су, которое нанесено къ-то, вѣроятно, наизусть, небывши на мѣстѣ. Тамъ на высотѣ, которая вдается мысомъ при сліяніи этихъ двухъ рѣкъ, видны развалины крѣпости, постройка которой по мѣстнымъ преданіямъ, относится ко времени грузинскаго царя Давида Возобновителя и царицы Тамары. Селеніе расположено амфитеатромъ и имѣетъ нѣсколько каменныхъ двухэтажныхъ и трехэтажныхъ домовъ. Жители большею частью говорятъ по-грузински и занимаются промышленностью и выдѣлкою кирпичей, черепицъ и глиняныхъ кувшиновъ, которые идутъ на продажу въ прибрежныя деревни Чорохи и въ Батумъ. Въ Борчхѣ есть также пристань для каюковъ,

на которыхъ отправляются ѣдушіе какъ вверхъ, такъ и внизъ по теченію Чорохи.

Далѣ Аладдаба, ალდაბა, деревня, гдѣ говорятъ все еще на грузипскомъ языкѣ; но далѣ у жителей грузинскій языкъ перемѣщанъ съ турецкимъ. Не далеко отъ Борчхи есть селеніе Цигурети წოთურეთი (красноватый) на рѣкѣ Девъ-Хевисъ-цкали დევ-ხევის-წყალი (рѣка богатыря ущелія). Неизвѣстно, почему по прежнимъ картамъ эту деревню называли Камурели при рѣкѣ Шуа-хеви.

Чорохи и Борчха течетъ немного спокойнѣе. Здѣсь переправляются лошадыми на другой берегъ, откуда начинается дорога къ Артвинамъ по горнымъ тропамъ, по которымъ ветрѣчаются деревни: Орджа, Китріа, Нигоія, Ахалдаба, Адагуль, Авана, Ирса, Урдзула, Омана и др. Эти деревни расположены одни на высотахъ, а другія въ ущеліяхъ, то на правомъ, то на лѣвомъ берегу рѣки. Наконецъ, съ высоты 2000 ф. дорога спускается къ Чорохи, чрезъ который надо переправиться по мосту на другую сторону и подыматься оттуда вновь на высоту 1500 фут. Это значить пріѣхали уже въ городъ Артвинъ. Городскія строенія начинаются почти съ того моста, подымаясь выше и выше, и расположены террасами, подкрепленными каменными стѣнами по склону горы, и поэтому весь городъ представляется какимъ-то гнѣздомъ, пріютившимся по скалистой отлогой высотѣ. Масличныя деревья, которыя растутъ на тѣхъ террасахъ, придаютъ городу прекрасный видъ.

Населеніе, какъ говорили, простиралось до 1600 домовъ, изъ коихъ 800 армяно-католиковъ, 200 армяно-григоріанъ, и около 600 магометанъ. У армяно-

католиковъ 8 церкви; у армянъ григоріанъ 1; а у мусульманъ 8 мечети и одна джума. При одной изъ армяно-католическихъ церквей находится епископъ для армяно-католиковъ, которому подчинялись армяно-католическія церкви въ Ардаганѣ, Олтѣ, Батумѣ, Шавшети, который въ свою очередь подчинился Константинопольскому армяно-католическому патріарху. Церковь же армяно-григоріанская подчинялась Трапизондскому епископу. Армяне вообще ведутъ торговлю съ Константинополемъ и, посѣщая европейскія города, они, въ особенности армяно-католики, усвоили приемы европейской цивилизаціи. Они отправляютъ хлѣбъ изъ Ардагана и Карса въ Батумъ внизъ по теченію Чорохи на каюкахъ совершенно такъ же, какъ мингрельскіе каюки доставляли товары и кукурузу и хлѣбъ по Ріону изъ Орпири въ Поті. Артвинъ славится знаменитыми толгомскими маслинами и фруктами. Находясь по близости Артвина, селеніе Толгоми и другія близъ лежащія деревни доставляютъ въ Артвинъ всѣ почти свои фрукты и маслины, которые уже закуплены артвинцами заранѣе и которые затѣмъ отправляютъ они на продажу въ разныя мѣста. Прежде Толгомевскія маслины привозили въ Тифлисъ, какъ рѣдкость, и она была дороже, противъ другихъ мѣстностей, именно: Капари, Горгоги, Оржахо, Пріа, которые производятъ также хорошую маслину.

Артвинскій мостъ изъ тесаныхъ камней и аркою переброшенъ чрезъ рѣку съ одной скалы на другую, между которыми бушуетъ Чорохи, стремясь внизъ по ущеліямъ между высокими отвѣсными скалами. На одной изъ этихъ скалъ, пониже моста, на лѣвомъ берегу рѣки, выглядываетъ артвинская крѣпость, которая

теперь почти въ развалинахъ. Четыреугольная каменная стѣна крѣпости и одна башня обращенная къ рѣкѣ, у самаго города, соединяются съ нимъ узкою полосою, въ родѣ перешейка, на неприступныхъ скалахъ, которыя командуютъ рѣкою. Въ старину единственно по этой рѣкѣ и ожидали нападенія непріятеля. Древніе грузины, которымъ приписываютъ постройку той крѣпости, могли обороняться и, защищая ее, не подпускать поближе непріятеля: забросали бы его камнями, если бы онъ рискнулъ подойти поближе къ крѣпости.

Изъ Артвина въ Батумъ надо спускаться по рѣкѣ Чорохи на каюкахъ, на которыхъ и совершается почти всегда путешествіе; но, не доѣзжая до Батума, каюки или лодочки пристають къ тому же берегу Капанъ-диди, откуда отправляются уже сухимъ путемъ въ Батумъ. Во время же большихъ водъ каюки спускаются по р. Чорохи и отъ имерхевскаго моста, находящатося гораздо далѣе отъ Артвина, но въ мелководіе они не могутъ ходить. Имеръ-хеви *ოდგო ბჯო* погрузински значитъ имеретинскій оврагъ или ущеліе, наваніе данное, вѣроятно, въ воспоминаніе событія, когда войска имеретинскія или одержали побѣду надъ непріателемъ или потерпѣли поражение во времена непрерывныхъ нашествій персовъ, арабовъ, монголовъ, турокъ, на Грузію и Имеретію.

Путешествіе на каюкѣ внизъ по рѣкѣ Чорохи чрезвычайно живописно и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытно и, хотя путешествіе по Ріону гораздо живописнѣе, но онъ течетъ отъ Орпири до моря на равнинѣ между земляными берегами, быстрота же теченія Чорохи между скалистыми высотами и извилинами, вѣчный

шумъ и множество пороговъ и перекатовъ, чрезъ которые каюки несутся съ быстротою стрелы, могутъ расшевелить любого флегматика; поэтому-то бывший главнокомандовавший турецкою арміею въ Батумѣ въ послѣднюю войну—Мушеръ-Дервишъ-паша доносилъ своему правительству, что Артвинъ, куда дорога вѣдетъ по р. Чорохи, укрѣплено самою природою, такъ какъ эта рѣка протекаетъ между высокими отвѣсными высотами и представляетъ собою по всей линіи ея теченія недоступную мѣстность. Да, всѣ ущелія, по которымъ протекають рѣчки и потоки, впадающіе въ р. Чорохи, такія же скалистыя отвѣсныя мѣста и извилины и такимъ же образомъ не представляли даже возможности имѣть колесное сообщеніе; тамъ, по всему Чорохскому бассейну, по неимѣнію дорогъ, не встрѣчаются арбы и потому перевозка производилась все на вьюкахъ, на быкахъ, лошадахъ и ослахъ и катерахъ.

Батумская область, какъ уже сказано, раздѣлена на три округа: Батумскій, Аджарскій и Артвинскій. Батумскій округъ составляетъ три участка: Батумъ, Гонія, Кинтриши; въ Аджарскомъ также три участка: Верхняя Аджара, Нижняя Аджара и Махачели; третій Артвинскій округъ заключаетъ въ себѣ участки: Шавшетскій, Имерхеевскій, Арданучъ и Артвинскій съ Мургульскимъ ущеліемъ, откуда за Мургулисъ-цкали начинается тропа въ Лазистанъ, За хребтомъ, назначеннымъ пограничною чертою между Россіею и Турціею.

Обозначивъ закавказскія владѣнія Россіи безопасными границами со стороны Турціи, правительство обратило вниманіе на положеніе Батума, представля-

ющаго собою исходный пунктъ, куда направляются всѣ почти линіи дорогъ изъ Карса, Ардагана, Артвина, Ольти и Ахалциха, т. е. дороги бывшей Турецкой Грузіи и всей области; но врядь ли Батумъ можетъ быть связью прямыхъ торговыхъ сношеній съ остальными частями Закавказскихъ областей.

Будучи окруженъ громадными горами съ сѣвера со стороны Озургетскаго уѣзда и Кобулети, а съ востока—громадами Аджарскихъ высотъ къ Чорохскому ущелью, Батумъ кажется изолированнымъ и, такъ сказать, отрѣшеннымъ отъ остальныхъ владѣній Закавказскихъ, и отъ того не имѣлъ прямого пути сообщенія, какъ Потти, который еще во времена грековъ и римлянъ до позднѣйшей эпохи служилъ единственною торговою дорогою Европы съ востокомъ: съ Персією и Индією. Еще съ древнѣйшихъ временъ единственные пункты Чернаго моря, куда приставали корабли для торговли съ Кавказомъ и Закавказскими провинціями и далѣе съ востокомъ и куда стремились товары и произведенія Персіи и Индіи—это: фазисъ—нынѣшній Ріонъ и Потти и Доскурія—нынѣшній Сухумъ, откуда, равно изъ Потти дорога шла уже въ Кутаисъ, Сурамъ, Тифлисъ, Елисаветполь, Эриванъ и далѣе въ Персію. Поэтому при существованіи тогда еще Батума и Батумской бухты, онъ, въ теченіе болѣе трехъ тысячъ лѣтъ съ эпохи похода аргонавтовъ къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря до позднѣйшаго времени, находясь во владѣніи грековъ, митридатовъ, римлянъ, грузинъ и затѣмъ турокъ, не только не могъ сдѣлаться торговымъ городомъ, но и не

---

*) Тогда не было желѣзной дороги.

могъ образоватъ даже порядочное населеніе и имѣть городскія постройки, какъ въ другихъ прибрежныхъ городахъ Турціи: въ Трапизондѣ, Керасунѣ, Самсунѣ, Синопѣ, Геракисѣ, которые извѣстны еще во времена римлянъ.

Въ Батумѣ при туркахъ было нѣсколько деревянныхъ досчатыхъ домовъ и лачужекъ лазовъ и аджарцевъ, занимавшихся большею частью контрабандою и разбоями. Тамъ въ сороковыхъ годахъ еще былъ нашъ простой консульскій агентъ, который жилъ въ простой деревянной хатѣ и, наблюдая, по требованіямъ Озургетскаго уѣзднаго начальника, за контрабандистами въ Батумѣ и Кобулетахъ и ва бѣжавшими туда изъ уѣзда гурійцами, находившимися тамъ, доносилъ объ нихъ начальству заблаговременно.

Батумъ (древній Акамасисъ, иначе Батисъ), только въ послѣдніе двадцать лѣтъ при туркахъ получилъ кое-какое значеніе и то по милости Россіи, когда пароходы Русскаго Общества пароходства и торговли начали останавливаться тамъ и когда для этого оно возвело тамъ разныя постройки для склада каменнаго угля и разныхъ матеріаловъ и для прислуги, сдѣлавъ такимъ образомъ Батумъ для нашихъ пароходовъ почти морскою станціею своею. Послѣ того назначень былъ уже тамъ и нашъ консуль.—Но за всѣмъ тѣмъ

---

*) Русскія войска бывали въ Батумѣ и прежде. Генераль Тотлебенъ, разбивъ турокъ недалеко отъ Поти и занявъ Эту крѣпость въ 1770 году, дѣлалъ походы и въ Батумъ. (См. Извѣстія о Кавказѣ Броневскаго 1823 г. ч. I. стр. 298 и 300).

и, несмотря на стоянку тамъ и иностранныхъ паро-

ходовъ, Батумъ не могъ сдѣлаться торговымъ городомъ.

При сдачѣ намъ Батума, по Берлинскому трактату, Россія застала тамъ нѣсколько деревянныхъ домовъ, принадлежавшихъ туркамъ, да вонючія земли, подъ именемъ улицъ, да единственный, приличный, каменный домъ, и то принадлежавшій бывшему тамъ нашему консулу Джудичи и купленный въ казну для Батумскаго губернатора.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали сдачи Батума въ августѣ 1878 года; несмотря на подпольныя происки англичанъ, домогавшихся замедленія сдачи, и безпорядковъ лазовъ, бывшій тамъ турецкій главнокомандующій Муширь Дервишъ Паша уступилъ настояніямъ бывшего своего противника, командовавшего войсками приионскаго края генерала Оклобжіо, противъ котораго онъ сражался въ только-что оконченной войнѣ съ Турціею и котораго Муширь уважалъ, какъ честнаго и храбраго генерала и воина, и, давъ ему слово „воина и Мушира“ не препятствовать болѣе и сдать Батумъ согласно трактату, сдержалъ его свято. Русскія войска вступили туда торжественно въ порядкѣ, и, занявъ всѣ пункты города и укрѣпленія на Кахаберскихъ высотахъ, водрузили тамъ Русское знамя, которое возвѣстило міру о совершившемся фактѣ присоединенія Батума къ Россійской Имперіи. Малѣйшее при этомъ враждебное движеніе турецкаго населенія лазовъ и неудовольствіе турецкаго войска и народа при одномъ появленіи Мушира Дервишъ Паши исчезало, и порядокъ не былъ нарушенъ.

Всѣ у насъ радовались нашему событію, какъ

пріобрѣтенію большаго порта для стоянки большихъ судовъ; но вдругъ столичныя газеты еще въ ноябрѣ

1878 года начали разочаровываться, сообщивъ на своихъ столбцахъ, что Батумъ оказался неудовлетворительнымъ для большого порта, что онъ очень малъ для стоянки военныхъ судовъ и открытъ для выстрѣловъ съ моря; поэтому предлагали усилить работы по постройкѣ порта въ Поти. За тѣмъ возникла потребность соорудить желѣзную дорогу отъ Самтредіи, т. е. отъ Поти-Тифлисской желѣзной дороги въ Батумъ.

Все это не уменьшаетъ однакожь стратегическаго значенія Батума относительно свободнаго владѣнія нашего Карсомъ, Ольти, Ардаганомъ, Артвиномъ, которые на случай войны съ Турціею всегда будутъ служить обезпеченіемъ спокойствія для внутреннихъ областей Закавказскихъ, имѣя за спиною такія укрѣпленныя самою природою мѣстности, какъ громады горъ Саганлуха и Чорохскаго ущелія, чрезъ которыя чрезвычайно трудно непріятелю проникнуть въ наши предѣлы, рискуя быть отрѣзаннымъ вездѣ на пути въ этихъ горныхъ трущобахъ. Всѣ тѣ города будутъ для непріятеля недоступны, если бы пришлось даже бросить Батумъ, откуда не можетъ онъ рисковать подняться по Чорохскому ущелю, по этому единственному пути, по которому онъ можетъ только рассчитывать произвести свое движеніе.

Хотя Батумскій портъ малъ для стоянки военныхъ судовъ и открытъ съ моря, но все таки онъ можетъ очень долго оставаться внѣ опасности, Кахаберскія высоты командуютъ Батумомъ и рейдомъ и потому входъ въ бухту можно охранять всегда отъ

непріятеля, если поставитъ нѣсколько батарей на тѣхъ высотахъ и на возвышенностяхъ Квещульскихъ (квещули по-грузински нижняя охрана) и сдѣлать

ихъ недоступными въ ожиданіи резервовъ, которые могутъ явиться на помощь къ Батуму. Но эти резервы могутъ притти свободно только изъ Ахалцыха, Ардагана, Артвина и Карса и наврядъ ли они придутъ скоро изъ Гуріи или Озургети чрезъ Кобулетъ и Цихисдзири, гдѣ они на пути слѣдованія по прибрежнымъ мѣстамъ будутъ подвергаться бомбандированію съ моря.

Желѣзная дорога отъ Самтредіи чрезъ Ланчхути, Нигоити, Джумати, Чочхоти и Чибати и далѣе чрезъ Чолоки къ Кобулетамъ будетъ внѣ выстрѣловъ неприятельскихъ; но далѣе у Цихисдзири и Чаки къ Батуму дорога будетъ открыта для неприятельскихъ судовъ. Единственный безопасный отъ бомбандированія путь—это нынѣшнее чрезъ Озургети шоссе и далѣе на Мухаэсташе, если оно будетъ продолжено чрезъ ущеліе повыше на востокъ отъ Цихисдзири, поближе къ Аджарскимъ предгорьямъ, гдѣ и прежде существовала дорога контрабандистовъ и шла изъ Батума восточнѣе отъ Кахаберскихъ высотъ въ Гурію къ Лихаурамъ.

Обращаясь къ положенію населенія Батумской области, нельзя сказать, чтобы оно было привязано къ Россіи и тому порядку вещей, который введенъ въ этой области. Такъ описано въ офиціозной газетѣ „Кавказъ“ въ 1879 г. № 78 и въ „Тифлис. Вѣстн.“, того же года № 72, о чемъ повторяетъ тотъ же „Кавказъ“ въ виду безпрестанныхъ многочисленныхъ переселеній жителей Батумской, равно и Карсской

областей въ Турцію, тогда какъ преданность ихъ къ Россіи на первое время присоединенія ихъ къ Имперіи простиралась до того, что жители 56 деревень, расположенныхъ по богатой по своей производитель-

ности Мургули и Чхали, по ущелю Мургулисъ цхали, входящихъ въ составъ Батумской области, откуда з. хребтомъ начинается пограничная черта между Россією и Турцією, поступали охотно въ нашу милицію. охранять наши границы противъ Турокъ (Сп. В. 1879 года № 34).

Жители турецкой Грузіи въ теченіе вѣковъ имѣли свою администрацію, свой судъ, свои обычай, свои права какъ личныя, такъ и имущественныя. Турецкое правительство не стѣсняло ихъ правъ; оно не признавало ихъ земель и лѣсовъ государственною собственностью, оно требовало отъ турецкихъ грузинъ лишь одного: быть вѣрными и преданными Турціи. Мы знаемъ, что они вѣрно поняли эту обязанность: они дрались противъ насъ какъ дикіе звѣри въ недавнюю Турецкую войну, равно въ походахъ противъ Турціи при бывшихъ главнокомандующихъ въ Грузіи графъ Гудовичъ, генералъ Тормосовъ, 1807—1810 гг., при фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскомъ въ 1828 году, въ особенности при взятіи Ахалциха и въ Восточную войну 1853—1856 г.; но все же переселенцы изъ Турціи населили нѣсколько уѣздовъ, какъ. сказано выше.

Кажется можно было понимать, что всякая вновь присоединенная къ другому государству страна вмѣстѣ съ присоединеніемъ переходитъ изъ одного государственнаго порядка въ другой и тѣмъ самымъ подвергается радикальному измѣненію всего вѣковаго

строю. Вмѣсто прежнихъ правителей и общественнаго порядка, являются новые съ новыми людьми съ другими понятіями, старыя экономическія отношенія и связанныя съ ними матеріальныя положенія и интересы жителей и стараго порядка вещей сталкиваются

съ новыми противоположными; прежніе члены служилыхъ, которые при новомъ правительствѣ оказываютъ - ся ненужными и лишеными власти и куска хлѣба, производятъ безпокойства и тревогу во всемъ почти населеніи, котороѣ надо успокоивать лучшимъ противъ прежняго обращеніемъ съ ними.—

Еще въ началѣ іюля 1878 года въ виду готовившагося присоединенія турецкой Грузіи къ Имперіи генераль Оклобжіо подробно указывалъ на начала такого устройства учрежденія для управленія населеніемъ Батумской области, каторыя, не удаляясь пока отъ мѣстныхъ условій народной жизни, сближали бы населеніе съ Имперією для окончательнаго слянія его съ нею, тѣмъ болѣе, что значительная часть той же турецкой Грузіи осталась за Турцією и что главною цѣлью тѣхъ учрежденій управленія странною было бы установленіе лучшаго противъ сосѣднихъ турецкихъ провинцій порядка администраціи, суда и расправы, дабы населеніе, вышедшее изъ-подъ турецкаго управленія, до очевидности давало преимущество нашимъ учрежденіямъ касательно вѣротерпимости, личной безопасности, неприкосновенности собственности и правъ семейственныхъ.

Въ виду того, что Батумская область или провинція турецкой Грузіи и Лазистана составляютъ большую частью прибрежныя мѣста Чернаго моря и имѣя большую связь съ Абхазією и съ сѣверо-восточными

его берегами, служатъ почти продолженіемъ ихъ къ югу къ предѣламъ Турціи, то, по мнѣнію генерала Оклобжіо, было бы весьма полезно какъ въ политическомъ, такъ и въ гражданскомъ и военномъ отношеніяхъ соединить ихъ подъ управленіемъ одной центральной власти въ Кутаисѣ, подъ главнымъ начальствомъ

которой находились бы Батумская область и Абхазія подъ названіемъ Сухумской области со всею ея прибрежіемъ Чернаго моря отъ Сочи, учредивъ для этого должность командующаго войсками восточной Черноморіи или Ріонскаго края и управляющаго тамъ гражданскою частью, который по управленію странюю, подъ высшимъ начальствомъ Намѣстника Кавказскаго, далъ бы этимъ двумъ областямъ стройную организацію, ведущую къ одной цѣли: къ увеличенію народонаселенія въ Абхазіи и въ особенности на прибрежныхъ земляхъ чернаго моря для вызова ихъ къ культурной жизни, къ сближенію ихъ съ нами, къ обрусенію страны и къ окончательному слянію съ Имперіею. Населеніе, будучи уже привязано къ Россіи, сольется съ нею окончательно, представляя собою уже интересы Русской земли.

Въ сихъ видахъ указано было генераломъ Оклобжію, поручить особой въ Тифлисѣ комиссіи изъ людей, знающихъ край и мѣстныя его условія, начертать для присоединенной области для руководства правила, которыя, заключая въ себѣ всѣ основныя начала нашихъ законоположеній какъ по гражданской, такъ и по уголовной части, представляли бы, въ виду исключительныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, нѣкоторыя изъ общихъ законовъ Имперіи изыятія въ особенности по правамъ семейственнымъ и договорнымъ, которыя, по

народнымъ обычаямъ и по мусульманскому Шеріату, не подходятъ подъ дѣйствіе нашихъ законовъ.

Волненіе въ Аджаріи („Кавказъ“ 1879 г. № 78), равно и въ другихъ мѣстностяхъ, были вызваны, сколько можно было узнать, не вслѣдствіе религиозныхъ причинъ или стремленій аджарцевъ въ Турцію, напротивъ, хотя они по религіи мусульмане, но они

равно и другіе все таки остаются грузинами по характеру, по языку, по обычаямъ и по преданіямъ и по тому стремленіе ихъ болѣе тяготѣло къ Россіи, чѣмъ къ Турціи. Все замѣшательство происходило отъ неумѣстныхъ и преждевременныхъ распоряженій о налогахъ и о поземельномъ положеніи ихъ собственности, о которыхъ такъ превратно распространялись между ними толки, встревожившіе ихъ умы и грозившіе лишеніемъ собственности и родоваго достоянія, тогда какъ о неприкосновенности ихъ было возведено съ самаго начала.

Еще при султанѣ Абдуль Меджидѣ турецкое правительство закономъ танзимота выкупило отъ помѣщиковъ-бековъ и въ томъ числѣ отъ Аджарскихъ бековъ (бывшихъ грузинскихъ князей и дворянъ) всѣ тапы, земельные участки, которые находились во владѣніи поселянъ, оставивъ за помѣщиками беками ихъ чифтлики т. е. въ собственномъ распоряженіи находившаяся земли и лѣсныя и другія угодія. Эти-то выкупленные тапы турецкое правительство раздало за деньги каждому поселянину по свидѣтельствамъ съ султанскою печатью, извѣстнымъ подъ именемъ Тугра и записаннымъ въ книгахъ Трабизондскаго вилайета, (генераль губернатора), обративъ эти надѣлы въ собственность поселянъ, у которыхъ хранятся эти до-

кументы, („Тифл. Вѣстн.“ 1879 г. № 72). За то беки получали отъ турецкаго правительства извѣстныя пенсіи за доходы, которыхъ они лишились отъ поселянъ тѣхъ деревень, оставивъ за собою также нѣкоторыя извѣстныя опредѣленныя поземельныя повинности. Еще до сдачи Батума и занятія Батумской области, всѣ почти Беки и турецкіе милиціонеры, получавшіе при турецкомъ правительствѣ пенсіи и жа-

лованье, восклицали: „Аллахъ, Аллахъ!“ что съ нами будетъ послѣ? теперь всѣ мы на службѣ султана, а послѣ кто намъ дастъ пенсіи и жалованье“? (Тифл. Вѣстн. 1879 г. № 25); поселяніе же, опасаясь налоговъ и угрозы лишить родовой собственности, нячали высѣляться въ Турцію, гдѣ они, согласно объявленному имъ обѣщанію турецкаго правительства, получали пособіе и земли и освобождены на 10 лѣтъ отъ всякихъ казенныхъ налоговъ.

За пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ бывшій тогда главноуправляющій въ Грузіи графъ Паскевичъ-Эриванскій, послѣ взятія имъ Ахалциха въ 1828 году, даровалъ почти тѣ же самыя льготы переселенцамъ изъ Турціи въ наши предѣлы христіанамъ и могометанамъ, которые вслѣдствіе сего массаами переселились изъ Турціи въ бывшую Ахалцихскую область (нынѣшніе Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды), Александропольскій, Баязетскій и Тифлиссскій уѣзды, и которые, не смотря на тайные происки турецкихъ муллъ и эфендіевъ, остались вѣрными на новомъ мѣстѣ жительства и не тронулись съ мѣста. То, что сдѣлалъ, покойный фельдмаршалъ графъ Паскевичъ за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ для переселенія изъ Турціи въ наши предѣлы, теперь сдѣлало турецкое прави-

— 297 —

тельство для переселенія въ Турцію жителей изъ нашихъ недавно присоединенныхъ къ Россіи Карсской и Батумской областей, которые въ эпоху присоединенія сихъ областей къ Россіи, радовались счастію быть подданными Великаго Русскаго Императора.

Краткій историческій очеркъ Грузіи съ 1801 по 1831 годъ.

Иверія или Грузія въ общемъ объемѣ заключала въ себѣ во время Плотомея: Албанію, собственно Иверію и Колхиду. Албанія или Аланія занимала восточныя покатости Кавказскихъ горъ, начиная отъ Дербента къ Каспійскому морю, а потомъ къ югу до рѣкъ Куры и Алазани. Иверія занимала часть нынѣшней Кахетіи, Карталинію, Сомхетію, Ахалцихъ и всѣ земли по Араксу. Колхида заключала въ себѣ Лазійку, Мингрелію, Гурію и Абхазію, въ составъ которой входили нынѣшняя Имеретія, Сванетія и всѣ земли Абхазцевъ и Абазовъ до Тамана. Древніе называли грузинъ—Иберами и Георгами, по земледѣльческому ихъ промыслу, Гурджи, въ русскихъ старинныхъ актахъ Гурзіи, а потомъ—Грузія. Сами грузины называютъ себя Картвелами, отъ прародителя ихъ Картлоса.

Грузія приняла христіанство въ IV вѣкѣ и еще съ V вѣка заключала въ себѣ все пространство между Каспійскимъ и Чернымъ морями, отъ Тавриза до Ерзерума, отъ устья Дона до сѣверныхъ оконечностей Дагестана, владѣвъ болѣе 16 милліонами народа *).

---

*) О народонаселеніи тѣхъ странъ можно судить по

Въ IV вѣкѣ Персидскій царь Кавадъ отторгъ отъ Грузіи восточныя страны, прилегающія къ Каспію а греческіе императоры овладѣли Ерзерумомъ, Лазикою и южными предѣлами Абхазіи. Послѣ Кавада грузины возвратили себѣ его завоеванія и, принявъ покровительство императоровъ, получили обратно Лазіку и Абхазскія земли.

Около 670 года арабы вторгнулись въ Грузію съ племянникомъ Магомета Мурваномъ и причинили первое опустощеніе.

Въ 791 году арабы проникли въ Кавказъ чрезъ Дагестанъ и основали независимость Кабарды.

Въ 850 году Военачальникъ калифа Мутскавеля, опустошивъ Большую Арменію, вторгнулся въ Грузію и основалъ Шамхалство на восточныхъ ея предѣлахъ, въ Сѣверномъ Дагестанѣ.

Въ 1058 году султанъ Торгуль-бекъ вторгнулся въ Грузію и разорилъ ее.

Въ 1061 году турки-османы напали на южные предѣлы Грузіи.

Въ 1089 году Давидъ, грузинскій царь—про-

слѣдующему: Въ 1248 году, монголы, по повелѣнію Хана ихъ Берку, дѣлали поголовную перепись во владѣніяхъ грузинскихъ и собрали тамъ, желая разгромить аравитянъ и султановъ сирійскихъ, 400,000 войска, взимая по одному человѣку съ 10 дворовъ (Истор. Грузіи Вахуштія); слѣдственно, полагая по 4 человѣка на каждый дворъ, на однѣхъ покоренныхъ монголами грузинскихъ земляхъ, исключая Имеретію и другія владѣнія, оставшіяся независимыми—было 16 милліоновъ. Такая же поголовная перепись была сдѣлана при томъ же Ханѣ Берку и въ Россіи (Карамзинъ).

званный возобновителемъ, возстановилъ прежніе рубежи Грузіи. Съ этого времени начинается золотой вѣкъ ея и продолжается до 1223 года.

Въ 1223 году султанъ сирійскій напалъ на Ахалцихъ, а вскорѣ и полчища Чингисъ-Хана нахлынули на Грузію. Опустошая огнемъ и мечемъ, монголы не могли однакожь поработить совершенно народъ. Но съ этой эпохи, начались бѣдствія. Грузія должна была непрерывно бороться съ сильными своими сосѣдями, то съ персіянами, то съ Турками и, несмотря на то, она осталась единственною христіанскою державою во всей Азіи.

Въ 1385 году явился грозный Тамерланъ и встрѣтилъ въ Грузіи такое сопротивленіе, какого, по свидѣтельству самихъ монгольскихъ лѣтописей, онъ нигдѣ не встречалъ. Побѣды стоили ему потоковъ крови: едва утомленный оставлялъ онъ страну сію, какъ снова она возставала и грудью своихъ сыновъ спасла можетъ быть дальнѣйшія страны отъ меча монгольскаго. Шесть разъ Тамерланъ вторгался въ Грузію и всегда находилъ ту же непокорность. Грузины въ неприступныхъ горахъ своихъ спасали своихъ царей и сохраняли независимость.

Въ 1418 году Александръ I возстановилъ Грузію на прежнюю стезю, но, къ сожалѣнію, наслѣдники Александра не умѣли поддержать единодержавіе. Они раздѣлили Грузію на три царства: Имеретинское, Карталинское и Кахетинское, и въ семь-то раздѣленіи таились сѣмена ея паденія. Междоусобія удѣльныхъ князей, несогласія самихъ царей открывали туркамъ и персіянамъ свободный путь въ нѣдра Грузіи. Но не смотря на внутренне раздоры, она долго

— 300 —

еще противилась всѣмъ усиліямъ султана Мурата, Шаховъ, Исмаила, Магомета и Абасса Великаго. Наконецъ удѣльные князья мингрельскій, ахалцихскій, сванетскій, гурійскій и другіе, отложились отъ царя и передались туркамъ, а засимъ Карталинія, Кахетія Сомхетія и прилегающія къ ней земли признали покровительство Персіи.

Въ 1576 году горскія орды и Шамхаль вторгнулись въ сѣверные предѣлы Грузіи. Александръ II царь кахетинскій, прибѣгнувъ тогда подъ покровительство Россіи,—съ сего времени начинаются сношенія сихъ странъ. Россія защитила въ 1586 году Грузію, но не на долго: турки снова вторгнулись и не переста-

вали терзать ее, тысячи семействъ уводимы были въ Персію и въ Турцію.

Въ 1602 году Борисъ Годуновъ сваталъ для сына своего Θεодора царевну грузинскую Елену и обѣщаль вспомогательное войско отцу ея Георгію. Смерть Годунова прекратила дружелюбныя ихъ сношенія. Между тѣмъ кровь не преставала литься въ Грузіи; не было безопасности ни въ городахъ, ни въ селеніяхъ: земледѣлецъ пахаль землю вооруженный, снималь хлѣбъ подъ пулями, но не склоняль главы предъ Алкораномъ, который силился ввести и турки и персіяне. Воспламеняемый своимъ духовенствомъ и всасывая съ молокомъ матери ненависть къ иновѣрцамъ, грузинъ удержаль свою вѣру, свой воинственный духъ и любовь къ родинѣ, и если огрубѣль и приняль нѣкоторые чуждые ему обычаи, то несчастныя обстоятельства были тому причиною *).

---

*) Употребленіе покрываль (чадръ), персидскія шапки,

замки князей и нѣкогда цвѣтушіе промышленностью города исчезли.

Послѣднія вторженія Аги-Магомедъ-Хана и равореніе Тифлиса въ 1795 году рѣшило участь Грузіи: она обратила взоры свои къ единовѣрной Россіи, въ которой и прежде уже находила опору. Монархи російскіе великодушно простерли ей руку помощи.

Царь Грузіи Ираклій II, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Россією, испросилъ у великой своей покровительницы Ккатерины II вспомогательное войско, чтобы отмсетить персіянамъ за разореніе его столицы. Подвиги русскаго оружія были скоро остановлены кончиною Ея Величества.

Георгій XIII, вступивъ въ 1797 году на пре-

столь, получилъ утверженіе отъ блаженной памяти Императора Павла I объявить послѣ себя наслѣдникомъ старшаго сына своего Давида. Такое назначеніе было противно братьямъ царя Георгія, требовавшимъ, чтобы наслѣдство по немъ шло не по прямой линіи, а по старшинству братьевъ. Не говоря уже о внѣшнихъ причинахъ, ослабившихъ Грузію, домогательства многочисленныхъ членовъ царскаго дома и возникшее между ними раздоры были достаточны для истощенія послѣднихъ силъ ея.

Въ 1800 году царевичъ Александръ вторгнулся съ двадцатью тысячами лезгинъ въ Грузію, стремясь свергнуть брата своего Георгія съ престола; но грузины, съ помощію русскихъ, разбили и разсѣяли тол-

---

пантуфли (кошеби), сидѣніе съ поджавшими ногами и другія измѣненія въ одеждѣ и обычаяхъ переняты отъ персіянъ и турокъ и не существуютъ у горскихъ грузинъ.

пы лезгинъ. Въ семъ случаѣ однакожь царь Георгій удостовѣрился въ невозможности сохранить самостоятельность своей державы. Онъ обратился къ Россіи. Зная давнюю приверженность къ ней грузинъ, онъ не ошибся въ выборѣ—намѣреніе его было принято съ единодушнымъ восторгомъ народа, но понятія о присоединеніи Грузіи къ Россіи были разнородны. Лица, составляющія передовое общество, большею частью бываютъ руководимы частными своими выгодами, даже и при сужденіи о народной пользѣ. Грузинское дворянство, раздѣленное на двѣ главныя партіи, слѣдовало той же наклонности.

Одна партія послѣ смерти Георгія XIII съ нетерпѣніемъ ожидала учрежденія здѣсь Русскаго правленія, опасаясь вступленія на престоль царевича Да-

вида, который совершенно оттолкнулъ всякое къ себѣ расположеніе.

Другая партія желала напротивъ сохранить своего царя, который, находясь подъ полною зависимою Россіи, управлялъ бы Грузіею на собственныхъ ея законахъ.

Немного было такихъ, которые, устранивъ личные виды, зная характеръ народа и политическія обстоятельства того времени, полагали, что введеніе въ Грузіи русскаго гражданскаго порядка представляетъ какъ для Россіи, такъ равно и для новыхъ ея подданныхъ, слѣдующія невыгоды.

1) Непосредственнымъ присоединеніемъ Грузіи, Россія поставлялась въ обязанность не только ограждать Грузію отъ внѣшнихъ враговъ, но и возстановить ее всецѣло, а сіе требовало не малыхъ жертвованій.

— 303 —

2) Россія подверглась значительному денежному ущербу для установленія тамъ своего правительства и для приличнаго содержанія не малаго числа членовъ грузинскаго царскаго дома, а тогдашніе доходы Грузіи едва могли покрыть порознь какую нибудь изъ сихъ потребностей. Слѣдовательно, можно было опасаться, что Россія можетъ покинуть страну, которая вводила ее въ одни расходы.

3) Преобразование края; удалявшее отъ Престола, какъ бы по проискамъ дворянства, династію Багратионовъ, царствовавшую тамъ болѣе тысячи лѣтъ, поставляло это сословіе въ отвѣтственность въ случаѣ оставленія Россіею вновь пріобрѣтеннаго края.

4) По великой потребности въ Русскхъ чиновникахъ при учрежденій Правительства въ Грузіи, нельзя было надѣяться найти охотниковъ итти туда

на службу между способными, ибо каждый изъ нихъ предпочелъ бы имѣть мѣсто во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

5) Общее незнаніе Русскаго языка со стороны жителей и крайній недостатокъ въ переводчикахъ, должны, были имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ или совершенное бездѣйствіе судебныхъ мѣстъ, или покрайней мѣрѣ большую невѣрность и медленность въ судопроизводствѣ, что должно было неминуемо родить недовѣрчивость и ропотъ въ народѣ, привыкшемъ къ скорымъ и яснымъ изустнымъ рѣшеніямъ своихъ дѣлъ.

Но всѣ эти сужденія остались тщетными при прибытіи въ Грузію Генераль—Лейтенанта Кноринга, тогда Инспектора войскъ кавказской линіи, который вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ и дѣлами Грузіи. Онъ

— 304 —

смотрѣлъ на дѣло совѣмъ иначе и принялъ строгія мѣры, что бы въ предположеніяхъ своихъ не встрѣтить ни малѣйшаго противорѣчія со стороны дворянства.

Мнѣніе генераль-лейтенанта Кноринга относительно дѣлъ Грузіи было уважено, и въ 1802 году открыто Верховное Грузинское Правительство, на основаніи общихъ учрежденій внутреннихъ губерній Россіи, вмѣсто же Губернатора назначень Правитель, Народъ, упоенный надеждой будущаго благодѣнствія, приносилъ Богу искреннее благодареніе и изъявлялъ свой восторгъ продолжительными увеселеніями.

По открытіи Правительства, гражданскіе чиновники, которыхъ по необходимости принимали безъ всякаго разбора, подавали своимъ поведеніемъ весьма невыгодное о себѣ мнѣніе. Судопроизводство, особен-

но первыхъ годовъ, не могло удовлетворить просителей. Недостатокъ въ знающихъ Русскій и Грузинскій языки былъ такъ великъ, что самъ Главноуправляющій едва могъ отыскать въ Кизляѣ одного священника, каторый при немъ одинъ исполнялъ обязанность переводчика въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Изъ сего можно заключить, каково было положеніе присутственныхъ мѣстъ, лишенныхъ знанія языка. Тогдашніе переводы состояли въ словахъ, набросанныхъ на бумагѣ безъ всякаго смысла и, слѣдовательно, не всѣ обстоятельства дѣла были извѣстны судьямъ, а рѣшенія и опредѣленія—просителямъ.

Къ симъ неумышленнымъ безпорядкамъ присовокуплялись и умышленные злоупотребленія мѣстныхъ

— 305 —

начальниковъ, которые непомѣрно пользовались невѣдѣніемъ грузинскаго дворянства новыхъ правъ своихъ. Слухи о семъ непріятномъ положеніи края, дошедшіе до Высочайшаго свѣдѣнія, были причиною назначенія генераль-лейтенанта князя Ціціанова, вмѣсто Кноринга.

Князь Ціціановъ, имѣвшій основательное понятіе о положеніи Грузіи, не могъ не замѣтить ошибки, сдѣланной своимъ предмѣстникомъ, но ему ничего не оставалось болѣе, какъ преслѣдовать проистекавшія отъ оной злоупотребленія, впрочемъ, безъ всякой надежды установить желаемый порядокъ, по недостатку потребныхъ на то средствъ.

Между тѣмъ пріятно было видѣть существующее согласіе между туземцами и военнотружущими. Всякое селеніе желало имѣть у себя солдатъ на постоѣ крестьяне грузинскіе находили въ нихъ, сверхъ защитниковъ, еще и полезныхъ себѣ помощниковъ

въ работѣ.

Возмущеніе тѣуловъ, грузинъ-горцевъ, живущихъ по Арагвскому ущелью, возгорѣлось въ командованіе князя Циціанова. Тѣулы, во время производства работъ по военно-грузинской дорогѣ, убили лопатами одного капитанъ-исправника, котораго безчеловѣчіе довело ихъ до подобнаго преступленія; ближайшій военный начальникъ, вмѣсто того, чтобы принять надлежащія мѣры къ поимкѣ главныхъ преступниковъ, отрядилъ къ нимъ для сего роту пѣхоты, и это неловкое распоряженіе подало поводъ первому выстрѣлу со стороны жителей противъ русскихъ; а какъ эти беспорядки произошли во время похода князя Циціанова противъ Эривани, то и возмущеніе Тѣулетское

— 306 —

приписали вліянію персіанъ. Между тѣмъ, князь Циціановъ блокировалъ крѣпость Эриванъ и самъ въ свою очередь находился блокированнымъ 40 т. персидскихъ войскъ, подъ личнымъ предводительствомъ шаха. Положеніе Грузіи тогда было неопредѣленное, и многіе имѣли основательную причину опасаться вторженія персіанъ. Безпокойство возрастало, но геройскій духъ князя Циціанова, преодолѣвъ всѣ препятствія, успѣлъ удивить своею смѣлостію персіанъ, побѣдить шаха горстію солдатъ, возвратиться въ Грузію и усмирить мятежниковъ неожиданнымъ своимъ появленіемъ въ горахъ.

Обширность и вѣрность взгляда на тотъ край князя Циціанова, котораго кратковременное командованіе ознаменовалось успѣхами, вовсе несоразмѣрными съ имѣющимися тогда у него силами, подавали весьма лестную надежду будущности Грузіи, но предательское убіеніе его подъ г. Баку вѣроломнымъ ханомъ лишило Россію одного изъ усерднѣйшихъ

слугъ и дѣятельнѣйшихъ геніальныхъ умовъ.

Послѣ смерти князя Циціанова двое генераловъ стали оспаривать другъ у друга право главенства и командованія. Одно распоряженіе смѣнялось другимъ, никто не зналъ, кому повиноваться, и противурѣчащія приказанія двухъ властей, представляли рѣдкій примѣръ безначалія, давая неблагонамѣреннымъ удобный случай грабить и угнетать народъ. Злоупотребленія сдѣлались столь обыкновенными, что мало на нихъ обращалось вниманія. Всѣ свѣдѣнія о нуждахъ и стремленіяхъ народа представляемы были главному начальству въ превратномъ видѣ. Грузія хотя имѣла

— 307 —

тогда своихъ дворянскихъ предворителей, но они, не разумѣя русскаго языка и новыхъ правъ своихъ, оставались бесполезными представителями своего сословія. Между тѣмъ интересъ частныхъ начальниковъ требовалъ, чтобы жители, особенно помѣщички, не только не пользовались довѣріемъ главнаго начальства, но находились бы у него въ подозрѣніи; это служило для золонамѣренныхъ лучшимъ средствомъ безпрепятственнѣе удовлетворять корыстолюбивымъ ихъ видамъ, на счетъ народа, который не понималъ правъ и преимуществъ, новымъ Правительствомъ ему предоставляемыхъ.

Чрезвычайная власть, присвоенная частными начальниками, признаваема была жителями законною; власть же главноуправляющаго почиталась неограниченною и неотвѣтственною. Въ семъ убѣжденіи народъ слѣпо выполнялъ всякія незаконныя требованія капитанъ-исправниковъ. По предписанію ихъ, нерѣдко съ господскихъ деревень подводы съ дровами и фуражемъ, для ихъ знакомыхъ и пріятелей, отправлялись на дальнее разстояніе, безъ всякой пла-

ты со стороны получателя; но неоднократно примѣры удостоверяли жителей въ опасности приносить по этому поводу жалобы, которыя обыкновенно выставлялись за признакъ возмущенія.

Требованія отъ края арабъ (подводъ) и вьюковъ, при движеніи войскъ, для перевозки провіанта и комиссаріатскихъ тяжестей, были непомѣрны. Оно должно было закавказскихъ жителей заставить полагать, что они не имѣютъ собственности, и сіе совершенно препятствовало улучшенію сельской промышленности. Еслибъ не факты, имѣюще-

— 308 —

ся въ общемъ собраніи Верховнаго Грузинскаго Правительства, то трудно бы повѣрить, что четвертая часть закавказскихъ областей, въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. Грузія ежегодно, даже въ мирное время, поставляла безъ платы до 112,154 арабъ, запряженныхъ волами и буйволами, и 99,780 вьюковъ лошадей съ погонщиками. Показанное число одно уже достаточно можетъ убѣдить, чего стоила сія повинность жителямъ, которые при сихъ перевозкахъ иногда мѣшали и скоть и арбы свои. Сколь излишне было такое требованіе, можно заключить изъ того, что въ послѣдствіи вся потребность въ подводахъ удовлетворялась 8,000 арбами, и этимъ уменьшеніемъ обязана. Грузія бывшему главноуправляющему свѣтлѣйшему князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому.

Чтобы видѣть, сколь различны могутъ быть послѣдствія при однѣхъ и тѣхъ же обстоятельствахъ отъ разности распоряженія, стоитъ только сравнить экспедицію 1807 года противу Ахалкалака съ войною 1828 и 1829 годовъ. Во время экспедиціи 1807 года войскъ нашихъ было не болѣе 6,000; дѣйствія ихъ

ограничились двумя переходами и трехмѣсячнымъ временемъ. Въ послѣдней же войнѣ однихъ дѣствующихъ войскъ нашихъ было болѣе 20,000; подвиги ихъ простирались почти до Трапезонда, и дѣйствія продолжались болѣе двухъ лѣтъ. Но безпорядочное требованіе подводъ въ 1807 году довело жителей Грузіи до ошутительнаго разорѣнія, тогда какъ великая потребность оныхъ въ продолженіи послѣдней войны нисколько не обременяла ихъ, ибо повинность эта опредѣлена была точными и стро-

— 309 —

гими правилами; такъ что жители, получая за все щедрую плату, видѣли въ томъ выгодный промыселъ, и въ перевозкѣ военныхъ тяжестей армія не терпѣла остановки.

Не менѣе разительна была еще слѣдующая повинность: новое правительство, основываясь на томъ, что жители Грузіи содержали когда-то вспомогательныя войска своимъ провіантомъ, предположило, что для народа, продовольствовавшего даромъ, назначеніе малыхъ цѣнъ на то самое продовольствіе не должно быть чувствительно.

Но Правительство не входило въ разсмотрѣніе, что значило продовольствіе вспомогательныхъ войскъ при царяхъ сборнымъ хлѣбомъ безъ платы: во первыхъ, потребность въ вспомогательныхъ войскахъ представлялась въ теченіе 30 лѣтъ четыре или пять разъ; во-вторыхъ, число тѣхъ войскъ рѣдко превышало 3,000 человекъ, и, въ третьихъ, ихъ призывали на самое короткое время, для нанесенія какого нибудь удара на границахъ Турціи или Персіи. Но подобное средство, употребляемое при прежнемъ Правительствѣ въ необходимыхъ только случаяхъ, должно ли было служить образцомъ въ постоянномъ про-

довольствіи значительнаго числа русскихъ войскъ, разоряя край? Между тѣмъ, примѣръ этотъ послужилъ основаніемъ оцѣнкѣ въ Закавказіи хлѣба, которая дѣлалась совершенно произвольно главноуправляющими или губернаторами въ половину и даже въ четверть противъ мѣстныхъ цѣнъ. И эта разорительная система длилась 27 лѣтъ, т. е. до назначенія главноуправляющимъ въ Грузіи князя Варшавскаго.

— 310 —

По установленіи цѣнъ и раскладки, въ видѣ реквизиціи, безъ соображенія средствъ и урожая, отправлялись провіантскіе комиссіонеры, каждый съ командою казаковъ, которые въ продолженіе операціи продовольствовались на счетъ жителей. Помощь сихъ командъ, подъ предлогомъ охраненія казенной суммы, была необходима при закупкѣ хлѣба, ибо крайне обиженные хозяева ничтожностію платы, обороняя свою собственность, не иначе разставались съ нею, какъ по выдержаніи тѣлеснаго наказанія. Иногда поставка провіанта падала по раскладкѣ на такія селешнія, которыя по какому либо случаю не имѣли собственнаго хлѣба и должны были закупать у другихъ; тогда комиссіонеры дѣлали съ ними особую сдѣлку, сами поставляли ва нихъ провіантъ, получая отъ нихъ за то деньгами, но уже не по казенной цѣнѣ, а по настоящей, и притомъ взимали еще нѣкоторую плату за доставку и сдачу въ магазинъ, ибо при сдачѣ хлѣба самими жителями съ нихъ всегда бралось болѣе положеннаго.

Когда же, къ несчастію, требованіе провіанта падало на селенія, не имѣвшія возможности доставать его ни у себя, ни у другихъ, по причинѣ неурожая, то въ семьъ случаѣ жители поступали въ полное рас-

поряженіе комиссіонера, который, бросивъ имъ слѣдующую по казенной оцѣнкѣ сумму, грозно приказывалъ, чтобъ былъ провіантъ, и тогда мѣра сдѣлки между ними совершенно зависѣла отъ каприза покупателя.

Произведеніе тамошнихъ садовъ встрѣчало другого рода препятствіе и стѣсеніе въ сбытъ. До назначенія въ Грузію главноуправляющимъ генераль-

— 311 —

фельдмаршала князя Варшавскаго, тамошня виноградныя вина подвергались таксъ, и эта такса въ Тифлисъ, гдѣ потребность вина простирается до 700 т. ведеръ въ годъ, устанавливалась самими покупателями, ибо полиція предоставляла имъ какъ сортированіе привозимаго въ Тифлисъ вина, такъ и назначеніе цѣны и притомъ указывала продавцамъ, кому именно должны они продавать лучшія свои вина, строго воспрещая отпускать ихъ другимъ; за исполненіемъ сего приказанія обыкновенно наблюдали полицейскіе чиновники. Такимъ образомъ, чѣмъ лучше были вина, тѣмъ болѣе они подвергались притѣсненію при продажѣ.

Жестокое самоуправство нѣкоторыхъ полковъ, по смерти князя Циціанова, доводило до крайняго разоренія жителей не только тѣхъ деревень, въ коихъ тѣ полки были расположены, но и окрестности, которыя отъ нихъ рѣшительно не знали никакой собственности. Домашнія птицы, вина, огороды, лошади, подводы, все ихъ имущество находилось въ полномъ распоряженіи солдатъ; заборы и таркальники отъ виноградниковъ обыкновенно употреблялись на топку казармъ, и все это дѣлалось явно, безъ воспрещенія, безъ взысканія и безъ жалобъ со стороны хозяевъ, которые въ отвѣтъ ничего не могли ожидать,

кромѣ угрозъ и наказаній. Многіе дворяне, избѣгая притѣсненій, а болѣе еще личныхъ обидъ, оставили свои имѣнія и удалились въ Персію къ царевичу Александру.

Вездѣ находятся люди, кои прислужливостію больше выигрываютъ, чѣмъ другіе прямою службою.

— 312 —

Между тѣмъ какъ вышеизложенные беспорядки приводили народъ въ отчаяніе, нѣкоторые, искавшіе выставить свою преданность главному начальству, изображали положеніе жителей Грузіи съ самой выгодной стороны, утверждая, что они ограждены отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей, увѣрены въ своей собственности и что сбываютъ свои произведенія свободно за хорошія цѣны, и прочее, но что они не хотятъ чувствовать своего благополучія; за симъ они называли грузинъ неблагодарными и невѣдающими, что они Россіи никакой пользы не приносятъ.

Подобныя сужденія служили первымъ основаніемъ заключенію о нерасположеніи грузинъ къ Русскому Правительству и о бесполезности самага края, который будто былъ для Имперіи однимъ предметомъ издержекъ. Вотъ, какое мнѣніе имѣло долгое врѣмя главное начальство о Закавказьѣ, безъ постиженія характера его народа и вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній той земли, обѣщающихъ неизмѣримуую пользу державѣ, ея владѣющей.

Несчастные походы графа Гудовича въ ахалкалакъ и Эривань, генерала Тармасова подъ Ахалцихъ и потомъ вторженіе персовъ, набѣги койхъ доходили почти до Тифлиса, имѣли почти жестокія послѣдствія; во-первыхъ, беспорядочная потребность подводъ на военные транспорты въ вышеозначенныхъ походахъ истребили повсемѣстно множество рога-

таго скота; во-вторыхъ, чума, занесенная въ 1810 году, по ретирадѣ генерала Тармасова изъ Турціи, распространилась въ Закавказіи; въ третьихъ, общій неурожай произвелъ жестокій голодъ по всей Грузіи; все это повергало туземцевъ въ уныніе, и прежнія

— 313 —

надежды на счастье исчезли. Народъ терпѣлъ, но наконецъ силы его терпѣнія истощились. Главною сему причиною было слѣдующее: по принятіи командованія отъ генерала Тармасова маркизомъ Паулучи, войска показаны были обеспеченными заготовленнымъ провіантомъ но когда полки стали требовать продовольствія, сткрылось, что всѣ главные магазины были почти пусты; это ложное показаніе основано было на томъ, что деньги комиссіонерами на закупку провіанта, были по деревнямъ разбросаны, а потому провіантъ считался наличнымъ; но при общемъ необыкновенномъ голодѣ 1811, а особенно 1812 года, когда жители по лѣсамъ питались кореньями и травами, когда въ Тифлисѣ четверть дурной муки продавалась отъ 20 до 30 руб. серебромъ—всѣ прежде употребляемыя строгія средства къ добытію провіанта оказались бесполезными.

Провіантскіе чиновники, поддерживаемые своими заступниками, представляли начальству съ обыкновенною своего смѣлостю, что показанный провіантъ, дѣйствительно, закупленъ, что деньги за онный приняты жителями и что они скрываютъ хлѣбъ потому только, что цѣны возвысились. Между тѣмъ, для предстоявшей нужды, открытіе незаконнаго дѣйствія правіантскихъ чиновниковъ не представляло ничего удовлетворительнаго.— осталось одно средство: повѣривъ донесенію комиссіонеровъ и сложивъ всю вину на жителей, поставитъ ихъ въ экзекуцію для пропитанія

военныхъ командъ до выставки провіанта.

Рѣшившись, по крайности обстоятельствъ, на столь опасную мѣру, маркизь Паулучи самъ отправился въ персидскія провинціи, на берегу Каспійскаго

— 314 —

моря, для успокоенія тамошнихъ жителей, приведенныхъ также въ отчаяніе злоупотребленіями мѣстныхъ нашихъ начальниковъ.

Легко себѣ представить, каково было въ Грузіи. обхожденіе съ крестьянами солдатъ, поставленныхъ къ нимъ съ приказаніемъ понуждать ихъ къ выставкѣ будто-бы купленнаго уже у нихъ провіанта, который они по недоброхотству скрываютъ, и съ дозволеніемъ брать у хозяевъ себѣ въ пищу все, что попадется.

Всѣ поиски и понужденія чиновниковъ экзекуціями остались тщетными. Провантъ нигдѣ отысканъ не былъ, и сами солдаты, особенно въ Кахетіи, большею частію питались мясомъ домашнихъ птицъ и рогатаго скота, Въ исходѣ 1811 года возгорѣлось въ Кахетіи ужасное возмущеніе, въ которомъ внезапно истреблено нѣсколько сотъ войскъ, разбросанныхъ на экзекуціи. Трудно изъяснить тогдашнее остревененіе народа; онъ бы не пощадилъ ближайшаго къ себѣ, еслибъ замѣтилъ въ немъ расположеніе къ русскимъ. Мятежники ворвались въ Сигнахскую крѣпость, перерзали всѣхъ найденныхъ въ ней чиновниковъ, Телавской крѣпости угрожала та же участь; маіоръ Ушаковъ въ Телавскомъ уѣздѣ и маіоръ князь Орбеліани въ Сигнахскомъ, удержали два пункта и съ урономъ отражали покушенія мятежниковъ; всѣ же остальные части обоихъ уѣздовъ находились въ полномъ распоряженіи буйной черни.

По возвращеніи съ береговъ Каспійскаго моря, маркизь Паулучи, собравъ отрядъ изъ 1,500 пѣхоты

съ артилерією, однимъ полкомъ казаковъ и грузинскою кавалерією, составленною почти изъ одного дворянства, двинулся къ лѣсистымъ Гомборскимъ горамъ Кахетіи,

— 315 —

гдѣ находилось главное скопище мятежниковъ. Для предварительнаго увѣщеванія онъ отправилъ къ нимъ нѣсколькихъ довѣренныхъ особъ изъ дворянъ и духовенства, чрезъ которыхъ обѣщаль имъ испросить Высочайшее прощеніе, если они съ полнымъ раскаяніемъ и покорностію возвратятся въ свои дома. Посланные явились къ мятежникамъ, Нѣкій Коцо Ахановъ, начальникъ бунтовщиковъ, выслушавъ посланныхъ, далъ имъ слѣдующій отвѣтъ: „Мы знаемъ, что насъ мало въ сравненіи съ рускими, не надѣемся ихъ побѣдить; но желаемъ, чтобы они насъ истребили: мы искали покровительства Русскаго Царя, и Богъ далъ намъ его, но несправедливости и жестокости его слугъ привели насъ въ отчаяніе. Мы долго терпѣли! Нынѣ же, когда Господь послалъ намъ этотъ ужасный голодъ, когда мы сами ѣдимъ коренья и траву, отъ насъ насильственно требуютъ хлѣба и фуража! Насъ выгнали изъ собственныхъ домовъ, рылись въ сундукахъ и ямахъ нашихъ, открывали наши запасы вина и, напившись до-пьяна, оскверняли остальное, бросая туда нечистоты. Наконецъ, на глазахъ нашихъ стали обижать женъ и дочерей. Неужели и послѣ такого семейнаго срама дорога намъ жизнь! Мы виноваты предъ Богомъ и Русскимъ Царемъ, обагривъ руки въ христіанской крови, но, Богъ свидѣтель, измѣнить рускимъ никогда въ нашемъ помышленіи не было; насъ вынудили къ тому силою, и мы рѣшились погибнуть на мѣсть; на прощеніе намъ надѣяться нечего,—кто откроетъ наше положеніе Государю? Развѣ мы не

помнимъ, что намъ отвѣчали ваши начальники, когда мы ссылались на него: „до Бога высоко, до

— 316 —

Царя далеко“. Слова эти, подтвержденные всѣми присутствовавшими мятежниками, были въ тотъ же день переданы маркизу Паулучи.

Послѣ сего оставалось для усмирения мятежа, одно средство—прибѣгнуть къ окружю. Двѣ небольшія стычки въ коихъ дѣйствовала болѣе артиллерія, разсѣяли непокорныхъ; взятые въ сраженіи были тотчасъ повѣшены, остальнымъ объявлено прощеніе на прежде упомянутыхъ условіяхъ. Содѣйствиемъ грузинскаго духовенства и помѣщиковъ всѣ весьма скоро усмирились и явились съ раскаяніемъ къ главноуправляющему.

По усмирении мятежа представлены были Правительству изъ разныхъ деревень Кахетіи солдаты, спасенные жителями отъ преслѣдованія мятежниковъ. Солдаты эти показывали, что они, дѣйствительно, были спасены хозяевами, довольными ихъ поведеніемъ. Неслужить ли это доказательствомъ, что возмущеніе произошло единственно отъ временнаго оскорбленія? Былъ ли хотя одинъ примѣръ во всемъ Закавказіи, за исключеніемъ этого мятежа, чтобы русскій солдатъ погибъ отъ руки грузина?

Засимъ главноуправляющій приказалъ немедленно собрать подробное свѣдѣніе о причинахъ, стѣснявшихъ жителей, дабы начальство могло принять надлежащія мѣры къ справедливому успокоенію; но въ это самое время получено было повелѣніе о назначеніи генерала Ртищева на мѣсто маркиза Паулучи, и это перемѣна родила въ народѣ новые толки, новое подозрѣніе, новую опасность и, слѣдовательно, новое волненіе умовъ.

Одинъ изъ помѣщиковъ, по личнымъ неудовольствіямъ противу начальства, замѣтилъ волненіе черни, собралъ довольно значительную шайку буйныхъ и въ продолженіе нѣкотораго времени нарушилъ спокойствіе Кахетіи; это былъ первый примѣръ въ Грузіи, чтобъ помѣщикъ позволилъ себѣ сдѣлаться главою бунтовщиковъ; поступокъ его заслуживалъ примѣрнаго наказанія, но генералъ Ртищевъ употребилъ въ семъ случаѣ излишнюю кротость и хотя помѣщикъ этотъ смирился, но уже успѣлъ прежде во время бунта отъправитъ нарочнаго въ Персію къ паревичу Александру съ приглашеніемъ его, будто отъ имени народа. Подобное приглашеніе тѣмъ благопріятнѣе было для персіанъ, что война французовъ противъ Россіи въ то время уже возогрѣлась.

Кахетинскіе уѣздные предводители дворянства, замѣтивъ новое безпокойство въ народѣ, просили объ усиленіи войскъ въ уѣздахъ, представивъ угрожающую опасность, если царевичъ Александръ покажется и не встрѣтитъ препятствія; но какъ въ это самое время генералъ Ртищевъ находился на границахъ Персіи для мирныхъ переговоровъ съ Абазъ-Мирзою, куда и силы русскихъ войскъ были стянуты, то и просьбы уѣздныхъ предводителей остались безъ удовлетворенія.

Въ послѣдствіи открылось, что переговоры со стороны персовъ служили только отводомъ для доставленія царевичу Александру болѣе удобства вороваться въ Кахетію. Въ семъ случаѣ персіане имѣли благоразуміе отъправитъ его въ сопровожденіи собственной лишь его свиты безъ всякаго вспомогательнаго отряда, ибо тогда кахетинцы по ненависти къ пер-

сіанамъ, несмотря на всѣ предшествовавшія обстоятельства, конечно, не приняли бы царевича. Ему не трудно было усилить родившуюся въ нихъ неловѣрчивость къ русскимъ и воспламенить чувство недавняго оскорбленія. Горцы и вся чернь кахетинская его окружили. Нѣкоторые изъ дворянъ, видя возрастающую его власть и нерѣшительное противудѣйствіе русскихъ, присоединились къ нему, но значительнѣйшіе изъ нихъ находились въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ царевича Александра подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Орбеліани.

Попытка царевича Александра кончилась изгнаніемъ его въ Дагестанъ и разореніемъ лучшей части Грузіи (Кахетіи); главный же виновникъ сего замѣшательства, вышеупомянутый помѣщикъ, привлекшій царевича, погибъ, дѣйствуя противъ него въ рядахъ русскихъ.

Сколь ни были ясны причины вторженія царевича Александра, послѣдовавшія за первымъ бунтомъ, все-же находились люди, которые приписывали это возстаніе предуготовленному замыслу туземцевъ, интригамъ персидскаго двора и даже вліянію Наполеона, и сей вымыселъ колонился къ тому, чтобы сложить всю вину возмущенія на одно лишь непостоянство народнаго характера и нерасположеніе его къ русскимъ, и тѣмъ самымъ скрыть истину.

При подробномъ разсмотрѣніи тогдашнихъ безпокойствъ открывается, напротивъ, что они были только мѣстныя и что въ нихъ другіе уѣзды Грузіи никогда не участвовали. Кахетинскій бунтъ произошелъ безъ всякихъ политическихъ причинъ и сторонняго вліянія, но единственно отъ безпримѣрнаго

стѣсненія жителей, особенно при несчастномъ взысканіи съ нихъ провіанта посредствомъ экзекуціи, которая переступила всѣ мѣры безчинства. Первый взрывъ того мятежа послѣдовалъ въ деревнѣ Тіонети по случаю ужаснаго происшествія, о коемъ благопристойность воспрещаетъ упоминать.

До чего не могло дойти буйство солдатъ, уполномоченныхъ употреблять силу противъ хозяевъ для добыванія себѣ пищи? Какихъ послѣдствій не повлекло оно, особенно при изобиліи вина, увеличивавшаго съ юдной стороны жестокость и безчинства, а съ другой — чувства озлобленія и мщенія?

Грузинское дворянство, столь отдаленное отъ подножія престола своего Государя, и тогда также находилось безгласнымъ по всегдашней системѣ мѣстнаго начальства, и потому истинная картина того бѣдственнаго времени не была доведена въ настоящемъ видѣ до Высочайшаго свѣдѣнія.

Такимъ образомъ, отъ вышеозначенныхъ причинъ пострадали уѣзды, отличавшіся богатствомъ и населеніемъ. Эти уѣзды, будучи нѣсколько ограждены отъ набѣговъ горцевъ, должны благоденствовать; и дѣйствительно, какъ могла быть счастлива Грузія при Русскомъ Правительствѣ, когдабъ попечительность онаго доходила до сего края безъ измѣненія, Мы видимъ живые примѣры даже въ земляхъ завоеванныхъ: Лифляндія, Вурляндія и Эстляндія, благословляютъ свою судьбу подъ скипетромъ — Россіи; неужели Грузія, прибѣгнувшая къ покровительству сильной и единовѣрной державы, имѣла менѣе причинъ быть преданною виновнику своего благополучія? Но тогда она не имѣла высокаго счастья

быть непосредственно извѣстной своему Государю—слишкомъ велико было пространство, отдѣлявшееся отъ престола; слишкомъ слабъ голосъ ея жителей, чтобы достигнуть до онаго. Въ теченіи 37 лѣтняго присоединенія, ни одна народная жалоба, ни малѣйшая общая просьба со стороны грузинъ не была, повергнута къ священнымъ стопамъ Великаго Монарха, принявшаго ихъ въ составъ своихъ вѣрноподданныхъ. Какъ ни велико было стѣсненіе помѣщиковъ и земледѣльцевъ, они не дерзали обращаться къ Августѣйшей особѣ своего Государя съ просьбами, на которое мѣстное начальство не обращало никакого вниманія. Грузинамъ было объявлено, что имъ предоставляются тѣ же права и преимущества, какими пользуются всѣ подданные Россіи, но на опытѣ видѣли тому противное, даже относительно собственности.

Въ такомъ положеніи находилась Грузія до назначенія главноуправляющимъ князя Варшавскаго, т. е. въ теченіе 27 лѣтъ. Послѣ сего можно ли удивляться нынѣшнему состоянію тамошнихъ помѣщиковъ и поставить въ укоръ грузинамъ бездѣйствіе къ улучшенію сельской промышленности и равнодушіе ихъ ко всѣмъ хозяйственнымъ трудамъ, не увѣрившись въ неприкосновенности пріобрѣтаемой собственности?

Несмотря на сіе, Грузія сроднились уже съ Россією; яснымъ доказательствомъ тому служитъ вѣроломное вторженіе персовъ 1826 года. Удачи ихъ, довольно значительныя въ течене нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и всѣ происки, не могли поколебать ни въ одномъ грузинѣ должной приверженности къ Русскому Царю. По первому возванію, дворянство и поселяне

явились готовыми сражаться под знаменами Россіи.

Прятно полагать, что послѣднія достопамятныя военныя событія въ Закавказьѣ и ближайшее знакомство Русскихъ съ тѣмъ краемъ, уже измѣнили прежнее мнѣніе о бесполезности Грузіи относительно Россіи. Нельзя не согласиться, что присоединеніе сего края служить: во-первыхъ, основаніемъ законности правъ къ владычеству Россіи въ Закавказьѣ; во-вторыхъ, что Закавказье представляетъ единственный военный постъ для непосредственнаго вліянія на Турцію и Персію; въ-третьихъ, что присоединеніемъ Грузіи, Россія кругомъ обложила горскихъ жителей Кавказа, кои неминуемо должны умножить число ея подданныхъ; тогда какъ, оставаясь въ прежнемъ положеніи, они могли бы современемъ сдѣлаться опасными для южной части И м п е р і и, и въ-четвертыхъ, что Закавказье весьма важно для Россіи въ финансовомъ отношеніи, неизмѣримыми своими средствами и видами торговли.

Необыкновенныя политическія событія, приведшія въ сотрясеніе всю Европу и великія послѣдствія оныхъ лишали Россію времени и средствъ обратить надлежащее вниманіе на свое пріобрѣтеніе въ Закавказьѣ, а мѣстное начальство, находясь до заключенія Гюлистанскаго мира въ безпрестанныхъ тревогахъ военныхъ, не могло собрать достаточныхъ свѣдѣній для будущихъ экономическихъ распоряженій Правительства въ странѣ, столь изобилующей богатствами природы,—нынѣ же, по утверженіи владычества Россіи въ Закавказьѣ въ безспорныхъ предѣлахъ, при настоя-

щемъ ея могуществомъ, нѣтъ уже препятствій обращать просвѣщенную дѣятельность на улучшение сельскаго хозяйства и торговля въ тѣхъ благословенныхъ мѣстахъ, гдѣ труды человѣческіе столь щедро вознаграждаются, даже въ настоящемъ быту земледѣлія. Что же было бы, когда бъ оно достигло той степени улучшения, которое сдѣлалось общимъ, не только между европейцами, но и перешло въ отдаленнѣйшія мѣста Новаго свѣта. По имѣющимся нынѣ свѣдѣніямъ о Закавказьѣ и духъ разныхъ племенъ, ее населяющихъ, попечительное Правительство, конечно, не оставитъ начертать постоянную систему, для руководства тамошняго начальства, опредѣлить точку, съ которой оно должно смотрѣть на каждую часть того края, и укажетъ, чему постоянно слѣдовать въ управленіи онымъ, дабы съ перемѣнами начальниковъ не измѣнялись данныя имъ правила и чтобы успѣхи, сдѣланные одними, не могли быть оставлены другими отъ противоположности взгляда на предметы Закавказья, которое весьма мало заключаетъ въ себѣ неудобныхъ мѣстъ; большая часть ея земли способна на произведеніе тропическихъ растений; но въ соразмѣрности ея плодороднаго пространства недостатокъ рукъ весьма ощутителенъ.

Переселеніе земледѣльцевъ изъ Россіи въ Закавказьѣ не удовлетворило бы главную цѣль, ибо они не могли бы заняться работою тропическихъ произведеній, которые не иначе рождаются, какъ въ самыхъ жаркихъ мѣстахъ, пагубныхъ для Сѣверныхъ жителей, На сіе полезное употребленіе необходимо беречь туземцевъ. Слѣдовательно, нужна особая заботливость о размноженіи класса земледѣльцевъ, не отвлекая ни

одной руки на какое либо другое употребленіе. Лѣность, приписываемую вообще всѣмъ жителямъ юга нельзя относить къ классу земледѣльцевъ Закавказскихъ. Недостатокъ ихъ состоитъ не въ трудолюбіи, но въ томъ, что они несвѣдущи въ выборѣ выгодныхъ работъ и въ образѣ ихъ производства, а еще болѣе въ способѣ сбывать свои произведенія. Въ нихъ не показывается склонность къ промышленности отъ того, что по частымъ тревогамъ и переходамъ цѣлыми селеніями съ мѣста на мѣсто отъ набѣговъ, они въ продолженіи весьма долгаго времени заботились производить только такое количество припасовъ, котораго достаточно было бы собственно на пропитаніе ихъ семействъ. Нѣтъ сомнѣнія, что промышленность, слѣды исчезли которой отъ продолжительныхъ войнъ, по мѣрѣ водворенія спокойствія, опять возродится, и что этотъ край, нынѣ столь необразованный, не имѣющій даже внутреннихъ порядочныхъ сообщеній и дорогъ, пользуясь попечительнымъ управленіемъ Россіи, при дѣятельности, возбужденной соревнованіемъ въ самое короткое время, замѣнитъ ей лучшія Индейскія и Американскія колоніи и щедро вознаградитъ попеченія своего благодѣтеля.

Грузія, относительно внутренняго устройства по удобной и законодательной частямъ, могла бы имѣть вѣрное улучшеніе, пользуясь во всемъ Русскими законами.

Вахтангово уложеніе неполное, собранное кое-какъ,— изданное во времена смуть, царствовавшихъ въ Грузіи, нисколько не соотвѣтствуетъ нынѣшнему ея быту, производя одну запутанность въ дѣлахъ исковыхъ, оно ни мало не удовлетворяетъ ни распорядительной ни

судебной частямъ. Всеобщее введеніе свода Россійскихъ законовъ въ Грузіи было бы великимъ благодѣяніемъ для края, и для сего требуется только перевести сводъ на грузинскій языкъ, подобно, какъ оный переводится на нѣмецкій.

Примѣчаніе: Лазика, или Чанети, составляла одну изъ первобытныхъ частей Грузіи, племя, и понынѣ тамъ обитающее, есть грузинское, говоритъ чистымъ грузинскимъ языкомъ; но бывъ отторгнуто отъ Иверіи турками, приняло магометанство. То же воспослѣдовало съ Ахалцихскою провинціею, которая, сдѣлавшись турецкимъ пашалыкомъ, сохранила грузинскій языкъ, но приняла магометанство.

Евреи въ Грузіи и Имертіи.

Нигдѣ евреи такъ не сроднились съ языкомъ и обычаями туземцевъ, какъ въ Грузіи и Имеретіи. Грузинскіе или имеретинскіе евреи, одѣты какъ грузины и имеретины, говорятъ чистымъ грузинскимъ языкомъ, какъ природные грузины. Въ Мингреліи тоже нельзя различить еврея отъ мингрельца. Не такъ живутъ евреи въ южныхъ, западныхъ губерніяхъ Россіи. Съ первыхъ же словъ замѣтно, что тамошніе еврей не могли сродниться ни съ языкомъ, ни съ пріемами русскими. Казанскій татаринъ больше похожъ на русскаго человѣка, чѣмъ еврей, всю жизнь проведеній въ Россіи. Въ Грузіи и Имеретіи евреи живутъ съ первыхъ же вѣковъ историческихъ, когда древніе завоеватели нападали на Палестину и Іерусалимъ и опустошали ихъ. Избѣгая плѣна, многіе изъ евреевъ

находили спасеніе въ бѣгствѣ, направляясь на сѣверъ отъ Палестины и странствуя по направленію къ горнымъ ущельямъ Тавра и далѣе къ Кавказу, обрѣтали, наконецъ, убѣжище въ Грузіи и Имеретіи, въ странѣ, которая, по гористому своему положенію, представляла собою далекое отъ Палестины и безопасное мѣсто.

Первое появленіе ихъ въ Грузіи, по словамъ грузинскихъ лѣтописей, относится къ эпохѣ плѣненія евреевъ ассирійскими завоевателями. Еще прославленные въ древности Нинъ и супруга его Семирамида распространили свои владѣнія до горъ Кавказскихъ. Изъ преемниковъ ихъ царь Набопалосаръ завоевалъ и Вавилонское царство и, владѣя Грузіею, содержалъ войско изъ грузинъ, вызванныхъ имъ въ Вавилонъ, которые участвовали въ его походахъ. Такимъ образомъ, грузины находились въ составѣ вавилонскаго войска и принимали вмѣстѣ съ нимъ участіе въ нашествіи вавилонскаго царя Навуходоносора на Финикію и Палестину и въ разграбленіи Иерусалима еще за 600 лѣтъ до Р. Х.

Навуходоносоръ, по словамъ историка Моисея Хоренскаго (кн. I гл. 7, 8, 22), поселилъ плѣнныхъ евреевъ на юго восточномъ берегу Чернаго моря, въ нынѣшнемъ Лазистанѣ и Гуріи. По расселеніи же девяти колѣнъ израильскихъ Салманасаромъ, царемъ вавилонскимъ, по Азіи и водвореніи ихъ въ Мидіи, и на берегахъ Ефрата, евреи выселились и въ Грузію.

Недавно найдена во Мцхетѣ еврейская надгробная надпись 589 года до Р. Х., подтверждающая пребываніе тогда евреевъ въ Грузіи.

Магасоенъ, писатель—историкъ въ концѣ III и

въ началѣ IV столѣтія до Р. Х., упоминаетъ тоже, что Навуходоносоръ переселилъ часть плѣнныхъ евреевъ въ Иверію на востокъ отъ Чернаго моря. По словамъ армянскихъ историковъ, одинъ изъ главныхъ плѣнниковъ еврейскихъ, по имени Шамбатъ, былъ родоначальникомъ нынѣшнихъ грузинскихъ Князей Багратіоновъ, который будто во времена еще Навуходоносара, со всѣмъ родомъ своимъ поселился въ Арменіи. Изъ того же рода, по свидѣтельству греческаго Императора Константина Багрянороднаго въ X вѣкѣ, происходятъ сказанные выше грузинскіе Багратіоны, о чемъ упоминаютъ также лѣтописи грузинскаго царя Вахтанга и историка Грузіи царевича Вахушта.

Поддерживая торговыя и родственныя сношенія съ Палестиною и Финикіанами, евреи, поселившіеся въ Грузіи, или грузинскіе евреи увлекали за собою и другихъ единоверцевъ, терпѣвшихъ какъ при ассирійскихъ и вавилонскихъ царяхъ, такъ и впослѣдствіи, при римлянахъ, безпрестанныя гоненія и находившихъ мирный пріютъ въ Грузіи, въ ея столицѣ Мцхетѣ, гдѣ жили свободно какъ при прежнихъ мамасахлисахъ, управлявшихъ странюю, такъ и послѣ, при царяхъ, замѣнившихъ мамасахлисовъ еще за 300 лѣтъ до Р. Х.

Несмотря на отдаленность Палестины, многіе изъ благочестивыхъ евреевъ отправлялись въ Іерусалимъ съ религіозною цѣлью, справлять Пасху въ стѣнахъ завѣтнаго храма Іерусалимскаго, и, такимъ образомъ, сношенія съ Палестиною не прекращались.

Въ 8-мъ году царствованія грузинскаго царя Адерка родился Іисусъ Христосъ. О дѣяніяхъ Спаси-

теля и о чудесахъ Его рассказывали прїѣзжіе изъ Іерусалима во Мцхетъ евреи своимъ грузинскимъ еди-
новерцамъ, которые, также какъ и Іерусалимскіе ев-
реи, не вѣрили въ божество Спасителя. Изъ нихъ
мцхетскій житель еврей Еліозъ очень часто бывалъ
въ Іерусалимѣ съ благочестивою цѣлью помолиться
на Пасху въ священномъ храмѣ. Мцхетскіе евреи
знали, что ихъ соплеменники въ Палестинѣ предпри-
нимали гоненіе на Іисуса, но живя далеко, здѣшне
евреи не принимали участія въ тѣхъ преслѣдованіяхъ.
Эліозъ вмѣстѣ съ другими, по обыкновенію, отправил-
ся въ Іерусалимъ къ Пасхѣ. Благословляя его на до-
рогу, мать и сестра его, которыя знали также по
слухамъ о благочестивой жизни и о чудесахъ Іисуса,
просили Эліоза не принимать участія въ смутахъ, ко-
торыми отличались Іерусалимскіе евреи, и въ гоненіи,
которое они предпринимали по временамъ противъ
Іисуса Христа. Случилось такъ, что именно въ это
время распяли Спасителя, и Эліозъ, позабывъ завѣтъ
своей матери и сестры, былъ въ числѣ гонителей и
распинателей Іисуса Христа, и ему-же, по жребію,
достался хитонъ Спасителя.

Испугавшись тѣхъ страшныхъ явленій, которыя
сопровождали смерть Іисуса Христа, Эліозъ смущался
подъ вліяніемъ тревожныхъ мыслей, что хитонъ при-
надлежалъ несправедливо пострадавшему, въ невин-
ности котораго онъ убѣдился; онъ вспоминалъ слова
своей матери и сестры и безпокоился о судьбѣ своей
и о судьбѣ своего семейства въ далекой Грузіи и
потому съ благоговѣніемъ уже смотрѣлъ на хитонъ
Спасителя и берегъ его, какъ принадлежность чело-
вѣка святого. Возвратившись домой во Мцхетъ, Элі-

озъ не засталъ уже своей матери въ живыхъ и разсказаль обо всемъ случившимся въ Иерусалимѣ своей сестрѣ. Она перепугалась, услышавъ, что ея братъ принималъ участіе въ распятіи Іисуса, и, взявъ отъ него хитонъ, какъ святыню, въ свой объятія, поцѣловала его и прижала къ себѣ съ благоговѣніемъ; но тутъ же она упала замертво.

Вѣсть объ этомъ распространилась какъ между евреями, такъ и между грузинами, и дошла до царя Адерка. Сестру Эліоза вмѣстѣ съ хитономъ похоронили въ домашнемъ его саду, гдѣ впослѣдствіи воздвигнутъ нынѣшній Мцхетскій соборъ.

Извѣстно, что по смерти Іисуса Христа римляне начали преслѣдованіе и гоненіе евреевъ, которые разсѣялись по лицу вемному. Очень многіе изъ нѣхъ отравились въ Грузію и, поселившись тамъ навсегда, образовали нѣсколько деревень, въ особенности къ Манглійскому ущелью, которымъ они давали названія деревень своей родины—Палестины, а именно Бетлеми (Виолеемъ), Самарія, Бетанія и пр., откуда они производили торговлю съ окрестными жителями.

Въ Тифлисъ, за старою крѣпостью, гора, у подошвы которой расположены предмѣстья Харпухъ и Тифлисскія минеральныя горячія бани, называлась и называется донынѣ гора Өаворъ, თაღმბობი ბორი. Въ Кахетіи до сихъ поръ есть большая деревня подъ названіемъ Уріать-убани ურიათი უბანი т. е. еврейское село, или еврейскій кварталъ.

Такимъ образомъ, преданіе о страданіяхъ Іисуса Христа, о страшныхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ его смерть, и о Его праведности передавались изъ рода въ родъ между грузинскими евреями, въ особенности

во Мцхетѣ. Могила сестры Эліоза сдѣлалась предметомъ благоговѣнія между ними, привлекая поклонниковъ, которые вѣрили, что земля отъ той могилы, разведенная въ водѣ, исцѣляла больныхъ и страждущихъ.

Впослѣдствіи когда св. Нина, въ 314 году по Р. Х., при грузинскомъ царъ Миріанѣ просвѣтила Грузію свѣтомъ Евангелія, и грузины приняли христіанскую религію, потомки Эліоза и разбойника Варравы, немедленно обратились ко Христу. Этотъ Варрава, какъ говорило преданіе, послѣ освобожденія Его Понтійскимъ Пилатомъ изъ-подъ стражи, вмѣсто Иисуса Христа, поспѣшилъ удалиться подальше отъ Палестины, въ Грузію, къ своимъ единовѣрцамъ, сохранивъ благоговѣніе къ памяти Спасителя, невинно пострадавшаго по проискамъ Іерусалимскихъ евреевъ, и преданія объ Иисусѣ Христѣ передавалось изъ рода въ родъ въ семействѣ Варравы, также какъ въ семействѣ Эліоза.

Впослѣдствіи, въ теченіи многихъ вѣковъ, Грузія и Имеретія страдали отъ непрерывныхъ нашествій восточныхъ завоевателей: персовъ, арабовъ, монголовъ, туркменовъ и турокъ (османовъ), которые проходили чрезъ Грузію и Имеретію съ огнемъ и мечемъ, обращая города и села въ груды развалинъ. Такимъ же образомъ опустошены были и еврейскія деревни по Манглійскому ущелью, и сами тамошніе евреи частью истреблены и частью уведены въ плѣнъ, также какъ и христіане.

Еврейскіе путешественники, оставившіе описанія свойихъ путешествій, находили своихъ единовѣрцевъ, не только въ Грузіи, но и въ горахъ Кавказскихъ и

у хазаръ. Еврей Веніаминъ, Раввинъ Тудельскій, въ описаніи своего путешествія около 1174 года (гл. XII), пишетъ, что онъ встрѣчалъ много евреевъ по Азіи и по землѣ Георгеянъ (т. е. въ Грузіи, даже очень далеко до Ассанскихъ горъ (т. е. сванетскихъ)). По словамъ другого Раввина Авраама Бенъ-Діора (Лат. пер. съ евр. изданія въ Амстердамѣ 1734 году т. 2, стр. 292), находились въ Грузіи издревле еврейскія синагоги, и многіе хазары были обращены въ еврейскую религію. Тотъ еврейскій писатель раввинъ Авраамъ Бенъ-Діора, многія названія мѣстностей въ Грузіи производитъ отъ еврейскихъ словъ, именно: городъ бывшій въ Колхидѣ, Сибарисъ производитъ отъ еврейскаго Бира, которое встрѣчается у 70 толковниковъ Барисъ, и означаетъ столицу; Варіонъ, городъ въ Грузіи (Иверіи)—отъ слова Вара, по еврейски—дворецъ или мѣстопробываніе владѣтеля (Деревня Варіани съ развалинами и теперь находится въ Горіскомъ уѣздѣ, между деревнями Брети и Цхинвали, поселенными евреями). Битіусъ—отъ слова Битіа—вѣчный городъ; Бирука, городъ въ Албаніи—по еврейски—благословенный; Самара, городъ въ Иверіи—въ память Самаріи палестинской.

Сближеню съ евреями Гузины обязаны тѣмъ, что до сихъ поръ еврейскія имена, сохранивъ свойства еврейскаго языка, сдѣлались народными въ Грузіи, Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, и грузины производятъ ихъ одинаково съ евреями, какъ то: Иесо—Иисусъ; Мосе—Моисей; Абрамъ—Авраамъ; Абесаломъ—Авесаломъ; Абель—Авель; Исакъ, Тамара, Давидъ, Сарра, Даніель, Мелькиседекъ, Соломонъ, Яковъ, Еремій и проч....

Остатки развалинъ и пустошей, которыя находились во множествѣ по Манглійскому ущелью еще при вступленіи сюда русскихъ войскъ, свидѣтельствовали о бывшемъ тамъ когда то густомъ населеніи. Изъ нихъ одна пустошь съ древнею церковью, принадлежавшая князьямъ Баратовымъ, сохранила до сихъ поръ старинное названіе Бетаніи, она куплена у одного изъ Баратовыхъ барономъ Александромъ Павловичемъ Николаи, бывшимъ Начальникомъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго. Когда, послѣ водворенія въ краѣ спокойствія, цари грузинскіе и имеретинскіе вновь населяли опустошенныя непріателемъ деревни, то поселенцами бывали какъ христіане, такъ и евреи; поэтому евреи всегда пользовались такимъ же покровительствомъ царей, какъ и вообще христане и всѣ жители края.

Въ законахъ царя Вахтанга, дѣйствовавшихъ въ Грузіи, Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, существовали такъ называемые „законы Моисея“, законы, въ которыхъ для евреевъ были изъятія, сообразно съ ихъ религіознымъ положеніемъ. Цари Грузинскіе и Имеретинскіе, равно и владѣтели Мингреліи, жаловали евреевъ въ крестьянство монастырямъ, церквамъ православнымъ и помѣщикамъ, наравнѣ съ крестьянами изъ христіанъ и магометанъ, и евреи отбывали всѣ крестьянскія повинности, находясь къ православнымъ, архіереямъ и монастырямъ, равно и къ помѣщикамъ, въ тѣхъ же патріархальныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находились и крестьяне—христіане—грузины и армяне, либо магометане.

Потомки тѣхъ евреевъ сохранились до сихъ поръ въ деревняхъ горійскаго уѣзда, Тиф. губ.: въ Та-

маршены, Цхинвали, Горети, Сурамъ, Али и Карели, Они, до освобожденія крестьянъ изъ помѣщичьей зависимости въ Грузіи, принадлежали князьямъ Мачабели, Циціановымъ, Аваловымъ.

Въ Имеретіи, или въ Кут. губ., евреевъ, какъ прежде, такъ и теперь, было больше, чѣмъ въ Грузіи, именно: въ селеніяхъ Вани и Кулаши, Кут. уѣзда, въ селеніяхъ Чхари, Сачхери, Шоропанскаго уѣзда, и Они Рачинскаго уѣзда; они принадлежали, какъ крестьяне, князьямъ Церетели, Микеладзе, Эристовымъ, Чиджавадзе, Кипіани и Джапаридзе; въ Мингреліи, принадлежавшей владѣтелю кн. Дадіани, евреи жили и живутъ теперь въ селеніяхъ Лайлаши, Лечхумскаго уѣзда. Живущіе въ Кутаисѣ евреи принадлежали Кутаисскому собору и Гелатскому монастырю. Замѣчательно, что евреи, жившіе въ двухъ столичныхъ городахъ древней Грузіи, во Мдхетѣ и Кутаисѣ, равно позднѣе въ Ахалцихѣ, занимали мѣста въ концѣ города, у береговъ рѣки. Городъ Мцхетъ былъ расположенъ на возвышенностяхъ около нынѣшняго женскаго монастыря, гдѣ видны остатки развалинъ и укрѣпленій, а евреи жили у берега Куры, на оконечности города, гдѣ теперь большой древній Мцхетскій соборный храмъ и подальше отъ него армянская церковь. Еврейскій кварталъ въ Кутаисѣ, у берега Ріона, составляетъ теперь лучшую часть города, тогда какъ этотъ кварталъ находился вдали отъ нынѣшней гимназіи, около которой въ старину былъ дворецъ Имеретинскихъ цариц и городъ. Въ Ахалцихѣ, столицѣ прежняго Саатабаго нынѣшній Ахалцихскій уѣздъ), евреи жили также въ концѣ города у берега рѣки Поцховаки, образуя особый кварталъ, вдали отъ города и крѣпости, распо-

ложенныхъ во времена еще грузинскаго царства и затѣмъ турецкаго владычества на горѣ. Теперь прежній городъ почти въ упадкѣ, а еврейскій кварталъ составляетъ по мѣстоположенію лучшую часть города. Вся почти мѣстная торговля и промышленность, въ мѣстахъ расположенія евреевъ, находится въ ихъ рукахъ, и они, пользуясь большимъ къ себѣ довѣріемъ сельскаго населенія, эксплуатируютъ его, забирая въ свои руки всю почти сельскую производительность шелкъ, хлопчатую бумагу, шерсть и др. продукты.

Рождаемость у нихъ изумительна и потому они чрезвычайно плодятся, умножаются въ числѣ, живя всетаки сомкнуто и тѣсно, тамъ же, гдѣ жили прежде. Многіе изъ нихъ начали строить большіе и хорошей архитектуры дома, и жить комфортабельно, выписывая мебель и домашнюю обстановку изъ за-границы, не только въ Кутаисѣ, но и въ Ахалцихѣ, Цхинвали, Сурамѣ, Суджунахъ, Кулаши и Зекари.

Крѣпостное состояніе въ Имеретіи и Гуріи.

Крѣпостное состояще въ Имеретіи и Гуріи, составляющихъ Кутаисскую губернію, существуетъ издревле и, проистекая изъ вотчиннаго права, оно являлось здѣсь всегда такимъ же прочнымъ самобытнымъ установленіемъ, какъ оно существовало въ Тифлисской губерніи.

Въ Имеретіи и Гуріи крѣпостное право принадлежитъ тавадамъ (князьямъ), азнаурамъ (дворянамъ) и тавадскимъ азнаурамъ (дворянамъ, находящимся въ

зависимости отъ князей). (ВЫСОЧАЙШЕ утвер-
жденныя 21 мая 1864 г. правила). Поэтому сами кре-
стьяне подраздѣляются здѣсь на крестьянъ тавадскихъ
и на крестьянъ азнаурскихъ, и находятся въ полной
крѣпостной зависимости тавадовъ и азнауровъ.

Зависимость сія въ Имеретіи и Гуріи, по недо-
статку здѣсь вообще земель, большею частію является
въ личныхъ натуральныхъ повинностяхъ крѣпостныхъ
людей и эти повинности вмѣстѣ съ денежными ихъ
вносами и доставкою ими земныхъ произведѣній и
домашнихъ животныхъ, извѣстныхъ здѣсь подъ различ-
ными наименованіями, составляютъ единственный спо-
собъ существованія здѣшнихъ помѣщиковъ, которые, не
имѣя собственнаго хозяйства, большею частью, живутъ
насчетъ своихъ крестьянъ; поэтому всѣ почти лучшія
удобныя земли здѣсь находятся въ пользованіи этихъ
же самыхъ крестьянъ.

По топографическому положенію Имеретіи и Гу-
ріи, уѣзды: Рачинскій, Шорапанскій, Озургетскій и
половина Кутаисскаго представляютъ видъ горнаго
пространства, перерѣзаннаго ущельями, рѣками, овра-
гами и проч. по разнымъ направленіямъ, и, неговоря
уже о затруднительности путей сообщенія, заключа-
ють въ себѣ мало ровныхъ мѣстъ и долинъ; поэтому
какъ помещики, такъ и крестьяне, живя на высотахъ
и склонахъ горныхъ ущелій далеко другъ отъ друга,
несосредоточены на извѣстныхъ, какъ въ Грузіи,
мѣстностяхъ, которыя были бы способны для совокуп-
ности населенія и представляли бы помѣщикамъ воз-
можность къ устройству прочнаго хозяйства.

За всѣмъ тѣмъ взаимныя отношенія помѣщиковъ
и ихъ крестьянъ не нарушались ни благосостояніемъ

однихъ и ни недостаткомъ другихъ; ибо помѣщикъ, не дѣлая различія между собственнымъ и крестьянскимъ достояніемъ, предоставляетъ, большею частію, своему крестьянину болѣе удобствъ къ устройству его хозяйства и, видя въ немъ единственный способъ собственного своего существованія, стараясь различными способами увеличить для своего крестьянина удобныя земли или покупкою на свое или крестьянское имя, или пожалованіемъ или же мѣною. Это проистекало изъ самаго характера положенія крестьянъ, которые, находясь болѣе въ патріархальныхъ отношеніяхъ въ своимъ помѣщикамъ, чувствовали всегда одни лишь попеченія помѣщицъей власти надъ собою и, имѣя такимъ образомъ въ совершенной своей зависимости всѣ выгоды производительности земель, удѣляли оныя помѣщикамъ своимъ для ихъ прокормленія. Нынѣ движимое чувствомъ постоянной безпредѣльной преданности Всемилоствѣйшему Государю Императору и, всегда готовое содѣйствовать видамъ Правительства, имеретинское дворянство, по первому же призыву, поспѣшило принять живое участіе въ разрѣшеніи предложенной ему задачи —улучшить быть крѣпостнаго сословія въ Имеретіи и Гуріи освобожденіемъ крестьянъ своихъ изъ крѣпостной зависимости то примѣру Тифлисской и другихъ губерній Россіи. Кутаисское дворянство не можетъ не отозваться на священный гласъ своего Государя и не пожертвовать съ полною готовностью самую лучшую часть матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ своихъ для осуществленія предначертанія Его Императорскаго Величества, внушеннаго благимъ Промысломъ и истинною христіанскою любовью къ ближнему. Поэтому,

приступая къ новому, великому и къ самому значительному дѣлу, которое должно обновить насъ, пересоздать наши частныя и общественныя отношенія и положеніе нашего домашняго устройства и быта, дворянство Кутаисской губерніи провикнуто убѣжденіемъ, что такая животворящая задача разршается въ духѣ мира и взаимнаго согласія и вслѣдствіе сего оно единогласно изъявило готовность освободить крестьянъ своихъ изъ крѣпостной зависимости владѣльцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, принявъ во вниманіе, что благо личное должно быть неразрывно соединено съ благомъ общественнымъ и что дарованіемъ крестьянамъ своимъ одной лишь личной свободы, не достигается вполне предложенная высокая цѣль Правительства, дворянство пришло къ сознанию, что личная свобода и гражданскія права нынѣшнихъ крѣпостныхъ людей безъ надѣла ихъ землю почти невысказаны и потому, сообразивъ вѣроятную будущность новаго экономическаго положенія какъ крестьянъ, такъ и владѣльцевъ, матеріальныя лишенія сихъ послѣднихъ, къ которымъ неизбежно приведетъ ожидаемое преобразование сельскаго быта, извѣстная Начальствѣ бѣдность здѣшнихъ князей и дворянъ и вообще страны, по гористому ея положенію, дворянство въ видахъ сохраненія въ будущемъ взаимныхъ благопріятныхъ отношеній къ своимъ крестьянамъ и добраго согласія существующаго между ними и чтобы сверхъ того не сдѣлать крестьянъ своихъ безземельными или бездомными скитальцами и тѣмъ отвратить по возможности для обоихъ сословій рѣзкость перехода къ новому порядку домашняго ихъ быта, опредѣлило надѣлать нынѣ же извѣстнымъ количествомъ земли, которое по

значительной производительности и растительности страны и по мѣстнымъ условіямъ, весьма достаточно для возможнаго благосостоявія свободнаго крестьянскаго быта и за которое положило умѣренную по своимъ соображеніямъ поземельную повинность впредь до окончательнаго выкупа онаго въ полную крестьянскую собственность.

Дворянство имеретинское знаетъ, что, освобождая крестьянъ своихъ изъ крепостной своей зависимости, владѣльцы несомнѣнно лишаются самыхъ надежныхъ матеральныхъ средствъ къ существованію, и поэтому, повергая стѣсненное и бѣдное ихъ положеніе на попечительное благоусмотрѣніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Намѣстника, уповаетъ вполнѣ, что Его Высочество благоволитъ обратитъ на оное благосклонное вниманіе исходатайствовать у Государя Императора особой милости.

Грузинскіе католики, или католики въ Грузіи и Имеретіи.

Тифлисскія армянскія газеты много писали о католикахъ въ Грузіи и объ ихъ церкви, распространяя неправильные толки. Католики-грузины ни въ Тифлисъ, ни въ Гори и Кутаисъ, ни въ Турецкой Грузіи, не зная армянскаго языка и не читая армянскихъ газетъ, не могли опровергать эти невѣрные объ нихъ толки. Главное домогательство этихъ газетъ состояло въ томъ, чтобы всѣхъ грузинъ-католиковъ въ Грузіи обратить въ армянъ, увѣряя, что, коль-скоро нѣкоторые грузины исполняютъ обряды армяно-католической религіи, то они суть армяне, и что ни соб-

ственно въ Грузіи, ни въ Имеретіи, ни въ Турецкой Грузіи никогда будто не бывало грузинъ римско-католическаго или армяно-католическаго исповѣданія. Не говоря объ армянахъ, говорящихъ на армянскомъ языкѣ и исповѣдующихъ армяно-католическую религію, выходцевъ изъ Турціи, которые населяютъ нѣсколько деревень Борчалинскаго, Ахалцихскаго, Александропольскаго и Баязетскаго уѣздовъ, Тифлисской и Эриванской губерній, съ давнихъ еще временъ въ Тифлисъ, Гори, Кутаисъ, Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ уѣздахъ и Батумской области живетъ довольно много коренныхъ жителей католиковъ грузинскаго племени, изъ коихъ одна часть исповѣдуетъ издревле римско-католическую религію, совершая ея обряды, а другая часть — армяно-католическую. Первые жили издревле и живутъ въ Тифлисъ, Гори, Кутаисъ и частью въ старой части Ахалциха, а другіе — грузины бывшей Турецкой Грузіи, живутъ въ Ахалцихѣ, Арали, Уде, Вали, Хизабавра и въ другихъ селеніяхъ Ахалцихскаго и Ахалкалакскаго уѣздовъ и Артвинскаго округа, Батумской области. Они говорятъ на своемъ природномъ грузинскомъ языкѣ такъ же, какъ ихъ сосѣди — грузины-мусульмане, живущіе въ одной и той же деревнѣ и исповѣдующіе магометанскую вѣру. Армяне — католики, собственно армянской націи, переселены изъ Турціи частью въ 1807 году, но большей частью въ 1828 и 1829 годахъ, послѣ турецкихъ кампаній. Изъ нихъ многе живутъ въ новой части города Ахалциха, отдѣльно отъ старыхъ, коренныхъ жителей грузинскаго племени, не говорящихъ по-армянски, хотя армяно-католическіе обряды богослуженія у нихъ одинаковы. Армянскія газеты,

издающіяся армяно-григоріанами, не зная ни мѣстнаго положенія католиковъ въ Грузіи римско-католическаго обряда, ни его происхожденія, искажая историческіе факты, доказываютъ, что въ Тифлисъ нѣтъ другихъ католиковъ, кромѣ армяно-католиковъ и халдеевъ, и требуютъ, чтобы всѣ римско-католики въ Тифлисъ, принадлежащіе по своему происхожденію грузинскому племени, примкнули къ армянамъ и отпавляли богослуженіе на армянскомъ языкѣ. По ихъ фантастическому мннію, старая римско-католическая Успенская церковь построена якобы въ 1804 году пересѣлившимися изъ Турціи армянами, когда ихъ еще въ Тифлисъ и не было, и что она присвоена латинскими патерами. Странно то, что армянскія газеты грѣшатъ не только противъ исторіи, но и противъ логики. Если по словамъ газетъ, католическіе патеры присвоили означенную церковь, то откуда же они взялись тогда въ 1804 году въ Тифлисъ? А если они были и прежде, то, по всему вѣроятію, у нихъ были и церковь и прихожане,—иначе нельзя и думать. Если бы армянскія газеты получше ознакомились съ исторіею Тифлиса и Грузіи, то узнали бы, что католическіе патеры бывали здѣсь еще раньше XIII столѣтія, при прежнихъ грузинскихъ даяхъ, и имѣли свой церкви какъ для себя, такъ и для своихъ прихожанъ, тогдашнихъ католиковъ, и что, послѣ безпрестанныхъ нашествій мусульманскихъ завоевателей, истребленія христіанъ и опустошенія Тифлиса и Грузіи, не могли уцѣлѣть и христіанскія церкви, о чемъ свидѣтельствуетъ множество оставшихся развалинъ вездѣ по Грузіи и въ г. Тифлисъ. Развалины эти существовали и при русскомъ прави-

тельствѣ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, вновь построенные патерами, послѣ разгрома Тифлиса, церкви и монастырь существовали еще въ XVII столѣтіи, до нашествія персидскаго Шахъ-Абаза, и тамъ у патеровъ гостилъ знаменитый путешественникъ Шарденъ, который подробно описываетъ положеніе католиковъ въ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи и отношенія ихъ къ царю грузинскому. Благовѣщенская римско-католическая церковь въ Тифлисѣ, стѣны которой и теперь существуютъ и въ которой хранили при русскомъ правительствѣ прежде казенный провіантъ, а затѣмъ соль, находилась еще при грузинскомъ царѣ Теймуразѣ, въ 1755 г., и она повреждена была послѣ того персіанами, въ концѣ прошлаго столѣтія.. Католическіе патеры находились въ Тифлисѣ и при послѣднихъ грузинскихъ царяхъ: сынъ того же царя Теймураза—Иракліѣ и сынъ сего послѣдняго—Георгіѣ, и пользовались ихъ расположеніемъ, имѣя церковь или часовню въ отдѣльномъ домѣ для отправленія богослуженія для прихожанъ—туземцевъ, т. е. грузино-католиковъ.

Пользуясь расположеніемъ царей грузинскихъ, патеры, какъ гласятъ преданіе и отзывы стариковъ, въ совѣщаніяхъ царей и знатѣйшихъ тогда лицъ много способствовали скорѣйшей передачи Грузіи и Имеретіи Россіи для спасенія здѣсь христіанства отъ страшныхъ тогда турокъ и персіанъ.

Послѣ учрежденія въ Грузіи русскаго правленія и водворенія здѣсь мира и спокойствія, патеры еще въ 1803 году, съ разрѣшенія главноуправляющаго тогда Грузіею князя Циціанова, при содѣйствіи своихъ прихожанъ и тогдашнихъ знатныхъ грузинскихъ

и армянскихъ князей и дворянъ, выстроили сказанную выше, нынѣшнюю Успенскую римско-католическую церковь, которую армянскія газеты хотять передать армянамъ, якобы переселенцамъ изъ Турціи; тогда какъ ни въ 1803 и 1804 г., ни раньше, при царяхъ грузинскихъ, никакихъ переселенцевъ армянъ изъ Турціи въ Тифлисъ не было. Переселеніе и водвореніе въ предѣлахъ Тифлисской и Эриванской губерній началось, какъ сказано выше, послѣ турецкой кампаніи 1807 года, при главноуправляющемъ графѣ Гудовичѣ, и послѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ—главнокомандующимъ графомъ Паскевичемъ—Эриванскимъ въ 1828—1829 гг. Въ Тифлисъ нѣскольکو семействъ армяно-католиковъ поселены были при графѣ Гудовичѣ въ Сололакскомъ ущельи. Выходцы изъ Турціи, армяно-католики изъ армянъ, по приказантю графа Паскевича, поселены у подошвы горы св. Давида—Мтадцминда, на пустопорожней зземлѣ, потому застроенной. Они именовались тогда карселеби, т. е. выходцами изъ Карса. Они стали посѣщать единственную тогда въ Тифлисъ упомянутую выше Успенскую римско-католическую церковь, въ которой богослуженіе отправлялось патерамп на латинскомъ и грузинскомъ языкахъ для туземныхъ грузическихъ католиковъ. Такимъ же образомъ, армяно-католическими священниками отправлялось богослуженіе на армянскомъ языкѣ—для переселенцевъ армяно—католиковъ и на халдейскомъ языкѣ халдейскими священниками— для халдейцевъ персидскихъ и турецкихъ, подчиняясь въ служебномъ отношеніи старшему патеру-префекту. Эти богослуженія въ церкви посѣщались ими безразлично. Если армянскія газеты искажаютъ фак-

ы, то надо же знать и мѣру этимъ искаженіямъ, которыя выдуманы, какъ кажется, для волненія умовъ католическаго населенія, подъ косвеннымъ вліяніемъ арм. духовенства. Съ нѣкотораго времени, не вдаваясь въ историческія сказанія, безпрестанно спрашиваютъ—откуда взялись здѣсь грузины-католики римскаго или армянскаго обряда, когда народъ грузинскій издревле вседѣло принадлежитъ православію? И затѣмъ: духовныя книги на грузинскомъ языкѣ-иноувѣрческаго исповѣданія не могутъ ли служить средствомъ пропаганды? Неосновательность и даже нелѣпость этихъ вопросовъ, помимо историческаго объ этомъ положительнаго указанія, явствуется изъ того, что, если половина чистокровныхъ грузинъ, говорящихъ до сихъ поръ по-грузински, исповѣдуетъ магометанскую вѣру, то отчего же изъ тѣхъ же грузинъ не можетъ быть католиковъ? По словамъ грузинской газеты „Иверія“ (1891 г., № 266), западная часть Ахалцихскаго уѣзда, съ восточной стороны Аджарскихъ горъ, Кобліанское ущелье, въ бывшей Турецкой Грузіи, состоитъ изъ двухъ сельскихъ обществъ: Адигвени и Уде, сплошь населенныхъ чистокровными грузинами, изъ коихъ жители Адигвени всѣ магометане, жители же Уде только на половину магометане, а на половину католики. Въ Закатальскомъ округѣ, части Кахетіи, грузины-магометане называются „ингилойцами“. Если могутъ быть католиками греки, кроаты, хорваты, черногорцы и другіе славяне, въ земляхъ Балкалскаго полуострова, въ особенности греки, издревле принадлежащіе восточной православной церкви; если духовныя книги для дѣтей греческихъ, славянскихъ, либо нѣмецкихъ и англійскихъ

католиковъ, писанныхъ на греческомъ, славянскомъ либо нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ не совращаютъ ихъ съ православія или протестантизма; если, такимъ же образомъ, издревле могутъ быть католиками халдеи и арабы-магометане и свободно отправляютъ богослуженіе в магометанскихъ государствахъ на халдейскомъ и арабскомъ языкахъ, на которомъ писаны Коранъ и другія мусульманскія духовныя книги; и если богослуженныя книги не совращали магометанъ въ христіанство,—то и духовныя книги либо молитвенники, написанные еще въ XII вѣкѣ и напечатанные въ XVIII столѣтіи на грузинскомъ языкѣ, во времена грузинскихъ и имеретинскихъ царей, для грузинскихъ католиковъ, наврядъ-ли можетъ совратить кого либо изъ грузинъ съ православія, чего не бывало ни при грузинскихъ царяхъ, ни при русскомъ правительствѣ. Всѣ лучшія армянскія книги, по всѣмъ частямъ наукъ и искусствъ, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, печатались прежде и печатаются и нынѣ ихъ авторами армяно-католическими священниками въ Венеціи, Вѣнѣ и Парижѣ. Они считаются у армянъ распространителями просвѣщенія въ Арменіи и творцами литературы армянской. И эти книги читаютъ и изучаютъ со вниманіемъ всѣ армяне-григоріане, во всѣхъ частяхъ свѣта, въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, но однако отъ этого они не сдѣлались католиками.

Что же касается до происхожденія грузинскихъ католиковъ римско-католическаго или армяно-католическаго обряда, то это объясняется историческими данными. Извѣстно изъ исторіи, что, послѣ Помпея, Иверія, Каралтинія, Кахетія Самцхе, Колхида, Лазика, Абхазія и Арменія считались римскими провинціями,

хотя тамъ находились свой туземные цари. Въ тамошнихъ укрѣпленіяхъ: Самцхъ, Ахалцихъ, Артвинъ, Арданучъ, Рухъ—въ Мангреліи, Скандъ, Шорапани и Сурамъ, паходились римскіе легіоны, которые ограждали эти провинціи и города отъ персіанъ и другихъ народовъ. Большой камень, найденный во Мцхетѣ, въ такъ называемыхъ „Кавказскихъ Воротъ“, съ вырѣзанною на немъ въ 75 году надписью императора Веспасьяна, и находянщія нынѣ въ Тифлисскомъ музеемъ, доказываетъ заботливость Римской имперіи о тогдашней Грузіи. По просьбѣ грузинъ, римляне поставили царемъ Ревы, который воспитывался въ Римѣ и женился тамъ на Сефеліи, дочери знатнаго римлянина. Царь Ревы и жена его знали по наслышкѣ о христіанствѣ; по ея настоянію, онъ уничтожилъ въ Грузіи обычай приносить въ жертву идоламъ дѣтей и взрослыхъ людей ¹⁾).

Во время преслѣдованія христіанъ при римскихъ императорахъ Діоклетіанъ и Максимиланъ (286 году по Р. Х.), бѣжали въ Грузію-христіане Орентій и его шесть братьевъ: Эрмій, Парнасъ, Пирмо, Пирмино, Авирикось и Лонгиносъ. Св. Орентія бросили въ море съ камнемъ на шеѣ, у береговъ Ириза, но онъ чудомъ былъ спасенъ; св. Парнасъ умеръ у береговъ р. Кодори, въ Абхазіи; Пирмо и Пирмино умерли въ Атлеронѣ (Атсеронѣ); Квирикось умеръ смертью праведною въ Зигокѣ, въ Осетіи, а Лонгиносъ похороненъ въ Питіусѣ (Пицунда), въ Абхазіи ²⁾. Св. Нина

---

¹⁾ Истор. Грузіи свящ. Гварамадзе, 1882 г. стр. 232, 233, 238.

²⁾ Тамъ же стран. 241, 242.

находилась въ монастырѣ въ Римѣ у св. Гаяны, гдѣ были св Рипсима и другія дѣвственницы—христіанки; всѣ онѣ бѣжали оттуда отъ преслѣдованія Діоклетіана, прежде въ Египеть, затѣмъ въ Арменію; а св. Нина прибыла въ Грузію *). Святая Нина проповѣдывала слово Божіе въ Грузіи при грузинскомъ царѣ Миранѣ, который въ то время, по приказаніямъ императора, преслѣдовалъ христіанъ, какъ и послѣдователей св. Нины. Ее называлъ онъ римлянкой, а проповѣдуемую ею религію—римскою; но, когда узналъ, что императоръ Константинъ принялъ христіанскую религію, царь Мирианъ самъ принялъ христіанство въ 317 году, вмѣстѣ со своимъ народомъ грузинскимъ, чрезъ ту-же св. Нину, которую до того времени онъ преслѣдовалъ. Тотъ же даръ Мирианъ отправилъ пословъ въ Римъ къ императору съ извѣстіемъ о принятіи христіанства и съ просьбой прислать духовныхъ лицъ для утвержденія религіи Христовой. Тогда еще не-было Константинополя. Городъ, этотъ основанъ въ 324—330 г., послѣ дажѣ Вселенскаго Никейскаго собора (325 г.), на которомъ утверждень Символь Вѣры единой каѳолической церкви, Императоръ прислалъ къ царю Мириану епископа Антіохійскаго, священниковъ и діаконовъ, а римскій папа Сильвестръ прислалъ съ особымъ діакономъ Бринджекимъ благословеніе какъ Мириану, такъ и народу грузинскому и св. Нинѣ ²⁾). Тогда еще не было

---

¹⁾ Истор. Груз. Картлисъ-Цховреба. Грузинскаго царевича Вахушта. Тифл. 1885 г. стр. 58.

Ист. Груз. Бакрадзе. Примѣч., стр. 147.

²⁾ Ист. Грузіи царевича Вахушта, изд. 1885 г. стр. 65, 67, 68 и 72.

распространено христіанство въ Греціи и тѣмъ менѣе въ Константинополѣ, который основанъ гораздо позже принятія Миріаномъ христіанства.

Еще съ первыхъ вѣковъ христіанства, во время язычества, въ Грузіи, Самцхѣ, Колхидѣ, Абхазіи были христіане, въ особенности въ Самцхѣ, т. е. въ тогдашней Верхней Грузіи, гдѣ апостолы Андрей и Симонъ Кананитъ распространили слово Божіе и обратили въ христіанство евреевъ, вышедшихъ изъ Палестины и поселившихся во многихъ мѣстахъ Имеретіи, Абхазіи и Грузіи. Тогдашніе цари, находившеся подъ вліянемъ Рима, преслѣдовали христіанъ, а потому христіанство до царя Миріана не могло, утвердиться въ Грузіи; но оно все таки распространялось въ народѣ. Потомки многихъ евреевъ, прежнихъ поселенцевъ, въ особенности понтійскихъ прибрежныхъ странъ, составлявшихъ римскія провинціи, бывшіе свидѣтелями распятія Христа и сошествія св. Духа на апостоловъ, помнили объ этихъ преданіяхъ. Самъ апостоль Петръ, не говоря о другихъ апостолахъ, два раза посѣтилъ эту страну и тогдашній главный городъ Понтійскаго царства—Діоскурю, т. е. Сухумъ, и соборныя посланія апостола писаны къ римлянамъ, занимавшимъ Понтійскія провинціи, гдѣ процвѣтали римскія колоніи и гдѣ, недалеко отъ Сухума, стоялъ римскій когортъ, знакомя кавказскихъ горцевъ съ христіанскимъ ученіемъ; распространяли между ними христіанство въ особенности тѣ христіане, которые терпѣли гоненіе за христіанство отъ римскихъ императоровъ и были сосланы сюда въ наказаніе ¹⁾). Бы-

---

¹⁾ Кут. Вѣд. 1889 г. № 21.

строе распространение христианства надо приписать, во-первых, влиянию императора римскаго Константина и, во-вторыхъ, тому, что какъ св. Георгій, такъ и родственница его св. Нина были родомъ изъ Каппадокіи, римской тогда провинціи, гдѣ еще до Р. Х. и во времена Страбона, какъ онъ свидѣтельствуеъ, говорили по-грузински, и потому св. Нина, знавшая грузинскій языкъ, какъ свой природный, могла ясно и хорошо объяснять тогдашнимъ грузинамъ слово Божіе и догматы религіи. Позднѣ, по утверженіи Константинополя столицею имперіи, императоръ Константинъ прислалъ къ Миріану епископа, Антохійскаго со священниками, подчинивъ самую церковь грузинскую и духовенство Грузіи зависимости антіохійскаго патріарха, который и до сихъ поръ именуется патріархомъ и Иверіи ¹⁾).

До 410 г. богослужебныя книги въ грузинскихъ церквахъ, точно также какъ и въ армянскихъ, читались на греческомъ языкѣ ²⁾

При грузинскомъ царѣ Вахтангѣ Горгасланѣ, въ V столѣтми, церковныя книги переведены съ греческаго на грузинскій языкъ, когда церковь грузинская освободилась изъ-подъ зависимости патріарха антіохійскаго и избранъ былъ первымъ патріархомъ Грузіи архіепископъ Петръ, съ титуломъ католикоса Мцхета, и Иверіи).

При грузинскихъ царяхъ изъ персидской дина-

---

¹⁾ Истор. Обзор. Грузіи, Головина, 1864 г. стр. 24, 25, 96. Путешествіе Муравьева, ч. 2, стр. 199.

²⁾ Истор. Обзор. Грузіи, Головина, стр. 29. Моисей Хоренскій. Кн. III, стр. 55.

³⁾ Истор. Обзор. Грузіи, Головина, стр. 33.

стіи Хосройдовъ, въ VI вѣкѣ, императоръ Юстиніанъ распространилъ и утвердилъ христіанство въ Лазикѣ и между горскими народами. Онъ поставилъ для нихъ особаго епископа въ Никопсисѣ, который управлялъ паствою съ 536 года. Это епископство переведено было послѣ на островъ Тамань, въ городъ Метрофъ ¹⁾, которымъ въ послѣдствіи владѣли генуэзцы.

Пользуясь покровительствомъ императора Маврикія, армянскіе выходцы вздумали распространять въ Грузіи монофазитство, но грузинскій католикосъ Кирионъ, противопоставивъ имъ Халкедонскій и послѣдующіе соборы, проклятіемъ прекратилъ всякое общеніе съ ними и тѣмъ сохранилъ чистоту и цѣлость религіи ²⁾.

Въ посланіи папы римскаго св. Григорія къ этому грузинскому католикосу Кириону, въ 603 г., подъ надписаніемъ *Quir:co et ceteris episcopis Hiberia Catholicis*, по случаю препирательства съ нимъ армянскихъ епископовъ о православіи и достоинствѣ Халкедонскаго собора, онъ убѣждалъ Кириона, не перекрещивать несторіанъ, обращающихся въ православіе ³⁾.

Въ посланіе того же римскаго папы Григорія къ императору Леону Иконоборцу, въ VII вѣкѣ, послѣдній увѣдомляется, что святители Максимъ и Анастасій, по повелѣнію императора, были сосланы въ Заточеніе въ Лазіку, гдѣ они жили въ сел. Мури, при рѣкѣ Цхенись-цкали, Лечхумскаго уѣзда, Кутаисской

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 38.

²⁾ Тамъ же, стр. 44.

³⁾ Описаніе древностей Тифлиса. Пл. Иосселіани, стр. 170. Газета „Иверія“ 1892 г. № 71.

губерніи—Gregorii orationi ad Leouem de sacris imaginibus. Тамъ былъ монастырь до XVII столѣтія. Теперь надъ могилой святителей стоитъ церковь во имя Максима и Анастасія, которыхъ мингрельцы до сихъ поръ чрезвычайно почитаютъ. Викторъ Аквитанскій составилъ лѣтосчисленіе 532-лѣтняго періода, исправленное Діонисіемъ Младшимъ, для опредѣленія св. Пасхи. Это лѣтосчисленіе употребляли въ церквахъ какъ Восточной, такъ и Западной и, по настоянію сирійскаго духовенства, грузины ввели его у себя въ 780 году ¹⁾.

Около 547 года, во времена еще единства церкви, прибыли въ Грузію 13 сирскихъ отцовъ, для распространенія и утвержденія христіанскаго ученія.

Сынъ Адарнаса, царь Стефанозъ, заботясь о спокойствіи страны и церковномъ благочестіи, боролся противъ появившагося въ Грузіи въ 650 году лжеученія албанцевъ, манихеевъ и другихъ еретиковъ сирійскихъ и потому установилъ еженедѣльные соборы епископовъ въ церкви св. Креста, Сіонскомъ соборѣ и Мцхетѣ, чтобы предотвратить распространеніе ересей въ Грузіи ²⁾.

Все это происходило во время единства церкви, когда всѣ христіане востока и запада исповѣдывали одну религію, утвержденную на Никейскомъ вселенскомъ соборѣ, и это продолжалось до 869 г., когда Фотій былъ осужденъ и низложенъ съ патріаршаго престола и когда положено начало несчастному раз-

---

¹⁾ Истор. Обзор. Грузіи, Головина, стр. 49, 50.

²⁾ Истор. обзор. Грузіи, Головина, стр. 44, 46.

Исторія грузинской церкви, Платона Юсселіани.

дѣленію церквей Восточной и Западной. Само собою разумѣется, что между христіанскими народами востока и запада и ихъ духовенствомъ, исповѣдывавшими единую католическую религію Никейскаго собора, не вдругъ обозначилось это раздѣленіе церквей и религиозное отчужденіе другъ отъ друга, въ особенности въ отдаленныхъ провинціяхъ, епископы и духовенство коихъ не присутствовало на соборахъ. Народы тѣхъ провинцій оставались еще при той же единой религіи. Потому то дѣлались попытки и усилія со стороны константинопольскихъ патріарховъ, папъ и императоровъ Василія и Константина Мономаха для соединенія церквей и возстановленія церковнаго мира, и эти старанія продолжались въ послѣдующихъ вѣкахъ до XI столѣтія. Но распри и споры на соборѣ въ Константинополѣ, въ Софійскомъ храмѣ, въ 1053 году, произвели (по словамъ „Начертанія Церковной Исторіи“ Иннокентія) сей безполезный и злополучный разрывъ церквей. Хотя затѣмъ собирались соборы на западѣ: Лютеранскій (Римскій) въ 1139, Ліонскій—1274, Флорентійскій—1439 г., съ цѣлью соединенія церквей греческой и римской и хотя на этомъ Флорентійскомъ соборѣ были и греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ, греческіе отцы и Россійскій митрополитъ Исидоръ, но ихъ старанія остались тщетными, и примиреніе церквей, къ несчастію, не состоялось ¹⁾). Распри духовенства повели къ тому,

---

¹⁾ Истор. Нов. Завѣта, Николая Грабовскаго, 1834 г. стр. 135, 136, 141, 142, 143.

Простран. римско-католич. катехизисъ для преподаванія во всѣхъ учебн. заведеніяхъ Россіи, С. -Петербургъ, 1865 г. стр. 15, 16.

что армяне отдѣлились и составили свою отдѣльную григоріанскую церковь. Но часть армянъ не присоединилась къ нимъ и осталась въ той же единой религіи, которую исповѣдывала до разрыва церквей, признавая только Римъ главою своей церкви. Они тогда стали называться армяно-католиками. Католиками остались и армянскіе цари, изъ коихъ послѣдній армянскій царь Леонъ, послѣ разрушенія армянскаго царства восточными завоевателями, бѣжалъ въ Римъ и умеръ въ Парижѣ. Хотя въ тѣ времена Грузія находилась подъ вліяніемъ Восточной Римской имперіи, но церковь грузинская была освобождена изъ-подъ зависимости константинопольскаго и антиохійскаго патріарховъ. Сохранивъ религію греко-восточной церкви, грузины богослуженіе отправляли уже на грузинскомъ языкѣ, вмѣсто прежняго греческаго, имѣя самостоятельнаго папріарха въ Грузіи, подъ титуломъ католикоса. За всѣмъ тѣмъ, грузины и въ особенности владѣтели Самцхе-Саатабего или Верхней Грузіи (Турецкой Грузіи) не прекращали сношеній съ Римомъ. Въ тѣ времена преемниками римлянъ на востокъ и на Черномъ морѣ, въ Колхидѣ, Лазикѣ, въ томъ же Самцхе-Саатабего и вообще въ Грузіи были венеціанцы и генуэзцы, которые владѣли всею торговлею какъ въ этихъ мѣстахъ, такъ и вообще на востокъ. Они вели торговлю съ Персіей по единственной тогда торговой дорогѣ, по которой прежде шли легіоны римлянъ съ береговъ Чернаго моря, чрезъ Діоскурію (Сухумъ), Фазъ или Фазисъ (Ріонъ и Чорохъ), Кутаисъ, Сканда, Шорапани, Сурамъ, Ахалцихъ, Артвинъ и проч., гдѣ прежде содержались римскіе гарнизоны; потомки римскихъ воиновъ испо-

вѣдывали уже христіанство. Затѣмъ генуэзцы имѣли тамъ своихъ людей, агентовъ и факторы, своихъ священниковъ, отправлявшихъ богослуженіе на латинскомъ языкѣ, и все это происходило во время единства церкви. Эти италіанцы господствовали не только въ Греческой—Византійской имперіи, но и въ самомъ Константинополѣ, сдѣлавъ его средоточіемъ всей восточной торговли и богатства, и, такимъ образомъ, замедлили на время паденіе Греческой имперіи отъ ударовъ турокъ ¹⁾.

Во времена еще единства церкви, нашествія арабовъ безпрестанно угрожали не только христіанству, но и самой Грузіи; хотя сношенія съ Римомъ армянъ и грузинъ были чрезвычайно затруднены и почти прекращены, но ихъ поддерживали генуэзцы, которые и во времена мусульманскихъ нашествій и завоеваній, продолжали вести, по прежнему, Восточную торговлю черезъ закавказскіе города.

Цари грузинскіе не прекращали сношеній съ Римомъ. Во времена царицы Тамары и Русуданы римскіе папы писали отвѣтныя буллы: папа Гонорій—въ 1227 г., Григорій IX—въ 1241 г., Николай IV—въ 1292 г., Іоаннъ XXII—въ 1339 г. Этотъ папа Іоаннъ, въ 1339 г., прислалъ въ Тифлисъ епископа и патеровъ, для тогдашнихъ грузинскихъ католиковъ. Это подтверждается письмами грузинскаго царя Симеона къ папѣ Павлу и царя Теймураза къ папѣ Клименту и отвѣтомъ послѣдняго. Съ 1626 года въ Грузіи бы-

---

¹⁾ Смот. Извѣст. о Кавказѣ. Броневскаго. Москва 1823 т. ч. I стр. 243, 248.

ли патеры доминиканскаго и августинскаго орденовъ, а затѣмъ съ 1661 по 1845 годъ—капуцины ¹⁾).

Монахъ патерь Рубруквисъ, въ описаніи своего путешествія отъ Батыхана къ Монгу-хану и по Кавказу въ 1253 г., говоритъ, что онъ видѣлъ много Католическихъ патеровъ въ Арменіи, которые жили совершенно безопасно и отправляли тамъ въ армянскихъ церквахъ свои литургіи. Самъ Рубруквисъ служилъ обѣдно по католическому обряду въ одной изъ церквей гор. Нахичевана. Говоря объ Арменіи, онъ продолжаетъ, что всѣ тамъ называютъ себя дѣтьми римской церкви. Контарини встрѣтилъ тамъ цѣлыя деревни, населенныя армянами католиками въ 1475 г. Путешествуя затѣмъ изъ владѣнія Уесункассана (шаха), по дорогѣ Фази (р. Ріона, въ Западной Грузіи), былъ въ девяти деревняхъ католиковъ и остановился у ихъ епископа, гдѣ присутствовалъ на католической литургіи ²⁾).

Въ Елизаветполѣ, населенномъ магометанами и армянами-григоріанами, есть до сихъ поръ одна улица, которая называлась, какъ прежде, при персидскомъ владычествѣ, такъ и недавно, у мѣстнаго населенія, „Патри-куча“ (Патерская улица), а между тѣмъ ни одного мѣстнаго жителя—католика тамъ давно не бывало; тамошніе же армяне постоянно на-

---

¹⁾ Газета „Кавказъ“ 1867 г. № 54. стат. IV „Италянцы о Кавказѣ“.

Грузинская газета „Иверія“ 1887 г. № 183.

²⁾ Газета „Кавказъ“ 1867 г. № 54 „Италянцы о Кавказѣ“.

ходились подъ страхомъ мусульманскаго владычества, до русскаго правительства.

По словамъ грузинскаго православнаго духовнаго журнала „Мцкемси“¹⁾, съ 1009 года (т. е. чрезъ сорокъ четыре года послѣ раздѣленія церквей) до 1187 года Іерусалимъ находился во владѣннй крестоносцевъ, и во все это время грузины жили тамъ свободно, имѣя тамъ монастырь св. Креста, своего настоятеля и женскій монастырь, о которыхъ заботился тогда грузинскій царь Давидъ Возобновитель. Грузины поздравили крестоносцевъ съ побѣдою надъ сарацинами, о чемъ сами крестоносцы извѣстили грузинъ, какъ своихъ союзниковъ, которые обѣщали явиться къ нимъ съ войскомъ въ помощь при взятіи Дамаска.

Грузинскій даръ Георгій Лаша въ 1221 году готовился туда въ походъ со многими дворянами, которые шли охотно; но смерть его помѣшала ему выполнить свое желаніе. До насъ дошли,—говоритъ далѣе „Пастыръ“,—два письма къ папѣ Гонорію III, изъ коихъ одно отъ грузинской царицы Русуданы, а другое—отъ ея полководца, въ которыхъ они извѣщаютъ папу, что царь Георгій Лаша, узнавъ, что папа приглашаетъ вновь христіанъ противъ невѣрныхъ, готовился итти къ нимъ на помощь во время осады Дамаска, но смерть помѣшала ему; въ это время вторглись въ Грузію монголы, которыхъ, по недоумѣнію, приняли сначала за христіанъ, намѣревавшихся якобы освободить святыя мѣста, и потому мы, пишетъ царица, никакихъ мѣръ противъ нихъ не предпринимали; но, узнавъ, что они не христіане, мы на-

---

¹⁾ „Пастыръ“ 30 мая 1890 года № 10, стр. 11 и 12.

шали на нихъ и, истребивъ изъ нихъ 25000, взяли много въ плѣнъ, остальныхъ выгнали вонъ изъ Грузіи, и потому грузины не могли итти въ Дамаскъ къ крестоносцамъ на помощь.

Въ 1224 году папа Гонорій пишетъ той же Русуданѣ, что императоръ Фридрихъ готовится въ походъ противъ невѣрныхъ и потому совѣтуетъ ей, чтобы и грузины приняли въ немъ участіе, обѣщая, что онъ дастъ индульгенцію каждому, кто приметъ участіе въ войнѣ или пошлетъ за себя другого. Въ 1240 году та же царица Русудана пишетъ папѣ Григорію IX, что крестоносцы и грузины соединенными силами выгоняютъ невѣрныхъ мусульманъ какъ изъ Грузіи, такъ и изъ всѣхъ христіанскихъ земель востока. Въ отвѣтъ на это папа пишетъ царицѣ, что крестоносцы не могутъ итти къ предѣламъ Грузіи, такъ какъ всѣ мѣста вокругъ Святой Земли заняты арабами, и въ заключеніе присылаетъ тогда въ Грузію восемь монаховъ. Когда, въ XV столѣтіи, Магометъ II взялъ Константинополь, папа Николай и другіе старались, чтобы христіане начали войну противъ турокъ, и освободили какъ святыя мѣста, такъ и Константинополь. Въ 1440 году, 29 апрѣля, трапезондскій императоръ, Давидъ писалъ папѣ, что какъ онъ, такъ и его союзники, грузинскіе цари, готовы объявить войну туркамъ и изгнать ихъ изъ святыихъ мѣстъ и изъ Константинополя. Кромѣ этого письма императора Давида, до насъ дошли письма и грузинскаго царя Георгія и Атабега Кваркваре къ римскому папѣ. Давидъ пишетъ, что союзниками его будутъ: грузинскій царь Георгій, съ 60,000 войска; Атабегъ (владѣтель Самцхе, тогдашней Верхней, а въ послѣдствіи Турецкой Гру-

зи) Кваркваре, съ 20,000 челов.; Бедіаги (Дадіани) съ сыномъ и 60,000 челов.; владѣтель Абхазіи, съ братьями и другими владѣтелями, съ 30,000 чел.

Грузинскій царь Георгій пишетъ палъ 5-го ноября 1459 г., что онъ можетъ выставить 40,000 чел. противъ турокъ, а затѣмъ именуеъ тѣхъ же союзниковъ, о которыхъ писалъ трапезондскій императоръ Давидъ. Какъ видно, царь Георгій выступилъ уже къ берегамъ Чернаго моря. Въ томъ же году владѣтель Абхазіи посылаетъ въ Римъ письмо того же содержания, въ которомъ онъ пишетъ, Что онъ готовится вмѣстѣ съ грузинскимъ царемъ и владѣтелями къ войнѣ и что, если римляне будутъ тѣснить турокъ со стороны Греціи, можно будетъ въ одно лѣто кончить войну, выгнать турокъ и вернуть себѣ Антиохію и Константинополь. Въ этой войнѣ принимали участіе царь грузинскій Георгій VIII, сынъ его Александръ I, Баграть III—царь имеретинскій, Атабегъ Кваркваре II, Дадіанъ, абхазскій владѣтель и гурійскій владѣтель Гуріели (1458—1462 г.) ¹⁾.

По скаванію францисканскаго монаха патера Одорика Матіуша, родомъ чеха, онъ, съ благословенія папы, вмѣстѣ съ другими 8 францисканскими монахами, отправился въ Китай и Манджурю, проповѣдывать Евангеле, но проѣздомъ черезъ бомбейскія владѣнья, въ Дели, были задержаны эти четыре христіанскихъ миссіонера и въ числѣ ихъ— знавшій по-татарски грузинъ Димитрій, изъ Тифлиса, въ 1321 г. Этихъ монаховъ связали, но они были спасены).

---

¹⁾ „Мцкемсѣ“. 30 мая 1890 г. № 10.

²⁾ Газета „Кавказъ“. 1891 г. № 268.

Племянникъ грузинскаго царя Георгія—Кайхосро,—котораго, по смерти Георгія въ Персіи, 21 апрѣля 1709 года, шахъ назначилъ царемъ Грузіи, отправивъ его предварительно съ персидскими войсками въ Авганистанъ для покоренія отложившихся авганцевъ, по свѣдѣніямъ грузинскаго историка Дмитрія Бакрадзе,—исповѣдывалъ католическую религію и умеръ католикомъ, хотя въ Персіи онъ считался матаметаниномъ, подъ именемъ Гургень-хана ¹⁾).

По описанію очевидца, царедворца Папуна Орбеліани, во время коронаванія царя Теймураза II на грузинское царство, въ 1744 году, въ Мцхетскомъ соборѣ, когда ввели царя на середину церкви, и онъ сталъ у ступени престола, онъ былъ окруженъ высшимъ духовенствомъ грузинскимъ, въ присутствіи армянскихъ и католическихо епископовъ, которые стояли въ полномъ облаченіи и слушали внимательно ²⁾).

Грузинскій историкъ Бакрадзе, въ 1881 году, видѣлъ въ селеніи Вели, Чалдыкскаго приставства, Карсской области (бывшей турецкой провинціи), старую церковь, время царя Сумбата изъ Багратидовъ, и восьмиугольный каменный столбъ съ грузинскими надписями 954, 968 г. и позднѣе, при чемъ его поразили грузинскія надписи: პატრი პოლიკარპო მობთოულო — патерь Поликарпъ изъ Мантуи, и 1808 г.— პატრი ბასილოს—патерь Басиліосъ ³⁾).

Самымъ приближеннымъ лицомъ послѣдняго гру-

---

¹⁾ „Иверія“. 20 апрѣля 1890 г. № 154. „Грузинскій царь Георгій XI въ Авганистанѣ“.

²⁾ „Иверія“. 31 мая 1890 года, № 112.

³⁾ Ист. Грузіи, Бакрадзе. 1889 г. Тифл., стр. 235.

зинскаго царя Георгія былъ священникъ тифлисской католической церкви патеръ Никола, котораго онъ считалъ, еще при жизни отца своего царя Ираклія, своимъ другомъ. Самъ наслѣдникъ царя Георгія—царевичъ Давидъ чрезвычайно уважалъ того же патера Никола, съ которымъ находился также въ большой дружбѣ. Царевичъ Давидъ, начитавшись Вольтера и энциклопедистовъ, заразился вольнодумствомъ и чрезвычайно легкомысленно отзывался о религіи, обрядахъ, постахъ, иконахъ и пр. Это доходило до отца его—царя Георгія, который, будучи очень набожнымъ, строгимъ христианиномъ и преданнымъ православной церкви, возмущался поведеніемъ своего сына и наслѣдника, царевича Давида, по пріѣздѣ его изъ Россіи. Царь дѣлалъ ему замѣчанія и наставленія, но царевичъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же идей вольнодумства, не очень почтительно относился къ догматамъ и обрядамъ религіи и не очень слушался своего вѣнценоснаго отца и духовенства. Возмущенный поведеніемъ царевича, набожный царь Георгій, зная, что сынъ его не послушается ни патріарха-католикоса, ни епископовъ, обратился къ патеру Никола... „Ты заставь сына моего полюбить Христа Спасителя, выведи его изъ грѣха, наставь его, онъ тебя слушаетъ, иначе онъ не можетъ царствовать и потеряетъ престоль и царство—удѣлъ Богородицы“. Царевичъ Давидъ, также любя и уважая этого патера, охотно выслушивалъ его ¹⁾).

Въ это же время пріѣхалъ въ Тифлисъ къ царю Георгію патеръ Даміанъ и поднесъ царю письмо па-

---

¹⁾ „Жизнь царя Георгія“, соч. Пл. Иосселіани 1867 г.

пы Пія VI, въ которомъ папа, благословляя царя, благодарилъ его за оказываемое имъ, подобно отцу его, покойному царю, Ираклію, покровительство католикама и церкви католической, съ ея настоятелемъ. Эпистола или булла папы перевелъ съ латинскаго на грузинскій языкъ грузинскій дворянинъ Степанъ Шаримановъ, католикъ, состоявшій при царѣ и получившій воспитаніе въ Римѣ. Царю Георгію было чрезвычайно пріятно письмо папы, и онъ сказалъ при этомъ патеру, что онъ желалъ бы получить отъ папы и крестъ, такъ какъ онъ также христіанскій царь ¹⁾

Недалеко отъ Кутаиса есть деревни Гегути и Патри-Кети, населенныя крестьянами—имеретинами, изъ коихъ нѣсколько дымовъ въ старину были пожалованы имеретинскими царями тогдашнимъ патерамъ въ Кутаисѣ, которымъ тѣ крестьяне служили, отбывая имъ крестьянскія повинности и при Русскомъ Правительствѣ; крестьяне въ послѣдствіи были освобождены, съ назначеніемъ кутаисскимъ патерамъ пенсіи отъ казны.

Близъ гор. Артвина, Въ деревнѣ Корзули, на берегу рѣки Чорохи, у тамошняго католическаго священника старой каменной католической церкви Корвильской Богоматери есть старинный пергаментъ, писанный на грузинскомъ языкѣ гораздо раньше завоевавшія турками Самцхе-Саатабего или Турецкой Грузіи по этому документу въ 1501 г. жертвуются сказанной церкви разныя угодья отъ имени Георгія Дадіава въ присутствіи Петра Хуцишвили, вокругъ церкви до

---

¹⁾ „Жизнь царя Георгія“, стр. 230.

оврага, къ рѣкѣ, гдѣ находится садъ подъ названіемъ „Сасаплато“, да еще „Синдзети“, мѣсто Никанора повыше теченія рѣки; кромѣ сего еще, при рѣкѣ, повыше большого камня—мѣсто да еще и пониже камня; ниже есть балка изъ краснаго камня, по которой течетъ вода, вытекающая изъ мѣстности Шихинасъ-хеви; кромѣ того, вокругъ церкви есть трубы для пропуска воды, которая принадлежитъ церкви Пресвятой Богородицы. „Еще я Георгій Дадіава, пожертвовалъ повыше Чорохи,—Хиндзо, съ окружающимъ его садомъ“, въ присутствіи Петра Худишвили Георгія Арнели, моурава Циціани, Ивана Челидзе и др.

Всѣ имена и фамилія въ этомъ документѣ чисто грузинскія и часто встрѣчаются теперь между грузинскими магометанами. Нсколько Дадіава, магометане, живутъ въ Кобулетахъ и говорятъ по-грузински ¹⁾).

Въ той же деревнѣ Корзули, у Артвина, живутъ около 85 дымовъ мусульманъ и потомки грузинъ-католиковъ. Тамъ же живутъ и тамошніе беки, потомки атабеговъ, послѣднихъ владѣтелей Самцхе-Саатабего, которые говорятъ по-грузински, но вѣроисловѣданія магометанскаго.

Еще IX, X, XI и XII, столѣтіяхъ генуэзцы владѣли крымскими берегами и понтійскими провинціями у Чернаго моря; власть ихъ простиралась и на черкескія земли, раздѣленныя на нѣсколько владѣній, поколѣнно, на Восточную и Западную Джихію (Джихи, ჯიჯი, ჯიჯიოო). Нашествія татаръ и монголовъ ввели тамъ магометанскую религію въ 1221 году, но

---

¹⁾ „Иверія“. 1891 г. № 156, письмо изъ Кобулетъ.

жители большею частью остались христианами: одни греческаго, а другіе католическаго исповѣданія. Тамъ между джихами, которые отправляли римско-католическую религію, находились францисканскіе патеры. Одинъ изъ джихскихъ владѣтельныхъ князей—Верзахтъ исповѣдывалъ въ 1333 году римско-католическую религію, а въ 1439 году эти „ народы имѣли уже одного католическаго архіепископа въ Тамани (Матригъ) и двухъ епископовъ въ Сибѣ и Лукукѣ. Несмотря на страшныя разгромленія и опустошенія черкесскихъ земель Тамерланомъ, въ 1395 году, черкесы-католики и православные все-таки отстаивали какъ земли свои, такъ и религію, но послѣ совершеннаго покоренія Крыма турками, въ 1485 г., и ослабленія власти генуэзцевъ и влянія ихъ на черкесскія земли, османы уничтожили тамъ христіанство и ввели исламъ. Изъ остатковъ христіанскихъ древностей найденъ былъ тамъ, между горами Бештау, каменный истуканъ вышиною 8 футовъ, который кабардинцами назывался „Дука-Бехъ“ (бекъ), по имени какого-то христіанскаго рыцаря. Нетрудно догадаться, что Дука, по-италански,—герцогъ, вѣроятно, тогдашній владѣтель, либо правитель или начальникъ войска временъ владычества генуэзцевъ, а бекъ, по-татарски, князь, — прибавка позднѣйшаго времени, татарскаго періода ¹⁾).

В. С. Кривенко, въ статьѣ „Поѣздка на югъ Россіи“, описывая Высочайшій пріѣздъ на Кавказъ въ 1888 году, говорить, между прочимъ, что на Крас-

---

¹⁾ Извѣстія о Кавказѣ. Броневскаго. Ч. 2, стр. 49, 50, 51 54. Москва 1823 г.

ной площади во Владикавказѣ собралась разноплеменная толпа. Давно ли весь этотъ край былъ вражескимъ для насъ? Однако успѣли мы взять вверхъ надъ магометанскими скопищами. Золотой крестъ заблисталъ вновь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то раздавались проповѣди византійскихъ и италіанскихъ миссіонеровъ. Положимъ, христѣанство въ то отдаленное время не пустило глубокихъ корней, но все-таки почва подготовлялась къ болѣе прочному утвержденію ученія Спасителя. Съ паденіемъ византійскихъ и италіанскихъ республикъ, некому было поддержать колеблющееся вѣрованіе населенія. Магометанство охватило восточное побережье Кавказа и Крымскій полуостровъ ¹⁾.

Христіанская вѣра процвѣтала въ Кабардѣ, у черкесовъ. Тамъ были церкви, остатки которыхъ еще существуютъ. Сюда присылались епископы и священники, отъ которыхъ произошли многіе дворянскіе роды, отъ Шагения Гирге или отъ Шагения Румъ, отъ грековъ или латинянъ ²⁾.

Италіанцы, владѣя берегами Чернаго моря, не довольствовались торговлею, они разрабатывали въ горахъ рудники, основывали тамъ колоніи, которыя имѣли своего консула. Тамъ и въ особенности въ Кутаисѣ было много италіанцевъ. По всему Кавказу латиняне и франки пользовались уваженіемъ и довѣріемъ татаръ и послѣ взятія Константинополя и паде-

---

¹⁾ „Историч. Вѣстникъ“, январь 1891 г., стр. 153, 154.

²⁾ Истор. Одыхейскаго народа (Кабарда), сост. по преданіямъ кабардинцевъ Шоранагмовымъ, съ примѣч. Берже. Тифл. 1861 г., стр. 45.

нія торговли италіанцевъ. Сношеніе съ ними надолго оставило слѣды по всему Кавкаву и въ воспоминаніяхъ его жителей. Имя франковъ уважалось здѣсь въ такой степени что послѣдующіе путешественники (Ferrand. 1a mob, gay, st. Bell lapinsky пользовались ихъ именемъ для успѣховъ своихъ предпріятій въ Черкесіи).

Извѣстный путешественникъ Шарденъ; посѣтившій Грузію въ XVII столѣтій, былъ въ Мингреліи, гдѣ находились католическіе патеры которые имѣли монастырь и пользовались большимъ уваженіемъ мингрельцевъ: какъ владѣтеля, такъ князей, дворянъ и народа. Онъ засталъ тамъ турокъ, вторгнувшихся въ Мингрелію и забиравшихъ въ плѣнъ мингрельцевъ, которыхъ отправляли въ Константинополь. Въ Анакліи была католическая церковь, уничтоженная турками. Колоколь отъ той церкви былъ найденъ нѣсколько лѣтъ назадъ гдѣ-то въ пескахъ рѣки Ингури съ надписью на латинскомъ языкѣ XII столѣтія.

Этотъ же Шарденъ, пріѣхавъ тогда въ Кутаисъ, Гори, а затѣмъ въ Тифлисъ, былъ принятъ здѣсь католическими патерами въ монастырь. Онъ представлялся грузинскому царю, подробно описываетъ дворець его на берегу р. Куры и свадебный пиръ царя, на который онъ былъ приглашенъ вмѣстѣ съ патеромъ-префектомъ католическимъ. Профектъ-патерь Рафаиль, былъ изъ Пармы, подданный Испаніи, о чемъ зналъ и царь. По окончаніи пира, царь спросилъ Шардена, какъ поживаетъ испанскій король, его родственникъ, и выпилъ за его здоровье. На во-

---

1) Газета „Кавказъ“, 1867 г. № 54 „Италіанцы о Кавказѣ“.

прось Шардена, въ чемъ состояло это мнимое родство короля испанскаго съ царемъ грузинскимъ, окружавшіе объяснили ему, что Папа Климетъ VIII, въ письмѣ своемъ къ грузинскому царю Теймуразу, назвалъ его родственникомъ Филиппа II, короля испанскаго, а грузинъ и испанцевъ братьями, такъ какъ оба народа называются иберійцами, и что съ того времени преемники Теймураза гордятся этимъ родствомъ ¹⁾).

Въ горахъ Кавказскихъ, въ Дагестанѣ, въ бывшихъ владѣніяхъ Усмея Каракай-тахскаго, между лезгинами живеть особое племя, которое называется „Кобачи“. Упомянутый выше патеръ Рубруквисъ, въ путешествіи черезъ Кавказскія горы отъ Батыхана въ станъ Мангухана, въ 1253 г., слыхалъ объ кобачинцахъ въ Дагестанѣ, что они переселены съ запада на востокъ. Путешественникъ Геберъ слышалъ на мѣстѣ, что всѣ кобачи называютъ себя франками, т. е. европейцами, и что предки ихъ болѣе тысячи лѣтъ назадъ поселились на тѣхъ мѣстахъ. Акамедикъ Гильденштетъ, путешествовавшій на Кавказѣ въ прошломъ XVIII столѣтіи (въ 1770—17738 годахъ), говоритъ, что кобачи поселены генуэзцами; предки кобачинцевъ были франки, христіане, и жили въ долинахъ, но во время нашествія Чингисъ-хана на Аварскія владѣнія убѣжали въ горы, на нынѣшнія мѣста ихъ жительства, гдѣ они терпѣли большія гоненія отъ мусульманъ.

---

¹⁾ Христіанство на Кавказѣ, ст. V, „Москов. Вѣд.“ 1885 г., № 63.

Описаніе древностей гор. Тифлиса Плат. Иосселіани. 1864 г., стр. 243, 244, 245.

Хотя они долго крепились, но вынуждены были принять магометанскую религию. Въ 1781 году тамъ нашли еще останки трехъ церквей 1).

По словамъ ©. Р., совершивавшаго — „лѣтнюю экскурсію въ Дагестанъ“ въ 1884 г., кобачи, какъ гласитъ мстная легенда, были оружейники изъ Рума, (Рима). По преданію, какой-то изъ властителей южной части Прикаспійскаго Дагестана и Ширзака выписалъ изъ Рума (Рима) ружейниковъ и поселилъ ихъ въ Дербент®. Затѣмъ политическія потрясенія вынудили кобачинцевъ удалиться въ свободныя горы Кайтага, гдѣ® они построили городъ Кобачи и живутъ теперь въ нѣсколькихъ селешяхъ. Они приписываютъ себѣ европейское происхожденіе, а сосѣднія лезгинскія племена называютъ ихъ франками *).

При главноуправляющемъ Грузлею генераль-адъютантъ баронъ Розенъ, въ тридцатыхъ годахъ, много кобачинцы часто привзжали въ Тифлисъ къ католическому префекту, патеру Филиппу, какъ къ французскому священнику, рекомендуя — себя потомками франковъ. Въ Тифлисъ® и вообще въ Грузіи грузины и армяне называютъ туземныхъ католиковъ (ранками. Во время этихъ посещеній кобачинцевъ переводчикомъ бывалъ переводчикъ главноуправляющаго въ Грузіи ген.-ад. бароча Розена — Леки Сосіа, Они

---

1) Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, изъ путешествія академка Гильенштета черезъ Россію по Кавказу, въ 1770, 1771, 1779, и 1773 годахъ, переводъ съ нѣмецкаго — Германа. С.-П. 1809 г.

Извѣстія о Кавк. Броневскаго ч. II. Москва. 1823. стр. 314, 318, 319, 328.

2) Москов. Вѣд. 1885 г. № 64.

показывали патеру Филиппу старинныя рукописи, писанныя на пергаментѣ, объясняя, что эти пергаменты остались отъ ихъ предковъ, франковъ, что религія ихъ была того народа, на языкъ котораго писаны эти пергаменты, сохраняемые ими, какъ святыни, хотя они сами были уже мусульманами. Рукописи были писаны на латинскомъ языкѣ. Главноуправляющій баронъ Розень, къ которому кобачинцы являлись часто, спрашивалъ ихъ черезъ того же лезгинскаго переводчика. Онъ намѣренъ былъ отправить къ нимъ въ Дагестанъ патеровъ и совѣщался объ этомъ съ упомянутымъ патеромъ Филиппомъ, для обращенія кобачинцевъ въ христіанство; но это несостоялось. Еще въ 1804 году главноуправлявшій тогда въ Грузіи кн. Циціановъ задумалъ отправить патеровъ въ Кавказскія горы для обращенія горцевъ въ христіанство и для этого, какъ рассказываютъ старики, предложилъ тифлисскому префекту выстроить монастырь въ Цхинвалѣ, обѣщавъ для этого всѣ строительные матеріалы. Но, по смерти кн. Циціанова, предположеніе это было оставлено.

Само собой разумѣется, что у предковъ этихъ кобачинцевъ, франковъ, были въ тѣ времена и франкскіе, т. е. католическіе священники, которые отправляли богослуженіе въ тѣхъ церквахъ, остатки коихъ до сихъ поръ сохранились, и это не удивительно при тогдашнемъ единствѣ церкви и европейскомъ вліяніи на Востокъ.

Извѣстный грузинскій историкъ и археологъ Димитрій Пурцеладзе въ описаніи Катцаретскаго Самебскаго монастыря въ Кахетіи говоритъ, что, помимо вліянія византійскаго зодчества, въ Грузіи существо-

валь и самостоятельный грузинскій стиль въ церковной архитектурѣ; это проявилось, между прочимъ, въ сооруженіи Икальтской Богородичной церкви, недалеко отъ Телава, въ горахъ, въ сел. Вачнадзіани, въ Кахетіи; такія постройки сдѣлали бы честь Романской эпохѣ и любой странѣ Европы; не только зодчество, но и искусство ваянія человѣческихъ фигуръ и статуй было значительно развито тогда въ Грузіи. Образцы ихъ были даже представлены въ 1881 году Археологическому съѣзду въ Тифлисъ. Но все это, равно и другіе храмы, въ которыхъ эти вліянія существовали, частью разрушены нашествіемъ Тамерлана, въ концѣ XIV столѣтія. Видоизмѣненію грузинскаго архитектурнаго искусства много способствовало вліяніе Запада черезъ посредство генуэзскихъ колоній, находившихся на берегу Чернаго моря; много археологическихъ и иныхъ предметовъ уцѣлѣло въ Мингреліи (долмены) и въ Сванетіи. Колоколь съ латинскою надписью безспорно свидѣтельствуетъ о томъ вліяніи, какое имѣли генуэзцы на Мингрелію и Сванетію не только въ торговомъ отношеніи, но и въ отношеніи строительнаго искусства. Вліяніе это существовало и въ Восточной Грузіи. Изъ ближайшаго ознакомленія съ церковными зданіями XV, XVI и послѣдующихъ столѣтіи видно, что генуэзскіе мастера внесли въ архитектурное искусство Грузіи техническіе приемы и нѣкоторыя детальныя особенности, свойственные тогдашней италіанскій архитектурѣ. Таковы, на примѣръ, детали Анчисхатской церкви въ Тифлисъ, Урбнисской въ Карталиніи (Горійскій уѣздъ), Бодбійскаго женскаго монастыря св. Нины (около Сигнаха), Катцаретскаго Самеб-

скаго монастыря (около с. Хашми, въ Тифлисскомъ уѣздѣ) и т. д.

Вопросъ о вліяніи генуэзскихъ колоній или генуэзцевъ на Грузію никѣмъ не затронутъ, а онъ, между тѣмъ, имѣеть огромное значеніе въ исторіи грузинскаго народа. Было бы полезно, замѣчаетъ авторъ статьи, если бы наши археологическія общества обратили на него свое вниманіе ¹⁾.

Извѣстный грузинскій историкъ М. Джанашвили приводитъ слѣдующее весьма интересное свѣдѣніе о генуэзцахъ ²⁾:

„Князья Чолакашвили происходятъ отъ генуэзскихъ италіанцевъ, которые 1100 года по Р. Хр. прибыли и покорили Кирими (Крымъ). Переселенцы эти вели обширную торговлю отъ моря Понтійскаго до моря Каспійскаго. Одному изъ ихъ предводителей понравилось мѣстечко Гемри въ Дагестанѣ, куда онъ и переселился со множествомъ народа; ихъ теперь называютъ геноэлами (генуэзцами) и кобачи. Предводителя этихъ генуэзцевъ дагестанцы прозвали Чолага (буквально: „лѣвшя“). Но такъ какъ Чолага, имѣя множество баранты и рогатаго скота, травилъ пастбища и стѣснялъ мѣстныхъ жителей, то, по этой; причинѣ, туземцы возстали противъ него, ограбили; его и изгнали. Чолага со всѣмъ своимъ семействомъ

---

¹⁾ „Нов. Обзор.“ 1891 т. № 2473, ст. Дмитрія Пурцеладзе „Катпцаретскій Самебскій монастырь“.

²⁾ Свѣдѣніе это почерпнуто М. Джанашвили изъ дворянскихъ списковъ, составленныхъ царемъ Иракліемъ II-мъ, и помѣщено въ статьѣ „Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Сѣверномъ Кавказѣ и Россіи“. См. XII вып.. Сборника Попечителя Кавк. учебнаго округа, стр. 37 и др.

по Дербентской дорогѣ прибылъ въ Грузію къ царю Георгію въ 1320 году. Царь Георгій принялъ его, весьма благосклоно, такъ какъ и самъ Чолага и его предки много услугъ оказывали Грузіи и царямъ ея; и по сей причинѣ царь утвердилъ его въ княжескомъ достоинствѣ и подарилъ угодья въ Кахетіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно изъ исторіи Грузіи М. Джанашвили, эти генуэзцы Чолакашвили играли выдающуюся роль въ судьбахъ картвельскаго народа, но особенно же владѣтелей Кахетіи, гдѣ они исключительно бывали министрами, главнокомандующими, епископами и воспитателями царей.

Въ исторіи Грузіи ¹⁾ того же Джанашвили приведено множество интересныхъ свѣдѣній о франкахъ и католической миссіи въ Грузіи. Франки вступали въ ряды войскъ царей Баграта IV-го, Давида Возобновителя († 1195 году) и др. Переписка царицы Русудани съ папой Григоріемъ IX-мъ увѣнчалась ²⁾ при папѣ Николаѣ IV-мъ, который въ 1289 году прислалъ въ столицу Грузіи католическое духовенство, котораго му „грузины разрѣшили“ имѣть въ Тифлисъ своего епископа. Съ тѣхъ поръ, особенно же съ 1604 года, римскіе проповѣдники наполнили Тифлисъ, Кутаисъ, Мингрелію, Гурію и Самцхійскую область. Папы открыли въ Римѣ въ „школѣ проповѣдниковъ каѳедру грузинскаго языка. Каѳедру эту, между прочимъ, занималъ-грузинъ Ирбахъ, который „во всей передней Азіи извѣстенъ былъ своею ученостью и дипломатическимъ искусствомъ“. Тутъ же подвизались Паулини,

---

¹⁾ М. Джанашвили. Исторія Грузіи, стр. 172, 284 и др.

²⁾ Тамъ же.

Маджи и др., которые, по временамъ прѣзжали въ Грузію и подробно изучали нравы, обычаи и языкъ картвельскаго народа. По заботамъ ихъ въ Римѣ появились капитальныя сочиненія, какъ то; *Alphabetum ibericum*—Азбука иверійцевъ (въ 1626 году), Грузинская грамматика (въ 1643 г.), Латино-грузинскій лексиконъ, а также латино-грузино-татарскій лексиконъ ¹⁾ и др. Эти неутомимые проповѣдники вниманіе Европы обратили на Грузію, единственную христіанскую державу среди океана варваровъ Азіи.

Вліяніе венеціанской и въ особенности генуэзской республикъ въ Византіи было такъ сильно, что даже въ критическій для имперіи день, 29 мая 1453 года, генуэзецъ Джовани Джустиніани съ генуэзскими и венеціанскими войсками храбро защищалъ Константинополь отъ вторженія турокъ и отбросилъ ихъ отъ всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ; но послѣ новаго сильнаго напора турокъ греческій адмиралъ и начальникъ греческихъ войскъ Нотаросъ, несмотря на неоднократныя просьбы Джустиніани и приказанія самаго императора, изъ зависти къ италіанцамъ, не далъ имъ помощи и тѣмъ ускорилъ окончательное паденіе Константинополя и самой Византійской имперіи.

Такимъ образомъ, тесная связь Византіи съ италіанцами постоянно существовало, они не чуждались другъ-друга, ни въ религіозномъ, ни въ національномъ отношеніяхъ. Хотя турки, завоевавъ Греческую имперію, сдѣлались грозой Восточной Европы и христіанства, италіанскія республики долго не усту-

---

¹⁾ Разборъ этихъ лексиконовъ помѣщенъ М. Джанашвили въ газ. „Иверія“ за 1894 годъ.

пали имъ и вели борьбу съ ними на востокъ и, заключивъ съ ними союзъ, заставили грозныхъ турокъ на первыхъ же порахъ уважать ихъ права во всѣхъ принадлежавшимъ имъ владѣнiяхъ на берегахъ Леванта и Чернаго моря; поддерживая свои торговыя сношенiя, италiанцы вмѣстѣ съ тѣмъ ограждали католиковъ и вообще хриштанъ отъ обидъ со стороны турокъ.

Само собой разумѣется, что еще прежде, во времена Римской имперiи, въ римскихъ войскахъ, занимавшихъ нѣсколько столѣтiй вышесказанныя понтiйскiя провинцiи, во времена еще единства церкви, и затѣмъ у италiанцевъ, находившихся какъ въ тѣхъ провинцiяхъ, такъ и въ Грузiи и Кахетiи, до позднѣйшихъ временъ, и строившихъ для тогдашнихъ грузинъ церкви, какъ описано выше,—должны были быть и священники или патеры и церкви, безъ которыхъ они въ тѣ религiозныя времена не могли обойтись, и что многiе изъ тѣхъ римлянъ и италiанцевъ, сроднившись съ краемъ, остались здѣсь навсегда, въ виду того покровительства и уваженiя, которыя, несмотря на раздѣленiе церковей, оказывали тогдашнiе грузинскiе цари патерамъ и туземнымъ католикамъ и въ позднѣйшiя времена.

Въ Артвинѣ, въ нынѣшней Батумской области (Турецкой Грузiи), былъ епископъ католическiй точно такъ же, какъ въ XIII столѣтiи находилось у черкесовъ римско-католическiй архіепископъ и епископы, какъ сказано выше. Потому-то до послѣдняго времени католическiе патеры оставались въ тѣхъ мѣстахъ, имѣя монастыри и церкви для туземныхъ католиковъ; но, когда, въ концѣ XV и XVI столѣтiй

начинались непрерывныя вторженія и опустошенія турками Грузіи, и затѣмъ, когда они окончательно завоевали Верхнюю Грузію или Самцхе-Саатебего до Боржома и, истребивъ священниковъ, начали огнемъ и мечемъ обращать и обратили уже множество тамошнихъ грузинъ въ магометанство,—эти турецкіе грузины, издревле исповѣдывавшіе христанскую православную религію, кажутся теперь болѣе мусульманами до фанатизма, чѣмъ сами турки. Этой участи избавлены были тамошніе грузины-католики, которые живутъ и теперь въ тѣхъ же деревняхъ и городахъ, гдѣ они жили до турецкаго завоеванія, въ сосѣдствѣ съ турецкими грузинами-магометанами. У тѣхъ католиковъ въ XV столѣтіи, какъ видно изъ вышеупомянутаго пергамента, богослуженіе отправлялось патерами еще во времена Сикста, папы римскаго, о которомъ тотъ документъ упоминаетъ.

Но послѣ усиленія могущества турокъ, безпрестанныхъ ихъ вторженій въ Турецкую Грузію и религіознаго ихъ преслѣдованія и упадка віанія италіанцевъ, когда сообщеніе съ Турецкой Грузіей изъ Европы сдѣлалось затруднительнымъ и невозможнымъ, прїѣздъ туда католическихъ епископа и патеровъ почти прекратился; потому-то съ конда XVI столѣтія съ разрѣшенія папы, назначались уже епископы въ Артинъ армяно-католическаго обряда Эрзрумскимъ армяно-католическимъ архіепискомъ, съ утвержденія Константинопольскаго армяно-католическаго патріарха, который былъ подвластенъ Турціи. Такимъ образомъ между прежними грузинскими католиками римскаго обряда въ Турецкой Грузіи введены были обряды армяно-католическаго богослуженія. Мѣра эта была вы-

звана необходимостью, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, христіанство въ этихъ провинціяхъ могло исчезнуть, какъ оно исчезло въ земляхъ черкезовъ, и христіане грузино-католики были бы обращены въ магометанскую религію, какъ ихъ сосѣди; грузино-аджарцы, шавшетцы, имерхевцы, лазы и другіе,

Изъ камеральнаго описанія жителей Мингреліи, Абхазіи, частью Гуріи и Имеретіи, можно усмотрѣть, что монжество ихъ носятъ фамиліи италанскаго происхожденія; тамъ до сихъ поръ живутъ мѣстные дворяне: Жорданія, Джакобіо, Крочи, Жгенти, Глонди, Баркалая, Корти и другіе потомки италіанцевъ, которые сохранили даже типичную красоту.

По присоединеніи Турецкой Грузіи, или Батумской области, къ Россіи, по Берлинскому трактату 1878 года, Артвинскій армяно-католическій епископъ Захаріанъ и все населеніе его епископства въ Артвинскомъ округѣ сдѣлались уже вѣрноподданными Россіи, не подчиняясь болѣе въ религіозномъ отношеніи Армяно-католическому Эрзерумскому архіепископу, какъ прежде.

Что же касается до городовъ Тифлиса, Гори и Кутаиса временъ грузинскаго и имеретинскаго царствъ (нынѣ Тифлисская и Кутаисская губерніи), то свободный пріѣздъ туда католическихъ патеровъ для грузинскихъ и имеретинскихъ католиковъ съ давнихъ временъ не прекращался.

По словамъ руководства для преподаванія Закона Божія и церковной исторіи, составленнаго на грузинскомъ языкѣ и изданнаго для православныхъ и духовныхъ школъ училищъ въ Грузіи, по программѣ свят. Синода, священникомъ Несторомъ Кубанейшви-

ли (1889 г. стр. 190), „когда съ IX столѣтія западная церковь начала отдѣляться отъ Восточной и въ 1054 году она окончательно отдѣлилась отъ православной, въ Грузію присылались отъ западной церкви проповѣдники, и нѣкоторая часть грузинъ принадлежала уже ихъ ученію. И теперь есть такіе грузины, которые исповѣдуютъ религію западной церкви и которыхъ мы чазываемъ „пранги“. Нѣтъ сомнѣнія, что, такъ какъ разрывъ двухъ церквей и отдѣленіе западной церкви отъ восточной произошло не вдругъ а эти обѣ церкви существовали одновременно въ теченіе двухъ столѣтій, то грузины и имеретины въ Грузіи и Имеретіи остались послѣдователями западной церкви, какъ нѣкоторая часть армянъ.

Католическіе монастыри и церкви въ Тифлисъ, Гори и Кутаисъ, а равно въ Мингреліи, да и сами патеры всегда находились подъ покровительствомъ царей грузинскихъ и имеретинскихъ, отправляя въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій римско-католическое богослуженіе. Послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи упомянутые патеры въ Тифлисъ, Гори, Кутаисъ и Ахалцихъ пользовались прежними правами до начала 1845 года, когда, по предложенію правительства, они выѣхали за границу. Вслѣдствіе сего, согласно представленію бывшаго намѣстника кавказскаго кн. Воронцова, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное въ предложеніи министра внутреннихъ дѣлъ римско-католической коллегіи, 12 марта 1846 года, № 496, по которому римско-католическіе священники стали назначаться въ Гори, Кутаисъ и Тифлисъ съ тѣмъ, чтобъ они изучали грузинскій языкъ для туземныхъ католиковъ.. Оъ того времени при Тифлисской Успенской

римско-католической церкви состояли польскіе священники, которые отправляли богослуженіе по обряду римско-католической религіи. Слѣдовательно, еслибъ не было грузинскихъ католиковъ, то не могли же выдумать и создать, какъ легкомысленно толкуютъ иные, цѣлое грузинское населеніе, исповѣдывающее римско-католическую религію, и не могло же послѣдовать Высочайшее повелѣніе еще въ 1846 году о высылкѣ для нихъ изъ Россіи польскихъ патеровъ, которые должны были изучать грузинскій языкъ для своихъ приходо́въ.

Въ виду цѣлаго ряда приведенныхъ очевидныхъ историческихъ факто́въ, обнимающихъ цѣлый рядъ вѣко́въ, о католикахъ съ христіанской Грузіи, конечно, нельзя толковать, будто въ Грузіи, не могли быть грузино-католики подѣ тѣмъ лишь предлогомъ, что грузины всецѣло принадлежали православію. Такое утвержденіе, по меньшей мѣрѣ, неправильно и неосновательно. Вѣдь почти болѣе трети населенія такихъ же чистокровныхъ грузинъ Турецкой Грузіи, продолжая по еіе время говорить по-грузински и сохраняя грузинскій духъ, нравы и обычаи, вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣдуетъ магометанскую религію точно такъ же, какъ многіе грузины—ингилойцы въ Кахетіи. Грузинскіе и имеретинскіе цари всегда благосклонно относились къ своимъ подданнымъ католикамъ, которые, отличаясь вѣрностью, пользовались не только религіозною свободою, но и уваженіемъ.

Въ прошломъ столѣтіи царь Вахтангъ совѣщался съ ними, составляя грузинскіе законы, пересматривая и свѣряя на грузинскомъ языкѣ Библию. Послѣдніе грузинскіе цари Ираклій и Георгій, какъ сказано, тоже

пользовались ихъ совѣтами. Имеретинскій царь Соломонъ не ложился спать въ дорогѣ, если у его изголовья не находился его назирь (въ родѣ камергера) Нанія Датіашвили, римско католической религіи, коренной имеретинъ—грузинъ, потомки котораго и теперь живутъ въ Кутаисѣ.

У послѣднихъ царей, царицъ и царевичей даже во внутреннихъ покояхъ служили грузино католики, изъ которыхъ многіе отправились съ царицами и царевичами въ Россію. Все время, со дня водворенія русскаго управленія въ Грузіи и Имеретіи, туземцы. католики, изъ князей и дворянъ, и ихъ сыновья служили и служатъ какъ въ военной, такъ и гражданской службѣ, отличаясь ревностью, усердіемъ и преданностію правительству. Что же касается до турецкихъ католиковъ, грузинскаго племени, то они еще во времена турецкаго владычества всегда тяготѣли къ Россіи, какъ христіанской державѣ. Во время турецкой кампаніи въ бывшемъ ахалцихскомъ пашалыкѣ и при взятіи въ 1828 году знаменитой тогда турецкой крѣпости Ахалциха самыми вѣрными приверженцами и проводниками у бывшаго тогда главнокомандовавшаго, фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго, были католики грузины. Въ Крымскую войну 1853-года, когда турецкія войска дошли почти до Боржома и осаждали Ахалцихъ, самыми вѣрными проводниками и вѣрными людьми были тѣ же грузины-католики, которые способствовали пораженію турокъ. Въ войну 1877 года грузины-католики отличались безусловной преданностію правительству, доставляя самыя вѣрныя свѣдѣнія о мѣстности и положеніи турокъ и, такимъ образомъ, способствовали взятію крѣпости Ардагана

и парализованію соединенныхъ турецкихъ силъ въ горныхъ тущобахъ Аджаріи, Чорохи и Арданучи.

Поэтому, произвольно сочинять какую то нелѣпую басню, что въ Грузіи не могли быть грузины-католики, и произвольно причислять ихъ къ-армянской націи, желая лишить ихъ своей церкви, тогда какъ вмѣстѣ съ католиками въ одной и той же деревнѣ живутъ и грузины-магометане, болѣе чѣмъ странно и не можетъ быть оправдано никакими соображеніями. Кромѣ того, грузинскіе и имеретинскіе католики, безусловно преданные Престолу и Россіи, ставятся въ положеніе для нихъ оскорбительное и обидное, тѣмъ болѣе, что они съ армянами ни по языку, ни по обычаю и по національности ничего общаго не имѣли и не имѣютъ.

Записка о возстановленіи Православія.

О возстановленіи Православія между потомками древнихъ грузинъ составляющихъ нынѣ мусульманское населеніе, который входилъ въ составъ Кутаисской губерніи; нынѣ Ахалцихскій уѣздъ завоеванный отъ Турціи, во время войны съ нею 1828 и 1829 годовъ, оставленъ за нами по Адрианопольскому миру 1829 года. Онъ составлялъ часть прежняго Ахалцихскаго пашалыка, который находился въ непосредственномъ завѣдываніи трехбунчужнаго паши, ровнаго сераскиру. Во время Турецкаго владычества пашалыкъ заключалъ въ себѣ 24 санджака (округа), изъ коихъ только 9 находятся въ нынѣшнемъ нашемъ уѣздѣ именно: Абастуманъ, Кобліанъ, Ацхуръ, Аспиндза, Хертвиси, Ахал-

калаки, Ніава, Чабарети, Чачарети составляющих нынѣ четыре участка: Амхурскій, Коблганскій, Хертвинскій и Ахалкалакскій, а затѣмъ санджаки: Мачахелы, Шавшеты, Артвины, Ливана, Арданучи, Артаанъ, Ольты, Панаги, Колла, Чилдири. Салтисла, Поцховъ, Аджара большая, Аджара малая, и Нармани остались въ Турціи. Пашалыкъ этотъ, простираясь отъ Озургетскаго уѣзда до Трапезонда, Эрзерума, и Карса, составлялъ нѣкогда значительную часть древней Грузіи, извѣстной во времена ея царства подъ именемъ Месхети или Самцхе (Мосхи древнихъ).

Эта страна, названная позднѣе у грузинъ Саатабаго, управлялась особыми Намѣстниками Грузинскихъ царей подъ именемъ Атабековъ, которые, пользуясь слабостию царства и внутренними раздорами, начали уклоняться отъ зависимости царей и которые ослабли въ свою очередь отъ непрерывныхъ нападений арабовъ и турокъ и окончательно подпали подъ ихъ власть.

При послѣднемъ Атабакѣ Манучарѣ турки совершенно завладѣли этою страной и обратили ее въ пашалыкъ. Въ ту эпоху она исповѣдывала Христіанство и господствующею религіею было православіе. Населеніе долго боролось съ мусульманствомъ, защищая и отстаивая, какъ страну свою, такъ и заповѣдь своихъ отцевъ; религіозность жителей подтверждается множествомъ церквей и монастырей сохранившихся до нынѣ собственно въ нашемъ уѣздѣ, изъ койхъ нѣкоторые остались въ цѣлости и свидѣтельствуютъ о набожности населенія.

Политика Турціи въ отношеніи къ покоренному народу извѣстна: утвердившись въ Саатабако, она

начала огнемъ и мечемъ обращать жителей въ Исламизмъ. За всѣмъ тѣмъ они до поздняго времени боролись съ турками и хотя уступили насилію, но понынѣ сохранили языкъ, обычай и домашній бытъ Грузинскій.

Есть сохранившееся преданіе, что въ началѣ прошлаго столѣтія турки насильственно обратили въ магометанство жителей горныхъ деревень: Хизабавра, Сара и проч. Они изгнали или перебили тамъ священниковъ, а самыя церкви обратили въ мечети. Долго жители оплакивали это несчастіе; но наконецъ посмѣлѣе изъ нихъ отъ имени односельцевъ своихъ какъ ихъ посланцы явились въ Ахалцихъ къ Пашѣ, окруженному учеными эфендіями, казіями и муллами и съ подобостраstemъ спросили: „жители нашихъ деревень просятъ разрѣшить ихъ недоумѣніе, велить ли куранъ заставлятъ насильно молиться или это предоставлено добровольному желанію?“ — „добровольному желанію“, отвѣтили имъ!... Въ такомъ случаѣ всѣ жители нашихъ деревень желаютъ молиться по прежней нашей религіи, которую исповѣдывали мы и наши отцы! сказали посланные. Незирая на преслѣдованія со стороны турокъ, жители тѣхъ деревень открыли церкви священникамъ и по сію пору исповѣдуютъ христіанство.

По сіе время исламизмъ не могъ вытѣснить отъ турокъ глубоко вкоренившихся нѣкоторыхъ вѣрованій христіанскихъ преданій старины и благоговѣйнаго уваженія къ древнимъ церквамъ и монастырямъ. Это переходитъ изъ рода въ родъ, не взирая на то, что сами жители нынѣ исповѣдываютъ религію мусульманскую. Есть деревни какъ въ нашей части Пашалыка,

такъ и Турецкой, куда не проникъ еще языкъ Туредкій и жители тамъ какъ напримѣръ въ деревнѣ Загани понынѣ говорятъ я пишутъ по-грузински, Въ Турецкихъ санджакахъ: Шавшети, Мачахели, Арданучи, Артвини, Панаги, Аджара и проч. домашній бытъ и обычай совершенно грузинскій, переписка, Аджарскихъ бековъ Химшіашвилевыхъ (родственниковъ грузинскихъ князей Химшіашвилевыхъ) производилась по-грузински по незнаю ими турецкихъ письменъ.

Во многихъ мѣстахъ Ахалцихскаго уѣзда равно въ турецкомъ пашалыкѣ сохранились церкви и монастыри, къ которымъ коренные жители мусульмане питаютъ по сію пору благоговѣніе почти религіозное.

Въ селеніи Свири Ацхурскаго участка 40 дымовъ всѣ мусульманскаго закона, но говорятъ по-грузински и въ день Вознесенія всѣ отправляются въ старую церковь, сохранившуюся тамъ въ полуразвалинахъ, приносятъ жертво-приношеніе по грузинскому обычаю заклатіемъ барановъ и ставятъ свѣчки; это такъ вкоренилось у нихъ, что по ихъ убѣжденію и за неисполненіе сего обычая Богъ пошлетъ къ нимъ скотской падежъ. Эти жители на поминкахъ и на свадьбахъ употребляли вино открыто, но съ недавняго времени (8 лѣтъ почти тому назадъ) пріѣзжіе изъ заграницы Муллы, тайно проповѣдуя исламизмъ, воспретили употребленіе вина, какъ нарушеніе святости религіи.

Въ селеніи Дзири Ацхурскаго участка въ старую церковь привозятъ совсѣхъ почти концовъ уѣзда родильницъ, у коихъ грудь начинаетъ болѣть или пропадаетъ молоко и вѣра ихъ такъ сильна, что, по

ихъ понятіямъ они получаютъ исцѣленіе. Они ставятъ тамъ свѣчи и молятся по прежнему, разумѣется, наружными знаками.

Въ селеніи Сакунеты: Апцхурскаго участка всѣ мусульмане, но говорятъ по-грузински и почитаютъ церковь Св. Богородицы, сохранившуюся тамъ почти въ цѣлости. Внутри этой церкви по какимъ-то физическимъ явленіямъ дѣйствительно видно въ полночь освѣщеніе неизвѣстно отъ чего. Жители приписываютъ это явленіе святости и чудотворству церкви; благоговѣютъ къ ней и всѣхъ больныхъ своихъ, по обычаю грузинъ, привозятъ туда въ надеждѣ на скорую помощь.

Большія церкви сохранились почти въ цѣлости Зарзма и Чула среди лѣсовъ по близости Восточной Аджаріи, въ Кобліанскомъ участкѣ. Монастыри Сапара, около самаго Ахалциха. Вардзіа, Циха (п-турецки Антукала) въ Ахалкалакскомъ участкѣ и Ханисъ монастыри въ Турціи недалеко отъ нашихъ предѣловъ со стороны Кобулеты на высотахъ Южной Аджаріи. Сапара и Вардзіа извѣстны во всей Грузіи; въ Сапарѣ и теперь видны гробницы бывшихъ Атабековъ Ахалцихскихъ, а Вардзійскій монастырь возобновленъ по распоряженію бывшаго Намѣстника Кавказскаго князя Воронцова, заключаетъ въ себѣ по преданію гробницу царицы Тамары. Въ Вардзіи ежегодно 15 августа пріѣзжаютъ какъ жители нашего уѣзда, такъ и изъ за границы т. е. изъ прежняго Ахалцихскаго пашалыка и празднуютъ день Успенія Божіей Матери также какъ въ сел. Марткопи около Тифлиса. Во всѣхъ деревняхъ почти, гдѣ сохранились церкви, мѣстные жители, прежніе грузины, почитаютъ

ихъ священнымъ мѣстомъ и во время болѣзни обращаются къ нимъ съ больными.

Съ недавняго времени именно предъ открытіемъ послѣдней войны заграничные жители муллы въ качествѣ турецкихъ Эмисаровъ приѣзжали сюда, проповѣдывая ислаизмъ и вражду противъ русскихъ; запрещали говорить на природномъ грузинскомъ языкѣ и обязывали говорить непременно по Турецки. Увлекаясь фанатизмомъ, жители большею частію стараются теперь казаться болѣе турками, тогда какъ во времена турецкаго владычества и даже позднѣе при нашемъ Правительствѣ они старались болѣе казаться грузинами, поддерживая языкъ грузинскій и обычай предковъ. Грузія, составляя уже нынѣ нераздѣльную часть Великой Имперіи, предала Россіи какъ судьбу свою, такъ и всѣ свои памятники. Да и всегда почти Исторія Грузіи, родной русскимъ по вѣрѣ, сливалась съ русскою съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Родство ея съ Грузіею начинается уже съ XI столѣтія гораздо раньше завоеванія части древней Иверіи турками, которые, образовавъ изъ нея Ахалцихскій пашалыкъ, водрузили тамъ знамя луны вмѣсто священнаго креста, продолжая владѣть по сіе время значительною ея частію близъ нашихъ границъ.

По сему слѣдовало бы обратить ближайшее вниманіе на возстановленіе Христіанства въ Ахалцихскомъ уѣздѣ и такъ какъ христіанская религія есть вѣрнѣйшій проводникъ гражданскаго благосостоянія, то можно постепенно обращать тамошнихъ грузинъ мусульманъ въ православіе и, сблизивъ ихъ такимъ образомъ съ православными ихъ братьями русскими и грузинами, вытѣснить наконецъ оттуда мусульман-

ство, привязать их окончательно къ Россіи и тѣмъ распространить вліяніе ея и на остальные грузинскія племена, находяшіяся въ предѣлахъ Турціи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы распоряженіе Начальства касательно обращенія помянутыхъ мусульманъ, не имѣло бы въ ихъ глазахъ вида какого-либо принужденія или не отзывалось бы характеромъ какихъ-либо денежныхъ или матеріальныхъ выгодъ и многіе изъ нихъ по легкомыслію не увлекались бы сами выгодами, а, напротивъ дабы обращеніе сіе было бы съ ихъ стороны добровольное и казалось бы нѣкоторымъ образомъ натуральнымъ пробужденіемъ въ нихъ христіанскихъ, прежде существовавшихъ у нихъ, вѣрованій; то полезнѣе было бы для достиженія сей благой цѣли предпринять слѣдующее:

1) Если нельзя воспретить заграничнымъ мусульманскимъ духовнымъ лицамъ свободный вѣздъ въ Ахалцихскій уѣздъ, то по крайней-мѣрѣ, затруднить его.

2) Объявить всѣмъ мулламъ въ уѣздѣ, чтобы они отнюдь не воспрещали жителямъ мусульманамъ говорить на природномъ ихъ грузинскомъ языкѣ, на которомъ говорятъ издревле. Для этого велѣтъ мѣстному Начальству дѣлопроизводство и пискменный разборъ по жалобамъ жителей вести на грузинскомъ языкѣ, какъ это ведется въ остальныхъ уѣздахъ, Кутаисской губерніи.

3) Освятить съ релігіознымъ торжествомъ сохранившіяся и почитаемыя жителями церкви и отправлять въ нихъ открыто Богослуженія, по праздничнымъ и высокаторжественнымъ днямъ. Торжественное

по временамъ Богослуженіе въ тѣхъ церквахъ, заброшенныхъ и забытыхъ и благоговѣйное чувство къ ихъ святости живо могутъ напомнить окрестнымъ населеніямъ о прежней религіи ихъ отцовъ и произвести благоприятное впечатлѣніе.

4) Открыть для постояннаго Богослуженія два монастыря Вардзійскій и Сапарскій вмѣсто заброшеннаго на караязской степи Іоанно-крестительскаго монастыря, опредѣливъ туда достаточное число монашествующихъ и священниковъ, людей испытанныхъ съ приличнымъ содержаніемъ, которые, отправляя Богослуженіе по временамъ въ поименованныхъ выше церквахъ, вели бы искусно разговоръ съ жителями о прежней религіи ихъ отцовъ и о племеомнѣ родствѣ съ грузинами и въ случаѣ просьбъ жителей, исполняли бы непремѣнно бесплатно треби поминокъ, молебствіе и проч. и давали бы имъ въ подарокъ маленькіе образа Спасителя, Богородицы. Полезнѣе бы было, чтобы эти священники и монашествующіе были не молодыхъ лѣтъ и знали бы немного медицину и чтобы сверхъ того священники не были обременены семействомъ.

5) Напечатать на грузинскомъ языкѣ достаточное количество экземпляровъ: Евангелія, апостоль, молитвенники, псалтырь (ჲჳჳოჲბო) букварь и раздавать ихъ бесплатно по мѣрѣ ознакомленія помянутыхъ духовныхъ лицъ съ жителями. Если употребляемая нынѣ мусульманами ахалцихскаго уѣзда алькоранъ, распространенный по милости Британскаго библейскаго общества на арабскомъ языкѣ, замѣнить переводить грузинскимъ, „понятными для населенія, то чтеніе священныхъ книгъ писанныхъ на понятномъ

для нихъ грузинскомъ языкѣ, естественно, пробудить въ нихъ постепенно охоту ближе знакомиться съ ними и, слѣдовательно, дать современемъ ожидаемые плоды.

б) Учредить въ болѣе населенныхъ мусульманскихъ деревняхъ сельскія школы подѣ завѣдываніемъ и наблюденіемъ помянутыхъ монашествующихъ или священниковъ для обученія мальчиковъ чтенію и писью по-грузински и по-русски и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики.

Не запрещать однако желающимъ учиться и татарскому языку, который преподается и въ ахалцихскомъ уѣздномъ училищѣ.

Еще о мешехахъ, Тувалахъ и тогормахъ.

(Отвѣтъ на статью священника Виталія Джанаева, напечатанную въ № 99-мъ „Кавказъ“ 1875 года).

Прочитавъ напечатанную въ № 99 газеты „Кавказъ“ 1875 года статью „Сказанія о племенахъ грузинскихъ: мешехахъ, тувалахъ и тогормахъ, сочиненіе священника Виталія Джанаева“, я удивляюсь безцеремонности, съ которою онъ отзывается объ авторѣ книги „Библия и наука“, объ авторѣ „Исторія Грузіи“, князѣ Баратовѣ, и о г. Исарловѣ—авторѣ статьи „Христіанскія древности въ Турецкой Грузіи“.

О. Джанаевъ не доволенъ ими собственно потому, что они не сдѣлали обширныхъ выписокъ изъ Библии, когда въ своихъ сочиненіяхъ указывали на извѣстныя мѣста изъ пророка Іезекіи. Между тѣмъ, самъ о. Джа-

наевъ, говоря, что не можетъ входить въ критическую оцѣнку статьи „Христіанскія древности въ Турецкой Грузіи“, не объяснилъ, по крайней мѣрѣ, что онъ нашелъ именно недостойнаго своего ученаго вниманія въ этой статьѣ, которая съ такою обстоятельною подробностью знакомитъ насъ не только съ христіанскими древностями Турецкой Грузіи, но и съ исторіею древней Верхней Грузіи, о чемъ до него, сколько помнится, ни кѣмъ не былъ разработанъ этотъ вопросъ съ такою послѣдовательностью,

„Исторія Грузіи“ кн. Баратова, грузина, мнѣ кажется, единственное по этой части сочиненіе новѣйшаго времени, авторъ котораго, при знаніи грузинскаго языка, съ такою критическою разработкою знакомитъ насъ съ исторіею Грузіи и безъ навязываемыхъ священникомъ Джанаевымъ выписокъ изъ Іезекіи. Г. Исарловъ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, статьями, напечатанными прежде еще въ грузинскомъ журналѣ „Цискари“, „въ Судебномъ Вѣстникѣ“, „Кавказѣ“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Историческая статья его о христіанскихъ древностяхъ въ Турецкой Грузіи, на которую о. Джанаевъ „указываетъ не для того, чтобы критиковать ее“, и другая статья его-же, г. Исарлова, напечатанная въ началѣ сего года, о древностяхъ Абхазіи, Имеретіи и Грузіи, чрезвычайно любопытны, какъ въ отношеніи исторіи этой страны, такъ и своими филологическими объясненіями недоумѣній, которыя встрѣчались въ древнихъ названіяхъ мѣстностей этого края. Онъ знакомитъ съ исторіею христіанской Грузіи независимо отъ настоящаго состоянія ея въ Турціи, часть которой, какъ видно изъ той же статьи, обозрѣлъ онъ самъ; филологическія объясне-

знія его до очевидности доказываютъ древность происхожденія народа грузинскаго и безъ обширныхъ выписокъ отца Джанаева изъ Библии о мешехахъ, тувалахъ и тогормахъ, которыхъ онъ произвелъ въ предковъ грузинъ, не потрудившись объяснить значеніе этихъ названій по-грузински, какъ это сдѣлано г. Исарловымъ въ тѣхъ историческихъ его статьяхъ, которыхъ о. Джанаевъ „не беретъ критиковать“.

Дѣлая обширные выписки изъ Библии о мешехахъ, „тувалахъ и тогормахъ и удивляясь, что пророкъ Іезекія нигдѣ не называетъ грузинъ картвелами, самъ же о. Джанаевъ превращаетъ ихъ, по словамъ будто того же пророка, въ какихъ то кубаловъ и торгамолановъ. Это странное превращеніе одного и того же народа ничѣмъ не объяснено подъ перомъ отца Джанаева, который, желая положить конецъ повтореніямъ ошибокъ (со стороны писателей о Грузіи), былъ вынужденъ ввѣять перо и указать главы изъ пророка и „дѣлать большія изъ него выписки, вѣроятно, для назиданія будущихъ историковъ, потому что, какъ видно изъ замѣчанія его о тувалахъ, мешехахъ и тогормахъ, никто изъ исчисленныхъ имъ писателей, ни кн. Баратовъ, ни г. Исарловъ и ни г. авторъ „Библия и наука“ не потрудились ими пользоваться. Отецъ Джанаевъ удивляется, что у пророка грузины не называются картвелами. Мнѣ кажется очень страннымъ не понимать этой простой вещи: Это лучше понимаютъ и кн. Баратовъ, г. Исарловъ и авторъ „Библия и наука“, за которыми о. Джанаевъ не признаетъ никакихъ знаній, называя ихъ мнимоучеными. Вопросъ: у какого же народа грузины названы картвелами? Ученый мужъ, вѣроятно, долженъ знать, что греки и римляне

называли ихъ иверами, иберами и албанами; арабы — турджи; у древнихъ русскихъ писателей они извѣстны подъ именемъ грузинъ; у итальянцевъ—джорджіано; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы картвелы (ქართველი) не были грузины. Потому то отецъ Джанаевъ и грѣшитъ противъ своихъ общирныхъ выписокъ изъ Библии, что „желая положить конецъ повтореніямъ-ошибокъ“, не потрудился объяснить филологически, словами грузинскаго языка, значеніе мешеховъ, туваловъ и тогормовъ, превратившихся у него въ кубаловъ. и тогормолановъ; ни чѣмъ не знакомить, что народы эти, носившие разныя эти названія, именно суть грузины. Древность ихъ объяснилъ весьма просто г. Исарловъ изъ значенія самыхъ названій, разобранныхъ имъ этимологіею грузинскаго языка, на которомъ говорятъ и теперь и который существовалъ и въ глубокой древности; слѣдовательно, этимъ и доказывается и древность народа, который далъ названія мѣстностямъ, объявляемымъ словами нынѣшняго грузинскаго языка. Если цѣлыя выписки изъ пророка Іезевиі даютъ право на ученость, то это, мнѣ кажется, легкое средство достигать ученыхъ степеней; но изъ этого еще не слѣдуетъ называть мнимоучеными тѣхъ, которые не дѣлаютъ этихъ выписокъ, какъ это замѣчаетъ отецъ Джанаевъ, указывая на кн. Баратова, Исарлова и на автора „Библия и наука“.

Замѣтки объ Абхазіи.

Проѣзжая по берегамъ Абхазіи, путешественникъ невольно останавливаетъ вниманіе на множество живо-

писныхъ видовъ, которые открываются непрерывно по мѣрѣ движенія парохода. Холмистая мѣстность, понижаясь уступами отъ главнаго хребта Кавказскихъ горъ, простирается къ морю. Многочисленныя рѣчки, разсѣкая долины и ущелья въ разныхъ направленіяхъ и скрываясь въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, появляются едва замѣтными серебристыми струями и впадаютъ въ море. Обширная, необозримая зеркальная поверхность Чернаго моря ограничивается вдали берегами Анатолиі, откуда виднѣются снѣговья вершины высокихъ горъ, опоясывающихъ море съ юго-востока по Трапезонду.

Геленчикъ, прежде укрѣпленіе, которое защищало отъ нападений шапсуговъ, на берегу моря, составляетъ удобную бухту; окрестности оголены, а по сѣверному мѣстоположенію они не отличаются большею растительностью. Тамъ бывають иногда, непродолжительныя, но сильныя ураганы, вырывающіяся изъ ущелій и уносящія съ собою камни, растенія, песокъ, Геленчикъ въ разстояніи трехъ верствъ окруженъ высокими холмами въ видѣ амфитеатра, которые, составляя собою продолженіе цѣпи горъ, называемыхъ Варада и Накъ, придають живописный видъ мѣстности. Тамъ, въ бухтѣ была турецкая крѣпость Суджукъ Кале, которая уже давно въ развалинахъ.

Далѣе открывается предъ глазами Гагра, у выхода изъ ущелія и у подошвы одной изъ живописныхъ горъ, покрытой вѣчною бархатною зеленью. Разстилаясь вдоль берега моря, эти горы, идущія параллельно съ берегомъ, образуютъ мысы, покрытые лѣсомъ и, защищая бухту отъ вѣтровъ, придають всей мѣстности очаровательный видъ. Тамъ нѣкогда были поля, которые обрабатывали Шапсуги, Натухайды и

Дригейцы или, такъ называемые, Саджуа. Изъ окрестныхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, замѣчательны Идокопась, Пелавъ, Тепешъ или Шапка Сафаръ-Бея, Нугайгусъ, Шапсуга, изъ коихъ Шапка Сафаръ Бея, чрезвычайно красивая по своему правильному очертанію.

Гагра, расположенная при устьѣ рѣки Зець-Аздекъ, составляла границу между Дригетами или Саджуа и Абхазцами. Зедъ-Аздекъ есть искаженное грузинское ზედ-აზღვეთ — верхъ поднятый—отъ шумнаго разлива рѣки: въ то время, когда волны моря отъ прибоевъ останавливаютъ ея впаденіе и поднимаютъ ея притоки съ шумомъ.—Далѣе, береговая полоса къ рѣчкѣ Лигисъ, сузиваясь, сливается уже со скалы, вдающейся въ море. Тамъ уже начинаются отвѣсныя скалы до 600 ф. вышиною отъ уровня, перерезанныя множествомъ ущелій, которыя дѣлаютъ эту мѣстность почти непроходимую.

Изъ остатковъ христіанской древности сохранились въ Гаграхъ, во время занятія его русскими, храмы, обращенные въ провіантскій магазинъ.

Изъ рѣкъ, протекающихъ по этимъ ущельямъ и впадающихъ въ море, мѣстами удобопроходимыхъ въ бродъ, замѣчательны Бегрибста и Хуоста, которыя берутъ начало изъ горъ подъ тѣми же названіями и напоминаютъ искаженныя грузинскія слова: Бегрисъ-мта, ბეგრის მთა (гора повинностей), Хуосъ-мта, ხუოს მთა (хуро—плотникъ) гора плотниковъ. Рѣки Хасупса. Усурупса напоминаютъ рѣку Супса, въ Озургетскомъ уѣздѣ, подтверждая тѣмъ, что Абхазія и Гурія какъ будто принадлежали нѣкогда одному и тому же народу.

У Джигетовъ были и деревни, которыя сохранили также искаженные въ устахъ народа грузинскія названія: Хеква (Хе, ква,) (ხე, ქვა) каменное дерево; Хиспата, (ხის სპათი) хись спети, деревянный начальникъ; Арзаки— отъ стариннаго грузинскаго слова, теперь не употребляемаго уже въ разговорѣ არძაბო (Арзани—большой камень или каменная соль); Хипать ხოვათი—бѣда, несчастье; Берибирки — ბერი ბირკი (старикъ съ золотымъ биссеромъ), Бирки—ბირკი (старинное грузинское слово); Микель рипши—микель მიხელ Михаилъ; Лиавшь—отъ стариннаго грузинск. слова ლეშვი Лешви, дурное отъ падали мясо; Лши цхара, отъ ლეში ცხრა леши цхара острая вонючая падалъ; Сомхуръх-упши, სომხური უპა, придаточное мѣстности, сомхури—армянское. Изнагра—აზნაურთ გორა, сокращенное и искаженное აზნა-გრა, азнауръ гора—азнагра—Дворянскій Бугоръ.

Въ Абхазіи названія многихъ деревень также напоминають грузинскія слова: Калда гвара კლდე ღვარა, скала потокъ; Мцара მწარა, горькое; Атасраква—თავსრავი Тавсраки, თავსაკრავი—головной уборъ; тавсакрави, по имеретинскому нарѣчію, თავსაკრავი по грузински; Акапа აღაპი, поминки; Дзирхва, ძელქვა ძელკვა—дерево нежной: Ачандара ჭანდარი, чандаръ—дерево сандаръ; Адейгвара, არდაიღვარა—не пролитое; Мархауль მარხაული—постное; Шрара მშრალა—сухое мѣсто; Тхипа ტყობა, брюшной заливъ; Вачасчира ვახას ჯორა, немощъ Вачи (старинное грузинское имя); Кумысь კუმბისი, деревня подъ Тифлисомъ подъ тѣмъ же названіемъ; въ Цебельдѣ Джимашта ჯიმამტარი, деревня подъ Кутаисомъ подъ такимъ же названіемъ; Кваписта, ქვიშის მთა, пещерная гора; Шукрамъ შუკო-

ქრობ, полётъ, (стар. груз.); Када ქადა, особый родъ
сдобнаго хлѣба; Тимпаль დამპალი, гнилое; Чаль, чала
ქალა, роща; Чхалта, მსხალ მთა, гора грушъ,

Пицунда, Питіусъ древнихъ, Бичвинда, состав-
лена изъ грузинскихъ словъ Пичви цминда, сосна
святая, ფიქვი წმინდა. По - абхазски она называется
Лыдзаа или Лдзаа. Это древній храмъ, хорошо сохра-
нившійся до послѣдняго времени и возобновленный не-
давно. Абхазскій храмъ пицундскій называютъ Лдзаан-
ныхъ: онъ расположенъ на мысѣ, на живописной
мѣстности. — по простой особой породы соснѣ, ко-
торой нѣтъ ни въ Абхазіи, ни въ Мингреліи. По
имени большой сосны, которую боготворили древніе
грузины во времена еще язычества, Пичви цминда
ფიქვი წმინდა, священная сосна, и первосвященникъ
назывался ფიქვობელი, Пичвиндели, превратившись въ
въ устахъ народа ბიქვობელი, Бичвиндели. Бичвинда,
Пицунда въ послѣдствіи; это названіе осталось и во
времена христіанства въ Абхазіи за патріархами и
католикосами Абхазскими, которыхъ кафедра находи-
лась въ Пицундахъ; точно также какъ и мингрельскій
епископъ въ Мартвилахъ, назывался и называется и
познынъ ჭყობელი — Чкоиндели, по имени большого
дуба Чкони диди, ჭყობი დიდი, которому мингрельцы
поклонялись во времена язычества и по имени кото-
раго назывался тамошній первосвященникъ, жрецъ
ჭყობდიელი, сокращенное ჭყობელი, котораго засталъ
еще Андрей Первозванный. Во времена единодержа-
вія Грузинскаго царства въ Пицундскомъ храмѣ коро-
новались грузинскіе цари, которые назывались тогда
царями Грузіи, Абхазіи, и Имеретіи, მეფე აფხაზთა,
ქართველთა, იმერთა და სრულიად საქართველთა. Послѣ

раздѣла Грузинскаго царства на три части, цари Имеретинскіе владѣли Абхазіею, правитель которой считался всегда вассальнымъ княземъ Имеретинскихъ царей, какъ князья Дадани—Мингрельскіе.— Сношенія съ Византіею и съ Константинопольскими императорами, и торговля, которую производили Генуезскіе и Венеціанскіе республики съ Абхазіею, поддерживали тамъ христіанство, которое, судя по остаткамъ церквей, процвѣтало, но послѣ паденія Византіи и завоеванія Константинополя турками, въ 1453 году, Абхазія, равно и сама Имеретія, лишившіяся вліятія Византіи, равно и Италіанескихъ республикъ, начали подвергаться безпрестаннымъ нападеніямъ турокъ, которые препятствовали то же торговымъ сношеніямъ италіанцевъ съ ихъ колоніями и факторами, Абхазія подпала подъ власть турокъ, которые начали вводить тамъ исламъ огнемъ и мечемъ, уничтожая христіанство. Пицундскій патріаршій храмъ, первый разоренъ со стороны турокъ, такъ что послѣдній тамошній Патріархъ католикось Евдемонъ Четидзе едва спасся отъ рукъ турокъ, взявъ съ собою только главный чудотворный образъ Пицундской Божіей Матери и пріѣхавъ съ нимъ въ Гелатскій монастырь, гдѣ онъ и похороненъ, По удаленіи турокъ и возстановленіи власти владѣтеля Абхазіи кн. Шарвашидзе, въ Пицундахъ находились еще Епископъ ზოჭდულო и Монахи, но съ усиленіемъ вліянія Турціи въ Абхазіи и съ распространеніемъ мусульманской религіи, которую приняло и само владѣніе, христіанство, не смотря на родство Шарвашидзе выхъ съ христанскимъ владѣтельнымъ домомъ Минтрели кн. Дадіановыхъ, начало клониться къ паденію, такъ что послѣдній епископъ Максимъ, воспользовав-

шись пребываніемъ русскаго флота на Черномъ морѣ, въ эпоху покоренія Крыма, забравъ съ собою нѣкоторыя оставшіеся еще иконы, ризы и документы оставилъ Пицундскій храмъ въ концѣ прошлаго столѣтія и, выѣхавъ въ Россію, жилъ въ Кіевской лаврѣ, какъ говорятъ до 1819 года. Несмотря на опустошеніе монастыря, абхазцы, жители селенія Лдзаа, считали себя до позднѣйшаго времени монастырскими или церковными крестьянами и охраняли церковь и принадлежности церкви и монастыря, какъ святыню, пока все это было расхищено мѣстными чинами, въ видахъ лучшаго управленія странюю. Между гуджарами Гелатскаго монастыря есть документъ, по которому пожалованы были Пицундскому монастырю земли и крестьяне; по этому то и жители сел. Лдзаа считали себя церковными крестьянами, несмотря на мусульманскую религію, въ которую были обращены. Образъ Божіей Матери Пицундской *ბიჭვბეჯლის ღვთის მშობელი*, до сихъ поръ находится въ Гелатскомъ храмѣ, привлекая множество богомольцевъ со всѣхъ концовъ Имеретіи, Мингреліи и Абхазіи Оба эти храма—Гелатскій и Пидундскій—построены съ однимъ и томъ же стилѣ, но одинъ отличается отъ другого тѣмъ, что Гелатскій выстроенъ изъ огромныхъ квадратныхъ тесаныхъ камней или каменныхъ плитъ, а Пицундскій изъ жженныхъ кирпичей, между рядами коихъ нѣсколько рядовъ небольшихъ гранитныхъ камней.

Пицундскій храмъ окруженъ стѣною, которая построена изъ развалинъ древняго города Питіуса, о которомъ упоминаетъ Плиній, какъ о городѣ, извѣстномъ въ древности своимъ богатствомъ и разрушенномъ народомъ подъ именемъ Иніюхи. Недалеко на

западъ отъ Пицунды—каменная церковь, а къ сѣверу отъ этой церкви, развалины двухъ храмовъ, недалеко другъ отъ друга отстоящихъ, а южнѣе—еще церковь среди другихъ развалинъ, которыя находятся въ окрестностяхъ, а на разстояніи какихъ нибудь 150 сажней отъ Пицунды—слѣды древнѣйшихъ стѣнъ въ видѣ параллелограма, занимающихъ большое пространство,—напоминають глубокую ихъ древность временъ древней Греціи и Рима. Въ селеніи Соуксу каменный большой монастырь съ куполомъ и не далеко при рѣчкѣ Пшандра—развалины храма, а по дорогѣ на Башбарашъ, въ двухъ верстахъ отъ Пицунды, недалеко отъ остатковъ древняго водопровода, около сажени вышиною, встрѣчаются три каменныя коническія строенія съ двумя отверстіями одно противъ другого, которыя напоминають гробницы мусульманскія и которыя принадлежатъ ко времени турецкаго владычества, а въ пяти верстахъ отъ Пицунды, по берегу отъ устья Мичиша, на скалѣ, открываются на большомъ пространствѣ развалины церкви и укрѣпленій, разрушенныя, вѣроятно, тѣми фанатиками турками, развалившими также коническія гробницы, которыхъ эти развалины служатъ укоромъ.

Прѣсная вода проведена въ Пицунду еще въ древности изъ горъ на разстояніи болѣе двухъ верствъ. Недалеко, менѣе одной версты отъ Пицунды, есть небольшое озеро, въ которомъ очень много рыбъ, но онъ очень вреденъ для здоровья, и въ одно время солдатамъ вапрещено было ихъ ѣсть. Тамъ во всей мѣстности Пицунды, равно какъ и въ Сухумѣ, Мингрелии, Гурии и Имеретіи, въ іюнѣ и іюлѣ, какъ только стемнѣетъ, появляются по воздуху тысячами блестящія

искры, которыя несутся по разнымъ направлѣніямъ, какъ заблудшіеся духи, освѣщая темноту ночи. Это очаровательное зрѣлище, поражающее сначала незнакомаго съ такимъ явленіемъ природы, происходитъ отъ небольшого жука (*Calanthe mehabiensis*), который и даетъ блестящій и яркоогненный, въ родѣ сверкающей искры, свѣтъ. Въ Имеретіи и Гуріи этотъ маленькій жукъ называется по грузински Цисъ Сантели или въ устахъ народа искаженнымъ словомъ Цицнатела (ციცნატელი). Въ старину, до христіанства, появленію этихъ цицнатели язычники Абхазы и Мингрельцы придавали мистическій характеръ, встречая ихъ, какъ замогильныхъ знакомыхъ и родныхъ, разными играми и плясками. Подобныя мистическія игры и пляски, по описанію путешественниковъ, встречали въ тропическихъ лѣсахъ Бразиліи при появленіи свѣтящихся насѣкомыхъ.

Сухумъ главный городъ Абхазіи,—мѣстопробываніе начальника края. Во времена турецкаго владычества турки построили тамъ, въ 1724 году, на развалинахъ древняго укрѣпленія, крѣпость и потому они назвали Сухумъ-кале. Надъ входомъ однѣхъ воротъ можно было прочесть слѣдующую надпись на турецкомъ языкѣ:

„Въ благополучное царствованіе Великаго Султана, Шахиншаха (царя царей), могущество котораго равняется Великому Искендеру Македонскому и славному Царю, блистательнаго государя и повелителя, котораго сіяніе, слава и правосудіе освѣщаютъ всѣ народы на землѣ и даруютъ имъ счастье, и при доблестномъ зятѣ нашего Повелителя Садръ-Азамъ, государства верховномъ визирѣ, который бодрствуетъ противъ всѣхъ враговъ Блистательной Порты и все-

могущаго повелителя, выстроена эта твердая и неприступная крѣпость, которая также крѣпка, какъ Сунна, птица (*Durolactar barbatus*), парящая на высотахъ Кавказскихъ горъ. Аллахъ (Богъ) да увеличитъ и умножитъ счастье и благополучіе нашего Великаго Падишаха (государя), такъ какъ онъ служитъ средоточіемъ тишины и счастья на землѣ. Да утвердится мудрость умнаго верховнаго визиря, который заботится о народномъ благосостояніи“.

Крѣпость эта стояла далеко отъ моря, такъ что дорога шла между крѣпостью и берегомъ; но море подмыло уже берегъ до половины крѣпостныхъ передовыхъ укрѣпленій, такъ что въ 1878 году оно омывало уже стѣны главнаго корпуса, гдѣ помѣщалась тюрьма.

При бывшемъ владѣтелѣ Абхазіи, князь Сафаръ-Беѣ Шарвашидзе, вступившемъ въ подданство Россіи, русскія войска первый разъ заняли Сухумъ-кале въ 1804 году, въ то время, когда и владѣтель Мингреліи князь Григорій Дадіани вступилъ въ подданство Всероссийской державы. Другой разъ Сухумъ-кале заняли русскіе въ 1810 году. Холмистыя окрестности Сухума, покрытыя лѣсомъ, и вообще мѣстность его у береговъ моря чрезвычайно живописны. Роскошная растительность, богатая южными тропическими растеніями, придаетъ очертанію Сухума очаровательный видъ. Сухумская или Абхазская лихорадка и горячка, которые отличались прежде такою печальною злокачественною извѣстностью, теперь являются рѣже. Причиною этой болѣзни всегда бывала простуда лѣтомъ во время жаровъ, когда послѣ пяти часовъ начинается дуть пронзительный холодный вѣтеръ изъ ущелья съ сѣвера.

Рѣчка, которая протекаетъ по этому ущелью, пересѣкая извѣстный тропическими растеніями сухумскій ботаническій садъ, не хороша для питья. Но вода другой рѣчки, Баслетка, очень вкусна и здорова. Повыше этой именно рѣчки, на холмистой мѣстности, покрытой лѣсомъ, до селенія Неласуръ, встрѣчаются развалины старой крѣпости, въ 7 верстахъ на западъ отъ Сухума, на мысѣ, гдѣ, какъ полагаютъ былъ старый Сухумъ; но Абхазды называютъ Ашашла. Тамъ, на стѣнахъ развалинъ, растутъ громадныя смоковницы и болѣе огромныя деревья старыхъ грецкихъ орѣховъ, стволъ которыхъ доходитъ до сажени въ діаметрѣ.

За Сухумомъ, въ полуверстѣ, на склонѣ горы Самата, виденъ большой курганъ, который заключаетъ въ себѣ остатки людей, оспаривавшихъ нѣкогда обладаніе Діоскуріею; а въ 5 верстахъ, въ ущелья,—старый каменный мостъ, черезъ который проходили войска Митридата и затѣмъ Помпея. Этотъ мостъ былъ защищенъ двумя замками, которые возвышались на обоихъ берегахъ, на высокихъ скалахъ, между которыми извивается ущелье съ вѣчно зеленѣющими деревьями и кустами.

Далѣе, въ 14 верстахъ отъ Сухума, къ востоку, у верховьевъ р. Баслы, нынѣшней Баснетки, лежатъ на значительномъ пространствѣ развалины, а въ 11 верстахъ, на морскомъ берегу, развалины замка Сатамашо, по грузински—мѣсто гуляній, ристалищъ, пляски, *ბაობდობ*, Діоскурія—нынѣшній Сухумъ, во времена римлянъ, заключала въ себѣ 80 т. жителей.

Хомисъ-Бей, Михаилъ Шервашидзе—развалины древнихъ каменныхъ строеній, доказывающихъ существованіе когда-то большого города и большого насе-

ленія; здѣсь то и была древняя Дюскурія, которая производила торговлю Кавказа съ Римомъ и служила складочнымъ мѣстомъ товаровъ, отправляемыхъ изъ Индіи и Персіи въ Европу.

Селеніе келасури, по - абхазски Техубанъ, отстоящее на разстояніи около трехъ верстъ отъ Сухума, южнѣе, на берегу же моря, замѣчательно остатками большихъ и обширныхъ развалинъ церкви св. Георгія, башни и большого четырехугольнаго укрѣпленія, которыя обращаютъ на себя вниманіе любопытныхъ; древняя каменная стѣна идетъ отъ моря на сѣверо-востокъ въ горы Цебельдинскія: она защищала древній городъ Діоскурію отъ внезапныхъ нападений горцевъ. Но эти развалины не изслѣдованы. Между Сухумомъ и Келасури, близъ морского берега, есть старинный храмъ, обращенный въ кладбищенскую церковь, а по дорогѣ отъ Пицунды по Сухуму, при впадении рчки Лсидзъ въ морѣ, находятъ развалины и дальше на горѣ—двѣ большія башни, колоніи древнихъ: анакопіи, никопсисъ, гіипіе, а по ближе къ Сухуму, при рѣкѣ Гумиздѣ, встрѣчаются живописныя развалины, такъ называемаго, Старого Сухума. Посѣщавшіе эти развалины любовались огромнымъ фиговымъ деревомъ, которое выросло на стѣнѣ.

Вся эта мѣстность, покрытая лѣсомъ до Дранды, находящейся на 22 версты отъ Сухума, пересѣкается небольшими горными речками, впадающими въ море, которыя во время дождей и таянія снѣговъ разливаются чрезвычайно и очень опасны по чрезмѣрной быстротѣ. Дранды—это Drandarium древнихъ, по-абхазски называется цкобинъ *ჭუბოვ*, ва по-мингрельски *ჭუბოვ*,—расположена на высокой горѣ въ пяти верстахъ

отъ моря, при большой рѣкѣ Кодори, извѣстной въ древности подъ именемъ Кораксъ (coracs). Здѣсь довольно хорошо сохранился великолѣпный храмъ, построенный въ цвѣтушія времена Грузіи и Византіи и при ихъ близкихъ сношеніямъ между собою. Древность храма отличается отъ пристроекъ и передѣлокъ, произведенныхъ въ немъ позднѣе, въ XI столѣтіи, такъ легко, что эти пристройки обратились почти въ развалины, тогда какъ самый храмъ сохранился въ цѣлости, не смотря на огромныя деревья, которыя выросли на его кровлѣ, куполѣ и на стѣнахъ. Красивый куполъ съ шестнадцатью окнами хорошо сохранился и стоитъ на четырехъ столбахъ. Внутренія стѣны, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ которыхъ видны слѣды Византійской живописи, не повреждены. Огромное фиговое дерево выросло на ступеняхъ алтаря; а вѣтви его пробилась сквозь толстую стѣну храма, Развалины, которыя находятся около этого храма во множествѣ, свидѣтельствуютъ, что непріятельское нашествіе ихъ давно предало разрушенію и обратило въ пустыню. По дорогѣ отъ Сухума въ Гомборы и Очамчири, замѣчательныя только мѣстопробываніемъ послѣдняго владѣтеля Абхазіи, встрѣчаются на пути, кромѣ развалинъ, такъ называемаго, стараго Сухума, еще развалины Анакопіи и Псардзи Nicapolis, Fiume de Nictia, Nicolo, которые означались на Итальянскихъ картахъ XIV столѣтія, гдѣ процвѣтали факторіи Венеціанской республики, производившія торговлю съ горцами и получавшія товары изъ Діоскуріи.

Въ Абхазіи на горахъ Хирчо и Дудрупшъ, на высотѣ 7000 футовъ надъ уровнемъ моря, порождаетъ разительное явленіе, извѣстное только на Альпахъ и

на полярныхъ льдахъ. Это красный снѣгъ, который получаетъ красный цвѣтъ отъ микроскопическаго моха—*Pratucoccus nivalis*. Тамъ изъ подъ снѣга выглядываютъ очень много цвѣтовъ, которыя встрчаются въ маѣ мѣсяцѣ на Альпахъ: *tumaria tenella*, *cotvredon oppositifolia*, *geranium gracile*, *dentaria bulbifera*, *vateriana alliariefolia*, *saxifraga orientalis*.

Растительность въ Абхазіи чрезвычайно сильна и очень пышна и великолѣпна. Пестрыя массы всегда зеленѣющихъ деревьевъ, кустарниковъ, луговъ и ущелій представляютъ собою очаровательный видъ.— Два раза въ годъ цвѣтутъ *Azalea Pontica*, *Rhododendron Ponticum*, достигающіе до 3 ½ саж. высоты; Пех. *Prunus laurocerasus* (лавръ очень толстый), *Taxus baccata*, цѣлые лѣса Биссуса (*Ruxys sempervirens*) обращаютъ на себя вниманіе своею пышностью; да сверхъ того волошкій да грецкій орѣхи, дубъ, букъ, ольха, каштанъ, дзелква (каменное дерево *ძელქვა Pterocarya caucasica*), фиговое дерево, чинаръ, вьющійся по деревьямъ виноградъ, роскошный плющъ и сильно разрастающійся *Smilax excelsa* растутъ въ Абхазіи во всемъ своемъ величій, придавая чрезвычайную картинность странѣ, пересѣкаемой рѣками и ущельями, и горами, крытыми вѣчною зеленью.

С в а н е т і я.

Сванетія или по-грузински Сванети. Саванети отъ грузинскаго слова *სავანე* Саване (мѣсто покоя) составляла часть Грузіи во времена единства царства

грузинскаго, и за тѣмъ послѣ раздѣленія его, она вошла въ составъ царства имеретинскаго. Она составляетъ горную страну у горъ главнаго Кавказскаго хребта, покрытую больше половины года снѣгомъ, въ границахъ: съ востока Рачинскій уѣздъ, съ сѣвера— большая Кабарда, съ юга— Мингрелія, а съ запада— Цебельда Абхазіи. Будучи окружена весьма высокими горами, изъ коихъ замѣчательны: Лешнура, Бази, Ижвари, Гвелембаръ и Сакера, Сванетія раздѣлена по главнымъ горнымъ ущельямъ на три части или на три отдѣльныхъ общества, именно: на Дадіанскую Сванетію, принадлежавшую бывшему владѣтелю Мингреліи вн. Дадіани, примыкающую къ Лечхуму Мингрельскому (нынѣ Лечхумскій уѣздъ), на Дадишкеліановскую Сванетію, принадлежащую кн. Дадишкеліани, и на Вольную Сванетію, находящуюся сѣвернѣе двухъ первыхъ и примыкающую къ Лечхумскому и Рачинскому уѣздамъ съ юго-востока.— Слово Сванети, Сванетія, происходятъ, какъ мы сказали, отъ грузинскаго слова *სვანეთი*), Саване, Сванети, мѣсто покоя, тишины; частица *თი* прибавляется къ названіямъ какъ *ია*; Имеретія, Абхазія; нѣкоторые свановъ считаютъ цанами отъ грузинскаго слова *ცანი* цани, небеса, но это неправильно. Встрѣчаемое у древнихъ писателей слово цани, есть названіе племени Лазовъ— *ლავნი* мчани, Которые и теперь известны подъ этимъ названіемъ. По словамъ грузинскаго историка царевича Вахушта, второй царь Грузіи Саурмагъ еще за 253 года до Р. Х. переселилъ въ Сванетію часть населенія Джурджукетовъ, которые, по случаю густоты населенія и недостаточности земли, производили внутренніе раздоры. Поселивъ ихъ въ горной, замкнутой горами, странѣ,

онъ назвалъ ее мѣстомъ покоя—тишины, სვანეთი—На званіе, сохранившееся до сихъ поръ.—Во времена еще Страбона эта страна называлась Суани, также какъ и нынѣ низывается სვანეთი Свани, т. е. сокращенное Саване; поэтому свидѣтельство Страбона дѣлаетъ достовѣрнымъ описанный у Вахушта фактъ поселенія въ Сванетіи враждебнаго племени Джурдзукетовъ, для ихъ успокоенія.— სვანეთი, Саване, мѣсто покоя, успокоенія.

Въ іюль мѣсяцѣ Лечхумскій уѣздный начальникъ, т. Гриневскій, взявъ съ собою начальника мѣстной команды въ Сванети майора Леуса и сванетскаго пристава майора князя Константина Микеладзе и сто человекъ нижнихъ чиновъ и лекаря Бѣльскаго отправился въ селеніе Халды въ Сванетію, входящей въ составъ Лечхумскаго уѣзда Кутаисской Губерніи, подчиненнаго ему уѣздному начальнику.—При Гриневскомъ были переводчикъ Бакрадзе и три разсыльныхъ, изъ коихъ одинъ былъ изъ Свановъ,—Дома вообще въ этой дикой, гористой и скалистой и труднодоступной странѣ имѣютъ по обыкновенію видъ башни. Сама деревня Халды находится на вершинѣ высокой, каменной горы, окруженной со всѣхъ почти сторонъ отвесными обрывами и туда ведетъ тропа, по которой шли уѣздный начальникъ Гриневскій и всѣ вышепоименованные лица.—Узнавъ, что прѣхали къ нимъ начальникъ уѣзда, приставъ, начальникъ мѣстной команды съ солдатами, халдинскіе жители вышли къ нимъ навстрѣчу съ поклонами, по обычаю страны, цѣлуя сюртукъ и руки Гриневскаго въ знакъ глубокаго уваженія начальника, сопровождали ихъ на площадку, куда г. Гриневскій, Леусъ и Микеладзе

направились расположиться отдохнуть. Тутъ подошли и остальные халдинскіе сваны съ обычными поклонами начальству, которое они почитали и почитаютъ. Эти люди стояли предъ ними — въ почтительномъ ожиданіи приказанія начальства. Уѣздный начальникъ сѣлъ подъ деревомъ на камнѣ и, облокотившись, объявилъ сванамъ въ отвѣтъ на обычные ихъ привѣтствія, чтобы они немедленно выдали двухъ преступниковъ, скрывавшихся у нихъ съ прошлогодняго возстанія. Недоумѣвая въ такомъ непонятномъ для свановъ приказаніи и не понимая какъ они должны выдать людей, пользовавшихся у нихъ защитою гостепрїимства, такъ свято чтимаго у нихъ и у горцевъ вообще и имѣя въ виду обычай страны, что насильственная, измѣнническая поимка выдачи людей вызоветъ между ними нескончаемое кровомщеніе, сваны отозвались уѣздному начальнику, что требуемыхъ имъ тѣхъ двухъ человѣкъ у нихъ нѣтъ въ деревнѣ и что они не знаютъ, какимъ образомъ они должны ихъ выдать или ловить. На это уѣздный начальникъ раскрычался на свановъ и, указавъ на свои часы, погрозилъ, что имъ назначаетъ полчаса времени для того, чтобы они представили тѣхъ двухъ свановъ и что въ противномъ случаѣ онъ окружитъ тѣми солдатами, которыхъ привели съ собою, и они должны будутъ ихъ кормить въ каждомъ домѣ впредь до поимки тѣхъ двухъ преступниковъ.—Это самое грозно повторили Леусъ и кн. Микеладзе.—Сванетцамъ приказали идти вонъ и потому они удалились къ себѣ въ деревню, и, образовавъ по горскому обычаю кучки для бесѣдъ и разсужденій обо всемъ томъ, что видѣли и слышали, не могли придти ни къ ка-

кому заключенію, не понимая положительно, по какому случаю явившіеся къ нимъ начальники такъ не благосклонно и грозно обратились къ нимъ. Послѣ долгихъ разсужденій они выбрали изъ среди себя двухъ старыхъ почетныхъ людей въ качествѣ депутатовъ, которые должны были умилостивить уѣзднаго начальника и пришедшихъ съ ними штабъ офицеровъ. Они дѣйствительно явились къ нимъ, будучи вполне увѣрены, что они, какъ посланные отъ деревни, находились по своимъ обычаямъ подъ защитою неприкосновенности, которою пользуются всѣ вообще депутаты или посланные у нашихъ горцевъ и у восточныхъ народовъ.—Изъ остальныхъ сванетцевъ, оставшихся въ кучкѣ, нѣкоторые изъ любопытства пошли въ верхній этажъ своихъ башенъ, ожидать результата ихъ посольства къ начальству. Тѣ два сванетца доложили почтительно уѣздному начальнику, что жители затрудняются выполнить его приказаніе, такъ какъ прошлогоднихъ преступниковъ нѣтъ въ ихъ деревнѣ, что эти преступники давно угнали свой скотъ и удалились на другія горы поближе къ Карачаевцамъ и потому они не могутъ ихъ поймать, либо доставить изъ другихъ обществъ, гдѣ тѣ преступники находятся, и что, наконецъ, они не въ состояніи кормить столько солдатъ такъ какъ у нихъ самыхъ, по случаю неурожая, нѣтъ корма и потому они просили взять отъ нихъ подальше солдатъ и освободить отъ ихъ кормленія.—Уѣздный начальникъ раскричался на этихъ посланныхъ, грозя ссылкой въ Сибирь, разореніемъ ихъ деревни. На вопросъ сванетцевъ—за какую же вину ихъ подвергаютъ такому наказанію, уѣздный начальникъ ударилъ ихъ, продолжая на нихъ

кричать и грозить. Эти, угрёзы повторяли вновь и Леусъ и Микеладзе. Все это происходило въ виду оставшихся по дальше жителей деревни и тѣхъ, которые смотрѣли изъ башни. Одинъ изъ этихъ бѣдныхъ депутатовъ по несчастію облокотился на рукоять кинжала, который у него висѣлъ, опасаясь вѣроятно не потерять равновѣсія во время нанесенія ему ударовъ плетью или чтобы не отняли у него кинжала, но майоръ Леусъ, разгоряченный и взволнованный своею вспыльчивостью, вообразивъ, что сванетинецъ хочетъ употребить Противъ нихъ кинжалъ, вдругъ крикнулъ двумъ солдатамъ, тутъ же стоявшимъ, „ребята, на штыки этихъ канальевъ“, и солдаты подняли этихъ двухъ несчастныхъ сванетинцевъ на штыки и тутъ же безчеловѣчно убили.

Это быхо достаточно для вольныхъ сыновъ сел. Халды, чтобы взяться за оружіе: они не могли дать себѣ отчета во всемъ томъ, что произошло и что превышало ихъ понятія въ виду кроваваго и смертельнаго оскорбленія, которое было имъ нанесено, такого жестокаго убійства невинно пострадавшихъ за нихъ двухъ почетныхъ ихъ жителей.—Вдругъ послѣдовали изъ башни ружейные выстрѣлы, отъ которыхъ убиты были тутъ же майоръ Леусъ и тѣ два солдата, поднимавшіе на штыки депутатовъ, ... Микеладзе смертельно былъ раненъ въ ротъ; а такъ какъ г. Гриневскій въ этотъ моментъ случайно отъ испуга нагнулся, то направленная въ него пуля попала въ старшину той деревни. и былъ убитъ наповаль.—Это произвело суматоху. Гриневскій съ переводчикомъ Бакрадзе, лекаремъ Бѣльскимъ и съ ясаулами (разсылными), бросились бѣжать по направленію, котораго не знали.

Солдаты разбрелись какъ попало; но никакихъ выстрѣловъ послѣ того отъ Сванетцевъ не послѣдовало и они остальныхъ солдатъ вовсе не трогали. Дѣло шло уже къ вечеру.— Разсылной сванетинецъ предложилъ уѣздному начальнику Гриневскому свой домъ и башню, въ которыхъ онъ хотѣлъ спасти его, лекаря Бѣльскаго, Бакрадзе и остальныхъ двухъ разсыльныхъ; изъ нихъ Бакрадзе помѣстили въ верхнемъ этажѣ башни, а Гриневскаго и другихъ въ нижнемъ. Хозяинъ дома, родной дядя разсылного, опасаясь, чтобы его не считали виновнымъ на равнѣ съ другими сванетинцами, стрѣлявшими изъ башни, просилъ у г. Гриневскаго свидѣтельство, которое ограждало бы его отъ отвѣтственности; но Гриневскій отказалъ ему грубо съ угрозою. Такого же удостовѣренія требовали и отъ Бакрадзе, приотившагося въ верхнемъ этажѣ башни. Къ утру рано пришли туда къ уѣздному начальнику другіе, не участвовавшіе сванетцы, соболъзнуя, случившемуся вчера несчастью и обѣщаяся заарестовать и представить всѣхъ тѣхъ, которые стрѣляли въ Леуса, Микеладзе и солдатъ съ тѣмъ, чтобы ихъ не считали участниками въ этомъ преступленіи, такъ какъ они находились далеко отъ того мѣста на горѣ, гдѣ пасли свой скотъ; но Гриневскій обошелся и съ ними также грубо, грозя разорить всѣхъ и сослать въ Сибирь. Между тѣмъ тѣ возмущенные въ сел. Халды сванетцы, полагая что убить и уѣздный начальникъ и что ихъ старшина ушелъ распорядиться приютить разбѣжавшихся солдатъ, пошли убирать мертвые тѣла убитыхъ наканунѣ и, видя, что ими убитъ не уѣздный начальникъ, въ котораго цѣлили, а уважаемый ими старшина, чрезвычайно разсвирѣ-

пѣли, и, узнавъ, что Гриневскій находится не въ далекомъ разстояніи въ башнѣ, около которой стояли лошади его, лекаря Бѣльскаго и другихъ, бросились къ той башнѣ, требуя, чтобы Гриневскій вышелъ къ нимъ, но какъ онъ къ нимъ не вышелъ, то заперли двери башни. Снаружи хозяинъ сванецъ не могъ ничего дѣлать, въ виду грозныхъ сосѣдей своихъ, угрожавшихъ Гриневскому, какъ виновнику ихъ несчастія и смерти восемнадцати сванецевъ, умершихъ въ Кутаисскомъ-тюремномъ замкѣ по прошлогоднему, выдуманному Гриневскимъ, ихъ возстанію.—Самъ же хозяинъ, увлеченный, вѣроятно, общимъ опасеніемъ, овладѣвшимъ сванецевъ вчерашнимъ произшествіемъ, поднялся по лѣстницѣ въ промежуточный этажъ той башни между нижнимъ и верхнимъ, гдѣ помѣщался Бакрадзе, весь преданный страху неизбѣжной смерти, и крикнулъ: тамъ ли еще Бакрадзе. Какъ только Бакрадзе взглянулъ въ отверстіе изъ верхняго этажа, то раздался внутри башни выстрѣлъ и пуля пролетѣла снизу вверхъ, задѣвъ немного рѣсницу. Онъ упалъ тотчасъ отъ испуга и притворился убитымъ. Сванетинецъ простоялъ еще немного и снизу прислушивался, но видя, что Бакрадзе уже не шевелится и увѣрившись, что онъ уже убитъ, спустился уже внизъ къ нижнему этажу башни и послѣ того уже, доходя по словамъ Бакрадзе, до него крики отчаянія: „помогите“, Тамъ въ нижнемъ этажѣ сванетцы производили рѣзню и убили Гриневскаго, лекаря Бѣльскаго, деньщика его,— крикъ, шумъ за тѣмъ совершенно прекратились. Это было вечеромъ. Бакрадзе между тѣмъ потихоньку высмотрѣлъ высоту башни и то, что было внизу и рѣшился спрыгнуть

когда сванетцы удалились изъ башни, гдѣ находились убитые ими жертвы.—Бакрадзе упалъ на землю съ высоты четырехъ саженой и повредилъ себѣ ногу и колѣно. Онъ чувствовалъ боль, но ползкомъ дотащился по землѣ по неизвѣстному ему направленію и очутился около кустовъ, гдѣ спрятался, не зная, гдѣ именно онъ находится. Всю ночь онъ провелъ въ такомъ мучительномъ ожиданіи утра.—Онъ кое какъ перевязалъ себѣ платкомъ свои раны на колѣни и какъ только разсвѣло, направился по скаламъ по противоположному направленію отъ башни и вскорѣ при восходѣ солнца очутился на нагорной тропѣ, которая вела неизвѣстно куда. Онъ шелъ на произволь судьбы, полагая встрѣтиться или съ разбѣжавшимися вчера солдатами, или съ кѣмъ нибудь изъ мирныхъ сванетцевъ.— На утро убійцы, желая убрать съ верхняго этажа башни тѣло Бакрадзе, котораго они считали убитымъ, и видя, что онъ живъ и ускользнулъ отъ ихъ рукъ, осмотрѣли всѣ уголки около башни, но не нашли. Между тѣмъ случайно навстрѣчу Бакрадзе шли на полевья работы два сванетца съ косами. Бакрадзе было струсиль, не зная ихъ, но къ счастью они оказались изъ другой деревни. Онъ имъ разсказалъ вчерашнее происшествіе и то, что съ нимъ случилось и просилъ проводить его до сел. Бечо, мѣсто-пребываніе мѣстнаго начальства и войсковой команды, Эти два сванетца успокоили Бакрадзе и взяли съ собою; а какъ дорога предстояла не далеко отъ оставленной имъ башни, откуда онъ бѣжалъ, то какъ только увидѣли изъ башни Бакрадзе съ сванетцами, начали громко требовать его къ себѣ, направляя ружье.—Эти два сванетца закричали на нихъ, чтобы

они не смли стрѣлять, что Бакрадзе находится подь ихъ защитою и если они осмѣлятся выстрѣлить, то сами пойдуть на нихъ съ косами и съ кинжалами и будутъ защищать до послѣдней крови и вызовутъ кровомщеніе цѣлаго ихъ рода.—Убійцы не осмѣлились нарушить святость обычая и такимъ образомъ Бакрадзе пошелъ къ офицеру Квинихидзе, который собралъ всѣхъ солдатъ и отвелъ по принадлежности въ сел. Бечо.—Самъ же Бакрадзе, оправившись немного отъ ранъ, пріѣхалъ въ Кутаисъ и рассказалъ обо всемъ этомъ губернатору Малафѣву и всѣмъ.

Было ли арестованіе тѣхъ сванетцевъ, по прошлогоднему мнимому возстанію, неотложною необходимостью, было ли настоятельное на то требованіе начальства—неизвѣстно; но, кажется, ни того, ни другого не было, и г. Гриневскій неизвѣстно, изъ какихъ видовъ появился въ селеніи Халды съ отрядомъ для поимки двухъ сванетовъ, и то такъ безумно и безтактно.

Въ первыхъ числахъ августа, два мѣсяца назадъ, наша публика узнала изъ официальнаго сообщенія газеты „Кавказъ“ о прискорбной вспышкѣ, стоившей въ Вольной Сванетіи жизни нѣсколькимъ воинскимъ чинамъ и представителямъ мѣстной администраціи. Затѣмъ, спустя немного, объявлено было, что для наказанія виновныхъ и для возстановленія спокойствія и порядка посланы въ Сванетію войска. Съ тѣхъ поръ въ мѣстной печати не появлялось рѣшительно никакихъ свѣдѣній о результатахъ мѣръ, принятыхъ властью, и объ исходѣ всего этого печальнаго дѣла.

Слова официальнаго сообщенія о томъ, что преступныя дѣйствія жителей селенія Халды не нахо-

дять себѣ поддержки даже въ окрестныхъ и смежныхъ деревняхъ Вольной Сванетіи, подтвердились вполне и безусловно. Депутаціи этихъ деревень явились во множествѣ къ представителямъ мѣстной администраціи для заявленія несолидарности своихъ доверителей съ дѣйствіями халдійскихъ жителей. Халдіды выслали изъ своего селенія всѣхъ женъ, дѣтей и стариковъ и решились сопротивляться войскамъ до послѣдней возможности. Всѣхъ сопротивлявшихся было 27 человекъ. Они заперлись въ своихъ башняхъ и возложили всѣ свои упованія на неприступность мѣстности. Войска, между тѣмъ, проникли до самой деревни безъ всякаго сопротивленія со стороны прочихъ жителей Вольной Сванети. Послѣ перестрѣлки, стоившей жизни нѣсколькимъ солдатамъ и одному офицеру (Мачаваріани), грузинская пѣшая дружина пошла на приступъ башень и частью овладѣла ими, частью же подожгла ихъ. Результатомъ приступа и схватки было то, что девять свановъ взяты въ плѣнъ; пять человекъ погибли въ пламени башень; остальные же 18 успѣли бѣжать въ горы (они уже пойманы и отправлены въ Кутаисъ). Для поимки ихъ оставлена въ Вольной Сванетіи небольшая команда; войска же, по срытіи до основанія всѣхъ башень и всей деревни, благополучно вернулись въ Кутаисъ, взявъ съ собою тѣла убитыхъ во время вспышки, а также всѣхъ раненныхъ при приступѣ и всѣхъ плѣнныхъ свановъ. Въ настоящее время, эти девять свановъ содержатся подъ стражею въ Кутаисѣ, гдѣ надъ ними учрежденъ военный судъ по полевымъ законамъ *).

Такъ кончилась халдійская вспышка.

---

*) Двое изъ обвиняемыхъ уже приговорены къ смертной казни чрезъ повѣшенія, остальные—къ каторжнымъ работамъ.

Вотъ все, что касается фактической стороны этого печальнаго столкновенія одной незначительной деревни съ представителями мѣстной администраціи. Каковы же тѣ обстоятельства, которыя вызвали какъ сванетскія волненія 1875 года, такъ и вспышку 1876, и которыя, быть можетъ, готовятъ намъ въ будущемъ еще нѣсколько подобныхъ сюрпризовъ.

Сванетія, какъ извѣстно, лежитъ въ труднодоступной котловинѣ кавкавказскихъ горъ, къ югу отъ Эльбруса, и дѣлится на три части: Дадиановскую, Княжескую или Дадишкеліановскую и Вольную. Дадиановская Сванетія, издавна входившая въ составъ Мингреліи, не представляетъ особенныхъ затрудненій; но въ Княжеской и Вольной происходили и происходятъ столкновенія интересовъ и страстей, заслуживающія особаго вниманія. Владѣтельный домъ князей Дадишкеліани, господствовавшій въ Княжеской Сванетіи, издавна страдалъ внутренними междусобицами. Во время восточной войны 1853—1856 годовъ, когда вниманіе правительства обращено было къ инымъ уголкамъ Закавказья, раздоры различныхъ линій этого дома приняли характеръ открытой внутренней войны, и мноме члены фамили Дадишкеліани пали ея жертвою. Борьба, главнымъ образомъ, шла между главами двухъ линій, старшей и младшей. Представитель старшей линіи князь Константинъ Дадишкеліани остался побѣдителемъ въ своей странѣ, и въ 1856 г. былъ свободенъ отъ всякихъ соперничествъ главы младшей линіи, князя Тенгиза Дадишкеліани. Тогда Тенгизъ Дадишкеліани, не будучи въ силахъ побороть своего сильнаго и мужественнаго соперника, началъ домогаться извести его интригою. Само собою разу-

мѣется, что, по отношенію къ Россіи и къ русскому правительству, оба соперника стояли на одной и той же почвѣ: оба признавали верховную власть Россіи, оба почитали себя ея вассалами, оба готовы были безпрекословно подчиняться требованіямъ правительства. Ихъ раздѣлялъ лишь вопросъ: кому властвовать въ Сванетіи? Въ политическомъ отношеніи, положеніе такихъ владѣтелей, въ сущности, весьма удобно для нихъ: по отношенію къ нашему правительству они являются, будто бы, всесильными властителями своей страны, представителями ея населенія, и силу свою они черпаютъ въ ихъ мнимомъ повиновеніи и преданности. По отношенію же къ этому населенію они являются уполномоченными всесильнаго „русскаго правительства“, его агентами, и тутъ уже они свою силу черпаютъ въ поддержкѣ, оказываемой имъ этимъ правительствомъ. Расчетъ, какъ—видите, довольно остроумный и вѣрный. Съ той и другой стороны извлекается сила, которая приноситъ пользу посреднику...

Понятно, что желаніе захватить такое завидное, хотя и двусмысленное, положеніе, не могло исчезнуть въ князь Тенгизъ Дадишкеліани, ради того лишь обстоятельства, что его одолѣлъ представитель старшей линіи. Князь Тенгизъ, побѣжденный у себя дома, принялся искать опоры внѣ Сванетіи, Онъ нашель ее въ добродушной наивности двухъ нашихъ ученыхъ—въ покойныхъ Усларѣ и Бартоломеѣ, путешествовавшихъ по Сванетіи съ научными цѣлями около половины пятидесятихъ годовъ *).

---

*) Покойный Бартоломей былъ нумизматъ и археологъ, а покойный Усларъ—филологъ. Оба они странствовали по Сванетіи, будучи еще въ штабьофицерскихъ чинахъ.

вориль имъ такихъ ужасовъ о своемъ противникѣ, что, по возвращеніи въ Кутаисъ, наши ученые убѣдили бывшаго кутаискаго генераль-губернатора, князя Гагарина, выслать князя Константина Дадишкеліани съ его братьями за предѣлы Закавказья. Эта мѣра начала приводиться въ исполненіе. Братья князя Константина были высланы въ отдаленныя губерніи, а самъ Константинъ вытребованъ въ Кутаисъ, гдѣ ему объявили прямо, что онъ немедленно долженъ ѣхать въ Оренбургъ и немедленно же обязанъ „снять оружіе“. На просьбы—дозволить проститься съ сыномъ, жившимъ въ Кутаисѣ же, если не со всѣмъ семействомъ, проживавшимъ въ Сванетіи, онъ получилъ Отказъ. Когда же казаку приказано было снять оружіе съ князя Константина, князь Константинъ, прилававшій этому акту черезчуръ преувеличенное значеніе и смотревшій на снятіе оружія, какъ на позоръ (такъ смотрять на это всѣ въ Сванетіи и даже въ Имеретіи), бросился на князя Гагарина и ранилъ его смертельно. Той же участи подверглись: переводчикъ генераль-губернатора Ардишвили и чиновникъ особыхъ порученій Ильинъ. За это преступленіе князь Константинъ былъ преданъ военному суду (въ званіи ротмистра гвардіи) по полевымъ законамъ, и разстрѣлянъ въ городѣ Кутаисѣ, въ октябрѣ 1857 г. Всѣ его имѣнія въ Сванетіи были отобраны въ казну и все его семейство выслано изъ предѣловъ кавказскаго намѣстничества.

Такимъ образомъ, князь Тенгизъ остался, фактически, властителемъ Сванетіи. Онъ не былъ признанъ владѣтельнымъ княземъ, но на дѣлѣ пользовался и пользуется всѣми атрибутами этого сана, хо-

тя въ служебной іерархіи онъ числится лишь „помощникомъ сванетскаго пристава“, т. е. чѣмъ-то въ родѣ полицейскаго субъалтернъофицера.

Съ этихъ поръ князь Тенгизъ основаль свою политику на слѣдующемъ расчетѣ. Онъ является послушнымъ исполнителемъ всѣхъ тѣхъ требованій мѣстной администраціи, которыя предъявляются ему формально. Выставляя себя послушнымъ подвластнымъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, старается дѣлать рѣшительно все, чтобъ убѣдить правительство въ невозможности управиться съ такимъ „дикимъ“ народомъ, какъ сваны. Доказавъ фактами, какъ трудно чиновникамъ ладить съ сванами, онъ является въ послѣднюю минуту затрудненія, и, подобно *Deus ex machina*, устраняетъ всѣ затрудненія, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Рядомъ такихъ рельефныхъ, но кровавыхъ и дорогихъ доказательствъ, онъ желаетъ убѣдить правительство, что лучше всего было бы передать власть ему, князю Тенгизу, а онъ, тогда, съумѣетъ исполнить приказанія правительства получше убитыхъ сванами администраторовъ.

Изъ словъ какъ мѣстныхъ жителей, такъ и всѣхъ представителей власти, очевидно, что князь Тенгизъ, во время столкновеній, держитъ себя пассивно, показывая мѣстнымъ жителямъ видъ, что онъ на ихъ сторонѣ и лишь вынужденъ исполнять требованія высшей власти. Онъ, молча и пассивно, стоитъ въ нашемъ лагерѣ, пока власть не дастъ ему формальнаго приказанія, пока отъ него не потребуютъ, чтобъ онъ вступилъ въ переговоры или сдѣлалъ тотъ или другой шагъ. Тогда онъ подходитъ къ сопротивляющимся сванамъ, и тѣ почти мгновенно исполняютъ то, что

онъ имъ скажетъ. Очевидно, если бы онъ дѣйствительно пользовался авторитетомъ надъ сванами, смирилъ бы ихъ не тогда, когда двинулись войска и когда начала уже проливаться кровь, а раньше, когда возникло недоразумѣніе. Онъ или не имѣетъ силы справиться съ сванами безъ помощи нашего войска, или же ждетъ этого войска, чтобъ взять его въ свидѣтели того, какъ трудно править сванами кому-нибудь иному, кромѣ самого Тенгиза. Повторяю, такое поведение князя Тенгиза могутъ засвидѣтельствовать всѣ, бывшіе въ Сванетіи во время столкновенія нашихъ войскъ съ мѣстными жителями.

Но я имѣю въ рукахъ документъ, свидѣтельствующій объ этой роли князя Тенгиза съ большею еще обстоятельностью.

Въ ноябрѣ 1875 года, вскорѣ послѣ прошлогоднихъ волненій въ Сванетіи, я получилъ отъ одного изъ плѣнныхъ свановъ, Казибулата Шарашидзе, весьма важное описаніе поводовъ этихъ волненій. Я не нашель тогда возможнымъ напечатать это письмо: требовалось собрать справки, удостовѣриться въ основательности сообщеній Казибулата Шарашидзе и т. д. Собравъ эти справки, я могу сказать, что лица, близко знакомыя съ мѣстными обстоятельствами, подтвердили истинность этихъ свѣдѣній. Поэтому, теперь я сдѣлаю нѣсколько выдержекъ изъ этого письма *).

„Въ іюнѣ 1875 года, Тенгизъ, Дадишкеліани (считающійся помощникомъ сванетскаго пристава) объявилъ по Вольной Сванетіи, чтобъ жители произвели

---

*) Письмо писано по-грузински и заключаетъ въ себѣ множество сванскихъ словъ.

измѣреніе своихъ земель, которыя должны отойти въ казну, и чтобъ они дали ему отчетъ о томъ, сколько у каждаго быковъ, коровъ, лошадей, овецъ, свиней, козъ, куръ, собакъ и кошекъ, чтобъ наложить подати на все это. Мы просили Тенгиза, а затѣмъ и пристава умолять за насъ высшихъ начальниковъ, что мы не въ состояніи платить такія подати. Они намъ отвѣтили, что, сверхъ того мы не должны гнать водку и обязаны платить акцизъ съ табака. Мы еще просили, но Тенгизъ сказалъ, что спасенія нѣтъ, а потомъ сказалъ, не дѣлайте (т. е. не платите) того, что мы вамъ объявили: и я, и наша страна будемъ съ вами. Мы собрались изо всѣхъ деревень и хотѣли прислать къ высшему начальнику (вѣроятно депутацію). Тогда Тенгизъ собралъ жителей Нижней Сванетіи (Княжеской), привелъ новыя войска и тѣ, которыя тамъ были, и захотѣлъ воевать съ нами. Мы послали посредниковъ сказать: чего ты отъ насъ хочешь? мы сдѣлали то, что ты сказалъ, мы и не думали измѣнять (Россіи); этого никакъ нельзя.

„Потомъ онъ отрекся отъ своего слова и приставъ сказалъ, что онъ намъ ничего не говорилъ, что мы бунтуемъ. Мы сказали, что желаемъ видѣть высшаго начальника, имѣемъ поговорить съ нимъ. Тогда онъ потребовалъ войска изъ Кутаиса, будто сваны взбунтовались. Войска пришли. Увидѣлъ начальникъ войскъ, что никто изъ насъ противникомъ не былъ. Помогли Богъ ему и губернатору, они поступили хорошо, а то, еслибъ они повѣрили Тенгизу, вся Сванетія должна была уничтожиться. Противникомъ (ослушникомъ власти) никто не былъ. Увидѣли приставъ и Тенгизъ, что ихъ слова не оправдались,

потомъ сказали простому мальчику Эдову Григоліани войти въ крѣпость и выстрѣлить въ войска: не бойся, мы тебя спасемъ и до бѣды не доведемъ. Дали еще 45 руб. Онъ выстрѣлилъ изъ башни“ и т. д.

Считаю неумѣстнымъ прибавлять что-нибудь къ этимъ строкамъ. Скажу только, что письмо это, какъ все вышесказанное, вызываетъ необходимость принятія въ Сванетіи серьезныхъ политическихъ мѣръ.

Возстановленіе, силою оружія, нынѣшняго порядка и повиновенія въ селеніи Калды не должно скрыть отъ серьезныхъ умовъ потребности правильного устройства мѣстной администраціи. Для уничтоженія въ самомъ корнѣ возможности повторенія печальныхъ сценъ 1875 и 1876 годовъ, необходимо положить непроходимую грань честолюбія совершеннѣя ненужныхъ посредниковъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо также поставить мѣстную администрацію на возможной высотѣ. Ввѣривъ административныя должности въ руки людей съ высшимъ образованіемъ, съ испытанною честностью и съ достаточнымъ знаніемъ мѣстныхъ условій, правительство избавится отъ хроническихъ безпорядковъ, вызываемыхъ личностями желающими ловить рыбу въ мутной водѣ и имѣющими возможность дѣлать это, благодаря неподготовленности и недалковидности ближайшихъ представителей администраціи.

(„Голось“ № 293. 1876 г.)
